

А 20-10
219871

Салык Зиманов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ X

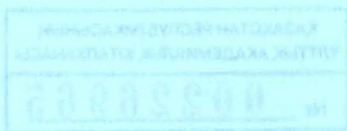
1 2010/21987 к

Медиа-корпорация
«ЗАН»

Салык
ЗИМАНОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ X

Алматы
2009

3 - 62

Салык Зиманов: Полное собрание сочинений. 10 томов.
Алматы. «Медиа-корпорация «ЗАҢ», 2009. X том. - 496 стр.

Руководитель проекта:

Сафинов К.Б., проф., д.ю.н.

ISBN 978-601-7043-01-8

ISBN 978-601-7043-11-7

Десятый том десятитомного собрания сочинений С. Зиманова составляют книги, опубликованные в 2008 году. В книге «Казахский суд биев – уникальная судебная система» рассматриваются обычно-правовые нормы казахов, личность и деятельность биев как отражение летописи народа. Книга «Казахский академический университет и государственно-правовая наука» рассказывает об исследовательских правовых институтах и вузах РК, их борьбе и противоречиях, влиявших на утверждение законности в гражданском обществе Казахстана.

С 1202000000
00 (05) - 09

ББК 67.0

ISBN 978-601-7043-01-8
ISBN 978-601-7043-11-7

© С. Зиманов, 2009
© «Медиа-корпорация «ЗАҢ», 2009

**КАЗАХСКИЙ СУД БИЕВ -
УНИКАЛЬНАЯ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА**

«БИЙ ЕСТЬ ЖИВАЯ ЛЕТОПИСЬ НАРОДА, ЮРИСТ И ЗАКОНОВЕД ЕГО»

Это определение взято из труда российского чиновника по особым поручениям И.А. Козлова, служившего в колониальной администрации в Казахстане (в г. Акмолинске), опубликованного в 1882 году на основе специального изучения обычно-правовых норм и юридических учреждений казахов. Автор вместе с тем указал, что они (бии) отличались «безукоризненной честностью, природным умом».¹ Указанное определение относилось к тем немногим биям-судьям, которые еще и в XIX веке встречались в Степи и оставались верными судебной традиции «Золотого века». Некоторые из них даже пытались возродить славу казахского правосудия в «древней форме». Такой отзыв был всеобщим со стороны тех, кто был знаком с судебно-правовой системой казахов. По мнению исследователя А. Зуева, подготовившего объемную статью более чем на 60 печатных страницах под названием «Киргизский народный суд», казахские бии были «мудрейшими и достойнейшими», что их суд представлял «светлые страницы далекого прошлого, когда в тихом укладе патриархальной жизни он был столь же чист и правдив, как и сама жизнь».² Другой компетентный автор Б.Н. Дельвиг биев именует не иначе, как «единственными хранителями обычного права».³

В данной главе рассказывается о наиболее известных в Великой степи кипчаков казахских биях, живших в XIII–XIX веках и сведения о которых дошли до нас в устно-фольклорной историографии и в записях позднего времени. Среди них нет Толе би, Казыбек би и Айтеке би, живших в XVII и в первой половине XVIII веков и, можно сказать, владевших умами населения всех трех казахских жузов – региональных территорий. О них мы уже рассказывали ранее. По ранним и поздним

---

¹ Козлов И.А. Обычное право киргизов. В кн. «Материалы по казахскому обычному праву». Сб. I, Алма-Ата, 1948, с. 225

² Зуев А. Киргизский народный суд. Журнал Министерства юстиции, СПб, 1867, Т. 3, с. 161-162.

³ Дельвиг Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края. Журнал Министерства юстиции, СПб, 1910, № 5, с. 123.

записям известны сотни имен биев, вошедших в историю национального и регионального правосудия. Среди них имеются глашатаи-судьи, служившие эталонами подражания и примера для остальных биев, пронесшие сквозь толщу времен и веков традиции «Золотого века» законности и справедливости в судах. Вот некоторые из них: Майкы би, Аяз би, Едиге би (из Ногайско-казахской орды), Толе би (Старший жуз), Казыбек би (Средний жуз), Айтеке би (Младший жуз), Тиленши би, Есет би, Анет баба би, Сырым би, Саккулак (внук Богенбай батыра), из местности Ерейментау, Шорман би, Шона би (Баянауыл), Сайдалы би, Аккошкар би (Аргын), Ерден би (Баганалы), Бала би, Доспол би, Актайлак би, Монке би, Байдалы би, Токсаба би и др. Удивительно то, что хотя они жили в разных частях обширной степи казахов-кипчаков, протянувшейся на тысячи километров, в своих аулах и среди своих соплеменников, но известностью многие из них пользовались во всем крае, в жузах и в крупных кочевых объединениях, носивших историческое название родоплеменных структур. Все без исключения казахские биы, независимо от их эпохи и принадлежности к определенным родовым группам, праотцом традиционного казахского правосудия признавали Майкы би, сохраняли по отношению к нему святую верность. Есть полное обоснование считать, что именно в этом – субординированной системе казахского правосудия и права – лежит одна из тайн, объясняющих этническое, языко-культурное и идейно-психологическое единство казахов, разбросанных в разных частях огромной территории Центральной Азии, причем нередко частью и под властью чужеземных правителей, отсутствие явного политического сепаратизма среди них.

Роль и место Майкы би, жившего в XIII–XIV веках в эпоху Чингисхана и при нем, пережившего его, принадлежавшего к одному из тюркских древних родов, впоследствии составивших казахскую государственность, выражены в кратких и содержательно емких формулах, ставших девизами казахского традиционного правосудия: «Түгел сөздің түбі бір, түп атасы Майқы би» – «Прародителем, основоположником словесности и убедительности суда является Майкы би». Ему приписывают установления, равные по значению к целому правовому и

политическому уложению: «Әдет – әдет емес, жөн – әдет» – «В обычаях ценны не нормы обычаев, а ценен праведный путь», «Тіл жүйрік емес, шын жүйрік» – «Красноречие ценно, если в нем торжествует истина», «Кеңесші ел – кемімес». – «Сообщество (страна), прислушивающееся к голосу советников (народа), приобретает от этого только силу», «Хан атаулының қазығы – қара бұқараның азығы» – «Опора ханской власти – в благополучии подданных».

Толе би из Старшего жуза, проживший, по некоторым данным, 93 года (1663 г. рождения), прозванный «старшим и почетным бием» во всей Казахской степи, с девяти лет начал участвовать в бийских судах, а в 15 лет уже приобрел известность бия-судьи в своем округе. Исследователи наследия Толе би приписывают ему выражения: «Елге бай құт емес, би құт» – «Не богатые украшают народ, а би есть настоящее богатство»; «Қабырғадан қар жауса – атан менен нарға күш, ел шетіне жау келсе – қабырғалы биге күш»,¹ дословно – «Внезапно выпавший в степи глубокий снег – это испытание для отборных верблюдов, а если появится иноземный враг – это испытание для именитых биев».

Казыбеку би (1677–1763) из Среднего жуза, считающемуся «законодателем» в истории казахского права, принадлежит ряд нормативно-прецедентных установлений. Ему принадлежит изречение: «Ана – баласының қызғышы, өзін қиса да оны от пен өлімге қимайды» – «Мать, как преданная потомству птица, скорее погибнет первой, чем предаст свое дитя огню и смерти». Рассказывают, что происхождению этой установки – нормативного принципа предшествовал такой случай: к нему явились на суд две женщины, рыдая, оспаривая каждая свое право на ребенка. Одна говорила, что она потеряла ребенка и теперь его нашла, но ей его не возвращают. Другая говорила: ребенок принадлежит ей, она сама родила, и он ее кровный. Казыбек би, выслушав их, после некоторого раздумья велел слуге взять ребенка на руки и сказал матерям: «Я во имя Тенгри (всевышнего) разрублю ребенка пополам и каждой из вас в том мире достанется его половина и присоединитесь к нему». Вытащив саблю, би стал заносить ее над ребенком, и в

¹ Төрекұлов Н. Төле би. Алматы, 1992 ж.

это время одна из женщин заговорила: «Пусть достанется мне половина моего ребенка, я со временем буду с ним». А другая, рыдая, упала к ногам бия: «Ойбай, би, умоляю, не делай этого, сохрани ребенку жизнь – где бы он ни был – был бы только жив». Казыбек би отдал невредимого ребенка последней, обосновав свое решение: «Мать, как преданная потомству птица, скорее погибнет первой, чем предаст свое дитя огню и смерти».

Прославленному бию из Младшего жуза Айтеке би (1681 – 1766) приписывают нормативную установку: «Көрген алмайды, білген алады» – «Берет (похищает) не тот, кто увидел, а тот, кто знал». Рождению этого суждения послужил следующий случай: явились к нему на суд двое, оспаривавшие друг у друга лисицу. Один говорил, что он стерег ее с самого начала лета, дожидаясь пока у лисицы вырастет к зиме густой мех. А другой утверждал, что он выследил лисицу, когда она рыла себе нору, а потом раскопал нору и поймал ее. Решение Айтеке би гласило: если лисица самка, то она принадлежит второму, а если самец, то она достанется первому. Только лисица-самка устраивается в нору в это время, а самец бродит по степи. Говорят, спорящие стороны были восхищены знаниями и обоснованностью решения Айтеке би и мирно разошлись. В качестве судебного прецедента утвердилось правило: «Көрген алмайды, білген алады» – «Берет не тот, кто увидел, а тот, кто знал».

II

Казахский суд в «древней форме» может быть понят и осмыслен как явление, рожденное и получившее последовательное развитие в эпоху и в рамках кочевой цивилизации, которую прошел и пережил в своей длительной истории казахский народ. По меткому выражению выдающегося национального историка Манаша Козыбаева, «Қазақ шын мәнісінде дала перзенті еді...» – «В подлинном смысле казахи были истинными сыновьями Великой степи».¹ Казахи сами именовали свою государственность и себя «рожденными на кочевом пространстве» – «Киіз туырлықты қазақ хандығы» – дословно – «Ханство в кошменных юртах». Этот суд в «древней форме» был правосудием и народным судом одновременно. Он осуществлялся на динамичном правовом поле, основанном преимущественно на институциональных нормативных установлениях традиций и обычаев, имевших универсальное значение, а также на властных нормативных установлениях, продиктованных временными общенациональными интересами и свободных от кастовых, классовых и местных притязаний. Суд выносился не от имени рода, территории и региона, а судьей-бием, нейтральным и независимым, представлявшим в своем лице не столько себя, сколько общество. Поведенческая установка для бия-судьи, утвердившаяся в казахском праве, как правило, выраженная в кратких выразительных изречениях-формулах, имела и моральную, и императивную силу. Ее основная норма гласила: «Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» – «У беспристрастного бия не бывает на суде «своих» и «не своих», а если он обзавелся ими, то он теряет святость своего сана»; в дополнение к ней: «Туғанына бұрғаны – биді Құдай ұрғаны» – «Судья, принявший сторону своего ближнего, – это измена перед Всевышним». Другая важная особенность казахского бийского суда – это его духовность, то есть признание примата духовного содержания рассматриваемого дела перед его материально-предметным содержанием, с одной стороны, и руководство моральными

---

¹ Козыбаев М.К. Ежелден бірлікті ансаған. Егемен Қазақстан, 1993 ж., 19 маусым.

принципами «совестливости», с другой. На фронте памяти народной постоянную ценность имели слова: «Ханда қырық кісінің ақылы бар, биде қырық кісінің білімі мен ары бар» – «У властелина-хана ум сорока людей, а у бия – знание и совесть сорока людей», «Бай мал сақтайды, би ар сақтайды» – «Богач думает и заботится о своем богатстве скотом, а би является хранителем совести». Эти и другие им подобные нормативно-моральные принципы отложились в мозгу и в сердце бия в эпоху «Золотого века» правосудия как его естественное состояние. Знаменитый Айтеке би (1681 – 1766) в завещание потомкам передал: «Менің өмірім өзгенікі, өлім ғана өзімдікі болды» – «Моя жизнь принадлежит народу, а мне принадлежит только моя собственная смерть».

Казахский суд решал споры и разногласия, с которыми обращались к нему стороны, исходя из важности обеспечения примирения сторон и мира между ними, единения и обеспечения единства внутри и в сферах общежития, исходя из необходимости искоренения не столько личных, сколько пороков общественного значения. Именно эти далеко непростые задачи суда по необходимости требовали того, чтобы бии-судьи учились в школах степных мудрецов, были учеными (не по книгам, а от жизни), прошли испытательные этапы перед старшим поколением, мудрейшими, обладали красноречием и логикой суждения, а также были знатоками казахского права. Только в таком виде бийский суд создавал вокруг себя и в свою эпоху ореол «Золотого века» законности и правосудия в Великой степи казахов. И в середине XIX века эти черты казахского суда сохранились как в памяти народной, так и в реальной жизни – на отдельных участках судебно-правовой сферы. Об этом свидетельствуют памятные записки и высказывания самих казахов их образованной части, живших в прошлых веках. Из числа европейцев первенствуют русские образованные чиновники, служившие в колониальной администрации Оренбурга, Омска, Ташкента, не раз выполнявшие специальные задания российского правительства по изучению обычно-правовой организации казахов кочевых и полукочевых областей. Они были почти единодушны в том, что казахское право было с «народными юридическими обычаями», а

бии-судьи не только вершили суд, вместе с тем «они создали своего рода законодательство». По их высказываниям, этот суд был «гласный, публичный, совестливый и мировой», а сам процесс суда и его решения выносились «на справедливых началах» (Л.Ф. Баллюзек, К.И. Козлов, Д'Андре и др.). «В отношении справедливости суда киргизы (казахи) очень требовательны... Справедливость – присутствие ее всего важнее» (А. Крахалев).

III

Казахские бии-судьи по своим функциям и правосудным достоинствам существенно отличались от биев, беев-беков в других этнических регионах – ханствах Центральной Азии. Выделение казахских биев-судей от общей социальной массы, в том числе от правящего класса обширного тюркоязычного пространства произошло в условиях своеобразия казахско-кипчакской кочевой цивилизации. Несмотря на общность на исходном пороге исторического формирования, по мере утверждения и углубления корней кочевой цивилизации на древней земле казахов, занявших по времени многократно больше веков, чем в других этноплеменных территориях Центральной Азии, произошло выделение казахских биев из среды своих прототипов. Развитие института биев-судей в Великой степи казахов-кипчаков шло по другому пути, чем в других частях Центрально-Азиатского региона. За казахскими биями сохранились преимущественно судебные функции, а за служителями суда в других соседних тюркских землях – административные и совещательные функции при правителях. Казахские бии формировались как образованнейшая и ученая «по степному образцу» прослойка, освоившая знания и мудрость поколений в области судебно-правового управления кочевым и полукочевым сообществом. Усвоение нормативного богатства обычного права и умение гибкого его применения, основанного на разуме и разумных соображениях, владение красноречием как средством судебного обсуждения и умение быть вместе с аудиторией в плане выражения ее исторического менталитета, уровня мышления и настроений являлись главными критериями для «аттестации» судей-биев. Еще в 1820 году один из известных и наблюдательных исследователей казахского права Д. Самоквасов, хорошо знакомый с русской и европейской судебной системой, писал, исходя из своего видения, что «звание бия в сознании народном принадлежит тем немногим, которые соединяют в себе глубокие познания в коренных обычаях народа и в исторических о них

преданиях».¹ В 1920 – 30 гг. выдающийся деятель национальной культуры С. Сейфуллин, воспитанный в традициях Степного края на рубеже XIX и XX веков, наиболее полно описал натуру и особенности судьи-бия, формировавшегося на менталитете земли казахов. Он утверждал: «Елдің ескіліктен екшеліп келе жатқан жол-жоба, салт, заң ережелерін, дәстүр жинақтарын, бұрынғылардың шежіресін, өнегелі, үлгілі сөздерін жадына көп тоқып, жатқа айтуға ұстанған, билігі жүрген ру басылардан көсем шыққан, өздері де тұрмыстан туған қорытынды сөздерді әдемілеп жұптап, ұйқастырып айта алатындай болған шешендер – би атанған»² – «Бием становились те, которые были предельно преданы завещаниям и наследию мудрых предков, освоили прошедшие историческую селекцию древние правила и нормы обычаев и традиций, законов – ереже и прецедентные судебные решения, высказывания и суждения мудрецов, знали их наизусть и обладали даром красноречия».

Роль и место казахского бия-судьи в «древней форме» отразились в кратких и выразительных, в то же время емких по содержанию формулах-выражениях: «Биі жақсының елі жақсы» – «У достойного бия – добрый мир в его сообществе», «Батыр елін жауға бермейді, би елін дауға бермейді» – «Храбрый воин не даст врагам топтать свою землю, а би не даст распространяться конфликтам в народе».

Исследователи богатого устного народного творчества казахов сходятся в том, что понятия «би» и «оратор» на территории Великой степи казахов формировались и означали одно-смысловые выражения, синонимы. Под бием понимали оратора, а хорошего оратора воспринимали как бия. Причем судебное «ораторство» у казахов было не столько красноречием вообще и формой речи, сколько оно вместе с тем носило доказательную силу и содержательно-смысловую нагрузку. Это выразилось в установочных изречениях: «Сөз тапқанға қолқа жок» – «Первенствует тот, кто находчив в выразительности». За одним из выдающихся биев XVIII века – Казыбеком би за-

¹ Самоквасов Д. Сборник обычного права Сибирских инородцев. Варшава, 1876, стр. 46.

² Сейфуллин С. Қазақ әдебиеті. Қызылорда, 1932, 34-бет.

крепился титул «Ағын судай әйгілі шешен» – «Его красноречие было подобно бурлящему потоку водопада». По мнению одного из известных исследователей Б. Адамбаева, понятие «шешен-оратор» стало выделяться из словарного состава казахов со времени Жиренше-шешена (примерно XV–XVI века). Он писал: «Би» мен «шешен» деген атаулар тіпті революцияға дейін қатар қолданылып, кейде бірін-бірі ауыстырып келгені кездейсоқ емес» – «Не является случайностью то, что вплоть до революции (т. е. до 1917 года – С.З.) «би» и «оратор» применялись как односмысловые понятия, не параллельные, а как единые».¹

В специальной литературе утвердилось с небольшими от-тенками мнение о том, что слово «би» имеет тюркское происхождение, означало важный должностной титул при восточных правителях – ханах, султанах или на автономной территории. Оно имело транскрипции на разных этапах истории у разных тюркских народов «бек», «бей», «би». Всюду под ним понимали «власть», «властвующую особу» – «билік», «билеу», как правило, в роли советника или идеолога, консультанта или доверенного лица по особым поручениям при правителях государств и земель, редко когда бек-би выдвигался на первый план в системе управления страной.

Казахское слово «би» своим первопроисхождением, несомненно, связано с общим тюркским наименованием, носит в себе элементы «власти». Оно сохранило значение терминологического символа. В остальном оно как специально-содержательное понятие отличалось от остальных синонимов. Понятие «би» в казахских ордах, ханствах, жузах и родовых объединениях, считавшихся наследными землями казахов-кипчаков, или Великой степи Центральной Азии, для которых преобладающим был кочевой способ производства и воспроизводства, постепенно принимало другое содержание и развилось преимущественно в судебную функцию. Би выделились в особую группу людей, больше связанных с правосудием. В тех исторических степных условиях судебная власть имела двойное назначение – отправление правосудия и нормотворческое. Казахские би

---

¹ Казактың ата заңдары (Древний мир права казахов), Алматы, т. 2, 2003, с. 43.

были и судьями, и законодателями. В этом состоит коренное отличие казахских биев от беков-биев в других тюркоязычных ближних и дальних странах. Бийская правовая ноша была не проста. Кроме историко-правового знания бий-судья должен был овладеть действующей системой права в Степи. Добиться этого было непросто. Нормативная система казахского права имела три важных пласта: а) основные обычно-правовые институты и нормативные установки, выраженные в кратких и емких формулах, они имеют сквозной и несущий характер; б) малые и большие нормативно-правовые уложения, вошедшие в казахское право под именами ханов и биев, при которых они составлены. Таковыми являются: «Жеті Жарғы» Тауке хана – «Семь уложений Тауке хана», уложение Касым хана, прозванное «Қасым ханның қасқа жолы» – «Ясный путь хана Касыма», уложение Есим хана – «Есім ханның ескі жолы» – «Исконный путь Есим хана»; в) судебные прецеденты – постановления известных биев, ставшие популярными, как именные, так и безымянные, часто называемые «Атадан қалған үлгі», «Биден қалған жол өнеге, жол жоралғы сөз» – «Завещанное наследие предков», «Словоназидание [такого-то] бия». Каждое из них сформулировано, как правило, в легких и изящных, но содержательных и кратких изречениях.

IV

Судебная система в Казахстане, в отличие от стран и отдельных центральноазиатских земель, в которых преобладала земледельческая или городская культура и связанные с нею нормы права, в том числе и нормы исламского права, была светской и ментальной, пользовалась большим влиянием на общегражданскую власть, в том числе на гражданско-династическую власть государей и правителей, нередко делила верховное управление с ними. «Золотой век» правосудия и законности, составлявший целую эпоху в исторических судьбах казахского народа и его государственности, олицетворяет во многом естественное состояние общества, при котором судебно-правовые отношения в своем развитии поднялись до уровня общенациональной ценности.

Формировалась и существовала целая система принципов и требований, которыми определялись судебно-правовая власть и ответственность ее носителей на древней земле казахов. В них приоритетными были морально-нравственные критерии. Они, как правило, принимали формы крылатых изречений и афоризмов, стилизованных и удобных для запоминания, служащих насыщению духовно-художественного воспитания, становления человека и личности.

Судопроизводство в бийских судах было скорым, прозрачным и гибким, но происходило в определенных рамках традиционных правил и обычно-правового поля, с самого начала демонстрирующих народность, и форм ведения и ответственности сторон – участников суда в плане неременного признания решения суда и его исполнение. Судопроизводство и его формы были просты, понятны, в определенном смысле даже вольны, но в то же время судебная «игра» строилась на основных регламентирующих и признанных правилах. Важное значение придавалось досудебной подготовке и начальному ритуалу суда, как бы снимающим напряжение и чувство недоверия к суду. Различались две основные формы судопроизводства. Когда инициатива обращения к суду бия всецело принадлежала самим его участникам – сторонам спора и, наоборот, когда инициатором открытия судебного разбирательства являлся

сам суд – би, принявший к своему производству жалобу и иск одной из сторон. В зависимости от сложности, давности и экстренности дел суд мог быть единоличным или коллегиальным – из нескольких биев, беспристрастие и авторитет которых не вызывали сомнения. При этом защита одним из биев интересов и претензий своих одноаульцев и сородичей являлась обычным делом, не препятствующим его лояльности при вынесении решения суда с его участием.

Традиционно в судебном процессуальном праве были приняты две символические формы начала процесса, свидетельствующие о том, что стороны – его участники (или участник)веряют судьбу дела и его решение данному суду (судье). Они не были простой формальностью, наоборот, носили обязательственный характер. Одна форма именовалась «жүгініс», т. е. принятие определенной сидящей позы субъектом судебного процесса в качестве обвиняемого («жауапкер») или истца («талапкер»). Она применялась в ординарных, несложных и обыденных делах. Другая форма применялась, как правило, в групповых делах, в которых участвовали представительства сторон, т. е. свои бии – их защитники. В этих случаях руководители сторон кладут перед судом свои камчи – плети или снимают с себя «белбеу» – верхний пояс вместо камчи. Это означало, что стороны готовы к участию в суде и признают его решение. Несмотря порою на накал и страстность, словесную красочность в прениях между представителями сторон, как правило, защищающих и отстаивающих не столько индивидуальные интересы потерпевшего или обвиняемого, сколько честь и позицию аульно-родовых коллективов, к которым они принадлежат, в центре судебного разбирательства всегда находились и доказывание, и оценка деяния, ставшего предметом рассмотрения, в контексте достижения обоюдного мира сторонами. В случае определенности противоправного акта, но явной неопределенности виновности лица (лиц) в его совершении, суд прибегал к «принесению клятвы» лицами с уважительными репутациями. Исполнение судебного решения возлагалось на самого потерпевшего или потерпевшую сторону («талапкера», «даугера»). Согласно господствующему мнению, в кочевом обществе казахов персональная винов-

ность воспринималось как виновность сообщества, коллектива, членом которого являлся виновный. Поэтому обеспечение исполнения решения бийского суда становилось коллективной обязанностью. В случае срыва исполнения судебного решения потерпевший (потерпевшая сторона) получал право на «барымту» – угон скота, главным образом, лошадей виновной стороны.

Судопроизводство в казахском праве в «древней форме» было больше похоже на искусство, особой его формы. Состязательность в судебном процессе нередко превращалась в состязание сторон в доказательном красноречии и остроумии, основанном на исторических параллелях и прецедентах со ссылкой на авторитеты прошлых веков. Отсюда и многолюдность судебного слушания, собиравшего немало любопытных, особенно тогда, когда сходились известные бии разных родовых групп и регионов, прозванных «От ауызды, орак тілді» – малодоступный переводу оборот, а смысл: «Говорящий бурно и ярко, подобно буре огня, владеющий разящей, как стрела, речью». Среди биев к середине XIX века еще встречались, хотя редко, такие верные старой традиции, о которых говорили, что только они умеют и способны распутывать давние крупные споры и найти единственно приемлемые для сторон решения. Одним из таких биев первой половины XIX века, например, был Шанки би (1811 года рождения), сын батыра Мендеке из рода Канжигалы в Среднем жузе. О нем говорили, что он был и остался в жизни преданным истине беспристрастности и исповедывал четыре принципа: «Адал еңбек, таза кәсіп, терек ой, әділдік» – «Честный труд, бескорыстная деятельность, глубокий ум, справедливость». Его современник, не менее популярный Саккулак би так отзывался о нем: «Бұндай шешендік қасиет мен білетін ешкімде де жоқ. Ол сөз ақыны, оның адалдық, әділеттен басқа жолы жоқ еді» – «Я не знаю никого, кто сравнился бы с ним талантом красноречия. Он был поэтом, в жизни не знал другого принципа, кроме честности и справедливости».¹ Одним из последних представителей таких биев второй половины XIX века был легендарный Абай, сын Кунанбая.

---

¹ Баталов Г. Шәңкі би // Қазақ әдебиеті, 1993, № 8..

КАЗАХСКИЙ СУД БИЕВ – ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ

В начале 2007 года состоялся диалог между мною и моим давним знакомым, благожелательным коллегой, профессором права, работающим заведующим отделом в одном московском исследовательском институте. Он известный специалист по государственному праву. Я сообщил ему, что в г. Алматы собираемся в 2008 году провести международную научную конференцию с постановкой проблемы «Казахский суд биев – уникальная судебная система». Он был в курсе нашей работы, проводимой за последние 10 лет под моим руководством над исследовательским проектом «Қазақтың ата заңдары» – «Древний мир права казахов» в 10 томах, и о том, что из них восемь томов уже изданы, а оставшиеся два тома будут изданы в 2007-2008 годах. Он сказал:

– Я понимаю так, что вы хотите представить ученой обществу суд биев, существовавший в средние века в Казахстане, как культурную ценность национального значения?

– Догадались, – ответил я, – наши разработки и исследования убедили нас в оригинальности казахской системы права «Жарғы», наиболее ценностные черты которой в контексте человеческих измерений воплотились в суде биев.

– Это очень серьезная и очень ответственная постановка. Многие ученые, и не только юристы, будут относиться критически к такой постановке. Нужны будут убедительные факты, а главное – их анализы и фундаментальные обоснования основного вашего тезиса, – посетовал мой коллега.

– Наша постановка на данном этапе о масштабной значимости казахского суда биев носит характер концептуальной научной гипотезы, выносимой на открытое публичное обсуждение и для обмена мнениями среди специалистов вокруг этой проблемы. Разумеется, мы идем на это, как нам представляется, с основательными доводами и доказательствами, – сообщил я.

Мой коллега предостерег меня словами:

– Свыше двадцати лучших юристов Рима в свое время потратили более двух веков, чтобы сформировать и разработать систему римского права как уникальной правовой системы с

утонченными понятиями и с отраслевой классификацией права. Вы только начинаете это дело с гораздо меньшими силами, да и в переходный период, когда мы еще не освободились от «классовых» подходов к историческому наследию.

Я объяснил:

– Мы не собираемся сравнивать систему права «Жарғы» казахского средневекового кочевого общества с системой римского права. Качественные и формальные различия между ними огромны, возможно, и несопоставимы. Однако казахский суд биев как судебная власть настолько продвинул и системен, что свою «разработку» этот суд содержит в самом себе. Вовсе не нужно заниматься сочинительством и выдумывать какие-то новые факты, неизвестные суду. Их надо освободить от вековых руин, очистить от наслоений и воссоздать суд биев в своей естественности. Римские юристы разрабатывали правовые понятия, адекватные огромной, нередко и партикулярной, но и ценной правовой практике, накопленной по ходу многовекторного развития отношений изначальных форм частной собственности. По-другому обстояло дело в системе отношений о месте и статусе, о принципах и задачах деятельности судов биев. Понятия о них уже были разработаны общественным сознанием и «навязаны» судам биев как условие их бытия и деятельности. А что касается того, что усилиями римских юристов были введены в право отчеканенные, точные формулировки правовых норм и понятий, то следует иметь в виду, что казахское судебное право состояло из весьма тонких и кратких, содержательных и рифмованных установочно-правовых норм и понятий, удобных для запоминания и применения и в то же время не оставляющих места отступлению от них. Все это в определенной степени облегчает научную разработку проблемы о казахском суде биев.

Под конец беседы-диалога мой коллега спросил:

– В чем вы видите различия понятий и бытия суда биев в правовом плане от правосудия, предписанного римской системой права?

– В основе природы суда биев и тех норм и понятий, определявших его деятельность и предназначение, лежали преимущественно ценностные нравственные нормы, предписывающие

решать споры больше в контексте содействия формам жизни более человечной и мирной, исходя из понятий справедливости и беспристрастности судей, об их верности идеалам стабильности и единства этнокультурного социума. Понятия вещи и богатства ставились в казахском праве «Жарғы» и на суде биев на второй план после понятий о моральных основах самой жизни. Суд биев был более нравственный и более демократичный, а следовательно – и более народный. В этом плане суд биев был судебной системой общецивилизационного значения.

I

Постороннему и неосведомленному трудно поверить, что суд биев, более основанный на принципах высокой морали, мог формироваться и существовать в кочевом обществе казахов, считавшемся средневековым и пастушеским. Русский ученый-востоковед, профессор В.В. Григорьев, один из авторитетных исследователей истории, жизни и быта кочевых казахов, со знанием утверждал, что такое представление является заблуждением, и писал, имея в виду казахов: «Кочевой быт считают обыкновенно несовместимым с каким-либо значительным развитием экономическим и интеллектуальным. Но это едва ли основательно».¹ По его мнению, пристальное изучение жизни казахов убеждает о наличии в ней нередко «замечательных явлений».

Обратимся теперь к имеющимся историческим литературным источникам. Заметим, что изучение Степного края началось поздно, только с начала XIX века, и относится к периоду его колонизации Россией. Русским ученым принадлежит приоритет в изучении средневековой политико-правовой истории казахского общества. В их трудах и описаниях встречаются места о «Золотом веке» законности и правосудия, о «светлых днях правосудия» в истории казахов. В числе первых исследователей истории Казахстана был А.И. Левшин. Он, будучи ученым-востоковедом, специально занимался сбором, изучением и анализом материалов, относящихся к истории и положению Казахстана. С этой целью он работал в Азиатских архивах Петербурга и Москвы, знакомился с текущими материалами, докладами и описаниями должностных лиц и представителей царского правительства, побывавших в «Степном киргизском крае», как тогда именовали Казахию. Он выезжал на места, побывал в одном из центров управления казахской Степью в г. Оренбурге, в сопровождении чиновников посетил кочевые стойбища ряда родов и аулов западной части Казахстана, завел близкое знакомство с рядом правителей и знатоков традиций, обычаев и истории местного народа. Это были 20-е годы XIX века. Итоги большой работы им опубликованы

---

¹ Григорьев В.В. О скифском народе саках. СПб. 1877, с. 63.

в труде «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей», в 3 частях, в Санкт-Петербурге, в 1832 году. Этот труд принес ему мировую славу. Следует отметить, что А.И. Левшин придерживался общеевропейской и общерусской концепции об отсталости Казахского края и патриархальности быта его населения – кочевников. Однако это не мешало ему видеть и выделить некоторые особые приметы во внутреннем устройстве и в жизни казахов-кочевников, представлявшие незаурядные явления. К ним он отнес законность и правосудие, каким-то непонятным для него образом, достигшие в прежние времена, как он отмечал, «замечательного» уровня. Вот что он писал: «Было время, говорят благоразумнейшие из киргизов Меньшей орды, когда и наш народ жил в покое, было время, когда и у нас существовал порядок, были законы и правосудие. Сей Золотой век, о котором вспоминают они со вздохами, есть царствование знаменитого хана Тявки (Тауке, 1680 – 1718 гг. – период его ханства. – С.З.), который, если верить преданиям, был действительно в своем роде гений, и в летописях казахских должен стоять наряду с Соломонами и Ликургами... Киргизы Большой и Средней Орд утверждают, что народные законы их гораздо древнее Тявки».

Упомянутый нами профессор В.В. Григорьев, которого современные исследователи считают наиболее компетентным исследователем ряда аспектов политической и культурной истории Казахстана, в своих трудах неоднократно возвращался к суду биев. В исследованиях он полагался не только на собрание архивных материалов в центральных государственных учреждениях Российского государства. В середине XIX века он около десяти лет возглавлял в г. Оренбурге царскую администрацию по управлению Западной частью Казахстана (состоял председателем Оренбургской пограничной комиссии – так именовалось в то время это управление). Он овладел казахским языком, систематически общался со знатью и бывал в глубине степных регионов, и что наиболее важно, питал беспристрастное и уважительное отношение к кочевому быту, образу жизни и убеждениям местного населения. Можно утверждать, что Григорьев был глубок в познании и аналитическом обобщении политической и общественной организации

внутренней жизни кочевников. Он был в курсе западных и российских публикаций, посвященных описанию восточной части Дешт-и-Кипчака – трех казахских жузов, – и критически относился к ним. В одной из своих работ, опубликованной после оставления государственной службы в Казахстане и когда автор занялся больше исследовательской работой, посвященной сравнительному анализу истории восточно-тюркских народов, и имея в виду при этом казахское общество, писал: «У киргизов (казахов. – С.З.) такое превосходное судопроизводство и такие порядки следственного и судебного процесса, каким могут позавидовать многие издавна цивилизовавшиеся народы».¹

В этом же ключе писал и другой видный русский исследователь Л.А. Словохотов, много лет служивший в царской администрации в Казахстане, прекрасно владевший местным языком и скрупулезно изучавший быт, нравы кочевого народа, внутреннее управление и социальное устройство Степного края. Он считался высококомпетентным чиновником в казахских делах, написал специальную работу о правосудии в Казахии. По его мнению, многие опубликованные русскими авторами работы о законах в степи и бийских судах поверхностны и часто искажают действительность. Они написаны, по его словам, «в большинстве случаев прямо от руки, под первым непосредственным впечатлением. Эти труды сильно грешат субъективизмом оценки, что придает им характер скорее авантюризма, чем серьезной научной работы».² Он дает весьма лестную характеристику судам биев, отчасти продолжавшим функционировать в кочевых регионах Казахстана даже в условиях русской его колонизации и введения ею новой системы чиновничьего суда. Ученый считал суд биев «оригинальным» и «народным» в том плане, что был близок, понятен и полезен народу, носил не обвинительный, а состязательный характер. «Народное судопроизводство киргизов (казахов. - С.З.), – указывал он, – гласно, публично, несложно, непродолжительно. Долгими годами своей жизни народ

---

¹ Григорьев В.В. О скифском народе саках. СПб, 1871, с. 63.

² Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой орды // Труды ургской ученой архивной комиссии. Вып. XV, Оренбург, 1905, с. 24.

выработал своеобразную, но вполне понятную ему структуру судебных процессов, обойдя столь вредный бюрократический элемент». Правосудие в Степном крае, отправляемое биями, как автор считает, это «любимая народом и следовательно действительная судебная власть».¹ Часто бывая в Степи, он записывал рассказы, былины и воспоминания старцев и знатоков о годах и событиях минувшей истории вообще, о суде и законности в особенности. Особое внимание он уделял судам биев: «Прислушайтесь, как киргиз (казах. - С.З.) поет про былые дни своей юрисдикции, помните, как тоскует его душа по утрате светлых дней народного правосудия»². Все это почти совпадает с записями профессора В.В. Григорьева, писавшего о том, что в одной казахской легенде, передаваемой из поколения в поколение, которую из уст местного аксакала записал он, есть строки о том, что было в прошлые годы: «Когда бии, как ангелы, степь исходили и суд и расправу повсюду чинили, добро водворяя».³

С середины, а в особенности с 70-х годов XIX века русское правительство, движимое интересами всесторонней колонизации Казахского края, перешло к активному его изучению, придавая особое значение вопросам внутреннего управления, правопорядка и судоустройству. Надо отдать должное тому, что среди царских чиновников, работавших не один год в органах колониальной администрации и привлеченных для выполнения ее задач, были довольно умные, компетентные деятели. Они докладывали по инстанции и писали о том, что управление в Казахской степи в большей части свернуто к правосудию, отправляемому биями, и оно представляет наиболее устойчивую структуру в общественной и политической жизни казахов, веками утвердившуюся в ней как символ власти и народности. Они полагали, что, не ослабив, не реформировав и не разрушив правосудие биев, нельзя будет успешно вводить в Степи на его место новую систему управления, выгодную для колониальных властей и полностью подчиненную им. Один

---

¹ Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой орды// Труды ургской ученой архивной комиссии. Вып. XV, Оренбург, 1905, с. 80-81.

² Там же, с. 146.

³ Григорьев В.В. О скифском народе саках. СПб, 1871, с. 63.

из них – И.А. Козлов, служивший в Акмолинском областном правлении, в докладной записке писал: «Прежде всего киргизский (казахский. – С.З.) суд – народный суд, понимаемый в том смысле, 1) что решения его основываются на народных юридических обычаях и 2) что органы его – бии выбираются народом из своей среды. В сознании народном звание бия принадлежит тем немногим, которые, отличаясь безукоризненной честностью, с природным умом соединяют глубокие познания в коренных обычаях народа».¹ Другой осведомленный чиновник Г. Загряжский, после пятилетней службы в администрации Туркестанского края, так подытожил свое видение по поводу правосудия биев в Казахской степи: «Киргиз (казах. – С.З.), известный по своему уму, безукоризненной нравственностью, справедливости, опытности в киргизском (казахском. – С.З.) судопроизводстве, а следовательно и в знании киргизских (казахских) обычаев, на основании которых производится суд и расправа у киргизов (казахов), именуется бием».² В одной опубликованной безымянной записке, видимо, автором, служившим в колониальной администрации по Тургайской области, а затем в Министерстве внутренних дел России, имеются строки о законах Тауке хана (начало XVIII века) и о судах биев: «Законы эти ни тогда, ни позже не были записаны, но хранителями их, истолкователями и проводниками в сознании народа являлись умудренные опытом и пользовавшиеся всеобщим уважением и известностью бии». Он приводит отрывки из стихов, получивших распространение среди казахов, в которых выражена тоска народа: «...Вы, старые бии, положившие за народ свою душу; о бии, где вы теперь?».³ С. Масимов, несший службу в Казахстане в конце XIX века, когда позиции и политика колонизации царского правительства здесь достаточно окрепли и изменили систему внутреннего управления в Казахстане, с досадой указывал: «Значение биев пало, благотворное влияние народного суда ослабло и немалое

¹ Козлов И.А. Обычное право киргизов. Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882.

² Загряжский Г. Юридические обычаи киргизов и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края. СПб., 1876.

³ О преобразовании киргизского народного суда в Степных областях. 1900 (без автора и места издания), 41 с.

число биев осталось без занятия и средств... Прекрасное народное учреждение падает, а с ним исчезает и понятие о правде и справедливости».¹ Об этом писали и другие беспристрастные русские чиновники. Так, А. Зуев называет биев «мудрейшими и достойнейшими». По его мнению, казахский суд биев был «столь же чист и правдив, как и сама жизнь». Несмотря на прошедшие века и годы, когда бии-судьи занимали приоритетное положение в казахском обществе и в казахских ханствах, по словам автора, «в современном киргизе (казахе) крепко живут еще светлые предания этого прошлого: делясь ими, он всегда готов приправить свой рассказ то глубоким и тяжелым вздохом, то такими хорошими словами, от которых станет грустно, и не ему одному».²

Приводя восторженные отзывы о судах биев со стороны не только русских ученых, в большинстве своем служивших в столичных органах, ведавших азиатскими делами и проводивших колониальную политику в Казахстане, но вместе с тем со стороны немалого числа рядовых чиновников, состоявших в органах царской администрации в Казахии, еще раз убеждаешься, насколько оправдано утверждение профессора В.В. Григорьева, русского ученого-востоковеда, воспитанного в европейской культуре, о том, что суду биев могли бы «позавидовать многие издавна цивилизовавшиеся народы».

---

¹ Масимов С. Народный суд у киргизов. Юридический журнал, кн. VIII, СПб, 1897.

² Зуев А. Киргизский народный суд – Журнал Министерства юстиции. № 10, 1907, с. 161-162.

II

Особый интерес представляют мысли, оценки и высказывания крупных, видных деятелей национальной культуры, особенно тех из них, живших на рубеже двух веков – XIX и XX, когда не только была свежа народная память о правосудии биев, столь мощно запечатлевшееся в ней, но и еще были живы отдельные последователи «старых» биев, пытавшихся сохранить безвозвратно ушедшую, но памятную историю. Поэтому их взгляды весьма ценные, можно сказать, вдвойне ценные в том плане, что они были современниками отдельных старых биев, а также системы судебной власти царской России и Советского государства.

Чокан Валиханов (1835 – 1865), выдающийся казахский ученый, о котором русский востоковед, академик Н.И. Веселовский в 1904 году писал: «Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление», оставил прекрасные записи о судах биев. В объемной статье «Суд в древней народной форме», подготовленной для российской администрации в Казахстане, есть изумительные места об особенностях развития казахского общества и достоинствах суда биев. Вот что было сказано в ней: «Народ наш имеет богатую и не лишенную поэтических достоинств замечательную литературу, более близкую к индогерманскому эпосу, чем к восточным произведениям этого рода. Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатом высшего, культурного развития». В качестве одной из таких общественных форм в жизни казахов, оцениваемых им на уровне «высшего культурного развития», под которым имеется в виду европейское, по его словам, является суд биев. Он указывал: «Бии формально никем не избираются и формально никем не утверждаются, значение их основано на частном авторитете, который приобретают они так же, как в Европе поэты, ученые и адвокаты. Шекспир и Гете считаются всеми за великих поэтов, но именно гениальность их основана не на декретах правительств и не на формальных выборах народа». Не трудно усмотреть, что

выражение «именно гениальность» относится и к судам биев. Важно еще то, что, по убеждению Чокана Валиханова, суд биев и к середине XIX века остался таким, каким он был «за тысячу лет до нас», а изменяющиеся внутренние и внешние факторы «не могли изменить его древних и простых форм».¹

Мудрец и знаток законов Степи, выдающийся казахский поэт Абай Кунанбаев, живший во второй половине XIX и в начале XX веков, когда еще кое-где, особенно в глубине Степи, доживали свой век последние представители прежних биев-судей, память народа о которых не ослабла, особенно на фоне российского суда, задумал и пытался взять на себя роль общественного народного суда и тем самым облегчить положение хотя бы однородичей от расправных угнетений местных чиновников, в том числе и «новых биев». Он не стал противиться настояниям одноаульцев быть бием-судьей в их спорах. Он стал демонстрировать народность и демократичность «древнего» суда, отправляемого биями, и тем самым приобрел широкую известность как мудрый, справедливый судья-би. Избирается он тебе-бием (старшим, верховным бием) в сложных публичных судебных процессах. Его решения и судейский авторитет были очень популярными в народе. На сегодня известны около полусотни его постановлений, вынесенных им в процессе судоразбирательств по «древним» правилам. Некоторые из них имели значение судебного и жизненного прецедента для последователей – «народных» судей и либеральных правителей. Сохранились подлинные его записи о судах биев. «Да, безусловно, – писал Абай, – наши предки уступали теперешним людям в образованности, учтивости, ухоженности и опрятности. Но обладали они двумя достоинствами, которых у нас теперь нет». По его мнению, первое достоинство – это суды биев – «они решали споры, управляли жизнью общества». К судье-бию как к «всеобщему избраннику... относились к нему с должным почтением, слушались и неукоснительно повиновались, тогда и влиятельные лица не переступали пределов благоразумия». Второе достоинство предков – «люди свято берегли и дорожили единством». В те времена, как указывал Абай, «благородный дух общности и радение о чести были

¹ Валиханов Ч.Ч. Собр. сочинений в 5 томах, Алма-Ата. 1985, с. 494-523.

обеспечены людской стойкостью, совестью, доблестью. Мы лишились их». На вопрос о том, что из себя представляли казахские бии как судьи, Абай отвечал: «Не всякому под силу вершить правосудие. Чтобы держать совет, как говорится, на «вершине Культобе» (имеется в виду совет биев при Тауке хане, XVII век), необходимо знать своды законов, доставшихся нам от предков - «Светлый путь» Касым хана, «Исконный путь» Есим хана, «Семь канон» Тауке хана».¹

Образованнейший интеллигент, просветитель, один из самых активных борцов за свободу и независимость казахского народа Ахмет Байтұрсынов (1873 – 1938) одну из своих статей, написанную до Октябрьской большевистской революции 1917 года, озаглавил «Бұрынғы әділ билер» – «Прежние справедливые бии». Она была напечатана в условиях царской цензуры в годы, когда подвергался гонениям за критику политики и реформ колониальной царской администрации в Казахстане. Поскольку его высказывание о бийском суде авторитетно и весьма выверено, мы решили привести его несколько пространно. Вот что он писал о суде биев, существовавшем до прихода в Казахстан царских колонистов: «Народный сот дегеніміз қазақтың ғадетіндегі қағидалар бойынша айтылатұғын билік. Бұрынғы әділ билердің қолында билік қазақтың неше түрлі дертін жазатұғын жақсы дәрі еді, бұл күні арам билердің қолында дәрі болмақ түгілі, у болып жұғып тұр... 1822-ші жыл устав шықпастан бұрын қазақ билігі (соты) өзінде еді, сайланған би жоқ, қазақтың қадірлі, халық қалаған билері билік айтушы еді Биге екі жағы келіп жүгініп, билік әділ саналып, оны бұзамын деу болмаушы еді. Қазақтың мұндай билері, ілуде біреу болмаса, қиянат билік айтпаушы еді».² – «То, что мы называем народным судом, – это есть правосудие, основанное на казахских законах. Это правосудие в руках прежних биев было настоящим «лекарством», лечащим всевозможные недуги казахов, а теперь оно в руках современных биев (речь идет о биях, назначаемых царским правительством. – С.3.) не только не стало

¹ Құнанбаев А. Книга слов. Алматы, 1992, стр. 18-19; «Қазақтың ата заңдары» - «Древний мир права казахов». Т. 1, Алматы, 2004, с. 91-92.

² Байтұрсынов А. Жаңа Нызам. Алматы, 1996. С. 14, 64-65; «Қазақтың ата заңдары» - «Древний мир права казахов». Т. 1, Алматы, 2004, с. 91-93.

«лекарством», – оно стало отравой. До введения устава 1822 года (законодательство России, по которому была отменена ханская власть в Казахстане. – С.З.) казахи сами творили свое правосудие и справлялись со своими слушниками. Тогда бии не избирались, правосудие осуществлялось биями по выбору народа. Стороны сами являлись к бию, просили его суда. Правосудие бия было справедливым, и никто не помышлял его оспорить. Такие казахские бии, за отдельными исключениями, не выносили неправосудных решений».

Каныш Имантаевич Сатпаев (1899 – 1964), первый Президент Национальной Академии наук Казахстана и в течение более 20 лет ее возглавлявший, крупнейший ученый-геолог и знаток истории культуры казахов, одну свою раннюю статью, написанную будучи студентом Томского университета, назвал «Биде қырық кісінің ары, білімі бар», дословно: «У бия совесть, достоинство и знание сорока мужчин». В ней он казахских биев характеризует как лиц особых и заслуживших благодарность народа «за правдивые слова и решения на основе справедливых законов» – «тура сөзді «әділ жарғыға» сансыз адамның батасы тимекші». По его словам, в казахском обществе бия ценили и ставили выше, чем самого хана: «елде қашанда ханнан гөрі бидің қадір-киесі басым болады». Правители-ханы, несмотря на то что они происходили из могущественной династии Чингисхана и представляли в основе многочисленную клановую когорту, они не только должны были считаться с влиянием и авторитетом биев в обществе, но и без опоры на них становились бессильными: «Ханның арқа сүйеуі жарасымды бимен табылады. Бисіз хан оңбайды, хандықпен қатар қырағы билікте бір жерге бас қосса, ондай ханды ел де сүйеді, ұмытпайды, шежіресінде атын қалдырады... Ел ішіндегі рулардың көсемі – билерді ішіне тартып, қыбын таба алмаған алаңғасар, әңгүдік хандар хан болып та тұра алмайды» – «Бии были опорой ханской власти. Хан без биев не заслуживал уважения. Хан предвидящий отправляет свою власть вместе с умудренными биями, уважаем народом, не забывается и оставляет свое имя в истории».

III

Последующие поколения, жившие после эпохи доминирования и славных дел биев-судей, в том числе и современное, не перестают восхищаться и гордиться ими как знаковым олицетворением лучших традиций в истории интеллектуальной и политической культуры казахов.

Как дань особого уважения к заслугам биев в 1993 году был заложен на юге Казахстана в урочище Ордабасы парк, посвященный памяти трех великих биев-судей XVIII века – Толе би, Казыбека би и Айтеке би. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своей речи, произнесенной на торжествах по случаю открытия этого степного памятника, сказал: «Три великих бия сумели внушить народу великую истину: тот, кто на крутом перевале истории лишился единства, тот лишается и жизни. Три великих бия сумели образумить строптивых батыров трех жузов и собрать, сплотить народ воедино. Мудрость и прозорливость чествуемых ныне трех наших великих предков проявились именно в эту тяжкую пору... Они стали для казахов непреходящим символом единства, их страстные речи овладели умами потомков как изречения священных книг».¹

Казахское правосудие, отправляемое биями, вобрало, можно сказать, все лучшее и ценное в идеалах средневекового кочевого общества казахов. Оно не было навязано народу со стороны, в том числе своими ханами, не было и пристройкой к базису кочевого общества. Оно имело глубокие корни в самом народе и олицетворяло его бытие и особенности развития. Само появление казахов на исторической арене Центральной Азии как этноса и носителя государственности связано больше с идеалами свободы и вольности, демократии и народовластия. Об этих особенностях генезиса казахов более подробно сказано в других статьях, включенных в данную книгу.

Бийское судебное право в своей общей части, или говоря иначе, в своих принципах и сути организации, деятельности наиболее предметно и концентрированно выражало, с одной стороны, идеалы демократии и народовластия в тех их формах, которые были возможны и присущи в рамках организованного

---

¹ Сәтбаев Қ. Ер Едіге. Москва, 1927.

кочевого общества средневековья, а с другой – опиралось больше на нормы высокой, очеловеченной морали. Именно последнее качество представляет особенность правосудия биев и определяет его место не только в национальном масштабе. В этом контексте бийская судебная система, можно сказать, опередила свою социально-экономическую основу, вобрав и выбрав из нее преимущественно общелюдские ценности и придав им довлеющее значение в своей деятельности.

Исходное начало и конечный результат суда биев, то есть его деятельность и предназначение расписывались и определялись нормами морали, ставшими обычно-императивными нормативами. Материальные, нормативно-правовые процессуальные нормы для суда биев больше были инструментами достижения общеморальных целей.

Понятие «ар», что можно перевести как «честь, совесть», является наиболее довлеющим в моральных представлениях казахов-кочевников и в правосудии биев. Оно воспринималось казахами как естественное приложение к самой их жизни. Господствовала установка: «Малым жанымның садағасы, жаным арымның садағасы» – «Духовное здоровье ценнее, чем богатство, а честь ценнее, чем духовное здоровье». Некоторыми авторами это переводится: «Богатством жертвуй ради жизни, жизнью жертвуй ради чести». Она передавалась поколениям с молоком матери. Об этом же говорит и другое наставление: «Мал сактама, ар сакта» – «Береги собственность, а еще больше береги честь». Эта народная, массовая мораль нашла выражение в правовых нормативах, которыми должны были руководствоваться бийские, ханские и аксакальские (третейские) суды: «Жігіттің құны – жүз жылқы, ары – мың жылқы» – «Штраф (выкуп) за смерть мужчины – сто лошадей, а за оскорбление (нарушение) чести – одна тысяча лошадей». Первоносителем «ар» – достоинства, чести считался би. Это выражено в характеристике бия: «Ханда қырық кісінің ақылы бар, биде қырық, кісінің ары, білімі бар» – «Если хан имеет трезвый ум сорока людей, то би имеет чистоту совести сорока людей».

Вслед за понятием «ар» – «честь» следует другое понятие «ұят» – «стыд», которому придается не только житейское, но и нормативное значение. В народе говорили «Өлімнен

ұят күшті) – «Стыд сильнее смерти» или «Бар барын жейді, ұятсыз арын жейді» – «Нормальные люди довольствуются тем, что имеют, а люди, не имеющие стыда, пренебрегают своей честью», т. е. покушаются на свою честь. В казахском праве «Жарғы», на котором основано правосудие биев, имеются нормы «Ұятсыз жалған» – по смыслу: «Только бесстыдные могут дать ложное показание», «Ұятсыздан ант сұрама» – «Бесстыдные не могут приносить клятву». Смысл этой нормы: согласно правилам судопроизводства в случае отсутствия доказательств или недостаточности доказательств для установления вины ответчика судья-би прибегает к принесению клятвы как виду доказательства, назначив по согласию сторон клятвоприносящего в лице честного человека, которому полностью выражают доверие участники судебного процесса. Норма «Ұятсыздан ант сұрама» предостерегает при этом от возможности ошибок, предупреждая, что «люди бесстыдные могут дать неправдивое показание».

В любом социально-культурном социуме такие понятия, как «справедливость» и «правда», являются основополагающими во взаимоотношениях людей, групп и сообщества. Однако в отношениях управления и власти эти понятия нередко могут быть и декларативными, и формальными. Суды биев публично и официально объявляют понятия «справедливость» – «әділ, әділдік», «правда» – «шын, шындық» основными критериями, которым они следуют и которыми они руководствуются в судебном процессе и при вынесении решений. Это ясно и выпукло выражено в наставлениях и установках, имеющих нормативное значение: «Ақ пен қараны шындық айырар» – «Только правда способна различить, что черно и что бело», «Сөз шынына тоқтайды, пышақ қынына тоқтайды» – смысловой перевод: «Слово служит для выражения правды», а более текстуально: «Если найдена правда, слова заканчивают свой путь»; «Шыннан өзге құдай жоқ» – «Нет бога выше правды». По идеалам кочевников-казахов, высшим олицетворением справедливости и правды являются би и суд биев. Это передано в следующих установках: «Адал би – әділ би» – «Воспитанный в честности би – справедливый би»; «Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» – по

смыслу: «У справедливого бия не бывает родичей, а би, не соблюдающий этого принципа, теряет святость своего сана»; «Турашыл би елді оздырады, тумашыл би елді аздырады» – «Би, следующий правде, служит процветанию своего народа, а би с родственническими чувствами способствует захирению своего народа». Знаменитому Толе би из Среднего жуза приписывают слова «Туралы биде туған жок, паралы биде иман жок» – «У бия, верного правде (справедливости), не бывает родичей, а у бия, склонного к взяткам, не бывает совести». Эта идея проводится и в другом ракурсе: «Әділсіз болса би оңбас, әйелсіз болса ұй оңбас» – «Ничтожен би, не следующий справедливости так же, как ничтожна семья без женщины».

Указанные моральные и нормативные принципы и установки, характеризующие биев как носителей судебной власти, и правосудие биев как таковое, в обществе имеют определенные рычаги и инструментарию реализации, от которых зависит овеществление идеалов судопроизводства. Они в совокупности объединены в триаде «Ақыл – сөз кудіреті – заңдылық» – «Разум – святость слова – законность», каждая часть которой, кроме общего смысла, имеет свою специфическую трактовку адекватно условиям средневекового кочевого общества казахов. Эти три понятия считаются связанными, совокупными критериями оценки деятельности бия-судьи, и овладение ими для него является необходимым условием материализации морали справедливости и правды. Эти понятия приземлены, т. е. имеют реальное, земное значение. Они настолько важны и значимы в правосудии биев, что ставятся в ряд фундаментальных факторов. Разум («ақыл») как форма и развитая ступень мышления, как способность предаваться более глубокому умозаключению по поводу рассматриваемого явления и связей составляющих его частей лежит в основе всякой творческой деятельности, к которой относится в первую очередь судебная. Обыденное рассудочное мышление – удел многих. В обществе кочевников-казахов биев-судей наделяли более высоким умом в понимании той эпохи, носителем какового могли быть только избранные лица, именно бии.

В понятии казахов «сөз» – «слово» имеет магическое значение. Оно даже, можно считать, обожествлено, ставится на

первый план в общественных отношениях. Это выражено в народном изречении: «Ақыл көркі тіл, тілдің көркі сөз» – «Разум реализует себя в языке, а язык – в слове». Казахи под понятием «сөз» всегда имеют в виду умную речь-красноречие, убедительное и убеждающее. Оно возводится в ранг искусства. «Өнер алды қызыл тіл» – «Язык – это искусство всех искусств», – говорят казахи. Добыча и накопление материального богатства, счастье и несчастье во многом связываются со «словом», с его активностью, энергией и действием. Это кратко передано в изречении «Жақсы сөз – жарым ырыс» – дословно: «Хорошее слово – половина благополучия».

Высшей ступенью «слова», т. е. красноречия принято считать ораторство, и его носителем в первую очередь, по представлению казахов, является опять би-судья. «Слово» – это его главное оружие, и магическая всеразрешающая роль слова проявляется именно на суде биев. В системе материальных и процессуальных норм, регулирующих деятельность бийского суда, много места отводится значению и роли слова – красноречия, которым искусно должен владеть би. Да, это является одним из первых условий, если не самым главным, на пути становления и следования претендента на получение звания бия. Приведем некоторые из этих норм:

1. «Сөз тапқанға қолқа жоқ» – «Искусному владельцу словом нет преграды». Это изречение имеет нормативное значение. Применительно к судебному процессу оно понимается как безусловное оправдание виновного, если его логика выступления безупречна по содержанию и форме.

2. Более определенно гласит другая формула: «Сөз жүйесін тапса – мал иесін табады» – дословно: «Если слово находит своего хозяина, то и спорный скот находит своего хозяина». В этом тексте недвусмысленно выражена идея о первенстве «слова» перед остальными доказательствами. В спорах об имуществе (в данном случае о скоте) победа присуждается тому, кто искусен в речи доказывания, то есть «слово» выступает победителем. Такое толкование нормы является распространенным в судах биев. «Досы өткірді жау алмас, сөзі өткірді дау алмас» – «У кого сильные друзья, того не завоюет враг, а кто владеет разящим словом, того и суд не осудит».

3. Высоко оценивая значение слова в общественной жизни и на суде, казахи при этом в подтверждение своей позиции нередко ссылаются на авторитет предков, наследие которых для последующих поколений является обязательным. Об этом говорит следующее наставление: «Аталы сөзге арсыз жауап қайырады» – «Славным словам предков могут высказать возражение только глупцы». Если иметь в виду, что суды биев руководствуются, наряду с обычно-правовыми нормативами и прецедентными решениями и высказываниями авторитетных мудрецов, в том числе и известных биев прошлых эпох, то на этом фоне нормативное значение приведенного текста становится более ясным. Утвердившееся в массах мнение о том, что «жөн сөзге тоқтамаған арсыз» – «бессовестен тот, кто не внемлет уместным словам», выражает общий тезис о значении морали и верховенства «слова».

Идеология казахского кочевого общества устроена так, что, выражая особую роль «слова-красноречия» как важного инструмента жизнеобеспечения народа, наделяет этим качеством в первую очередь бия – судью. Она вместе с тем предъявляет к биям жесткие требования. Примером для них ставится случай, когда, как говорят: «Ердің құны екі ауыз сөзбен бітеді» – «Спор о штрафе (выкупе) за убийство мужчины можно решить двумя словами», – так поступали умные бии. Би-судья, играя посредническую роль на судебном процессе, должен помнить о необходимости вынесения своего окончательного решения по делу. Об этом напоминает ему указание о том, что «тоқсан ауыз сөздің тобықтай түйіні бар» – «многословие должно закончиться кратким решением». Причем оно должно быть доказательным и убедительным, о чем напоминает ему другой следующий тезис «Тілмен түйгенді, тіспен шеше алмас» – дословно: «Установленное словами не развязать зубами». Именно таким рассматривается постановление суда биев.

Казахи биев-судей за дарование и способности называли особым эпитетом: «От ауызды, орақ тілді» – дословно: «С огненными словами и разящим языком», т. е. особо убедительными ораторами. Причем до такой степени поднимались редкие из них. Это ясно передано в следующих аксиомах: «Батырды екі долы катынның бірі табады, биді ілуде бірі табады» – «Ба-

тыра (т. е. доблестного воина. – С.З.) рождает каждая вторая женщина с характером, а бия – одна из многих и многих женщин»; «Жүзден біреу шешен, мыңнан біреу – би көсем» – «Из сотен один оратор, из тысячи один вождь – би».

Примечательно и то, что конечной целью правосудия биев, по господствующей идеологии средневекового кочевого общества казахов, является примирение и перемирие сторон, участвующих в суде, как бы ни были сложны и обострены их взаимоотношения. Существовала установочная норма «Даудың түбі біту» – «Примирение есть цель и конец тяжбы».

Казахский суд биев формировался в несколько иных формах, чем в других тюркоязычных землях и ханствах Центральной Азии. Он впитал в себя свободу кочевой стихии, связанную с освоением обширного, в основном плодородного пастбищного пространства, лежавшего от низовьев рек Сырдарьи и Амударьи на юге до таежных полос Сибири на севере, от Джунгарских ворот и Жетысу – Семиречья на востоке до Каспийского моря и Волги на западе. Кочевые маршруты и пути кочевания казахов простирались в одном только направлении на сотни и даже тысячи верст. Природа и космос стали для них близкими и родными – это во-первых. Во-вторых, под именем «казахи» исторически собирались, формировались и жили тюркоязычные этнические группы, отделившись, а точнее, не признавшие власть правителей, сделавших войны и захваты чужих земель основным ремеслом, а также насаждавших культ оседлой жизни, мусульманскую религию как опору власти. В этих условиях оставшиеся верными вольной кочевой жизни группами откочевывали вдаль от них, занимали окраинные территории ханства, объявляли себя свободными «беглецами» со значительными признаками свободного самоопределения. В-третьих, кочевое общество приобрело большую устойчивость. А это, в свою очередь, определяло устойчивость внутреннего режима и регулятивных норм поведения, воспринимавшихся населением как должные и необходимые. Было трудно и невозможно пробить консервативную стену кочевого образа быта и мышления. Этим можно объяснить неудачу ханов, султанов и ходжей, осевших островками в немногих поселениях в степной зоне, в

распространении ими догм и правил мусульманского права и религии среди аульных казахов и в превращении их в городских обывателей. В-четвертых, образ жизни, пропитанный в большей степени духом естественной вольности и свободы общения и взаимоотношений, способствовал формированию положительных нравственных и социокультурных ценностей в среде казахского кочевого общества. Казахский суд биев, вобравший в себя лучшие демократические и нравственные традиции казахского кочевого общества, представляет и историко-национальную, и общекультурную ценность.

Суд во все века был и остается одним из главных учреждений в обществе и в государстве, независимо, какими они являются. Его значение и роль столь огромны, что в нем в равной степени ревностно заинтересованы все слои населения, как осуществляющие политическую и общественную власть, так и привилегированные и рядовые, богачи и бедные. Дело в том, что суд есть власть по своей природе в том плане, что с одной стороны, в суде сходятся люди с проблемами, которые сами решить не могут, а с другой стороны, им выносятся решения, затрагивающие малые и большие судьбы людей и даже человечества, в принципе обязательное для всех. От решения суда зависит многое, начиная от положительных и отрицательных эмоций, кончая жизнью и смертью. В этом контексте суд может играть умиротворяющую роль, но также и разрушительную в жизни общества и политической системы. Все зависит от того, в какой связи и в каких отношениях суд находится с народом и с представляющими его социумами. История человечества учит тому, что, как правило, политически и социально господствующие в обществе классы узурпируют суды и превращают их в свои учреждения – в органы своей политики и своих интересов. И в то же время история учит, что там, где весомы удельный вес и влияние рядовых масс в жизни общества и государства или признают их таковыми, суды по стилю формирования и деятельности становятся демократическими учреждениями, создающими баланс интересов различных групп населения, обслуживающими как верхи, так и низы общества, и тем самым они выполняют стабилизирующую роль в политико-культурной среде. Именно такое развитие судеб-

ной власти характерно и поощряется в современную эпоху. И все это уже было в прошлом – история временами повторяется в новых условиях.

Казахский суд биев представляет наиболее приближенную к демократической массе судебную власть, в основе деятельности которой лежат преимущественно ценностные нравственные принципы и императивные нормы, выражающие природу и тенденцию стабильности и народности самой общественно-политической системы.

БЫЛ ЛИ «ЗОЛОТОЙ ВЕК» ПРАВОСУДИЯ НА ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛЕ КАЗАХОВ?

Одним из коренных вопросов, поставленных в ходе исследования казахского права в его «древней форме», – это его ценностный потенциал, выходящий за национальные рамки, точнее, был ли «Золотой век» правосудия и законности на древней земле казахов, о котором нередко упоминается в исторических документах и описаниях. Вопрос этот вовсе не риторический, а проблемный. Он был открыт и поставлен с приходом европейских исследователей в Великую степь кипчаков-казахов в начале XIX века. Было странным для них на фоне патриархального быта кочевников видеть не только сохранившееся мощное народное сознание о таком периоде, но и лицезреть живые его оазисы и связывающие нити времен, ушедших и близких. Трудно было им представить, что такое могло быть в истории у казахов, теперь выглядевших больше степными кочевниками и намного отставших от Европы в своем материальном, культурно-цивилизационном и политическом развитии. Тем более европейские мерил ценности, отягощенные господствовавшим делением планеты и народов на западные и азиатские, на нации и племена, на колонизаторские расы и подневольные территории, затрудняли адекватное восприятие того, что не вмещалось в рамки этих установившихся оценочных взглядов. Однако научная мысль проникновенна и трепетна. Она раскованна и рискованна в своем движении к новому знанию. С познанием непознанного, чем больше эти исследователи находились с познавательной целью в Казахской степи, тем больше и весомее говорили о «Золотом веке» правосудия в истории казахов как о реальном факте.

Парадоксальность исторической памяти заключается в том, что познано и открыто предыдущим поколением, в особенности в области структуры и ценностей общественных систем народов, тем более если они не зафиксированы «на камне», не всегда наследуются последующим поколением и в круговороте событий уходят в тень и выпадают из цепи преемственных отношений.

Систематическое изучение Казахстана началось поздно и относится к периоду его колонизации Россией. Русским ученым принадлежит приоритет использования термина и выражения о «Золотом веке» законности и правосудия применительно к средневековой политико-правовой истории казахского общества. В этой части А.И. Левшин был первым. Он был и оставался государственным деятелем России, преданным ее колониальной политике на Востоке, вырос до крупного исследователя-востоковеда, работая в азиатском архиве Петербурга и Москвы, в региональных ведомствах по управлению Казахской степью и тесно общаясь с элитарной частью ее населения. Его трехтомный труд «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей», изданный в Санкт-Петербурге в 1832 году, можно сказать, шире приоткрыл окно на громадную центральноазиатскую территорию и принес ему мировую известность, признание Российской Академии наук, избравшей его своим почетным членом. Для российского самодержавного государства труд А.И. Левшина был интересен в первую очередь в политическом плане – в плане разработки тактики активной колонизации обширной части азиатского региона. А.И. Левшин, бывая среди казахов, продолжавших отчасти еще именоваться кочевыми кипчаками или дешт-кипчаками, изучая их общественно-политические институты, обратил внимание на массовые сведения о каком-то «особом, ярком периоде» в их истории. Он писал: «Было время, говорят благоразумнейшие из киргизов (казахов. – С.З.) Меньшей орды, когда и наш народ жил в покое, было время, когда и у нас существовал порядок, были законы и правосудие. Сей золотой век, о котором вспоминают они со вздохами, есть царствование знаменитого хана Тявки (Тауке. – С.З.), который, если верить преданиям, был действительно в своем роде гений, и в летописях казахских должен стоять наряду с Солонями и Ликургами... Киргизы (казахи. – С.З.) Большой и Средней орд утверждают, что народные законы их гораздо древнее хана Тявки». Ценность этих строк состоит в том, что они являются записью первосточника, а не сведениями из вторых рук, – это во-первых. Во-вторых, они принадлежат не проезжающему по степи страннику, ищущему приключений, посланнику или

сопровождающему торговые караваны, интересы которых вовсе не связаны со страноведением. Они принадлежат опытному ученому, имеющему основательное познание в области народоведения Востока, исследователю и деятелю, совмещавшему выполнение государственного задания по описанию общественного и нравственного быта народа с ученостью. В-третьих, «Золотой век» в истории казахов связывается не с войнами и победами в них, или обилием и сочностью пастбищного пространства и мирного его освоения, что было первоначально важно для кочевников. Нет. «Золотой век» в истории Казахстана связывается, без какого-либо изъятия и оговорки, с авторитетами законности и правосудия. Из всех сфер общественно-управленческой жизни населения выделяется сфера законности и правосудия, которая была и оставалась во все времена и эпохи человеческого общежития его неизменным нравственным критерием. В-четвертых, «Золотой век» в области законности и правосудия выделяется как общая историческая полоса в жизни всех трех пространственных регионов Казахской степи – в Младшем, Среднем и Старшем жузах, относя ее к определенному периоду: то к периоду правления Тауке хана (последняя четверть XVII и начало XVIII веков), то к периодам, предшествовавшим до него. Важнее то, что независимо от периода и персоналий тех верховных правителей, при которых был возможен и утвердился «новый порядок», автор называет их «в своем роде» гениями, по заслугам стоящими «наряду с Солонами и Ликургами», т. е. людьми, утверждавшими своими деяниями высокую нравственность и святость в общественных отношениях.

Вслед за русским ученым Левшиным, писавшим в Петербурге, российской столице, об этом же почти в то же время оповестил мир выдающийся мыслитель и ученый Чокан Валиханов, выходец из Казахской степи, знание которого о казахах, об их истории было безупречно авторитетным. Он слышал и описал не только далекие отголоски «Золотого века» законности и правосудия. Он «захватил» его, его действовавшие, живые картины. Он был не только свидетелем, но и действующим лицом на оазисном поле высокой правосудной нравственности. Этот период он рассмотрел в своей статье «Суд в

древней народной форме» и писал о нем, как о незаурядном явлении исторического плана в жизни Великой степи казахов. Он писал: «Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего, культурного развития».¹

Мы и другие исследователи не поняли в свое время и А. Левшина, и Ч. Валиханова, вернее - не хотели понимать, а еще вернее - признавать то, что чувствовали. Наше историческое мышление до отказа было заполнено другими навязанными представлениями. С пьедестала XX века мы смотрели на средневековую историю Великой степи казахов с позиции черт и критериев новейшей европейской цивилизации и культуры, не допускали мысли, что кочевые номады, к категории которых колониальные страны относили казахов, были способны и могли жить в прошлом в условиях правопорядка и законности. К тому же в эпоху царско-российской и советской империй, определявших бытие и судьбу Степного края казахов в течение более трех веков, навязывалась и культивировалась политика отрицания какого-либо культурного этапа в их истории. Именно эти обстоятельства служили неприступным барьером на пути к осознанию и осмыслению первостепенно важной реальности казахской истории.

Мысли Чокана Валиханова были глубокими и нестандартными, но адекватными реальности. Он утверждал, что «Золотой век» законности и правосудия на самом деле был реальностью на казахской земле, и его остаточные явления, как наследие, достаточно рельефно и наглядно проявлялись и в годы жизни самого автора, т. е. и в XIX веке. Он, хорошо знавший особенности и тонкости истории и вехи культурологической и политической мысли Запада и России, казахскую действительность «Золотого века» ставил в один ряд, даже вровень «с результатами высшего, культурного развития», под которыми понимал нравственно лучшее, достигнутое человечеством в правосудии в соответствии с его естеством, как это было свойственно его «безыскусственному периоду».

---

¹ Валиханов Ч. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1. Алма-Ата, 1985, с. 494; стр. 71-72.

Свою высокую оценку казахского правосудия Ч. Валиханов связывает, с одной стороны, с личностью и статусом судьи-бия, а с другой – процессуальной простотой, публичностью и народностью правосудия. Роль и место судей-биев того времени он отождествляет с именами Шекспира и Гете, слава и известность которых основаны и установлены не декретами или формальными выборами, а приобретены личными заслугами. Ч. Валиханов перечисляет основные составляющие компоненты авторитета судей-биев, игравших ведущую роль во времена «Золотого века» законности и правосудия в древней степи кипчаков-казахов. Главные из них следующие: а) судебность судьи-бия основана «на частном авторитете»; б) «глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали казахам это почетное звание (бия)»; в) «когда не было против обвиняемого явных улик, но имелось только сильное подозрение, то бии прибегали к посредничеству местных родовичей, которые присягой обвиняли или оправдывали подсудимого»; г) «суд биев производился словесно, публично и во всех случаях допускал адвокатуру»; д) «главное достоинство суда биев... заключается в отсутствии формальностей и всякой официальной рутины». ж) «существует у нас издавна и заключает в себе начало мирового суда».

I

Существенно важно отметить, что указанные Ч. Валихановым основные черты бийского суда не являются сугубо мыслительными построениями, выведенными из анализа сведений и источников, ставших историческими и принадлежавших прошлому, хотя и этот познавательный метод лежит в основе описания. Они были обыкновенными и еще достаточно распространенными будничными чертами казахского правосудия и в период жизни Валиханова. Он как ученый с проницательным умом мог брать их из самой жизни и описывать.

Законность и правосудие в Казахии «в древней форме», под которой всегда имели в виду их естественность и достоинство, а главное – нравственную прозрачность и чистоту, служили и интересам сохранения целостности и обеспечению единства народа, объединенного и сложившегося в истории под общим именем казахов-кипчаков. Эта реальность завладела умами кочевого населения настолько, что, хотя времена и эпохи менялись, ее идеи и институты оставались природной и неизменной установкой массового сознания казахов на протяжении многих веков. В то же время они были той невидимой, духовной, могущественной силой, с трудом поддающейся упразднению заинтересованными в этом силами, повелителями и державами.

Правдивое и глубокое описание казахского правосудия оставил и Абай Кунанбаев, мыслитель и поэт, крупнейший знаток казахского древнего права и правосудия, живший во второй половине XIX века. По его словам, казахи-кочевники по уровню быта, культуры и просвещения стоят намного ниже, чем современные ему народы, они намного отстали от них, но по двум достоинствам они стоят, наоборот, намного выше этих народов, живущих ныне в эпоху цивилизации. Вот его высказывание и утверждение: «Рас бұрынғы біздің ата-бабаларымыздың бұл замандағылардан білім, күтімі, сыпайылығы, тазалығы төмен болған, бірақ бұл замандағылардан артық екі мінездері бар екен... Ол екі мінез қайсы десек, әуелі ол заманда ел басы, топ басы деген кісілер болады екен. Көш – қонды болса, дау – жанжалды болса, билік соларда болады екен. Өзге қара жүрт жақсы-жаман өздерінің шаруасымен жүре береді екен. Ол ел

басы топ басылары қалай бітірсе, халық та оны сынамақ, бірден бірге жүгірмек болмайды екен... Екіншісі намысқор келеді екен... Бұларда арлылық, намыстылық табандылықтан келеді. Бұлардан айырылды. Ендігілердің достығы бейіл емес – алдау, дұшпандығы кейіс емес не күндестік, не тыныш отыра алмағандық» – «Да, безусловно, наши предки уступали теперешним людям в образованности, учтивости, ухоженности и опрятности. Но обладали они двумя достоинствами, которых у нас теперь нет... О каких двух достоинствах мы говорим? Первое – в стародавние времена были люди, которые звались «ел басы», «топ басы». Они решали споры, управляли жизнью общества. Простой народ, худо-бедно, занимался своими делами. Не принято было оспаривать решения «ел басы», «топ басы» или бегать от одного к другому... И второе, люди были честлюбивые и дорожили достоинством. Стоило кому-то обратиться с просьбой о помощи или сделать ему снисхождение во имя традиций предков, то предавались забвению обиды и раздоры на ближних и неближних, все охотно шли на уступки и жертвы... Для них важнее были совесть, честлюбие и доблесть. Где теперь тот благородный дух общности и рачение о чести? Мы лишились их, у теперешних дружба – не дружеское, а вероломное коварство. Вражда – не отстаивание истины, а просто неумение жить в согласии».¹

Отголоски «золотого века» законности и правосудия были еще живы в XIX начале XX вв. в кочевых и полукочевых регионах громадного Степного края казахов. Они так крепко запали в сознание и память народа, что освободиться от них приходилось с трудом, постепенно, и то под дубинками и «пряниками» новых хозяев-колонизаторов. В то же время и в эти же периоды «благородный дух общностей и рачения о чести», характерный для «Золотого века» законности и правосудия в древней и недавней истории Казахстана, становился идеей ориентации в умах просвещенной части населения и общественного сознания в Казахстане.

Почти все российские и русские чиновники, служившие в колониальной администрации края в XIX и начале XX веков

---

¹ Абай Құнанбаев. Екі томдық, шығармалар жинағы. 2 том, Алматы, 1997, 72-74.

независимо друг от друга единодушно отмечали особую роль в прошлом независимых биев-судей в степных регионах казахов. Так, А.Е. Алекторов назвал одну из своих статей «Суд биев – суд народный» и в ней писал: «Каждый бий и старик при разбирательстве дела считает священным долгом оказать тяжущимся полную беспристрастную справедливость»¹. Другой чиновник, Д'Андре, хорошо знавший быт и изучавший внутреннее устройство степного населения казахов, в одном из официальных донесений по инстанции отмечал, что «природный ум, особые душевные качества с присоединением к тому опытности и примерной приветственности есть качества и вместе с тем все достояние, посредством которых бий может иметь право носить это почетное имя... Кроме всеобщего уважения, бий никакими особыми правами и привилегиями в Орде не пользуется. Хорошая молва в народе о беспристрастном суде бия, по сути, единственные отличия его от простолюдина».² К.Л. Баллюзек, автор ряда специальных работ, в том числе отдельных изданий, посвященных судебно-правовой организации в казахских жузах и, как очевидец, заставший отдельных редких представителей биев-судей старого типа во второй половине XIX века, писал: «Обязанность судьи лежит на так называемых биях. Это звание в сознании народном принадлежит тем немногим, которые с природным умом и даром красноречия соединяют в себе глубокие познания в коренных обычаях народа и в исторических о нем преданиях».³

В массовом сознании народа «древний суд биев», что ассоциировался с «Золотым веком» законности и правосудия в степи казахов-кипчаков, оставался и живым воспоминанием, и реальной картиной ушедших, но еще памятных веков до недавнего времени – начала XX века. Их влияние на умы народа было настолько впечатляющим и сильным, что никакие другие формы права и правосудия, навязываемые даже силой нагайки и оружия, были бессильными их стереть. Взгляды и суждения видных деятелей общественной мысли, национальной культуры и науки, как правило, расходившиеся между собою по ряду

¹ Алекторов А.Е. Киргизская степная газета, 1890, № 2.

² Материалы по обычному праву казахов. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, с. 124.

³ Материалы по обычному праву казахов. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, с. 163.

важных вопросов жизнеописания народа, были удивительным образом единодушны в оценке казахского права в его «древней форме» и в бесспорности реальности «Золотого века» законности и правосудия в истории казахов. А. Букейханов, европейски образованный, один из выдающихся национальных общественных и политических деятелей, живший на рубеже XIX и XX веков, казахское правосудие ставил выше, чем распространенное в его время судопроизводство. Он писал: «Бұл биді, билікті жоғалтып, қазақты орыс судьясына қарату керек деп орыс айтады, шарифатқа қарату керек деп біздің молдалар айтады. Біз мұның екеуінде қол қоймаймыз» – «Нам царские чиновники навязывают российское судопроизводство, а среди нас религиозные деятели – муллы, наоборот, навязывают казахам шариятные (мусульманские) суды. Мы не поддерживаем оба эти предлагаемые судебные нововведения».¹ Известные исследователи Н. Торекулов и М. Казыбеков проводят параллель между судами биев и современными культурными представлениями о правосудии: «Осы күнгі айтып жүрген жариялық, демократиялық, адамгершілік пен гуманистік дегеніңіз өзі осы емес пе?» – «Разве не то же самое воплотилось в бийском суде: гласность, демократичность, человечность и гуманизм, о чем часто говорят сегодня?». Высокого мнения о бийском правосудии в «древней форме» придерживался и академик К.И. Сатпаев, всемирно известный ученый и первый президент Национальной академии наук. Он в своей брошюре «Ер Едіге», посвященной судебной-правовой системе у казахов и опубликованной в 1927 году в Москве, объяснил своеобразие и превосходство бийского суда тем, что судьи были мудрыми представителями народа. По его словам, это адекватно отражено и выражено в народной оценке: «Ханда қырық кісінің ақылы болса, биде қырық кісінің ары, білімі бар» – «Если хан имеет ум сорока людей простолюдинов, то би имеет чистоту совести сорока людей». Далее он писал: «Қазақ сияқты көшпелі елде қашанда ханнан гөрі бидің қадір-киесі басым болды» – «В сообществе кочевых казахов авторитет биев-судей всегда был намного выше и больше, чем авторитет хана – верховного правителя».

---

¹ Қазақ, 1914, № 50.

Казахское правосудие в «древней форме», вошедшее в историю как его «Золотой век», строилось и основывалось на следующих фундаментальных принципах, составлявших его незыблемые основы: а) знание и постижение бием-судьей основных и трансфертных норм и логики обычно-правовой системы кочевого общества казахов; б) неподкупность суда и судьи; в) справедливость как суть и моральная ориентация судебных решений; г) гласность, доступность и публичность суда; д) владение судьей ораторским искусством как средством доказывания и обоснования судебного решения; е) направленность и ориентированность суда на установление гражданского мира и достижение мирового соглашения между сторонами.

II

XX век в истории многих народов, входивших в состав Союза ССР, в том числе Казахстана, был глубоко противоречивым и символичным. С одной стороны, у них активировалась историко-познавательная, научно-поисковая деятельность. А с другой стороны, развитие такой деятельности было поставлено в жесткие и узкие идеологические рамки, имевшие императивное значение. Историю народов было принято делить на два периода: досоветский и советский, или на дореволюционный и послереволюционный, что было одно и то же. Главным водоразделом между ними считали большевистскую революцию в октябре 1917 года. Она действительно проложила новый путь в исторических судьбах народов, но только в стороне от столбовой дороги общечеловеческого прогресса. С нее действительно начиналась новая эпоха, полная пота и крови, нечеловеческих усилий против самого человека, не относившегося к господствующему классу. Так говорим и пишем сейчас, когда «послереволюционный период» («советский») распался, оставив на месте одни воспоминания, да и ностальгию у его ревнителей. Тогда же за такое откровение непременно надо было расплачиваться положением и даже жизнью.

Согласно советской идеологической концепции, дореволюционная история народов, тем более тех из них, которые не имели фундаментальных исторических памятников, рисовалась отсталой и мрачной, вечным противостоянием бедных и богатых, борьбой между ними из-за жизненного благополучия. Еще в большей степени «не повезло» Центрально-Азиатскому региону и его народам, досоветскую историю которых считали архисталой и патриархально-феодальной. Не допускалась мысль о наличии каких-то социальных и культурных ценностей, тем более общечеловеческих, которые могли иметь место в истории этих народов. Так закрылась дверь в тайники «Золотого века» правосудия на древней казахской земле. У каждого народа в его истории и современном развитии всегда имеются примечательные устойчивые явления, составляющие его достояние и в то же время – его гордость. Такое представление может иметь место в национальных рамках или в отношениях

с соседними странами и этносами ближнего зарубежья. Они, во многих случаях, носят локальный, рамочный характер, могут касаться областей искусства и литературы, музыки и песен, живописи и архитектуры, технологии и науки, особенностей народного и национального менталитета и др. В редких случаях может быть такое, когда локально-национальное по значимости перерастает национальное, становится общечеловеческой ценностью. Нечто подобное было и в Казахии, и оно вошло в историю как «Золотой век» законности и правосудия, как наследие кочевой цивилизации, простиравшейся на огромном пространстве Центральной Азии.

Мы, исследователи, были инертны в силу идеологического давления в XX веке в деле истинно научного исследования минувшей истории казахов. Скорее, мы проявляли робость перед ним, хотя оно постоянно маячило в подсознании ученых, не только национальных. Существовали табу и ограничения на историческое познание. Такова была господствовавшая идеология, навязанная правящей политикой. Времена теперь изменились. «Золотой век» законности и правосудия, когда-то являвшийся достоянием поколений на древней земле казахов, становится теперь неотъемлемой частью нашей истории и, допускаю, вполне возможно станет достоянием цивилизации вообще. «Изюминка», заложенная в «Золотом веке» законности и правосудия на древней земле казахов, является феноменом кочевой цивилизации общечеловеческого значения. Уверен, что пройдет немного времени, когда казахское право займет свое место в ряду общепризнанных правовых систем и учреждений прошлых веков, созвучных с современной эпохой.

ДЕСЯТЬ ОБРАЗЦОВ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ БИЕВ

I

Личность бия – это главный фигурант в судебных решениях в обществе казахов-кочевников. Ему верили, верили его решениям, даже тогда, когда дело, казалось бы, можно было решать по логике несколько в ином варианте. Бия-судью представляли как мудреца и истинноносителя, как знатока законов Степи и судебных прецедентов, вошедших в историю и сознание народа, воспринимали как посредника между тяжущимися сторонами – таково было массовое общественное убеждение. Вот что говорили русские чиновники, служившие в XIX веке в органах колониальной русской администрации в Казахстане, видевшие и знавшие последних представителей исчезающего сословия старых биев. «В сознании народном звание бия принадлежит тем немногим, которые, отличаясь безукоризненной честностью, с природным умом соединяют глубокие познания в коренных обычаях народа. Би есть живая летопись народа, юрист или законовед его». (И. Козлов). Очень хорошо знавший быт казахов, прекрасно говоривший на казахском языке А. Леонтьев в своей книге, посвященной обычному праву казахов, приводит ряд установок – норм, определяющих суть деятельности биев-судей: «Бидің билігі – жұрттың бірлігі» – «Судебное решение бия служит единению народа»; «Билік айтқан би емес, бітім тапқан би болар» – «Творящий только суд не является бием, а бием-судьей является тот, который приводит к примирению и перемирию сторон».

«Много лет тому назад, – писал И. Крафт, – в Степи славился своей мудростью и справедливостью один би (судья). К нему стекались издалека тяжущиеся и всегда получали суд правый и скорый... Биями считались самые умные и самые справедливые люди, и они не были представителями родовых и партийных интересов, так как их никто не выбирал. Прославится в народе кто-нибудь как умный и правдивый человек, к нему и идут спорящие за разрешением своих дел. Во всей степи было 3 - 5 биев, и решали они дела по совести и по

обычаям народа». Несколько раньше по времени чиновник Г. Загрязский, служивший 5 лет в Туркестанском крае, в состав которого входили все южные, юго-восточные регионы Казахстана, и посвятивший специальный труд «народному суду у кочевого населения», писал: «Киргиз (казах. – С.З.), известный по своему уму, безукоризненной нравственности, справедливости, опытности в киргизском судопроизводстве, а следовательно и в знании киргизских обычаев, на основании которых производится суд и расправа у киргизов, именуется бием». Ученый-востоковед А. Словохотов, прекрасно владевший казахским языком, служивший в г. Оренбурге, являвшемся центром управления Западной частью Казахстана, и работавший в Оренбургской ученой архивной комиссии, казахский суд биев называет «глашатаем правды народной», «естественными посредниками спорящих сторон». Он задался целью выяснить, как и каким образом здесь, среди казахского кочевого народа, могли формироваться и существовать суды биев, которых в таком виде нет у других тюркоязычных народов Центральной Азии. Он писал: «Быт кочевника настолько точно определен, степная жизнь так резко обособлена, стоит в таком противоречии с бытом земледельца, что кочевнику-степняку нечего заимствовать от земледельца-поселянина. То, что составляет культурное богатство последнего, чем он гордится и что создает, не подходит к условиям степной жизни привольного кочевья». Автор считает, что бии-судьи вобрали в себя все качества этого «привольного кочевья». По его мнению, би представляет собой «живую летопись народа, законоведа народного правосознания». Другой именитый востоковед-ученый, профессор В.В. Григорьев, служивший в колониальной администрации в Казахстане около десяти лет, в своих исследованиях сделал такой вывод: «Мы видим у киргиз (казахов.– С.З.) такое превосходное судопроизводство и такие порядки следственного и судебного процесса, каким могут позавидовать многие издавна цивилизовавшиеся народы».

II

Бии-судьи, включая и тех из них, которые пользовались известностью за пределами границ родовых земель и даже своего жуза (Степь была разделена на три жуза – Младший, Средний и Старший), не имели при себе какого-либо аппарата или людей со специальными знаниями, разве только посыльных. И то не все. Они сами являлись и специалистами, и экспертами, и оценщиками в предметной области, касающейся споров по поводу освоения природных угодий, цикла и элементов кочевого хозяйства и быта, образа жизни самих кочевников, то есть они слыли знатоками, вернее, воспитывались и проходили степную школу, чтобы быть таковыми. Познания, опыт и мудрость биев-судей ясно прослеживаются в приведенных ниже типичных образцах их судебных решений. Следует отметить, что следующие объекты судебных тяжб, представлявшие наиболее распространенные виды спорных дел, это: конь, женщина, смерть мужчины и аруана-нар (одногогорбый верблюд).

1. «Бота дауы» – «Тяжба о верблюжонке», или о том, как Толе би, ставший впоследствии знаменитым и популярным бием во всем Среднем Жузе, еще в юности, когда шел ему 20 год (последняя четверть XVII века), решил сложное дело, которое не удалось решить его отцу Алибеку – опытному бию, учившему своего сына искусству бийского судопроизводства. Суть тяжбы состояла в следующем. Двое из разных кочевых коллективов, пользовавшиеся у себя уважением, спорили и не могли выяснить свои отношения по поводу принадлежности «породистого верблюжонка» («аруанадан туған бота»). Каждый из них доказывал свое, приводил доводы, которые казались убедительными. Они решили со своим спором обратиться к опытному бию Алибеку, готовы были выслушать его решение. Тут произошло то, что характерно для суда биев. Алибек би (отец Толе би), прежде чем вершить суд, т.е. до того как спорящие стороны выполняют традиционные ритуалы – примут позу «жүгініс», бросят свои плети-камчи перед бием в знак подчинения его решению, выслушав заявления сторон, говорят, встал с места и объявил, чтобы истец и ответчик провели 2-3 дня в ауле бия в качестве его гостей и только потом он

призовет их к судебному разбирательству. Это означало, что би испытывает определенные затруднения в поисках и установлении истины в конфликтном деле и неуверенность по поводу возможности вынесения убедительного решения, основанного на правде и справедливости. Такое объяснение Алибек бия, откладываящее рассмотрение дела, породило некоторые сомнения у тяжущихся сторон. Толе би, который принимал участие на этом начальном этапе представления сторонами взаимных претензий, угадал трудности, испытываемые отцом. К тому же недовольство приезжих сторон было воспринято им, полным гордостью, как некоторая потеря для престижа бийского дома отца и его самого. Он принимает решение попытаться взять на себя рассмотрение этого дела и с этой целью обращается к отцу, чтобы он соизволил и уступил ему рассмотрение спорного дела. Алибек би, всегда поощрявший сына к самостоятельным выходам на судебное поле, соглашается с просьбой сына и ставит об этом в известность истца и ответчика, просит их согласия на рассмотрение спорного дела его сыном Толе би. Они согласились, поскольку были уже наслышаны о нем как о юной восходящей звезде на поле бийского судопроизводства. Толе би призвал их на суд с соблюдением традиционных правил его начала. На верблюжонка претендовали двое, и каждый из них доказывал, что он принадлежит ему с рождения. Острота спора была связана с тем, что верблюжонок был особой ценности, необычной, редкой породы, рожденной от «аруаны» – красивой, стройной и горделивой одногорбой породистой верблюдицы, вокруг которой сложилось в обществе кочевников немало легенд. Истец свое право обосновал следующим образом: его «аруана», как это часто бывает, перед родами отделилась от стада и ушла в степь, чтобы быть одной. После недельного поиска она была обнаружена в предгорной зоне, бродящей в тревожном послеродовом состоянии. Она не находила себе места, уходила куда-то без цели, по ходу издавала скорбные громкие звуки, глаза были полны слез. Если бы она родила детеныша-недоноска, то его съели бы волки, или кружилась бы вокруг того места и не отходила бы от него далеко, временами нюхала бы лежащий труп или каждый раз возвращалась бы к местам с пятнами крови. Этого не случилось, а следовательно,

с большой уверенностью истец полагал, что верблюжонка увели люди. И вот теперь, спустя несколько месяцев, он обнаружил верблюжонка в стаде ответчика, опознал его по индивидуальным породистым приметам его матери-верблюдицы, к тому же и окраска, и взгляд его были материнские. Истец также показал, что его настоятельное обращение к ответчику, чтобы он вернул верблюжонка ему – хозяину, было отвергнуто. В свою очередь, ответчик утверждал, что верблюжонок происходит от его «аруаны», доказательством может служить то, что он постоянно пасется вместе и рядом с матерью, которая не отвергает его как чужака, наоборот, присматривает за ним. В свое оправдание он привел свидетелей, пастухов, следящих за стадом верблюдов. Ни один из претендентов на спорного верблюжонка не собирался уступить свое право на него.

Толе би предстояло вынести не просто свой вердикт, а вердикт справедливый, основанный на признанной истине, с которым должны или вынуждены будут согласиться обе стороны. Показания основных участников судебного процесса и их сторонников не давали достаточного ответа для вынесения уверенного решения. Трудность заключалась в том, что ни одна сторона не собиралась уступить другой и в их обоснованиях не было заметной неправды. Животное было ценное, обладать им было заветным желанием каждого. Толе би предлагает сторонам доставить к месту суда верблюжонка и его предполагаемых матерей. Интерес к бийскому суду был большой. При стечении большого круга людей из своего и соседних аулов, как это бывает в таких случаях, среди которых были и те, кто желал увидеть молодого восходящего бия-судью, а также пришедшие из-за любопытства, Толе би предлагает двоим своим помощникам крепко скрутить конскими волосяными веревками ляжку задней ноги присевшего верблюжонка так, чтобы он издавал болезненные жалобные крики. В процессе выполнения этой процедуры у одной из верблюдиц, находившейся при этом, из глаз потекли слезы и она беспокоилась и рвалась к верблюжонку, тогда как другая вела себя более спокойно и почти равнодушно. Толе би – судья, доверенный и избранный сторонами, тут же объявил свое решение о том, что верблюжонок происходит от «аруаны»-верблюдицы, которая по естест-

венному влечению чувств готова была заступиться за свое потомство в мучительные для последнего минуты, а ее владелец – истец является собственником спорного верблюжонка. Все присутствовавшие признали вердикт Толе бия достойнейшим и справедливым решением. И ответчик, исходивший из своего страстного желания не выпускать из своих рук такого верблюжонка, признался в том, что он действительно увел его к себе и «привил» к верблюдице, ранее потерявшей своего верблюжонка. О Толе би в среде общественности заговорили еще больше.

2. «Сөздің атасы кім? Анасы кім?» – Судебный спор вокруг понятия: «Кто является отцом Слова, кто является матерью Слова?». По смыслу: «Каковы отцовские (т. е. ведущие, причинные) корни слова? Каковы материнские (т. е. следственные) корни Слова?». Эти и подобные вопросы являлись логическими упражнениями, различные суждения и дискуссии по ним были традиционными в казахском обществе.

Они нередко приводили к серьезным осложнениям. И в этот раз к легендарному Казыбек би обратились две группы лиц из торгового каравана, остановившегося на отдых в районе аула бия. Узнав, что в этом ауле живет известный во всем регионе Казыбек би, они решили обратиться к нему за разрешением разногласий, разделивших торговцев на две группы и вызвавших определенное обострение их отношений. На стороне одних оказались в основном узбеки, а на другой стороне – в основном казахи. Они разошлись в ответах на вопросы «Сөздің атасы кім? Анасы кім?» – дословно: «Кто является отцом Слова, кто является матерью Слова?». Узбекская группа настаивала на том, что целью – отцом Слова является ислам, а матерью Слова – вера в него. Они утверждали, что Слово должно служить получению барыша, а следовательно, отцом Слова являются манаты (деньги), а способ их добывания, т. е. мать Слова – это торговля. Казахская группа навязывала другую трактовку. По ее мнению, отцом Слова является би, а матерью Слова является красноречие. Этот спор, по заявлениям сторон, принял опасную форму не только раздора и разрушения единства торгового коллектива, но и близкую к физической схватке между двумя группами. Рассказчики говорят, что Казыбек би серьезно

задумался и даже несколько задержался с ответом, потом только произнес свой ответ рекомендательного характера: «Сөздің атасы – бірлік, сөздің анасы – шындық» – дословно: «Отцом слова является единство, а матерью Слова является истина», т. е. по смыслу: слова преследуют цели достижения единения в социуме, а оно достижимо, если в его основе лежит истина, т. е. правда и справедливость. Спорящие стороны остались весьма довольными ответами Казыбек бия. Они, войдя в дом бия противниками, вышли из него почти друзьями.

3. «Бір әйелге екі еркектің таласы» – «Два претендента на одну женщину». Этот случай описан русским чиновником И. Крафтом в конце XIX века по рассказам казахов западной части Степного края. Ему рассказали, что «много лет тому назад к бию-судье явились двое мужчин, и они привели одну женщину. Один из мужчин был грамотным по меркам того времени, а всякий грамотный выдавал себя за муллу, служил при родоправителе письмоводителем и переводчиком во время посещения его ставки посланцами из Бухары и из России. А второй был неграмотным слугой при правителе. Женщина была одинокой и приятной наружности, также служила при дворе. Спорящие мужчины, а каждый из них претендовал на нее, ее мнения не спрашивали. Они обратились к бию за его судом. Как предписывалось правилами бийского судопроизводства, обе стороны выполнили предварительные ритуалы о безоговорочном признании решения, которое вынесет би-судья. Истцы и каждый из них приводили доводы и доказательства о праве принадлежности женщины только ему. Би, выслушав их, просит оставить женщину при нем на три дня и прийти за его решением по истечении этого срока. После ухода мужчин би стал следить за женщиной, как она убирает комнаты его дома и как готовит пищу и подает на стол. Би заметил, что она умеет убирать письменные приборы, разбирается в нестепной кухне и пытается нравиться более «культурному». Из этого би делает твердый вывод о том, что она имеет навыки, перенятые, видимо, при общении с грамотным мужчиной, освоившим некоторые бытовые привычки другой, не кочевой среды. Вердикт бия с обоснованиями, объявленный после истечения

трехдневного срока ожидания, был признан справедливым посредниками обеих сторон».

4. «Жорға дауы» – «Спор об иноходце». Описывают, что Срым би, живший в Младшем жузе в XVIII в., отличался большой наблюдательностью, не раз избирался по выбору сторон «Тобе бием» – «Старшим бием» на сложных судебных процессах. Однажды к нему обратились двое: один из них был сородичем и близким родственником самого бия, а другой происходил из дальних родов, имел титул местного бия. Предложение обратиться за разрешением спорного дела именно к Срым бию (впоследствии он был руководителем народного восстания) исходило от истца – местного обедневшего бия, хотя он знал, что Срым би приходится родственником ответчику. Бийский суд тем и популярен, что би, особенно такого ранга, как Срым би, остается верным постулату биев: «Тура биде туған жоқ» – «У справедливого бия не бывает родичей». Суть спорного дела, как заявил би-истец, на скачках по случаю памяти одного известного местного деятеля его иноходец занял призовое место и был признан знатоками лошадей особо породистым и перспективным. Этот иноходец имел навыки пастись в стороне от табуна и возвращался к ночному стойбищу позже, а иногда оставался на пастбище. Однажды он не вернулся к табуну, был потерян его след. Это было два года тому назад. Недавно на скачках вдали, истец Алимұлы, будучи в гостях, узнал своего иноходца, участвовавшего на этом празднике по манере бега и выброса задних ног, по масти. Новый владелец отказывается вернуть ему лошадь. Ответчик, он же фактический владелец иноходца, не скрывал правду и объяснил: вдали от аула истца-бия, где вовсе не паслись его табуны, обнаружил израненную волками, обессиленную лошадь и найдя ее стройной по телосложению и зорким взглядом, ухаживал за нею. Конь оказался настоящим иноходцем. Ответчик обосновал свое право на него древними законами кипчаков-казахов о том, что «Жұртта қалған жұрткіі» – «Оставленное на стоянках принадлежит всем». Иноходец отбился от табуна по своему привычному образу поведения и по вине самого истца, не приучавшего его быть в табуне. По заявлению ответчика, обнаружил иноходца на чужих пастбищных направлениях, освоенных другими

родовыми подразделениями, к которым принадлежит он, а следовательно, в данном случае действует и другая норма поведенческих отношений: «Адасқан малдың түбі екі жыл» – по смыслу: «Для заблудившегося животного срок давности возврата два года». Ответчик в своих показаниях демонстрировал свое познание в казахских законах «Жарғы» и доказывал, что он не обязан вернуть иноходца нерадивому хозяину. Судья – Срым би был более знающим, глубоким толкователем норм законов – казахского права «Жарғы». Он произнес риторическую речь, которая сводилась к тому, что имеется главенствующая норма, гласящая «Тапқан куанады, таныған алады» – «Нашедший радуется, узнавший получает». Дополнением к ней служит другая обычно-правовая норма: «Тапқан – ие, таныған иесі» – дословно: «Нашедший вещь – владелец, а узнавший свою вещь – хозяин». Эта норма покрывает все другие частные нормы, но вопросы ответственности сторон при этом решаются отдельно. Срым би принимает альтернативное решение:

а) иноходец передается от ответчика-бия его первовладельцу с условием, что последний возмещает ответчику материальные издержки лечения, содержания и подготовки к скачкам спорной лошади в течение двух лет, а также за моральные издержки ответчика, связанные с его расставанием с иноходцем, ставшим за эти годы частью его личной жизни;

б) возмещение было определено в размере 4 призовых наград на скачках скакунов, проводимых два раза в течение одного года, что было равно стоимости двадцати голов 3-летних лошадей. (Каждый приз составлял 5 голов.) При этом бий сходил из того, что будь иноходец здоров, мог бы выиграть за два года четыре приза;

в) или иноходец остается у ответчика, тогда он уплачивает истцу штраф в размере стоимости двух призов – десяти трехлетних лошадей.

Хозяин иноходца, будучи несостоятельным, к тому же и полагая, что на восстановление силы и скорости иноходца на прежнем уровне потребуются время и затраты, согласился уступить его местному бию-ответчику на оговоренных биесудьей условиях, что было засвидетельствовано принародно.

Решение судьи присутствующими, массой любопытных и сторонами было воспринято как справедливое и единственно возможное.

5. Считается судебным прецедентом «Таңбалы ат тўяғынан» – дословно: «У клейменной лошади и копыта подают знаки» – по смыслу: «Клейменная лошадь дает знать о себе своим поведением». В народе существуют разные варианты этого судебного решения, приписываемые разным биям, но все они одного содержания. К бию обратились двое, и каждый заявлял, что конь принадлежит только ему. И тот, и другой никаких свидетельств и доказательств в свою пользу не имели и не предоставляли. По одному варианту, спорившие явились к молодому восходящему бию из-за зависти с намерением провалить его в глазах общественности. По другому варианту, они были благожелателями, но хотели испытать бия и закалить его опытом. Би-судья чувствовал, что спорящие имеют определенные умыслы и захотел продемонстрировать свое знание и умение решать подобные дела. Он проводит три этапа опознания лошади. Спорного коня помещает рядом с несколькими лошадьми такой же масти и сложением тела, как спорная лошадь, и просит их указать своего коня. Стороны безошибочно находят и указывают на спорного коня. В другой раз на всех лошадей накладывает попоны, покрывающие и голову, оставляющие открытыми ноги лошадей. Би призывает спорящих мужчин опознать своего коня по ногам. И оба претендента снова безошибочно находят его. Третий раз би-судья предлагает тяжущимся по очереди подойти ближе к лошадям, опознав своего, на миг придержать его за уздечку. Би, наблюдавший все это, публично выносит свое решение с объявлением одного из спорящих сторон истинным владельцем лошади, а другого наказывает штрафом за нечистосердечность и ложные показания. К такому решению би-судья пришел следующим образом. В первых двух случаях он заметил малоуловимую реакцию лошади на одного из мужчин, когда он проходил мимо нее, но по ней нельзя было сделать определенный вывод. В третий раз, когда мужчины вплотную приблизились к опознанной лошади и придержали ее за уздечку, на одного из них лошадь реагировала ласковым взглядом

и приподняла копыто одной ноги. Из своего совокупного наблюдения би сделал совершенно правильный вывод.

Это решение безымянного судьи стало судебным прецедентом под названием «Таңбалы ат тұяғынан» – «У клейменной лошади и копыта подают знаки».

6. «Елін тапқан нар дауы» – «Спор об одnogорбом породистом верблюде, вернувшемся на Родину». Эта легенда о судебном решении Айтеке би была записана в Кзыл-Ординской области в 1962 году. По рассказам можно предполагать, что это судебное дело возникло в конце XVII или в начале XVIII века – именно к этому времени относится популярность Айтеке би, решением которого оно завершилось. Некий человек, разводящий аруана – одnogорбых верблюдов чистой породы, именуемых «нарами», проживавший в долине р. Сырдарья, продал одну верблюдицу-нара в далекую Туркмению. Спустя два года эта верблюдица вернулась к своему хозяину, преодолев значительное расстояние, равное недельному переходу – около пятисот верст с водной преградой. Этот переход происходил с драматическими событиями. Казахские кочевники-скотоводы хорошо знали особые нравы подобных пород верблюдов – наров. Особенно их самки привыкают к своему родному стойбищу и хозяину настолько, что они на чужбине с трудом адаптируются и нередко возвращаются к своему аулу, как сказывают в народе, чтобы только умереть на своей родной земле. Такое случилось и с проданной на чужбину верблюдицей. Новый хозяин, усмотревший ее непривычное страдальческое поведение, в первый год за нею, ставшей беременной, установил постоянное наблюдение и надзор. Было известно, что верблюдица такой породы никогда не уходит с поля в одиночку вдаль в периоды беременности и сильно привязана к верблюжонку. В одну ночь аруана, когда несколько подрос и окреп верблюжонок, вместе со своим потомком покидает нового хозяина и пускается в бега в поисках своего родословного стойбища. По пути их догоняет хозяин, когда он накинул на голову верблюжонка сеть и последний начал призывать мать о помощи, аруана растоптала всадника-гонца, освободив из плена верблюжонка и вместе со своим «бота» – детенышем скрылась. По пути им предстояло переплыть на другую сторону широкой реки. Верблюжонок,

вступив в воду, прошел небольшой участок реки, но из-за страха не стал следовать за матерью, вернулся обратно на берег. Аруана, также вернувшаяся вслед за верблюжонком обратно на берег, чувствовала по далеким звукам приближение группы преследователей за ними, и когда неоднократные ее попытки заставить верблюжонка переплыть реку не удались, она мощным ударом ноги свалила верблюжонка и растоптала его насмерть, чтобы не достался он гонцам, а сама переплыла на другой берег и скоро оказалась на родной земле. Этот случай обострил отношения соседей – туркмен и казахов. Туркмены требовали возвращения им аруаны, оплату куна за смерть гонца и ответственности за гибель верблюжонка, поскольку, по их словам, эти драматические случаи произошли на территории казахов, да и совершены они верблудицей-аруаной, имевшей намерение возвратиться на свою родину, а следовательно «ее родина» также должна нести ответственность. Казахская сторона предъявляла свои претензии и отказывалась выполнить требования туркмен. Спор разросся настолько, что он мог привести к малой войне между туркменскими и казахскими родами. Долго решение, удовлетворяющее обе стороны, не было найдено. В конце концов они выбрали главным судьей – «Тобе биём» Айтеке би, наиболее уважаемого и популярного не только в юго-западных регионах Казахстана, но и в других соседних землях.

Айтеке би, желая уговорить разгоряченную публику, просил ответить представителей сторон, вначале – представляющих их интересы старших биев, потом – владельцев аруаны, на следующие вопросы: а) «Ұрлық жоқ, зорлық жоқ, қорлық жоқ жерде қандай айып түрлері болады?» – «Какие могут быть наказания там, где нет воровства, насилия и издевательства?»; б) «Еліне қайтқан ерге кім борышты? Жеріне сағынышпен қайтқан нарға кім борышты?» – «Кто считается в долгу перед вернувшимся в свой дом ополченцем, оставившим чужбину? А если нар повторил подвиг мужского пола, какое наказание следует ему?»; в) «Нар тәуекел» басында үлгі болып нардан қалды ма, адамнан қалды ма?» – «Распространенное выражение «рискует, как нар» исходит от действия самого нара или от человека?»; г) «Ұрпағын жауға кимай өлімге қиса кім

жауапты?» – «Какова виновность родителя, выбравшего смерть своему потомку, чем страдание в плену на чужбине?»

Айтеке би своим обращением к участникам судебного процесса, собравшего много людей, выслушав их суждения с акцентом одобрения действий нара, не только смог снять напряжение в спорах сторон. Ему удалось осуществить задуманное: он хотел вызвать и возродить чувство сострадания к животному, сумевшего вернуться на свою родину, пожертвовав своим верблюжонком. Выслушав суждения народа, ответы и выступления представителей спорящих сторон, Айтеке би объявил свое решение, в основном согласованное с «тобе биями» – «старшими биями» сторон: а) первовладелец аруаны оставляет нара у себя с уплатой туркменской стороне ее продажной стоимости; б) учитывая то, что аруана-нар потерпела страдание из-за потери верблюжонка и на восстановление ее прежней силы потребуется затрата, равная половине своей прежней оценки, каковая вычитывается из общей суммы оплаты туркменам; в) смерть гонца и гибель верблюжонка от породистых предков, происшедшие в Степи, – предначертание судьбы. Айтеке би, говорят, заключил свое решение словами: «Аруана заслужила желанной жизни, и она своим поведением только сблизила родственные народы». Это решение бия положило конец длительному спору.

7. «Құланнан туған бесті жүйрік ат дауы» – «Спор о пятилетнем скакуне, рожденным от дикой лошади». Обстоятельство дела: жеребец, преследуя породистую кобылу, которой шел третий год («құнажын байтал»), выгнал ее из табуна лошадей и оставил одну в поле. Скитаясь по степи, двухлетка присоединилась к проходящему стаду куланов (диких лошадей) и выносила жеребенка. Однажды табунщик лошадей, принадлежавших богатому коневладельцу, застиг в степи кобылу и жеребенка в табуне куланов, бросившихся в бегство при виде табунщика и его лошадей. Вместе с дикими лошадьми (куланами) ушла и кобылица, оставив детеныша-жеребенка в поле. Жеребенок был пойман табунщиком, и богатый хозяин традиционным способом «пристроил» жеребенка к одной матке-кобыле («биеге теліп жіберу»), которая и приняла его как своего родного. В пятилетнем возрасте бывший жеребенок

неоднократно становился призером на скачках. Однажды один из посетителей соревнований скакунов обратился к хозяину скакуна со словами: «Мынау менің жылқымнан шыққан ат. Мұның, менің жылқым екендігін сүйегінен таныдым. Атты қайдан алдың?» – «Этот скакун родом от моей лошади. Я его узнаю по сложению и другим, присущим только ему индивидуальным приметам. Откуда у тебя эта лошадь?». Владелец скакуна ответил: «Өз жылқымның, баласы. Өз биемнен туған. Ел біледі – «Он родом из моего табуна: от кобылы, принадлежащей мне. Это могут подтвердить все сородичи». Ни одна из сторон не уступала другой, утверждая, что пятилетний скакун – это ее собственность. Дело разрасталось в крупный конфликт. Сторонами было решено обратиться к известному в регионе Актайлак бию (1742 – 1838), который, выслушав доводы сторон, не найдя перевеса доказательств ни у одной из них, предложил: «Мамыр айында – қой коздағанда келіндер» – «Приходите в период окота овец весной – в мае месяце», тогда и вынесу свое решение. Так и было сделано. Сотни ягнят находились в огороженном кругу. Актайлак би, указав на стадо овец, возвращавшееся с пастбища к своим ягнятам, чтобы кормить их молоком, сказал претенденту на скакуна: «Выбери одну овцу из отары и по ее приметам найди ее ягненка среди многих, содержащихся в отдельном кругу, и приведи его к своей матери-овце. Тот внимательно изучил все индивидуальные приметы овцы, случайно выбранной из стада, и не торопясь перебирал одного за другим ягнят и, выбрав из них одного, привел его к овце. Стоило это сделать, как овца, понюхав ягненка, узнала его и стала кормить. Тут же Актайлак би огласил свое решение в пользу претендента, но сказал: «Бұл ат иесінің енесінен қалған жас құлынды биесіне теліп, өлтірмей мал қылып асырап, қазір міне бәйге аты болды. Мұның еңбегі зор. Сондықтан асыл аттың басын жеті бестіге кесем. Аттың иесі сен, аттың жарым бағасын төле де атыңды ал, болмаса атты иеленіп жүрген кісіден жарым басын ал да, сонымен бітісіңдер» – «Спорный конь, будучи жеребенком, оставшись в свое время в поле в одиночестве, выжил и стал затем призером на скачках благодаря заботе его владельца, который, несомненно, имеет в этом заслугу. Стоимость скакуна оцениваю в пять пятилетних

лошадей. А ты, претендент, уплати половину стоимости и забирай скакуна, а если нет, то забирает его владелец, уплатив половину его стоимости». Такое решение Актайлак би было признано всеми присутствующими справедливым.

8. «Бала дауы» – «Спор о ребенке». В конфликтных ситуациях, ставших разбирательствами в судах биев, порою поиски истины обычными, традиционно-процессуальными приемами могли не дать желаемого результата или вовсе оказывались неприменимы. В таких случаях, смотря по обстоятельствам, применялись иногда приемы психологического воздействия на стороны, имеющие притязания. Историческая память народа сохранила один из таких случаев, связанный с именем легендарного Казыбек би (1667 – 1763), судебное искусство которого было известно по всей обширной Казахской степи. К нему обратились из дальних аулов две женщины, каждая из которых претендовала на ребенка. Одна говорила: «Я потеряла своего ребенка еще маленьким, а сейчас нашла у этой женщины, но она не отдает его мне». Другая оспаривала ее притязания и говорила, что сама родила ребенка. Ни одна из сторон не представляла ни свидетелей, ни сколько-нибудь убедительных доказательств. Казыбек би после некоторого раздумья велел матерям поставить ребенка между собой, взять его за руки и решительным голосом произнес: «Если вы добровольно не хотите сознаться, кто из вас настоящая мать ребенка и каждая из вас не представляет свою жизнь без тела и духа ребенка, я разделю ребенка пополам, чтобы каждой из вас достался вечный образ ребенка, похороненного вблизи вашего жилища». С этими словами Казыбек би вытащил из ножен саблю и будто всерьез приготовился исполнить свое намерение. В этот момент та женщина, которая твердила, что это она родила ребенка, крикнула: «Пусть хотя бы половина ребенка станет моей». Другая, плача, закричала: «Ойбай, би! Не рубите ребенка, я уступаю ей ребенка, где бы он ни был, лишь бы был жив!». И она прикрыла ребенка своим телом, умоляя бия только не делать этого. Казыбек би отступил перед умоляющей его женщиной, вернулся к своему месту и объявил свое решение: «Родная мать никогда не желает смерти своему дитя. Ребенок, бесспорно, принадлежит женщине, настаивавшей «не губить

его». Таково было мудрое постановление, известие о котором со скоростью ветра облетело всю степь.

9. «Ұрғашы түлкі дауы» – «Спор о лисице-самке». К Айтеке би (1681 – 1766) явились два пожилых охотника, которые спорили из-за лисицы, и каждый претендовал на нее. «Сынок, рассуди», – обратились они. Первый сказал: «Я стерег ее возле ее норы с самого начала лета, дожидаясь, пока у лисицы вырастет густая шерсть. Такое время наступит только через месяц. Он (т. е. второй охотник) в той же местности, но вдалеке от норы, пристрелил ее». В свою очередь второй сказал: «Я выследил ее по следам и добыл бродячую лисицу, значит она принадлежит мне». Тут сделаем небольшое отступление. Айтеке би входил в первую тройку самых известных и мудрейших биев-судей XVII–XVIII веков. О нем, как и о Толе би и Казыбек би, бытует и сохранилось в народе, а также в записях путешественников, востоковедов и национальной элиты прошлых веков немало ценных сказов и сведений, в том числе рассказывающих о его оригинальных судебных решениях. И в этом случае проявились его немалые знания о природе.

После уточнения всех деталей, осмотрев убитую лисицу, би огласил свое решение: «Если бы лис был самцом, то он принадлежал бы тому, кто выследил его и добыл, ибо самец любит бродячую жизнь. Но поскольку лиса – самка, то она принадлежит тому, кто стерег нору, так как она не отходит далеко от норы, бережет ее, а самец бродит по степи. Не только посторонние, но и сами охотники были восхищены самой логикой и обоснованием бием своего решения и разошлись, поблагодарив друг друга.

10. «Шідер ат сақтайды, ат ер сақтайды, ер ел сақтайды» – «Тренога бережет коня, конь бережет мужчину, а мужчина бережет свое сообщество». К Толе би привели вора за кражу треноги (шідер), пойманного при попытке снять ее с ног коня, пасшегося вблизи юрты скотовладельца, и просили бия определить ему наказание по законам предков. Чтобы понять смысл бийского решения по этому делу, следует сказать следующее. Лошади в казахском обществе относились к категории особо ценных и охраняемых животных. Кража, угон, захват лошадей, нанесение им телесных повреждений злоумышленниками строго преследовались по степным законам. Вообще, кони

являлись основой жизни кочевников. В законах Есим хана (XVI–XVII вв.), Тауке хана (XVII–XVIII вв.) ответственность за умерщвление коня занимает второе место после смерти мужчины. Интересно и то, что казахское право «Жарғы» не связывало размер штрафных санкций со стоимостью лошади, а оставляло его определение на рассмотрение бия, в зависимости от вида и породистости лошади. Вернемся теперь к предмету рассмотрения Толе би указанной жалобы. Треноги, ограничивающие движение лошади, у кочевников-казахов разделялись на несколько видов: «тұсау», когда стреножены обе передние ноги; «ере» – две параллельные ноги: одна – передняя, другая – задняя ноги; «шал шере» – две ноги накрест: одна передняя, другая задняя; «шідер» – две передние и одна задняя нога. В данном деле речь идет о попытке похищения «шідер» – треножника. Дело в том, что «шідер» изготавливался из плетеного ремня, который стоил дорого, а также из толстой веревки, скрученной из конского волоса. «Шідер» применялся, как правило, для удержания и охраны наиболее ценной лошади. Толе би, выслушав показания вора и свидетелей, как описывается в источниках, «долго сидел, как бы задумавшись над решением, казалось бы, простого дела». Затем би объявил свое решение: виновный в воровстве должен надеть треногу тремя концами на три лошади так, чтобы у каждой было стреножено по одной задней ноге. Затем он должен погнать этих лошадей в разные стороны. Если при этом тренога порвется и освободится от нее хотя бы одна из лошадей, то вор освобождается от ответственности вообще. Тренога оказалась настолько прочной, что она удержала всех трех лошадей. Тогда Толе би обращается к тяжущимся: «Вор должен уплатить «служебную» стоимость треноги, исчисляемую из того, что «шідер ат сактайды, ат ер сактайды, ер ел сактайды» – «тренога бережет коня, конь бережет мужчину, а мужчина бережет свое сообщество». Исходя из этого принципа, а также из примера прочности треноги, би сделал вывод о том, что «бұл шідер – үш ер» – дословно: «эта тренога олицетворяет трех мужчин», а по смыслу: шідер-тренога по силе равна трем силачам, а следовательно, вор уплачивает штраф (аип) – три пятилетние лошади». Решение бия и его логика обоснования меры наказания были положительно восприняты противоборствующими сторонами.

III

Бии-судьи различались по сферам влияния и по степени признания их общественностью. Тобе би занимал верхнюю ступень судебной инстанции. Как правило, этот титул служил мерой популярности, профессионализма в адекватном эпохе понимании казахов-кочевников, приверженных ценностям самоопределения. Бии, более влиятельные и признаваемые в рамках жуза, отдельных регионов и больших родовых коллективов, именовались «Тобе биями». К их титулам прибавлялись названия регионов происхождения и наибольшего влияния. Так, например, жившие во второй половине XVII и первой половине XVIII веков Толе би признавался Тобе бием Старшего жуза, Казыбек би – Тобе бием Среднего жуза, Айтеке би – Тобе бием Младшего жуза. Звание Тобе бия сохранялось за теми биями, которые неоднократно по выбору тяжущихся сторон были в свое время избраны тобе биями в крупных и сложных конфликтных делах. К ним могли обращаться и обращались за их судом из разных мест, родов и жузов.

Кандидатура будущего Тобе бия в сложных, значительных и долгих затянутых делах тщательно обсуждалась сторонами у себя, до обращения в суд биев. Тут следует иметь в виду то, что каждая сторона, защищающая интересы большого родового коллектива, как было заведено, заранее определяла у себя своего Тобе бия, вроде своего главного адвоката. Вот типичный случай. В середине XIX века произошла массовая драка за владение обширным луговым плоскогорьем Алтын-Емел (в Жетысу) между двумя соседними влиятельными родовыми объединениями – Матай и Жалаир, каждое из которых принадлежало разным землям султанов-правителей. При этом погибли четверо от Жалаира, и трое – от Матая. Обе стороны объявили «мият» – призыв к другим поддерживающим родам встать на защиту их интересов на предстоящем суде биев. Жалаиры (из владения султана Тезек торе) послали гонцов к дулатам, крупному родовому объединению, кочевавшему на берегах р. Чу. В свою очередь, матайцы обратились к племенам Аргын. Дело принимало опасное развитие: начальная массовая драка с несколькими жертвами могла перерасти в братоубийственную

войну. Следовало срочно созвать суд биев. На этом пути надо было решить ряд важных предварительных вопросов: куда и к кому обратиться, кого выбрать Тобе бием (главным бием), чтобы состоялся справедливый суд. В свою очередь, каждая сторона готовила своих биев, которые затем выбрали бы главного бия и сами могли бы участвовать истцами на суде. По прибытии посланцев соседних родов султан-правитель Али, представляющий интересы Жалаира, устроил совет известных биев. Среди них были Суранши батыр (из рода Шапрашты), Туганбай би (из района Талгара), Карабай би и Диханбай би (из района Ботабая), Сары би (из рода Сары Уйсын), Байгазы би и Кобекбай би (из района Каскарау), Даутали би (из Самбета) и др. После бурного обсуждения перешли к определению персональных биев, которые поедут на «третейский суд» защищать интересы родового объединения. На вопрос султана-правителя о том, поедут ли туда все здесь собравшиеся би или выберем одного основного представителя, горячие головы отвечали: «Поедем мы все, потопим в крови всех матайцев...». Тогда, говорят, взял слово Болтирик би, известный во всей округе. Его слова о том, что «мы все родственники, как бы ни дрались между собою, обязаны прийти к примирению – таково завещание предков», несколько успокоили разъяренную толпу. После этих слов было решено назначить и направить одного наиболее опытного бия со спутниками как основного представителя в поддержку жалаирцев. Обсуждение и отводы кандидатур происходили следующим образом: каждый самостоятельный подрод выдвигал своего бия. На предложение об избрании Шомай бия (общины Сикым) последовал отвод: «Этот спор о земле значительный, а он не поднялся выше решения в основном мелких земельных дел». Даутали би (из аула Самбет) не получил поддержки по мотивам его «особой полноты и неповоротливости». О Карабай бие говорили, что «он более воин, чем би». Об известном Суранши батыре (предводителе ополченцев) нашелся довод о том, что «он любит сражаться саблями, а не словами». О популярном в то время Сары бие (род Уйсын) был дан отвод, что «он любит больше общаться в толпе женщин и быть в спорах между ними». В дискуссию вмешался сидевший молча мудрец, старше всех по возрасту. Его слова, произнесенные с осо-

бым пафосом красноречия, оказали магическое действие на собравшихся, он сказал: «Мұндай үлкен дауға ауыздыға сөз бермейтін, аяқтыға жол бермейтін, айтулы шебер адам керек. Өз ата Ысты аруағы деп ауыздарыңа алмайсыңдар. Бұл дауға Ысты Бөлтірік барсын. Онан шешен, онан тапқыр қайсын барсын?» – деп біраз тоқтайды да: «Оған серік Кебекбай би болсын, қасына еріп Байгазы би барсын». В этих словах немало непереводимых образных выражений. Они по содержанию выглядят примерно так: «На предстоящем крупном судебном споре на Алтын-Емеле нашу сторону должен представлять не уступающий никому в красноречии и в ведении диалога, непревзойденный оратор и мастер словесности. Почему-то вы не вспоминаете о духе святого предка племени Ысты. Предлагаю направить на суд (биев) выходца из Ысты Болтирик бия. Кто из вас может превосходить его по способностям?» – в этом месте он несколько задумался, а затем и продолжил: «Пусть его сопровождают в помощниках Кебекбай би и Байгазы би». Предложение старого мудреца было принято и решено было снарядить на Алтын-Емел трех указанных представителей от крупного рода Жалаир.

Почти такое же происходило и в районах кочевьев племени Матай. После долгого обсуждения, длившегося несколько дней, было решено, что интересы матайцев будут представлять три именитых лица: Кунанбай би (главный), Кусбек торе и Танеке би.

Известный интерес представляет дальнейшее развитие событий. Спустя 5-6 дней послы прибыли на заранее определенное место, где должен был разбираться спор. Матайцы заняли юрты, специально для них возведенные, и расположились на одной стороне стойбища под названием Коянкоз. На другой стороне расположились жалаирцы. Отдельно от них находились многочисленные гости из обоих родоплеменных объединений. Для них были возведены десятки белых юрт. Жители местности, которая была избрана для рассмотрения спора, принимали послов и посланцев сторон, по традиционному обычаю, как гостей. Полуофициальная часть началась со встречи первых послов сторон – между Болтирик бием (1771 – 1854) и Кунанбай бием (1804 – 1885). Переговоры происходили в традиционной

форме – уважительно и дружелюбно, в философско-логиче-ских словесных состязаниях, выясняющих общие цели и общие контуры исхода спорного дела. Тобе бием – главным бием-судьей был избран Болтирик би. Перед его назначением на этот пост он произнес клятвенные слова: «Мен айтсам, істің дәлелін, биліктің әділін айтам» – «Если мне будет поручено быть судьей, то мое решение будет основано на доказательствах и на справедливости». Так и было – свидетельствуют источники. Болтирик би описал историю местности Алтын-Емел и сменявших ее владельцев на протяжении многих веков, основывая свои слова названиями урочищ, колодцев, надписями и знаками на надгробных плитах, свидетельствующих о принадлежности местности Алтын-Емел многим племенам, в том числе союзу Жалаир, имена далеких и близких предков и детей которого значатся всюду на кладбищах, сооруженных за последние нескольких столетий. Болтирик би объявил, что спорная земля Алтын-Емел является исконным владением родоплеменного союза Жалаир. Доказательная сила решения бия была столь убедительной, что вторая сторона в споре вынуждена была согласиться. Этот случай бийского судопроизводства описан в работе Ж. Дадебаева, в его книге, посвященной Болтирик бию, изданной в Алматы в 1994 году.

Каждое пастбищно-кочевое сообщество, основанное на родовом делении, малом или большом, имело своего бия, причем не одного. Население имело выбор, к кому обращаться. Предпочтение отдавалось биям ближе по кочевьям и более всех известным неподкупностью, знанием и мудростью, т. е. тем, кто отвечал традиционным критериям судопроизводства.

В заключение следует сказать, что существовала система установок и норм, как определяющих суть и конечную цель судопроизводства, так и оснований и методов достижения этой цели в судах биев. Они выражались в кратких и выразительных определениях, часто рифмованных и удобных для запоминания. Би-судья, независимо от его положения и ранга, обязан был не только знать их и вместе с тем уметь пользоваться ими, но и при необходимости толковать их по ситуации, не выходя из рамок логического содержания и целевой ориентации. Нередко к основной идее, заложенной в этих выражениях, чтобы

придать ей красочную выразительность и стихотворную форму, присоединялось какое-либо положение из другой сферы жизни. Так, в установке «Дау мұраты – біткен, қыз мұраты – кеткен» – «Святая цель судебного процесса – это достижение перемирия, а святая цель девушки – выйти замуж» соединены по форме два тезиса, чтобы придать особую яркость первому о том, что «святая цель судебного процесса – это перемирие». В широком употреблении также находилась краткая форма этой установки: «Дау түбі – бітім» – «Свято перемирие в спорах». В судах биев «перемирие сторон» рассматривалось как ближайшая задача, в свою очередь направленная на утверждение стабильности в обществе и единства членов сообщества и народа в целом. Знаменитому Казыбек бию приписывают слова: «Сөз атасы – бірлік, сөз анасы – шындық» – дословно: «Отцом Слова является единство, а матерью Слова является истина». В них передана мысль о том, что цель слова (дебатов) в судах биев в конечном счете – это не нарушение единства членов сообщества, а его укрепление, достигаемое на основе правды и справедливости.

АБАЙ – ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ВЕЛИКИХ КАЗАХСКИХ БИЕВ И ЕГО СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ

Как писал Мухтар Ауэзов, Абай был великим поэтом, мыслителем и выдающимся просветителем, «вместе с тем нельзя упускать из вида того, что он был крупным и популярным бием».¹ По свидетельству современника, «Абай как крупный бий в бийском судопроизводстве по силе своей справедливости и чистоты совести не имел равного в роде Тобыкты в прошлом и в свою эпоху».²

Абай Кунанбаев (1845 – 1904) вошел в историю как выдающийся поэт и классик казахской национальной литературы. Он происходил из рода Тобыкты Среднего жуза. Жил в эпоху, когда огромная Казахская степь потеряла свою государственность и вошла в состав Российской империи в качестве ее окраинно-азиатской колониальной территории. Состояние казахского общества, его ритм развития и институты стали постепенно меняться. Казахстан и его население еще сохранили во внутренней жизни многое из кочевой цивилизации и кочевого быта, значительные остатки родового деления, а также зародившиеся в их недрах, но получившие опережающее развитие нравственные ценности в межлюдских отношениях. Это еще сказывалось и устойчиво проявлялось в области суда и судопроизводства, вместе с тем являвшимися важнейшими учреждениями управления. Абай своей деятельностью и образом мышления возвысил и отчасти возродил эту традицию, вдохнул в нее новую жизнь, хотя и недолгую.

В эпоху Абая, когда просветительские идеи России и Запада стали проникать в казахское общество, в глубине степи еще оставалась достаточно престижная «степная традиция», согласно которой наиболее одаренные юноши и подростки готовили себя к «учебе» в народе и для народа, стать бием «в древней форме». Это открывало путь к общественному признанию. Авторитет такого бия еще был огромен, к нему шли многие люди со своими разногласиями, спорами и исками. Абай со-

---

¹ Көкпай әңгімелері. Абай Құнанбаев. Толық жинағы, том II, Алматы 1940, 275 бет.

² Там же, 376 бет.

знавал это. В народном сознании и на деле би был больше, чем судья, хотя рассмотрение споров и исков было у него основной функцией. Он считался символом справедливости и устойчивости привычных традиционных порядков в обществе. Сам Абай верил в преобразующую общество силу степных законов, основанных на обычно-правовых установлениях. Он писал: «Мен егер закон қуаты қолымда бар кісі болсам, адам мінезін түзетіп болмайды деген кісінің тілін кесер едім» – «Если была бы у меня власть закона, я отрезал бы язык тем, которые считают, что посредством закона нельзя направлять и исправлять поведение людей». Он достиг своей цели: не только запечатлел и оставил свои думы и мечты в стихах, вместе с тем он был титулован обществом «главным биём» (Тобе би), являлся реальным борцом за свои идеалы.

I

Абай следовал традициям ранних и поздних биев Великой степи. Для тех, кто готовил себя к званию народно-профессионального судьи-бия, обязательными были овладение богатством, нормативной и стилевой структурой казахского обычного и прецедентного права, логикой и смысловыми методами толкования его норм, а также архитектоникой и особенностями вынесения судебных решений. Они должны были освоить нравственно-правовое наследие Монке бия, жившего в XIII веке и вошедшего в историю как «отец всех биев». Непременным условием для биев считалось знание установлений обычно-правовых кодексов, известных под названием «Қасым ханның қасқа жолы» – «Исконный путь Касым хана» (XVI век); «Есім ханның ескі жолы» – «Ясный путь Есим хана» (XVII век) и обязательно – «Жеті Жарғы» – «Законы Тауке хана» (начало XVIII века). Абай являлся знатоком этой «старой» и традиционной школы. Он осваивал также более «современную» правовую, судебную и реформаторскую культуру знаменитых биев конца XVIII и XIX веков – Толе би, Казыбек би и Айтеке би, оставивших значительный след в судопроизводстве всей Казахской степи. Абай был, можно сказать, исторически последней крупной фигурой в титуле «бия» в изменяющемся степном правовом пространстве Казахии.

В становлении Абая как бия большую роль сыграли его социальная среда и династическое воспитание. Для его фамильных предков отправление бийского правосудия было традицией. Род Тобыкты из племени Аргын, откуда был Абай, стал известен со времени одного из его предков Иргизбая, который, по некоторым сведениям, родился в 1750-х годах. По данным исследователей, он был в свое время известным бием с богатой риторикой. «В памяти слышавших его надолго сохранились песни, скороговорки, пословицы».¹ Хотя он и не был в ряду славных на весь округ биев, о Иргизбае в обществе сложилось мнение, что он «без устали ходил бийским посредником» в междоусобных спорах по поводу взыскания куна – материального возмещения за убийство. Род Тобыкты, сравнительно не-

---

¹ Сильченко С. Абай. Алма-Ата, 1945, с. 6.

большой по численности, приобрел известность в крас и стал влиятельным при бие Кенгирбае, сыне Иргизбая. На склоне преклонных лет он, в свою очередь, бийское поприще завещал Оскембаю, сыну брата, на глазах формировавшемся как бисудья.

Кенгирбай би не ошибся в своем прогнозе, Оскембай (1778 – 1850), на которого выпал его выбор, впоследствии выдвинулся в число авторитетных знатоков нормативных правил казахского права, прославился своими справедливыми судебными решениями. В роде Тобыкты получило распространение выражение: «Ісің адал болса Өскембайға бар, арам болса Ералыға бар» – «Если ты прав и ищешь правду – иди к Оскембаю, а если ты неправ и ищешь оправдательное решение – иди к Ералы» (Ералы был сыном Кенгирбай бия, которому отец отказал в своем бийском благословении – бата). Кунанбай, сын Оскембая, отец Абая, был наиболее славным и одаренным бием и в силу этого управителем и «вождем» своего рода. Современники рисуют его крупным знатоком норм и истоков казахского права, свободно владеющим богатством казахской словесности, решительным и жестким в проведении своей воли и решений. Абай воспитывался и вырос в этой среде. Лично знавший Кунанбая и общавшийся с ним польский путешественник А. Янушкевич в 1846 году писал о нем: «...Бий Кунанбай, это тоже большая знаменитость в степи. Сын простого киргиза (казаха. – С.З.), одаренный природой здравым рассудком, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о благе своих соплеменников, большой знаток степного права, российских уставов, касающихся киргизов (казахов. – С.З), судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей Кунанбай стяжал себе славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешат за советом молодые и старые, бедные и богатые».¹

По словам самого Абая, «в поведении каждого есть три источника: от предков по мужской линии, от матери и сверстников. Наибольшее влияние оказывает из них тот, который особенно им уважаем». Абай воспринял все разумное, нравственно высокое от каждого из них и в наибольшей степени – от отца

---

¹ Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алматы, Казахстан, 1966, с. 61-62.

Кунанбая. Он высоко ценил в нем глубокое познание степных законов и уверенность в их ценности, его красноречие, гибкий ум в управлении и судебных делах.

Люди по-разному мечтают жить и служить своему Отечеству. По традиции и кодексу поколений каждый образованный человек в степи мечтал быть «первым среди кочевников», оратором, искусным и справедливым бием. Слова знаменитого Талебня, к которым казахи относились как пророчеству: «Тұман түбі жұт, ақыл түбі құт, елге бай құт емес, би құт» – «Туманы густые ведут к бескормице скота, а его величество разум – к изобилию. Не богатство, а справедливый би служит оздоровлению нравов общества». Стремящийся идти по стопам предков хранит в душе их заветы и старается освоить их наследие. Абай был наиболее одаренным и реальным преемником на этом пути. Он, можно сказать, с колыбели увлекся народными сказами и легендами, приемами словопрения и красноречия, принятыми в казахском обществе. С юных лет он выработал в себе привычку слушать и вникать в слова и наставления старших, особенно биев – представителей родовых объединений. Его отец Кунанбай рано заметил природный и приобретенный дар своего сына, возлагал на него большие надежды и считал, что Абай будет достойным продолжателем традиций рода и его дел. Отдавая юного Абая на воспитание и учебу в медресе Ахмета-Риза в г. Семипалатинске, он преследовал эту цель. И когда отозвал к себе сына, не дав окончить ему полный курс обучения в медресе, также исходил из этой цели – передать его в учение известным старцам, чтобы потомок овладел, пока они живы, искусством бийского судопроизводства. Абая наблюдал тяжбы, постоянно происходящие на известной на весь округ Кояндинской ярмарке в Каркаралах. Мухтар Ауэзов, наиболее авторитетный исследователь и биограф Абая, об этом периоде его жизни писал: «Отец вернул его в аул и начал постепенно приучать к разбирательству служебных дел, к будущей административной деятельности главы рода. Вращаясь в кругу изошренных вдохновителей межродовой борьбы, Абай, наделенный от природы недюжинными способностями, постигает тончайшие приемы ведения словесных турниров, где оружием служили красноречие, остроумие и изворотливость. Так как

тяжбы решались не царским судом, а на основе веками существовавшего обычного права казахов, Абай должен был обратиться к сокровищам казахской народно-речевой культуры».¹ На это указывает и исследователь М.С. Сильченко. По его утверждению, Кунанбай своего сына с 13 лет «стал привлекать к решению спорных дел и управлению родом». В другом своем труде он добавляет: «Незаурядные способности сына, его ораторские данные и знание поговорок, изречений биев и других видов устного народного творчества вскоре сделали юношу весьма популярным в среде окружающей отца феодально-родовой верхушки Тобухтинского рода».²

Абай, как губка, впитывал знания. Его незаурядный ум с юности был отмечен сородичами. Увлекающие мыслительные формы и красноречие, обширное знание пластов традиционных и в то же время гибких обычно-правовых правил Степи, удачность и справедливость его судебных решений – все это свидетельствовало о зрелости и готовности Абая для выполнения функций бия. Его отец, зорко следивший за поведением и ростом сына, все больше убеждался в правильности своего намерения сделать из Абая администратора-политика в местном управлении, что считалось в то время высокой должностью. Сын Абая Турагул вспоминает: «Әкем әуелі Құдайберді болып болып сайланғанда оның кандидаты (орынбасары) болып тағайындалды» – «Когда Кудайберды (сын старшего брата. – С.З.) был избран волостным правителем, Абая пристроили к нему кандидатом (заместителем)». После царской реформы местного управления 1868 года отец задумывал выдвинуть Абая в качестве претендента на новоучрежденную должность волостного управителя, что давало возможность быть ближе к царской администрации, а также заниматься и делами местными. По некоторым данным, Абай согласился на это не дал. На этой почве произошла размолвка во взаимоотношениях отца и сына. Воля старшего все же взяла верх. По словам современника, Абай «в 30 лет избирается управителем в одной

---

¹ Ауэзов М. Жизнь и творчество Абая Кунанбаева. сб.: «Жизнь и творчество Абая», 1954, с. 7-8.

² Сильченко М.С. Абай – классик казахской литературы. Стенограмма лекции. 1949, с. 4-5.

из волостей рода Тобыкты (Қоныр-көкше Тобыкты). Эту свою административную должность Абай активно использовал для возрождения былых нравственных начал справедливости в суде и управлении, для искоренения воровства и обеспечения единства в народе, для разъяснения пользы образования и искоренения отсталости в кочевых коллективах».¹

Крупный казахский писатель и литератор Сабит Муканов об этом периоде деятельности Абая писал: «Он был тверд и решителен в борьбе со случаями скотокрадства и антиобщественными деяниями, не знал пощады к разным преступникам».² Абай, преданный рациональной старине, в то же время был представителем нового поколения общественных деятелей. Он призывал молодежь к образованию, повернуться лицом к просвещенной России и к культуре Запада. На этой почве он нажил немало противников из среды людей с консервативными взглядами. Они обвиняли Абая в «нарушении» вековой традиции и «спокойного течения» жизни степного населения. Появились доносы на него в местные органы царской администрации. За три года пребывания в должности волостного управителя Абай оставил о себе в народе немало впечатляющих примеров. К своей славе бия, искателя правды и справедливости добавил роль должностного борца за народные интересы и просвещение народа. Через некоторое время однородичи второй раз призвали его к избранию на должность волостного управителя. Независимо от своего официального положения, он всю сознательную жизнь оставался активным участником в делах местного управления и пытался своими действиями, внушениями и советами внедрить свои убеждения в массы и в деятельность местных должностных лиц. Временами его охватывало разочарование от косности эпохи и отсталости общественных отношений и сознания кочевников. По мнению авторитетного литератора Ильяса Жансугурова, иногда Абай испытывал безысходность и стал сомневаться в продуктивности своей новаторской деятельности среди казахов. В стихотво-

---

¹ Научная библиотека Республики Казахстан. Рукописный фонд, д. 629, л. 61.

² Муканов С. Абай туралы монография. Научная библиотека РК. Рукописный фонд, д. 620.

рени «Ел бұзылды» – «Жизнь уходит, и сбыться мечтам не дано» переданы его переживания и сострадание к людям, что «остается больше несбыточной мечтой стремление принести благо народу, используя власть».¹

---

¹ Жансүгіров І. Абай. Толық жинағы. Кіріспе сөз. Алматы, 1 бөлім, 1993, 24 бет.

II

При жизни Абай-поэт был более известен как крупный знаток системы и норм казахского права «в древней форме» и как популярный в народе бий-судья, овладевший искусством и арсеналом решения спорных и конфликтных дел по образцам «старых» биев. Для последних обязательными считались кроме знания норм степных уложений красноречие, духовность, беспристрастие и непременно владение богатством логической технологии построения суждений о фактах, достижение высокой степени убедительности для участвующих в судебном процессе сторон. Именно таким был Абай. С его участием в качестве «высокого судьи» – «тобе бия» были улажены и решены многие стародавние конфликты, осложнившие отношения между родовыми сообществами и целыми регионами, приводившие нередко к столкновениям между ними и к разорению населения. В народе о нем при жизни сложилось устойчивое мнение о том, что «Абайға жүгініске барсақ, билігіне құлдық» – «Идти к Абаю на его суд – это беспрекословное доверие к его решению», «Абайдың бітімі – арман шегі» – «судебное разрешение Абаем – предел мечты».

Вторая половина XIX века, когда жил и творил Абай, была периодом заката былого престижа казахского правосудия. Россия при проведении своей колониальной политики в крае в качестве одной из основных задач ставила внедрение в нем начал правовой системы империи путем ослабления влияния старых местных судов как оплота сохранения самобытности, автономной самостоятельности казахского кочевого общества. Би́и стали выборными и служилыми от правительства. Влияние традиционных биев в той или иной мере сохранилось в основном в низовых звеньях аульно-кочевых коллективов, куда еще слабо доходила власть «избранных» биев-судей, в деятельности которых преобладали административные властные методы.

Наследие Абая в виде судебных речей и решений в его личной записи и прямой записи других лиц не сохранилось. Возможно, таких записей и не было. Восполнить их в полном объеме в силу этого факта уже невозможно. Но есть один важнейший

источник – это устная степная историография, в которой запечатлены и схвачены «навечно» наиболее удачные умозаключения, оригинальные и запоминающиеся решения, несущие глубокую смысловую и риторическую нагрузку. Чем ближе эпоха к нам, тем полнее и достовернее сведения, содержащиеся в устной историографии. Абай в первую очередь был гордостью рода Тобыкты. К его наследию сородичи относились особенно бережно, передавали из поколения в поколение, частью сохранили в фамильных и семейных архивах в виде записей по воспоминаниям. К сожалению, в периоды повторяющихся массовых репрессий и голода в Казахстане при Советской власти, а также из-за ее государственной политики нигилизма по отношению к историческому прошлому нерусских народов, в том числе казахов, многие из них не дошли до наших дней. Из-за боязни хранителей быть обвиненными в национализме, они сами вынуждены были часто уничтожать рукописные записи. Отдельные скудные сведения о судебных выступлениях и решениях Абая сохранились в рукописном фонде библиотеки Национальной академии наук. Поистине кладовой нашего познания о них служила, как всегда, несмываемая «библиотека» памяти масс. При жизни Абая его яркие выступления на состязательных судебных процессах, защитительные речи на суде биев, полные силы логики, словесности и убедительности, нацеленные на утверждение начал нравственности и законности в обществе имели большой общественный резонанс и пользовались огромной популярностью. В виде диалогов, сгустков мыслей и прецедентных норм они, как образцы и эталоны самой степной жизни, отложились в массовом сознании и отчасти в записях его современников, особенно близких к роду Тобыкты, к которому принадлежал Абай. В 50-60-х годах XX века некоторые из знатоков абаевского литературного и судебно-правового наследия еще были живы. В самом начале XX века, вслед за кончиной Абая, его преданный воспитанник-родственник поэт Коктай (сын родного брата Исаака), по совету одного из крупных общественных деятелей из числа национальной интеллигенции Алихана Букейханова, собрал и издал в 1909 году в Петербурге сборник стихов Абая. В нем наряду с произведениями Абая содержались и отрывки о его бийской

деятельности. В 50-60-х годах XX века для сбора материалов – правового наследия Абая, сохранившихся еще в особенности на его родине, под моим руководством была организована специальная творческая группа. Для работы в ней мы привлекли аксакалов – знатоков наследия, в основном выходцев из рода Тобыкты. В их числе были: Акат, сын Кудайберды, старшего брата Абая, С. Касиманов, Алкуат Кайнарбаев и другие. Они были зачислены на штатные должности Института философии и права Национальной академии наук, директором которого я являлся. Был собран и накоплен ценнейший материал, часть которого спустя почти 50 лет была опубликована в сборнике, посвященном знаменитому Айтеке бию.

Индивидуальной особенностью Абая был его природный дар психолога, умение составить определенное представление о человеке по его облику и выражениям. Он нередко устраивал психологические диалоги и опыты. Как вспоминала Камалия, сноха, к которой Абай относился как к своей родной дочери, однажды Абай у гостившего у него Сактыбая, славившегося находчивостью и приходящегося ему родственником (он был братом Улжан – матери Абая), внезапно спросил: «Если бы мы вчетвером - братья Танирберды, Искак, Оспан и я обеднели и остались бы без средств существования и обратились к тебе в поисках приюта, как ты распорядился бы нами и использовал нас по склонностям?». Сактыбай ответил: «Танирберды поставил бы смотреть табуны лошадей и ходить за ними, Искака – принимать гостей и ухаживать за ними, Оспана сделал бы торговцем, а тебе поручил бы быть судьей». Абай, говорят, отметил наблюдательность и похвалил Сактыбая за почти точное распознавание их характеров и склада личности.¹

В настоящем издании приведены 12 судебных постановлений Абая: 5 из них относятся к земельным спорам, а 7 – к имущественным тяжбам. Содержание этих дел и некоторые процессуальные моменты разбирательства описаны подробно. Тем они и ценны. В них воспроизведены ход и модели бийского судебного процесса, в котором би-судья играет активную роль, становясь то защитником, то обвинителем, будучи и тем и другим. К Абаю как бию обращались свои и чужие,

---

¹ Ғылыми кітапхана. Қолжазба қоры. 628 іс, 195 бет.

мужчины и женщины, бедные и богатые, причем нередко с обвинениями самых близких из династии Кунанбаевых. Би оставался судьей, священными принципами которого были беспристрастие и равное отношение к сторонам-участникам. Таковы были жесткие нравственные правила казахского правосудия «в древней форме». «Тура биде туған жок, туғанды биде иман жок», – гласит одно из кратких и емких правил степного закона. Оно означает: «На суде у настоящего бия не бывает родичей, а если он стал бы делить на своих и не своих, пришедших к нему на суд, то он аморален».

В своих судебных решениях Абай выступал в двоякой роли: как хранитель и толкователь кодекса обычно-правовых норм казахов и как носитель лучших традиций бийского судопроизводства. Абай по примеру поколений судей считал, что неписаное степное законодательство обладает широтой применения и что в нем имеются основные нормативные установления, которые являются фундаментальными в кочевом казахском обществе и в то же время есть мобильная и гибкая их часть, изменяющаяся с изменением условий и времени реализации. Знаменитые казахские бии-судьи были вместе с тем и реформаторами обычно-правовых нормативов, в том смысле, что их судебные постановления нередко имели прецедентное значение для других судей и судов. Они дополняли и обогащали казахское право, придавали ему устойчивость и стабильность, одновременно делая его и консервативным, и гибким. Этой традиции следовал и Абай.

Ряд судебных решений Абая вошел в историю казахского права как прецедентные правовые, даже нравственно-правовые установления. Таковыми являются его правовые резюме: по делу №1 – «Әдепсіз өскен ұл-қыз өлген ата-анасының сүйегіне тіл тигізеді» – «Невоспитанны дети, которые покушаются на святое имя умерших родителей»; по делу № 1.5 – «Жер бәйбішеге екі есе, тоқалға бір есе есебінен бөлінеді» – «При разделе земли старшей жене (байбише) должно быть выделено два раздела земли, а младшей жене (тоқал) – один раздел земли»; по делу 3.2 – «Өз жесірін өзі алса – бітім жақын» – «Вдова, доставшаяся родным умершего мужа по своей воле, – ее волеизъявление является приоритетным»; по делу 2.7 – «Өзі

қылған өкінбейді» – «Не делай того, по поводу чего придется потом сокрушаться (винить себя)» и др.

Судебные процессы, приведенные в материалах излагаемой книги, раскрывают новые грани таланта и деятельности Абая как «тобе бия» – «главного бия» и вместе с тем показывают громадный внутренний потенциал и регулятивный механизм традиционного казахского права. В 1909 году, через пять лет после смерти Абая, в Петербурге вышла книга с его стихотворениями, подготовленная его близкими родственниками. В ней говорилось: «20 жасында Абай халық ортасында Мөңкедей бас шешен болды... Қазақтың ескі заманы болса, бұрынғы қазақтың атакты биінің бірі болмағы анық еді» – «В 20 лет Абай стал главным трибуном, как Монке би в свою эпоху... Если было бы старое время, то Абай был бы одним из знаменитых биев».¹ Послушаем теперь самого Абая. Он с горечью констатирует большую разницу между традиционными биями и биями периода российской колонизации, отмечает, что с качественными изменениями эпохи изменяются формула и суть биев, ставших больше служивым сословием, и о заметном падении таких высоконравственных критериев, как правда и справедливость, имевших прежде первостепенное значение в их деятельности. Абай писал: «Бұл билік деген біздің қазақ ішінде әрбір сайланған кісінің қолынан келмейді... ол ескі сөздердің қайсысы заман өзгергендіктен ескіріп, бұл жаңа заманға келіспей тұрған болса, оның орнына танымды толық билік шығарып, төлеу соларға жарамды кісі болса керек еді, ондай кісі аз, яки тіпті жоқ»² – «У казахов не каждый может быть бием, если он даже избран правительством... Он должен следить за старыми нормами, и если они перестали соответствовать новому времени, то их нужно заменить новыми с тем, чтобы они служили обществу. Таких биев настолько мало, можно сказать, их вовсе нет». С колонизацией Казахской степи царским правительством многое изменилось. Одним из новшеств является введение «выборных» биев, которые фактически стали орудием в руках местной администрации.

¹ Әйтеке би. Алматы, «Атамұра» баспасы, 1998 ж., 116 бет.

² Абай Құнанбаев. Шығармаларының екі томдық жинағы. 2 том, А., «Ғылым», 1977.

III

Абай в 20 лет становится известным бием. При жизни его называли не иначе как «аузымен құс тістеген ақпа дәугер, алмас тілді акын, әділ билік иесі» – «кудесником красноречия и вершителем справедливых судебных решений, мастером диалогов и поэтом». Он был настолько известен и авторитетен, что, хотя не занимал долго официальных должностей, его голос и рекомендации в судах биев и на выборах местных начальников имели доминирующее значение. О нем заговорили не только в своей волости и уезде, но и во всей Семипалатинской губернии. Сведения о нем как о бие, пользующимся возрастающим уважением в народе, дошли и до царского губернатора, который не прочь был привлечь его к общественной службе.

Интерес к казахскому праву, его системе и нормам во второй половине XIX века оставался значительным как со стороны части просвещенных местных царских администраторов, так и в особенности среди русских ссыльных, демократически настроенных ученых интеллигентов, живших в городах Омске и Семипалатинске и побывавших в Казахской степи. Они нередко посещали аулы Абая, чтобы встретиться с ним и получить сведения о казахском праве. Так, П.Е. Маковецкий в своей книге, изданной в 1886 году и посвященной казахскому обычному праву, указывает, что он был знаком с Абаем, близок к нему, месяцами жил в урочище Жидебай, записывал с его уст судебно-правовые нормы казахов. У Абая гостили ссыльный Михаэлис, бывший студент Петербургского университета Гросс и другие. О них упоминается в сборнике стихов Абая, опубликованном в 1909 г. в Петербурге: «В доме Абая были частыми гостями Гросс и Михаэлис, собиравшие древние обычно-правовые нормы казахов, как это делал Маковецкий для своей книги».¹

В эпоху Абая «старые» бии, какими они были несколько веков тому назад, искусные и честные, мыслящие и умные, были редки, их можно было пересчитать по пальцам. Одним из них был сам Абай. Его в народе называли ласково «Абай, Кунанбая

---

¹ Әуезов М. Абайдың туысы мен өмірі – Абай. Толық жинағы. Қызылорда, 1993, 361 бет.

сын», «Ибрай от династии Кунанбая», а иногда – «необычным молодым».

Абай в свою эпоху и среди своего народа имел огромную популярность. Этому способствовали, кроме ценности идеалов, его талант красноречия, свободное владение богатством национального языка и словесной культуры, умение вести диалоги в судебном процессе и выносить логичные по конструкции и убедительности решения.

Достоинства бийских решений Абая состоят в том, что они утверждают человечность и моральные ценности. Он служил примером и давал практические уроки о роли и месте суда и судебных решений в установлении общественного порядка и согласия между людьми.

Абай был последним из великих биев, на короткое время озарившим светом правовой мрак на небосклоне колониального Казахстана. Свой унаследованный от предков опыт и богатое знание в области «степной» юриспруденции, свой талант и интеллект Абай посвятил оздоровлению в первую очередь нравственного климата в кочевых и полукочевых сообществах. Усилия его в этом имели определенный резонанс и оставили заметный след в духовной истории казахов.

ОБОЗРЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАХСКИХ ХАНОВ

1. Об истоках и источниках казахского права («Жарғы»)

Мир права и правопонимание казахов уходят в глубь веков, в течение которых меняли друг друга империи и социально-политические режимы на центральноазиатском и евроазиатском пространстве, где жили казахи и их предки, которые входили в конфедерацию кочевников-скотоводов, занимавших доминирующее положение на этом участке планеты. Все это представляет общую ситуационную обстановку для всех кочевых обществ. Казахское кочевое общество и его миро- и правопонимание формировалось несколько особо, в другой орбите кочевого общества, где были развиты институты степной демократии с акцентом на моральные их ценности, была сильна роль правосудия и риторики как средства обоснования состязательности суждений, а также были ценимы чувства и приверженность кочевников к свободе самоуправления и самоутверждения. По указанным компонентам казахское общество, можно сказать, намного опередило свою собственную кочевую, степную основу, в недрах которой оно формировалось. Если существовала кочевая цивилизация в мире, причем на разных местах по-своему, если понятие о кочевой цивилизации жизненно, а я думаю, она была реальностью, то она именно в указанной модели и в развитой форме существовала на территории Казахстана. Это – не результат воображения исследователя, пытающегося приукрасить и возвысить одну часть кочевых регионов по каким-то субъективным соображениям. Объяснение этому содержится в трех факторах из областей географической, социально-политической и нравственной.

Первый фактор – это наличие здесь огромного малонаселенного естественно-природного пространства, весьма удобного во всех отношениях для развития скотоводства, основанного на кочевом образе жизни, единственно возможном и преобладающем виде жизнеобеспечения в тех исторических

условиях средневековья для большинства обитателей Центральной Азии. «Райским уголком» кочевников называли этот огромный земельный массив с богатым травостоем и водоемами, пастбищно-луговыми долинами, лесными районами и степной зоной, занимающий сотни тысяч квадратных километров от Иртышско-Енисейской зоны на севере до озера Балхаш и р. Сырдарья на юге, от урало-волжских степей и песков Каракумов, Мойынкумов на западе до истоков семи рек (Жетісу), Джунгарских ворот на востоке. Эта обширная область называлась Кипчакской степью, вошла в литературу как Восточный Дешт-и-Кипчак. Она как наиболее обширный и значимый регион в свое время была отдана Чингисханом своему старшему сыну Джучи. Впоследствии на большей части этой территории образовалась «Золотая Орда» – «Ақ Орда».

Фактор второй. Эту обширную территорию населяли сообщества кочевников с вольной психологией, основу и источником пополнения которых составляли: а) ревнители и защитники свободы кочевого образа жизни и ее традиционной культуры; б) пришельцы, отделившиеся по разным причинам от массы подданных империй гуннов, кипчаков, монголов и тимуридов, правители которых совершали почти непрерывные изнурительные завоевания и походы. Немаловажное значение для «откочевников» имели притеснения на местах прежнего пребывания, а также навязывание им, нередко и силой, новых порядков, в том числе клерикально-религиозных, милитаристских учреждений, расходившихся с обыденным миропониманием и взглядами кочевого населения; в) искатели пастбищно-кочевых просторов и свободы самоопределения. Такая мироустановка кочевого населения Кипчакской степи формировалась в процессе многовекового, устойчивого его развития в основном на своей собственной базе.

Фактор третий – это то, что эта обширная область (Восточный Дешт-и-Кипчак) вобрала в себя культуру вольных кочевников и кочевой цивилизации, в ряде случаев созвучную с общечеловеческими ценностями. Таковыми были приоритеты, имевшие жизненную силу в обществе, – это Царство слова и Царство правосудия, это первенство индивидуального сознания о равенстве всех и каждого в правах даже в условиях

социального неравенства внутри кочевых коллективов, разделенных на богатых и бедных, на знать и подданных. Уникальным был мир права казахских кочевников, основанный более на гражданских, «народных» и нравственных началах обеспечения коллегиальности в решении важных вопросов единства кочевников.

Казахское право («Жарғы») – это во многом селективное право, выражающее общее и особенное в развитии кочевого общества в Восточном Дешт-и-Кипчаке (Кипчакской степи). Оно представлено как бы естественным отбором из правовых массивов кочевых обществ, сменявших друг друга на протяжении многих веков в истории Центрального Казахстана. Следовательно, в нем есть нормы и следы от гуннов и тюркских каганатов, от кипчаков и Монгольской империи.

Следует также иметь в виду, что казахское право («Жарғы») не было общегосударственным правом в рамках Казахского ханства, хотя оно доминировало в нем. Оно относилось к кочевому населению государства, существовало относительно отдельно от права оседлого населения – от городского и земледельческого права. Это вовсе не означает отсутствия связей и контактов, наличия отдельных общих правовых норм между ними. «Степное право» характерно большей консервативностью и внутренней устойчивостью. При самых интенсивных связях с оседлыми центрами оно не только не теряло свой строй, свое «я», а, наоборот, укреплялось, поскольку укреплялась его основа и адресат регулирования – кочевое общество. Кочевые сообщества всегда были опорой и базой военного могущества и экономической стабильности Центрально-Азиатского региона и орд. Города и оседлые центры часто подвергались ограблению и разрушению в годы войн и междоусобиц, которые велись почти непрерывно. Между тем кочевые сообщества из-за подвижности и пространственной ориентации их жизнедеятельности относительно мало подвергались подобным испытаниям, а если таковые случались, то они быстро восстанавливали свою жизнеспособность в прежнем, традиционном цикле. Мощным охраным началом и стимулом воспроизводства кочевых обществ на их собственной основе являлись, наряду с родовой структурой, и правовые учреждения, законы,

имевшие силу регулятивной установки в организации внутренней жизни кочевников. Существовала эффективно действующая прямая и обратная связь: чем сохраннее в своей основе кочевое общество, тем прочнее правовые учреждения, законы в нем, чем больше обладают регулятивной силой внутренние законы, тем устойчивее сами кочевые сообщества. Именно в контексте состояния кочевого общества следует рассматривать действующие в нем правовые учреждения и их регулятивную эффективность.

Казахское право («Жарғы»), в имманентном его понимании, формировалось и достигло развития в Кипчакской степи в условиях большой свободы кочевников и самоопределения кочевых сообществ. Оно было одним из определяющих качественных элементов кочевой цивилизации и ее культурных ценностей в Центральной Азии.

В кочевом казахском обществе особое значение придавалось регулятивным нормам, имевшим обязательную силу, абсолютная масса которых применялась на уровне традиционных, обычных стандартов поведения. Их в народе называли «әдет заңдары» («законы обычаев»), «жарғы» («установления»), «дала заңдары» («степные законы»), «билер заңдары» («законы биев»), в отличие от обычаев вообще, которые и были основными их источниками. Они излагались в лаконичных, ритмичных и кратких, легко запоминающихся формах. В письменных тюркоязычных памятниках VIII–IX веков встречаются призывы и утверждения каганов-правителей: «Ей, түрік! Жоғарыдағы аспан құламай, төмендегі жер тесілмей сенің мемлекетінді, әдетінді кім жоя алады!»¹ («Эй, тюрк! Никто не может лишить тебя твоей государственности и обычаев-законов до тех пор, пока не разверзнется небо и земля не уйдет в пропасть!»). И при Касым хане говорили: «Хан болсын, ханға лайық заң болсын» («Если он и хан, но и он должен принимать закон как должно»).

Основными источниками казахского права («Жарғы») были: обычаи, приспособленные к обслуживанию кочевого общества и общественно-управленческих отношений в нем;

---

¹ Древнетюркская цивилизация: памятники письменности. Алматы, 2001, с. 249.

судебные прецеденты, постоянно дополнявшие и корректировавшие обычно-правовые нормы адекватно и в соответствии с изменяющимися внутренними и внешними условиями в жизни общества и государства; ханское законодательство. В истории Казахского ханства известны законы ханов Касыма, законы Есима и Тауке. Каждый из этих законов носил особое название, как правило, присвоенное ему подданными, в котором схвачены и выражены свойства, суть и направленность этих актов. Это особенно заметно в кочевом обществе казахов, в котором устная риторика и пространственная ориентация мысли, ее выразительность, краткость и удобство запоминания ценили, и ценили особо.

В данной статье рассматриваются законы ханов Касыма и Есима, по которым нет определенной ясности и которые вызывают наибольшее разночтение.

2. Государственная политика и законы Касым хана

С именем Касым хана (последняя четверть XV–первая четверть XVI веков) связан комплекс законов, вошедший в историю под названием «Қасым ханның қасқа жолы». Их содержание и направленность, цели, преследуемые в них, тесно связаны с государственной политикой Касым хана, вернее, ее выражают.

2.1. Политика, ориентация и взгляды Касым хана

Касым хан в истории Казахстана занимает выдающееся место. Вступив на ханский престол в 1510 году, т. е. когда еще не прошло и полвека после образования Казахского ханства,¹ получив в наследство раздробленные, разноплеменные улусы, занимавшие ограниченные по площади территории, не успевшие еще сложиться в единую государственную власть, он после себя оставил громадное и единое в мерках того времени государство, по площади почти равное современному Казахстану. Правда, все это произошло не в течение десятилетнего его официального пребывания во главе ханства (1510 – 1521), а началось намного раньше, когда султан Касым еще не носил ханского титула, но фактически был вторым ханом, наряду с Бурундук ханом, т. е. в результате более чем его 50-летней государственной деятельности, в том числе и в роли султана-военачальника и администратора на большей части ханства.

С нарастающим ростом влияния и повышения управленческой функции Касым султана, который не был еще ханом, падал престиж Бурундук хана в народе, хотя его определенную заслугу в расширении границ и укреплении казахского государства умалять нельзя. Не разногласия с Касым султаном, хотя нельзя исключить и этого, а главным образом в результате выхода из его повиновения большинства родоначальников

---

¹ Образование самостоятельного Казахского ханства произошло в 60-х годах XV века. Его первыми ханами были султаны Керей и Жаныбек, отделившиеся со своими приверженцами из владений Абулхаир хана (Узбекское ханство), распространившего в то время свою власть и на обширную Кипчакскую степь.

и перехода их на сторону Касым султана вынудили Бурундук хана оставить власть в Кипчакской степи и удалиться в г. Самарканд, к другим чингизидам, с некоторыми из которых он имел родственно-брачные связи.

Касым султан был третьим сыном одного из основателей Казахского ханства Жаныбек хана, который в свою очередь довольствовался второй ролью в ханстве после Керей хана. Керей хан был старше Жаныбек хана по генеалогии, возрасту и своему наследственному улусу. Принцип старшинства в системе власти чингизидов оставался незыблемым. После смерти Керей хана власть перешла к его сыну Бурундук хану, который считался старшим по отношению к наследникам Жаныбек хана. Это, однако, как указывалось выше, не мешало росту влияния Касым султана во внутренних и внешних делах и иметь больше авторитета в глазах соседних государств и в среде подданных ханства. Бурундук хан мирился с таким положением: вначале из-за совпадения целей их политики, а позже – оказавшись перед фактами, изменить которые был уже бессилён.

Казахское ханство в последней четверти XV и первой четверти XVI веков – в периоды Бурундук хана и Касым султана, а в особенности, когда последний стал единовластным ханом, превратилось в центр объединительного движения казахских земель, быстрого роста кочевых коллективов, переходивших большими массами и кочевыми территориями в состав ханства. Так образовалось огромное казахское государство, почти равное по площади современному Казахстану, даже и больше, если учесть так называемые «лесные народы», расселенные севернее, в Иртышско-Енисейской зоне, находившиеся под властным влиянием Казахского ханства в годы пика его роста.

Не сбрасывая военные и мирные успехи казахских ханов в расширении территориальных границ ханства, которые, разумеется, играли значительную роль, следует указать на одно важное в этом деле обстоятельство. Это – этноним «казах», вместе с тем имевший в ту историческую эпоху огромное социально-политическое и духовно-идейное значение для объединения кочевников.

Известный знаток средневековых восточных источников В.П. Юдин, назвавший одно из своих исследований «К этимологии этнонима казах (қазақ)», писал, что в XIV–XVI веках «казаками именовались также целые коллективы, которые по какой-либо причине уходили от своего народа».¹ Эти причины были разные: притеснение и недовольство в местах обитания, усталость кочевников от войн и междоусобных распр между улусовладельцами. Если говорить на современном языке, то наиболее глубинной причиной, служившей естественным двигателем ухода или бегства массы кочевников из-под власти узбекского союза (вначале Керей и Жаныбек султаны) в пределы соседнего Чагатайского улуса, в Могулистан (в Семиречье) и присоединение к ним все большего числа новых и новых улусов, была инерция к более свободной жизни и к свободе вообще. На этом пути казахам пришлось пройти и пережить огромные трудности, и сама природа «казакования» – стремления к вольной жизни – воспитывала в них стойкость. «В глазах простых смертных казак был олицетворением мужества, отваги, стойкости, неприхотливости», – указывает В.П. Юдин. Далее он писал, что в глазах одних людей «жизнь казака была окружена ореолом славы, а у других вызывала страх». Все это, по его мнению, «очень рано привело к тому, что вокруг них стали создаваться легенды и жизнь их была опозитивирована».² Между понятием «казак» как названием определенного этноса (народности) и понятием «казак» как социальным наименованием отдельных кочевых групп и сообществ, отделившихся от основной массы населения в поисках свободного самоопределения и лучших пастбищ, которых, видимо, было немало в разное время и в разных районах, существуют определенная связь и вместе с тем большая разница. Казахи как этнос направленно формировались в условиях их политической консолидации, а под термином «казак» обозначали слои кочевников, отделившихся от основной массы кочевого населения и удалившихся на окраинные земли, за которыми впоследствии закрепилось это название. В этом значении и смысле слова «казак» и «каза-

---

¹ Юдин В.П. Центральная Азия в XIV-XVI веках глазами востоковеда. Алматы, 2001, с. 148-149.

² Там же.

хи» как социальные понятия были известны задолго до образования Казахского ханства. Источники говорят о них начиная с IX века. «Свободные беглецы» и «удальцы» – казахи, наиболее обездоленные и закаленные в трудностях, отважные в борьбе за свою свободу, составили базу и серьезное пополнение для Казахского ханства.

2.2. Казахское ханство становится одним из крупных государств в Центральной Азии и центром консолидации казахского народа

В лице Касым хана история Казахстана имела мудрого, яркого, талантливого и преданного отечеству выдающегося правителя. Его полувековую государственную, военную и дипломатическую политику и деятельность можно смело называть политикой объединения земель и консолидации казахского народа. На этом поприще Касым хан добился огромных успехов.

Казахское ханство, первоначально занимавшее районы рек Чу и Каратал, насчитывавшее, по некоторым сведениям, около 10 тысяч приверженцев Керей хана и Жаныбек хана, за короткое время – в жизни почти одного поколения – сильно расширяется в границах и становится одним из пяти влиятельных стран в Центральной Азии с населением уже 1,2–2 млн человек.¹ Этому способствовали главным образом два фактора: Казахское ханство стало олицетворять «зону свободы» и относительного мира для кочевников, уставших от притеснений, ограблений и от бесконечных распрей и войн, затеваемых фамильно-клановыми и амбициозными малыми и большими правителями – это с одной стороны. А с другой – это появление на исторической арене военачальника и умного правителя, дипломата и реформатора Касым хана, в какой-то степени восстановившего былую славу и мощь Ак-Орды (Белой Орды), распавшейся в результате вторжения Тимура и тимуридов.

Многие походы и вторжения Касым хана в пределы Узбекского ханства, Могулистана и Ногайской орды, совершенные

---

¹ Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV-начале XVI веков, Алма-Ата, 1977, с. 204.

при Бурундук хане с его согласия и после того, как он сам стал верховным правителем ханства, были успешными и потому, что он пользовался растущей симпатией населения соседних стран к его внутренней политике. Эта его политика состояла в повсеместном признании и расширении власти народных собраний, родоправителей и бийских судов, а также силы обычно-правовых институтов в кочевых сообществах. Важное значение имело проведение Касым ханом политики ограничения вмешательства духовных лиц в дела кочевников Кипчакской степи. Разумеется, в успешных военных операциях Касым хана первостепенную роль играло то, что ему удалось создать многочисленную боеспособную армию, состоящую из сарбазов, веривших в него и следовавших за ним. Касым хан восстановил силу воинского устава кипчаков: «Хан борышы жорыққа ту көтеру, сарбаз борышы туға еріп жан беру» – «Долг хана – поднять знамя похода, а долг сарбаза (воина) – следовать за знаменем и отдать свою жизнь». Вместе с тем он установил, что решение вопроса о совершении походов должно быть одобрено народом. Это – новое слово, и весьма показательно оно было сформулировано в содержательном и кратком изречении: «Батыр болсын, жорық болсын, жорық жолы мақұл болсын» – «Пусть будут батыры, пусть будут походы – походы, одобренные народом». Один из летописцев того времени относит Казахское ханство к числу «славнейших» в пределах прежних владений Чингисхана. По его словам, там живут «казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью». Далее указывается, что войска Бурундук хана и Касым хана являлись грозной силой как по численности, так и по храбрости. По приказам казахских правителей, «в тот же час являлись четыреста тысяч колчанов богатырей, каждый из которых равнялся десятерым молодецким воинам».¹

Была еще весьма важная ситуационная обстановка. Еще до момента образования Казахского ханства в ряде отдельных степных районах существовали тюркоязычные родоплеменные группы и сообщества, которые именовали себя казахами, т. е. вольными людьми, ушедшими от власти и притеснений

---

¹ Фазаллах Ибн Рузбихан Исфাহани: Михман-наме-ий Бухара, перевод Р.П. Джалиловой. Москва, 1976, с. 92-93, 147.

местных правителей, ставленников ханов или не признающих их полную власть. Эти районы представляли потенциальный резерв для расширения территориальных границ казахского государства.

Касым хан, как «могущественный государь», стал вынашивать далеко идущие стратегические планы объединения под своей властью не только собственно казахских земель и улусов, но и других соседних тюркоязычных орд и ханств. Вполне вероятно, так и есть, что сооружение мавзолея мифического Алаша хана на побережье р. Кенгир, в районе мавзолея Джучи хана в Среднем жузе, было делом рук Касым хана.¹ Алаш хан, по задумке, должен был быть олицетворением и доказательством единства корней тюркоязычных народов Центральной Азии, якобы имевших когда-то единого хана, обеспечившего им благополучие. Изречения «Алты алаштың баласы», «Алаш алаш болғанда, Алаша-хан болғанда» – «О шести родственных ветвях Алаша», «Алашами стали алаши со времен Алаша хана» по сути были объединительными призывами и лозунгами, свойственными Касым хану, его взглядам и реальной политике. Причем предпочтение роли центра такого тяготения отдавалось Казахстану. Это отразилось в другом изречении той и последующей эпох: «Қазақбайдың баласымыз, алты алаштың ағасымыз» – «Мы, сыновья казаха, являемся старшими среди шести ветвей Алаша».

Касым хан умел оценить обстановку, складывающуюся в соседних государствах, противоречия внутри этих государств и между ними, а также настроения людей, родоплеменных групп, их отношение к Казахскому ханству, лично к его политике. Он пытался использовать все это в своих интересах, – в интересах расширения территориальных границ ханства. В начале XVI века «мирным» путем продвинул границы Казахского ханства до г. Туркестан и к его близлежащим регионам до южного города Сайрама, на Жетысу. Узбекские султаны, занятые междоусобными противоречиями, вынуждены были

¹ Археологи Ж. Смаилов, О. Ошанов, проводившие раскопки мавзолея Алашахана в 1997-1998 г., пришли к выводу о том, что он вероятнее всего был сооружен в XVI веке, т.е. в годы правления Касым хана. – См. в кн.: «Древнетюркская цивилизация: памятники письменности». Алматы, 2001 г., с. 533.

признать в 1514 году факт перехода г. Туркестан к Казахскому ханству. В дальнейшем Касым хан планировал овладеть и г. Ташкентом. Казахское ханство теснило на западе и Ногайскую орду, установило контроль над г. Сарайчик на Жайыке (Урале), являвшемся политическим и экономическим центром некогда сильной, а теперь ослабшей Ногайской орды. Касым хан со своими отрядами вышел впервые к р. Едиль (Волге).

С Казахским ханством стали считаться как с важным субъектом межгосударственных отношений, между ним и соседними государствами заключались перемирия, союзы. Так, перед угрозой вторжения Сефевидского государства¹ на Мавераннахр (среднее течение р. Сырдарья) по инициативе Узбекского ханства в 1514 году было заключено с Казахским ханством перемирие, которое сохранялось до 20-х годов XVI века. К этому времени относится выдача Касым ханом одной из своих дочерей за узбекского хана Убайдуллу, по его просьбе. Впоследствии она при дворе носила имя «казах-ханым». В свою очередь брат Касым хана Адик султан, владевший улусом в Казахском ханстве, выдал свою старшую дочь за сына Кучкунчи хана, правителя шейбанидов. Впоследствии она была прозвана «Аман-бике ханым» и похоронена у мавзолея Ходжи Ахмеда Яссауи в Туркестане. Эти дипломатические и брачно-родственные отношения между Узбекским и Казахским ханствами укрепили их союз, и не раз они выступали объединенными силами против своих противников.

Послушаем теперь одного из серьезных молодых исследователей истории Казахского ханства XV–XVI веков Н.А. Атыгеева. Он пишет: «В начале третьего десятилетия XVI в. Казахское ханство являлось одним из крупных и могущественных объединений Центральной Азии. В то время его границы на юго-востоке охватывали значительную часть Жетысу, район рек Каратал и Аягуз; выходили на северо-западе к р. Волге, на севере и северо-востоке они проходили в район г. Улытау и озера Балхаш, а на юге выходили на правобережье Сырдарьи, включая оседло-земледельческую зону городов Туркестана. В состав Казахского ханства в годы правления Касым хана вхо-

---

¹ Оно было образовано в начале XVI века тюркоязычными племенами Азербайджана и Ирана на юго-западе Узбекского государства.

дила почти вся этническая территория казахского народа. Численность населения государства в те годы превышала 1 млн человек. Авторитет верховной власти в то время был очень высок».¹

2.3. Об источниках сведений о законах Касым хана

Политико-правовые установления Касым хана в документальном подлиннике или в записях современников, не обязательно из числа жителей Казахского ханства или авторов из восточных соседних и дальних государств, до нас не дошли, вернее - вряд ли подобные записи вообще существовали. Исследователи, перерывшие немало восточных литературных и рукописных источников, относящихся к истории Центральной Азии XIV–XVIII веков, единодушно отмечают, что им не удалось обнаружить сколько-нибудь заслуживающих в них сведений о реформах и законах казахских ханов, в том числе и о законах Касым хана. Даже нет упоминаний о них. Такое положение имеет свое объяснение: вся средневековая история народов Центральной Азии и ее ранние стадии полны непрерывных походов и войн, связанных с возникновением и падением больших и малых государственных и узко местных владетельных образований, ожесточенной борьбой за власть между многочисленными чингизидами. В этой борьбе приоритетными считались установление контроля и овладение богатейшими регионами Сырдарьи, Мавераннахра, городов Туркестана, Ташкента, Бухары и Самарканда. Летописцы, как правило, служили при дворах ханов и султанов, видели свою главную задачу в описании и восхвалении их завоевательных походов, военачальников и правителей земель, их родословия. Внутренняя жизнь обществ интересовала их исключительно как база этих походов.

Современные авторы в своих исторических исследованиях не идут дальше признания успешной военной и государственной деятельности Касым хана как наиболее крупного

---

¹ Атыгаев Н.А. Казахское ханство в XV-середине XVI веках. Рукопись диссертации. Алматы, 2003, с. 96 (Фонд Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова).

политического деятеля в истории казахской государственности. Научно признается наличие законов под названием «Қасым ханның қасқа жолы», приписываемых Касым хану.

О реформаторской и законодательной деятельности, тем более о законах Касым хана нет прямых письменных источников. Таковые не обнаружены до сих пор и вряд ли будут обнаружены. Это, разумеется, пробел, и он затрудняет исследование, но не является преградой для воссоздания картины истории отдельных ее фрагментов, а в данном случае – для составления обзора о законах Касым хана.

Историческая память народа, особенно кочевого, не владеющего письменностью, с культурой кочевой цивилизации, обладает огромной информационной миссией. Она, возможно, имеет не меньшую ценность, чем письменные размышления отдельных писцов при тогдашних правителях, тем более чужих стран.

Дело в том, что в казахском кочевом обществе, независимо от того, кто правил им и в какой улус или жуз оно входило, в его внутренней жизни, как мы писали в прежних работах, господствовали Царство слова и Царство закона как наиболее устойчивые ценности массовой культуры и основы общежития. Красноречие, основанное на богатом словарном составе с логикой выводного знания и на состязательном диалоге, было наиболее распространенным массовым явлением в казахском обществе и считалось достоянием кочевника. Оно было и обычным инструментом общения, и средством защиты интересов на разных уровнях – от внутривидоплеменных до межвидовых отношений. Память кочевника была пространной и селективной, обладала огромной объемной способностью запоминания фактов, поддающихся словесным выражениям и тем более имеющих жизненное значение. Важнейшие нормативы жизни и государства, властные распоряжения и акты излагались в краткой и выразительной форме, удобной для запоминания. Лучшей «бумагой» служила сама голова кочевника. Однако это не отрицает возможность наличия записанной формы установлений ханов, в том числе и Касым хана, сделанной руками их подданных. К сожалению, нам не удалось пока обнаружить хотя бы поздние записи установлений Касым хана. А в том,

что такие записи «для себя» были среди некоторой грамотной части казахов XIX века, говорит немало косвенных фактов. Однако они, видимо, погибли в годы голода, пожарищ, репрессий и гонений в годы Советской власти, когда любой письменный документ старины становился основанием для преследования его хранителя.

Отсутствие записей и воспоминаний региональных, иноземных сочинителей о новшествах, введенных в жизни Казахского ханства, тем более о реформах и законах Касым хана, можно объяснить, кроме отсутствия местной письменности, несколькими причинами: а) средневековая историческая литература традиционно имела хроникальный стиль, описывала почти исключительно подвиги и походы, сражения и завоевания правителей, их родословие, брачные связи, жен и наследников. Вопросы управления, внутренней жизни, устройства общества и государства сводились к вопросам военной их организации, добычи, дани и сборов; б) экономические, социальные и культурные основы и политические режимы средневекового общества на всем центральноазиатском пространстве оставались в своих основах и формах в течение многих веков почти неизменными и консервативными. Если вносились в них отдельные изменения, то они носили выборочный характер и не представляли новые платформы. Так было и в империях гуннов, кипчаков и монголов. Такое положение сохранилось и в Казахском ханстве. Отдельные сдвиги в этих областях, как правило, не выделялись и считались обычными, «внутренними», оставались вне внимания служилых людей, документалистов, которых было немного, и к тому же они выполняли заказы двора; в) Монгольская империя, установившая в XIII веке контроль на значительной части - более чем на половине планеты, - оставила в наследство свод распоряжений и установлений под названием «Яссы» (по казахски «Жасак») Чингисхана, в которых изложены планы и нормы внутреннего устройства, подготовки походов и завоевания мира. Они оставались главным руководством и наставлением для наследников и потомков Чингисхана, занимавших безраздельное господствующее положение во всей Центральной Азии вплоть до XIX века. Другие единичные ханские ярлыки и «жаргы» – установления

региональных правителей, почти без исключения представлявших потомков и продолжение рода Чингисхана, покрывались нормами «Яссы» и не могли претендовать на какую-то отдельную роль, а следовательно, выпадали из общей хроники описываемых отдельными служилыми писцами событий.

Основным и единственным источником о законах и преобразованиях Касым хана является устная историография, рассказы и легенды, передаваемые из поколения в поколение, в которых наряду с ценными сведениями немало и вымыслов, отсебятины. Современному исследователю приходится разбираться в них, выделять из них «корневую» информацию. Трудность заключается не только в этом. Чем дальше уходит событие в историю, тем меньше таких «народных» сведений. Так обстоит дело и с законами Касым хана, ханство которого относится к первой четверти XVI века. До недавнего времени не было и сколько-нибудь содержательной записи о них. В 50 – 60-х годах прошлого, XX, века в Институте философии и права Национальной Академии наук Казахстана под моим руководством работала группа специально приглашенных знатоков «истории старины». Им предоставлялись командировки в области и районы для сбора устного, фольклорного материала, а также сохранившихся записей о правовой жизни и законах казахских кочевников, в том числе о законах Касым хана, Есим хана, Тауке хана. Эти материалы использованы нами в данной статье.

2.4. О законах Касым хана

В законах Касым хана отразились его политика и взгляды, отношение к обществу и различным его слоям, насколько реальна и популярна была его власть как верховного правителя, и наконец, что он хотел и как правил ханством. Послушаем теперь исследователей-востоковедов, знакомых с историческими источниками о Касым хане. По мнению А. Чулошникова, «последние годы его правления, прошедшего в общем довольно мирно, окончательно упрочили его влияние и стяжали ему славу и любовь всего народа. Не принадлежащий к числу обычных завоевателей Азии, он никогда не руководствовался в сво-

ей деятельности одними личными честолюбивыми интересами, почему и пользовался необычайной популярностью среди всех своих многочисленных подданных».¹ По М. Вяткину, «во всем Дашт-и-Кипчаке, как говорили современники, не было такого могущественного султана после Джучи, как Касым», и далее: «Последние годы ханства Касыма были годами мира и относительного благосостояния казахов».² С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов писали: «Касым хан, по отзывам современников – Бинаи, Ибн Рузбихана, Бабура, Хондамира, мирзы Хайдара, – любил хороших лошадей, был их большим знатоком, отличался военным талантом, личной отвагой и смелостью вести других; на основе их высказываний создается образ человека с высокими моральными качествами, достойными подражания». Такое описание Касым хана вошло и в курс «Истории Казахской ССР».³

Касым хан осуществил ряд значительных реформ, вошедших в историю и утвердившихся в сознании поколений под именем «Қасым ханның қасқа жолы», что в смысловом плане адекватнее передать в русском переводе, как «благопристойные установления Касым хана» или, как принято в литературе, «Истинные законы Касым хана», а иногда «Праведные законы Касым хана». Употребляющиеся до сих пор переводные названия акта не передают емко выраженную в нем эмоциональную реакцию подданных, причем в восторженном тоне. Народ критичен по своей природе в оценке деяний правителей и вождей. Под таким эпитетом «Қасым ханның қасқа жолы» могли оцениваться особые заслуги правителя. Это было традицией кочевников-казахов. Так, о подвигах и заслугах легендарного Едиге бия – основателя Ногайской орды (1336 – 1411 гг.), в состав которой входило много кочевых улусов, казахи говорили: «Ел қамын жеген Едіге» – «Едиге, живший интересами народа».

Реформы Касым хана в мерках того времени были обширными, с определенными новшествами, но не затрагивающими в целом сложившихся в течение веков основ жизнеобеспечения

¹ Чулошников А. Очерки по истории казах-киргизского народа. Оренбург, 1924, с. 127.

² Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР, ОГИЗ, Госполитиздат, Москва, 1941, с. 84, 87.

³ История Казахской ССР, т. 1, Алматы, 1987, с. 366.

и устройства кочевых коллективов. Его реформы по направленности можно было бы назвать политикой объединения казахских земель, консолидации и обустройства кочевого населения. Он усовершенствовал административно-территориальное деление, ввел в систему управления казахские и тюркские термины и понятия взамен уже выходящих из употребления в Кипчакской степи монгольских, арабских слов и обозначений, укрепил традиционные институты и начала «народности» в кочевых коллективах, усилил роль биев и бийского правосудия в них, ослабил влияние духовенства среди кочевников.

Законы Касым хана – это его установления, связанные с новой трактовкой, новым толкованием или расширением и ограничением сферы применения правовых нормативов, имеющих или имевших силу в обществе, в кочевых общинах. Все это делалось не вообще, а в контексте усиления демократических и гражданских начал в общественно-политических отношениях, служащих укреплению порядка и законности, престижа правителя и казахской государственности. Он, например, сильно ограничил убийство как меру наказания. Оно прежде считалось распространенной мерой расправы и наказания как по «Яссе» Чингисхана, так и по законам ряда соседних орд и государств. Как свидетельствуют известные бии, жившие в XIX веке, применение смертной казни Касым хан оставил как меру наказания в двух случаях: при отношениях «Қанға қан» – «Кровь за кровь» (кровная месть) и за ограбление каравана (керуен талау) под названием «керуен соғу». Он ввел ряд норм, регулирующих взаимоотношения хана и улусов, чингизидов и родоправителей.

2.5. Разделение кочевого населения ханства на три жуза

Расширение территории Казахского ханства от рек Жайык и Едиль (Урала и Волги) на западе до Семиречья на востоке, от «лесных народов» Иртышско-Енисейской зоны на севере до городов Туркестана, Сайрама и Ташкента на юге, то есть образование государства на огромном пространстве степной

зоны Центральной Азии, почти равного современной территории Казахстана, соответственно повлекло изменение и смещение состава населения, расселенного по разным кочевьям. Необходимость обустройства в первую очередь массы кочевых коллективов, жизнедеятельность которых связана с освоением значительных пастбищных пространств, и вопросы упорядочения управления ими и в них, сделали проведение административно-территориальной реформы неотложным вопросом. Ее надо было осуществить в доступной и понятной форме, используя и усовершенствуя опыты и параллели, известные в своей основе и по структуре миру тюркоязычного населения.

Относительно образования трех жузов имеется немало противоречивых суждений, в большинстве случаев необоснованных догадок. Одни считают, что оно произошло во второй половине XVI-начале XVII веков при казахских ханах Хакназаре и Есиме, а некоторые авторы приурочивают к периоду после смерти Тауке хана (1718 г.), и что оно было якобы результатом «чисто сепаративистских действий отдельных чингизидов после смерти Тауке хана».¹

Нам представляется, что образование казахских жузов было необходимым, вполне логичным явлением на определенном этапе развития казахской государственности. И это произошло при Касым хане.

Деление в первую очередь кочевого населения на три части – на три жуза было продолжением того, что было, и одновременно новшеством в административно-территориальном устройстве населения в Казахском государстве. Касым хан провел эту реформу успешно, и казахский журт (народ) принял ее как должное.

Деление территории ханства на три жуза не было надуманным, тем более навязано населению. Само по себе введение термина «жуз» в систему районирования имело аналогию и не являлось особым новшеством. Из литературы известно, что основатели Казахского ханства Керей хан и Жанибек хан вначале имели свои владения – улусы, впоследствии объединив их, называли жузом в отличие от вновь присоединяемых территорий.

---

¹ Даширов К. История Казахского государства XV-XIX веков. Алматы, 2001, с. 78.

А.П. Чулошников, один из первых видных казахстанских исследователей истории казахов, писал: «Так в самом начале обозначились те две старшие (большая и средняя) орды, которые легли в основу единого казахского союза, образовавшегося позднее из слияния трех орд».¹

М.Х. Абусейтова и Ю.Г. Баранова, исходя из того, что первое достоверное известие о казахских жузах относится к началу XVIII века, предполагают, что, «по-видимому, в конце XVI – начале XVII вв. произошло разделение казахского народа на жузы». Вместе с тем они допускают, что вполне возможно, деление на жузы произошло еще до первых письменных сведений о них. По их мнению, каждый известный султан, именовавший себя иногда ханом, владел особым улусом, «который и мог быть жузом».² Важно отметить и то, что в свое время Ак-Орда была известна и под названием «Иуз орда».

Х. Майданов более близко подошел к изучению хронологической периодизации истории Казахстана, отнеся образование казахских трех жузов к XV–XVI векам.³

Нельзя согласиться с распространенным мнением о том, что разделение Казахского ханства на жузы якобы было явным признаком его ослабления и усиления центробежных тенденций в ханстве. Исходя из этого сторонники такого априорного взгляда отодвигают появление жузов от периода ханства Касым хана, наоборот, усилившего авторитет центральной власти. Мы убеждены в том, что разделение кочевого населения ханства на три жуза, независимо от временной последовательности образования каждого из них, связано с необходимостью упорядочения районирования как способа укрепления контроля над расширяющимися частями государства.

Имеется наибольшая вероятность, что так и было: деление ханства на три жуза – на «Кіші жүз» – Младший жуз, «Орта жүз» – Средний жуз, и «Ұлы жүз» – Старший жуз произошло

---

¹ Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа. Оренбург, 1924, с. 104.

² Абусейтова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв., Алматы, 2001, с. 160–161, 247.

³ Майданов Х. Қазақ халқының аргы-бергі тарихы. Алматы, 1995, 246 бет.

при Касым хане. Эти названия жузов не были случайными. Они имели в общем-то объяснение и аналогию в прошлом, с той разницей, что они адаптированы к новым условиям казахской земли. Деление страны на три части – зоны существовало еще при Чингисхане и чингизидах. Владение делилось на правое крыло, на левое крыло и центр. Это было военным и административным районированием. Так было и при Джучи хане, под властью которого находилась почти вся Кипчакская степь (Восточный Дешт-и-Кипчак). Теперь на большей части этой территории установилась власть Касым хана. Он, следуя старой традиции, разделил эту степь на три части, каждой из них дал казахское название «жүз», что означало «сторона», созвучная по смыслу с «крылом», принятым в недалеком прошлом. «Жүз» отвечал и более соответствовал мирному образу жизни населения, тогда как «крыльевое» управление было более приспособлено для походной жизни военного времени.

Теперь попытаемся ответить на вопросы о том, каким образом и почему один из жузов назывался Младшим, а другие – Средним и Старшим. Заведенное в Монгольской империи административно-военно-территориальное, так называемое «крыльевое», районирование имело определенную ориентацию. «Центром» именовалось место пребывания, главная ставка хана. Он был обращен на юг. Это в принципе соблюдалось и в Казахском ханстве, где его правители были также чингизидами. «Орта жүз» – «Центральная сторона» приходился именно в район основной ставки Касым хана. Он, будучи еще султаном при Бурундук хане, которого по фамильной традиции считал старшим в ханстве, мало бывал в его ставке, в г. Сарайчике на Жайыке (Урале). Он большую часть времени проводил в кочевьях, а после оставления Бурундук ханом ханского престола, что совершилось в 1510 году, Касым хан предпочитал большей частью находиться на месте последнего улуса Джучи хана, в районе Улытау на севере, хотя г. Сарайчик оставался официальной ставкой казахского хана. Так вот «центром», «центральной стороной» («Орта жүз») ханства с мирным тылом был избран именно район ханской ставки. «Орта жүз» по смыслу на русский язык переводится как «центральная сторона», а не как «средняя

сотня», неоправданно употребляемая в литературе до сих пор. «Ұлы жуз» по смысловому значению означает «знатный жуз», «великий жуз», т. е. почитаемая, привилегированная сторона (или регион, часть) ханства. Такое значение этой части государства придавалось потому, что она: а) олицетворяла государство Жалаиоров, Канглы, Усуней, крупных родоплеменных союзов, игравших важную роль в истории Казахстана; б) находилась в близости некогда основной ставки Чингисхана в Монголии, объявленной им фамильной; в) обращена к подступам городов Бухары и Самарканда, считавшихся главными святыми городами Центральной Азии. Он охватывал всю остальную часть Казахского ханства, на долю которой пришлось множество походов и сражений как с Ногайской ордой, с Узбекским ханством, так и за контроль над районами и городами Туркестан, Сайрам и Ташкент. «Кіші жуз» – «Младший жуз» действительно был меньшим и младшим по историческому престижу и ранжированию властных структур в системе господства чингизидов.

Касым хан усовершенствовал, а в ряде случаев скорректировал и ввел определенные новшества и в низовое управление.

2.6. Усиление роли народных собраний, бийского правосудия в кочевых сообществах

Современники и исследователи единодушны в том, что Касым хан как глава Казахского государства пользовался огромным влиянием и авторитетом среди своих подданных. Он был у них «любимым государем»¹ и в то же время как правитель ханства был распорядительным и «могущественным». При необходимости он мог собрать за короткое время до 300 000 сарбазов для походов и организации сопротивления внешним завоевателям. Причем в большинстве случаев сражения заканчивались победой его войск даже тогда, когда они уступали противнику по численности. Словом, ему удалось поднять и поддерживать дух кочевников, создать

---

¹ Чулошников А. Очерки по истории казак-киргизского народа. Оренбург, 1924, с. 127.

управляемое степное ханство. Эти мыслимые и немыслимые успехи пришли к Касым хану не сами по себе, а в первую очередь в результате его «вхождения» в жизнь кочевников и завоевания прочного плацдарма в их чувствах и сознании. А это было реально возможно в условиях значительных организационных мер и властной поддержки их традиционных общественных, политических и культурных ценностей, что отвечало как интересам подданных, так и интересам государства. Такова логика политики и преобразований Касым хана. Таковы логика и содержание законов Касым хана, получивших название «Касым ханнын каска жолы». В самом этом названии передана восхваляющая реакция на внутреннюю политику Касым хана.

Касым хан, как это вытекает из его мировоззрения, должен был опираться и опирался в первую очередь на поддержку своей политики со стороны родовых вождей и старейшин, власть и влияние которых были огромны в родоплеменных подразделениях. Он сделал «кенсе» – «совет» регулярно созываемым органом при хане. В нем участвовали представители и авторитетные люди кочевых общин в лице родоправителей, биев и аксакалов. На совете обсуждались самые злободневные, как текущие, так и предстоящие вопросы хозяйства, мира и войны, вопросы благосостояния кочевников, упорядочения использования пастбищно-кочевого пространства и споры между кочевыми улусами, родами и общинными коллективами. Все эти вопросы рассматривались в контексте достижения и сохранения единства в народе и укрепления связей и чувства «родства» интересов между его частями и группами, разделенными в основном на родоплеменной основе. Понятие «справедливость» становится моральной нормой в обществе, во всех делах общества и в отношениях между его составляющими структурами.

В то же время при Касым хане от власти не были отстранены султаны-чингизиды, приходящиеся ему ближними и дальними родственниками, хотя многие из них уже не пользовались прежним влиянием, сохраняли за собою нередко только фамильно-династическое старшинство в улусах и на территории родоплеменных союзов.

Вероятнее всего то, что постановление – требование биев и старейшин родов о том, что «хан өздігінен өлім жазасын қолданбасын, өлім жазасын халық өзі шешетін болсын» – «хан не должен выносить смертные приговоры, а такое право должно принадлежать самому народу», было сформулировано и введено при Касым хане, а не раньше, не при Монке би (XIII век), как это иногда считается. Во всяком случае, такое установление вошло в реальную силу в годы правления Касым хана. Другим значительным событием в жизни Казахского ханства было усиление роли биев как судей и в местно-родовых, и общеполитических делах государства. Они стали выделяться как судебные функционеры из административно-управленческой системы, вернее, отправление в первую очередь судебной функции делало их влиятельными в общественно-властных делах внутри кочевых коллективов. «Тура биде туған жоқ туғанды биде шындық жоқ» – «На суде у настоящего бия не бывает родичей, а если он стал бы делить на своих и не своих, то он аморален (несправедлив)». Эта формула впоследствии подверглась уточнению: вместо «туғанды биде шындық жоқ» стало употребляться «туғанды биде иман жоқ», т. е. «нет у бия религиозной святости».

Возвышение роли биев и бийского правосудия в обществе и кочевых общинах входило в политику Касым хана, являлось мерой укрепления государства и правопорядка в нем. При нем новый смысл и особое звучание получили такие судебные принципы, как «Қара қылды қажару», что дословно значит «Разрубить волосинку ровно пополам», т. е. суд и судья настолько должны быть беспристрастны и справедливы, что их решения однозначны, не должны склоняться то на ту, то на другую сторону участников процесса: «Әділ қазы – алтын таразы» – «Справедливый судья – это золотые весы равновесия». Народная легенда гласит, что сам Касым хан: «ел билігін екі ауыз сөзбен шешкен» – «по делу целого народа выносил решение в двух словах», т. е. кратко и убедительно. Об этом же гласит изречение о том, что мудрые бии дело даже об убийстве решают на суде «в двух словах»: «Ердің құнын екі ауыз сөзбен шешеді». О заботе о бийском правосудии говорит общеобязательное правило: «Би болсын, би түсетін үй болсын» – «Да будет биям оказано везде гостеприимство».

При Чингисхане и при его наследниках первичное административно-территориальное деление носило тюркское название «юрт» – по-казахски «жұрт»). Под ним подразумевались местности, урочища с кочевыми коллективами, подродовые подразделения, имеющие свои кочевые полосы и зимовые места. Об их размерах можно судить по тому, что Чингисхан при жизни выделил сыновьям крупные надель: Джучи – 9000 юрт, Чагатаю – 8000 юрт, Угедю – 5000 юрт и т. д. При Касым хане «юртовое» деление в прежнем понимании не упоминается. Понятие «жұрт» (т. е. «юрт») стало синонимом понятия «народ» или «рупное сообщество».

Касым хан, в отличие от многих других чингизидов, в том числе своих братьев, каждый из которых стоял во главе владетельной территории, представлял собой образ типичного степного правителя, вобравшего помыслы, качества и отчасти идеалы кочевой цивилизации. Это проявлялось не только в том, что он больше находился в свободное от походов время в среде казахских кочевников и сам вел образ жизни, похожий на них. Касым хан говорил о себе и о своих подданных: «Мы люди степей. Здесь не бывает дорогих вещей и изысканных блюд. Самое большое наше богатство – лошадь, а самая вкусная еда – ее мясо; самый приятный напиток для нас – ее молоко и то, что из него приготавливается. В нашей стране нет садов и зданий. Местами наших развлечений являются пастбища коней».¹

Касым хан, идя навстречу стихийным желанием масс, провел как бы политику «казахизации» общественных институтов в кочевых сообществах. Силою в свое время внедренные в тюркоязычные восточные кочевые общества монгольские, арабо-иранские, а также религиозные терминологии и названия должностных лиц, военных ополченцев и сборов, налоговых повинностей и других институтов, которые частью к этому периоду стали терять прежнее значение, оказались выведенными из употребления не в силу какого-то специального ханского акта, а самим ходом текущих событий. Так, монгольское слово «нойон», обозначавшее администратора и судью в кочевых

---

¹ Мухаммед Хайдар Дулати. Тарих-и-Рашиди. Перевод с персидского А. Урунбаева и др. 2 изд., Алматы, 1999, с. 327 (диссертация Атыгаева Н. с. 142).

родоплеменных коллективах, было заменено словом «бий», вернее - было вытеснено исконным казахско-тюркоязычным понятийным термином. Вошло в обиход казахское слово «аул» вместо «нунтук» по-монгольски, «юрт» по-тюркски. Термин «жүрт» стал иметь значение «народ». Были восстановлены в полных правах и приобрели силу такие общественные институты, как «жүгініс» (судебный процесс), «құрылтай» (большое народное собрание), «мәжіліс» (малое народное собрание) и «кеңес» (совет старших и старейшин), «отырыс» (общинный сбор). Эти коллективные по форме, народные по сути институты не только стали организационными формами внутренней жизни в малых и больших кочевых подразделениях и сообществах. Они стали вместе с тем и формами публичной власти, устанавливающими связь и доверительность в отношениях «кочевник – род – хан».

Мы рассмотрели лишь некоторые направления и аспекты политики и нововведений Касым хана, лежащие в основе создания и укрепления им управляемого общества кочевников и «могущественного государства» казахов в Центральной Азии в последней четверти XV и первой четверти XVI веков. Касым хан со своей политикой мира и войны, справедливого правления и поддержки традиционных культурных, «народных», демократических ценностей кочевого общества в истории Казахского государства и казахского народа представляет особое явление. Сохранение и восстановление памяти о нем как выдающемся сыне казахского народа, так много сделавшем для него в его исторической судьбе, является делом совести и долга поколений казахского народа и всех казахстанцев.

3. «Уложение-наследие Есим хана» – «Есім ханның ескі жолы»

«Уложение Есим хана» – не разовый законодательный акт, но и не собрание актов, принятых ханом в разное время на протяжении его ханствования (1598 – 1628 гг.), сведенное в один кодекс, как «Яссы» (по казахски «Жасак») Чингисхана, или наподобие «Жеті Жарғы» Тауке хана (1680 – 1718). Подданные Есим хана и последующие поколения казахов нововведениям Есим хана давали особое наименование «Есім ханның ескі жолы» или «Есім хан салған ескі жол», в смысловом и текстовом переводе можно было передать как «Уложение-наследие Есим хана». Это было собирательно-содержательное наименование основных правовых установлений и политической деятельности Есим хана. Прежде чем рассмотреть конкретные аспекты этих законов-установлений, следует остановиться и присмотреться к верховному правителю, к его политике и идеалам, стилю правления. Есим султан, родившийся в конце 50 - начале 60-х годов XVI века, был сыном Шигай хана. После его смерти ханский престол в 1598 году занял его старший брат Тауекел хан (Тевеккель хан). К этому времени Есим султан успел завоевать влияние и известность в Казахском ханстве, в первую очередь как храбрый воин и умелый военачальник в ряде значительных сражений и походов, и как открытый и общительный правитель и распорядитель в своем кочевом улусе. Есть сведения, зафиксированные в некоторых трудах современников, о том, что войска киргизов и казахов во главе с их предводителями Бахадур ханом и Есим султаном участвовали в 1580 – 1581 годах, т. е. когда Есим султану было около 20 лет или чуть больше, в сражениях с войсками правителя Шейбанидов (Узбекское ханство) Абдуллах хана II на Урал-тюбе.¹

Говоря о периоде ханства Есим хана и о его государственной политике, отражением и выражением которой являлись его правовые установления, следует иметь в виду два

---

¹ Абусейтова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII-XVIII вв., Алматы, 2001, с. 260.

обстоятельства, характерные для кочевых сообществ той эпохи. Во-первых, понятие о достоинстве и чести, престиже и авторитете правителей государств Центральной Азии XV–XVIII веков, да и раньше, связывались в первую очередь с их внешней политикой, а в ней – с ведением войны, независимо какой – оборонительной или захватнической, междоусобной или клановой. Этот обширный регион был наводнен амбициозными династическими и клановыми претендентами на власть и за богатство, считавшими себя рожденными для обладания ими. Одно только султанское происхождение, т. е. берущее генеалогическое начало от Чингисхана, не только наделяло его обладателя таковым правом, но и обязывало его добиваться власти, богатства и лидерства в большом и малом масштабах. Исторические документы свидетельствуют о том, что султаны нередко имели по 20–30 сыновей, а у некоторых из них иногда число отпрысков доходило до 120. Все они становились султанами нового поколения и новыми «естественными» претендентами на власть и подданных. Все это породило соперничество, войны и резни между ними. Казахское ханство не составляло исключения из этого общего процесса. Поэтому султанское достоинство Есим хана, тем более в качестве верховного правителя страны или претендента на него должно было пройти испытание на поле борьбы. Во-вторых, кочевники или общества, ханства, состоящие из кочевников, были в качественной степени приспособлены к условиям войны и мира. Они были подвижны, динамичны, сохраняли устойчивую родоплеменную структуру, внутренне организованны, устроены более консервативно. Поэтому они в меньшей степени подвергались грабежу и кровавым расправам со стороны завоевателей, чем городские и оседлые жители. Кочевая часть населения со своей знатью и лидерами жила больше на основании своих законов. Авторитет правителя в Казахском ханстве складывался как из его умения и искусства ведения войны, так и от его отношения к интересам и судьбам кочевников и их сообщества.

Есим хан взшел на ханский престол (1598 г.) в тяжелой борьбе с соперниками и в условиях ослабления и распада некогда могущественного государства при Касым хане, в условиях, когда возникли новые крупные соседние государства, про-

водившие агрессивную политику по отношению к Казахскому ханству (Джунгарское, Российское государства и др.). Есим хану пришлось вести борьбу и войну на четырех фронтах: а) за свое влияние и даже, в годы эпизодического возрастания внешней роли, за господство в Мавераннахре – богатой долине Сырдарьи с городами Сайрам, Сыганак, Самарканд, Ташкент, в большей части находившихся под контролем Узбекского ханства (Шейбанидов); б) за организацию отпора внешней агрессии, пытавшейся расчленить Казахское ханство и захватить его земли; в) с мощной внутренней оппозицией чингизидов, претендовавших даже не за интересы своих владельческих улусов, а за ханский престол или создание самостоятельных мини-государств или государств-городов внутри ханства; г) за сохранение традиционной устойчивости укоренившегося строя и мощного потенциала кочевых коллективов, кочевников в целом в внутриорганизационном и военном отношениях, весьма чувствительных к различным изменениям, тем более к нарушениям, идущим вразрез с привычным ритмом самоуправления и воспроизводства кочевой культуры жизни и хозяйства. Речь по сути шла о продолжении политики и дел Касым хана, по крайней мере о сохранении его наследия, в свое время восторженно одобренного кочевыми сообществами, их предводителями и знатью. Задачи в этой области для Есим хана были приоритетными и близкими.

О значительных трудностях, с которыми не раз столкнулся Есим хан, говорит тот факт, что он дважды взошел на ханский престол, первый раз – в 1598 году и второй раз с перерывом в 12 лет, когда он вынужден был прервать исполнение ханской обязанности из-за поражения от своего внутреннего соперника. Несмотря на то что Есим хан был объявлен верховным правителем Казахского ханства, одновременно и главнокомандующим, и правителем г. Ташкента, Турсун султан, являвшийся лояльным ставленником казахского правителя Тауекел хана в г. Ташкенте, пользуясь начальной непрочностью ханской позиции Есим хана, объявил себя суверенным правителем городского региона и де-факто – вторым ханом в Казахстане. Он повел открытую борьбу за устранение Есим хана. После ряда взаимных сражений ему удалось взять верх, и Есим хан

находился в течение 12 лет в изгнании. В новой войне между ними, которую Есим хан вел при массовой поддержке и по призыву кочевых союзов, Турсун султан был низвержен, и с 1623 года контроль над всей территорией Казахского ханства снова перешел к Есим хану. Турсун султан, живший в Туркестане как «прощенный», в 1626 году снова замыслил коварным путем завладеть ханским престолом и был убит своими же сторонниками, перешедшими на сторону Есим хана.

Есим хан в период ханства одержал не только ряд крупных побед в завоевательной и оборонительной войнах, но потерпел и ряд поражений. При всей его талантливости как организатора, реформатора народного толка и как полководца, Казахское государство переживало не лучшие свои времена. Лучшее наследие легендарного и могущественного Касым хана, объединившего казахские земли, при его наследниках (сменилось за это время (70-80 лет) четыре хана) таяло все больше и больше, частью было утеряно. Есим хан предпринял отчаянную попытку для сохранения целостности Казахского государства. Наиболее успешной была его деятельность в областях устройства и самоопределения кочевых коллективов и улусов, в сохранении за ними и в них традиционных порядков отправления управления и власти, в свое время санкционированных и частью реформированных Касым ханом. Есим хан хотел быть продолжателем Касым хана и следовать его политике в упрочении кочевой культуры населения. Дела, распоряжения и нововведения Есим хана в этих направлениях нашли поддержку и одобрение масс кочевников. Они передавались из одного поколения в другое и закрепились как примерная общественная модель под названием «Есім ханның ескі жолы» – «Уложение-наследие Есим хана».

На деятельности и отпращивании власти и руководстве обществом отразились личные качества и миропонимание Есим хана. Восточные авторы, близко наблюдавшие за ним, единодушно отмечали, кроме прочего, его приверженность деловым и моральным принципам, принципам чести и достоинства руководителя кочевого общества. Во внутренней политике он придавал важное значение определению кочевых территорий и мест зимних стоянок аулов и их объединений, укреплению

судебной власти биев, общественных и социальных институтов кочевых общин и их союзов, обеспечивающих их единство и ответственность за своих членов.

Один военный эпизод из жизни Есим хана характеризует его военный и моральный облик, имеет отношение и к его законоположениям. В 1598 году, как свидетельствуют письменные источники, правитель Орды Тауекел хан вместе со своим братом, Есим султаном, будущим ханом казахской земли, во главе огромного войска, насчитывающего около 100 000 чел., вторгся в пределы Мавераннахра. Вначале овладели городами Туркестаном, Андижаном, Ташкентом и Самаркандом. Хан, назначив Есим султана правителем Самарканда и оставив при нем 12-тысячное войско, сам направился с целью покорения Бухары. Однако на подступах к городку Тауекел хан потерпел поражение от защитников Бухары. Разгневанный этим обстоятельством Есим султан послал гонца к хану со словами, что это «великий позор» всем казахам, когда несметное войско, которое находилось при хане-брате, «терпит поражение от ничтожного отряда Бухары».¹ Это пример амбициозности будущего хана Казахского государства.

Есим хан продолжал традицию Касым хана и время от времени собирал биев и родоначальников крупных кочевых коллективов, советовался с ними, выслушивал их советы и требования, принимал решения в основном для блага кочевых сообществ. Он, видимо, был высокого роста. Степняки за это прозвали его «Еңсерлі бойлы ер Есім» – «Внушительный ростом Есим батыр», «Бойлы қылыш бойлы Есім» – «Обладатель «громадной сабли» и «громадного роста». Восточные историки, описавшие по свежим следам события этих лет, рисуют Есим хана храбрым, отважным и решительным в сражениях, вместе с тем простым, человечным и мягким в общении с кочевниками и их знатью.

На сегодня известны суть и основные направления законов Есим хана – это возрождение и укрепление традиционных правовых порядков, обычаев, сложившихся в течение веков в

---

¹ Абусейтова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII-XVIII вв., Алматы, 2001, с. 212.

казахском кочевом обществе, адекватно отражавших его основу и организацию, приспособленных к жестоким и примитивным условиям жизни кочевников.

В данной статье мы задались целью рассмотреть основу и мотивы законов Есим хана в контексте его государственной и законодательной деятельности. Что касается конкретных нормативных аспектов этих законов, это задача дальнейшей разработки.

О КАЗАХСКОМ ПРАВЕ «ЖАРҒЫ»¹

В мире, в его культурных пластах немало явлений, значительных по историческим меркам, остающихся несмотря на это неоткрытыми для широкого обозрения и человечества, а следовательно, непознанными и не оцененными по достоинству. Они большей частью затерялись в истории поколений или оказались в стороне от столбовых дорог развития цивилизации и познавательной деятельности нового времени. Однако они не стали сами по себе менее значительными, менее ценными, хотя бы в историческом плане. Среди них были и цельные социально-культурные пласты, заполнявшие целые эпохи в истории народов и государств, интерес к которым и значение которых все больше возрастают по мере гуманизации человеческих отношений, вернее, по мере возврата к ценностям изначальной свободы, демократии и естественным правам человека, оказавшегося ныне в условиях интенсивной технологизации и отчуждения. Одним из таких культурных ценностей, затерявшихся в пластах истории, является казахское право «Жарғы» (в дальнейшем – казахское право).

Кочевая цивилизация, если она была, то с характерными для нее чертами наиболее рельефнее и с большей зрелостью выступала в Центрально-Азиатской части Земли, часто именуемой в истории Великой степью. Основной формирующей этнической группой здесь были тюрки и их предки, потому эту Степь называли Тураном, Туркестаном в культурно-этническом смысле. Казахское право было культурным островком, наследием и продуктом тюркоязычной кочевой цивилизации, утвердившейся на одной ее обширной «свободной» зоне, называемой Казахией.

Мир менялся, и катаклизмы с некоторой периодичностью совершались в течение многих веков в жизни обществ и народов, населявших современную территорию Казахстана. В этом потоке переплетений истории казахи вынесли и сохранили

---

¹ Это идея новая, ставится и высказывается впервые в литературе. К ней пришли в результате многолетнего исследования, результатом которого явилась подготовка монументального труда «Қазақтың ата заңдары» – «Древний мир права казахов» в 10 томах (автор).

для потомков две неувыдаемые ценности ранней эпохи – это царства Слова и Правосудия. Как записано в Государственном гимне Республики Казахстан:

*«Жаралған намыстан қаһарман халықпыз,
Азаттық жолында жалындап жаныппыз.
Тағдырдың тезінен, тозақтын, өзінен
Аман-сау қалыппыз, аман-сау қалыппыз» –*

*«Мы – народ доблестный, дети чести,
На пути к свободе жертвовали всем.
Из тисков испытаний судьбы, из адских огней
Вышли победителями, мы уцелели...»*

Казахское право «Жарғы», основанное на культурных и демократических традициях в основном обычно-правовой системы, пережило и перешагнуло свою эпоху, его породившую. Оно продолжало сохранять регулятивную жизнеспособность до XIX века, отчасти и до начала XX века. Долговечность казахского права можно объяснить двумя факторами. Во-первых, хозяйственно-бытовые, мировоззренческие основы кочевой цивилизации на обширной земле казахи сохранили вплоть до новейшего времени. А главное, во-вторых, жизнь казахского права максимально была приближена к самому народу, к логике его жизни, в значительной степени выражала извечную духовную суть человека и его устремления независимо от стадии его совершенства и развития.

Казахское право – культурное сокровище казахского народа и всей кочевой цивилизации. Оно имеет тысячелетнюю историю и пик утверждения условно относится к XVI–XVIII векам. Парадоксальность этого явления заключается в том, что ранний упадок величия Великой степи кипчаков – прародины кочевой цивилизации, не привел синхронно к упадку престижа и роли казахской правовой культуры. В этом противоречивом процессе, по-видимому, сказалось то, что средой ее жизнеобитания была «свободная островная» зона обширной Степи.

Однако хозяйственный и культурный застой в средневековой Степи, ее отрыв и постепенно увеличивающееся отстав-

ние от преуспевающих в своем развитии других частей мира сыграли свою роль. Обширный Центрально-Азиатский регион был отодвинут на задний план глобальной истории и надолго выбыл из игры. Только интересы колонизации вернули Степи ее былую известность, но уже как к объекту порабощения. Все это сказалось как на оценке, так и на судьбе казахского права.

Казахское право «Жарғы», явившееся миру в развитом виде в XVII–XVIII веках, до сих пор, спустя столетия, занимает умы и сохранилось в памяти народа как непреходящая живая ценность его культуры. Духовность и целевые нормативы права, передававшиеся из поколения в поколение, оказались настолько «вечно востребованными», что и сегодня в условиях совершенно изменившегося мира предпринимаются попытки возродить дух и стиль этого «степного права», освоить отдельные его институты и тем самым обогатить ими национальную правовую культуру. Секрет этого редко встречающегося в истории явления лежит в уникальности казахского права «Жарғы», во многом созвучного по духу и принципам с идеалами современной цивилизации. Духовность и народность права, а в нем в особенности судебной власти, а также рыцарская мораль стержневой нитью проходили в содержании регулятивной системы в средневековом кочевом обществе казахов. Они были и остаются общечеловеческими достоинствами и факторами на всех этапах развития сообщества любого уровня и совершенства.

1. К истории открытия «Золотого века» в казахском праве «Жарғы»

Несмотря на огромную плодородную территорию с относительно многочисленным населением, отнесенным средневековыми писателями к восточным кочевым кипчакам, известным в истории своими удальством и вольнодумством, систематическое изучение политико-правовой истории Казахстана началось поздно и относится к периоду его колонизации Россией. Основным причинным фактором было то, что этот регион лежал в стороне от главных путей Азия-Европа, Азия-Азия. Русским ученым принадлежит приоритет открытия «Золотого века» правосудия и законности в кочевом обществе казахов. В этой части А.И. Левшин был первым. Он был и оставался государственным деятелем России, преданным ее колониальной политике на Востоке, вырос до крупного исследователя-востоковеда, работая в азиатском архиве Петербурга и Москвы, в региональных ведомствах по управлению Казахской степью, тесно общался с элитарной частью ее населения. Его трехтомный труд «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей», изданный в Санкт-Петербурге в 1832 году, можно сказать, всерьез приоткрыл окно на громадную центрально-азиатскую территорию и принес ему мировую известность, признание Российской Академии наук, избравшей его своим почетным членом. Для российского самодержавного государства труд А.И. Левшина был важен в первую очередь в политическом плане – в плане разработки тактики активной колонизации обширной части азиатского региона. Он обратил внимание на массовые сведения о каком-то «особом, ярком периоде» в истории народа и писал: «Было время, говорят благоразумнейшие из киргизов (казахов. – С.З.) Меньшей орды, когда и наш народ жил в покое, было время, когда и у нас существовал порядок, были законы и правосудие. Сей золотой век, о котором вспоминают они со вздохами, есть царствование знаменитого хана Тявки (Тауке), который, если верить преданиям, был действительно в своем роде гений, и в летописях казахских должен стоять наряду с Солонами и Ликургами». Далее он отмечал, что казахи «Большой и Средней

орд утверждают, что народные законы их гораздо древнее хана Тявки».¹

Ценность этих строк А.И. Левшина состоит в том, что они являются записью из источника, а не сведениями от вторых рук, – это во-первых. Во-вторых, они принадлежат не проезжающему по степи страннику, ищущему приключений, посланнику или сопровождающему торговые караваны, интересы которых вовсе не связаны со страноведением. Они принадлежат опытному ученому, имеющему основательное познание в области народоведения Востока, исследователю и деятелю, совмещавшему выполнение государственного задания по описанию общественного и нравственного быта народа с ученостью. В-третьих, «Золотой век» в истории казахов связывается не с войнами и победами в них или обилием и сочностью пастбищного пространства и мирного его освоения, что действительно было первостепенно важно для кочевников. Нет. «Золотой век» в истории Казахстана связывается, без какого либо изъятия и оговорки, с авторитетами правосудия и народовластия. Из всех сфер общественно-управленческой жизни населения выделяется особенно сфера правосудия, связанная с ним законность, которая была и оставалась во все времена и эпохи человеческого общежития и его идеалом, и неизменным нравственным критерием. В-четвертых, «Золотой век» в области правосудия и правопорядка является общей исторической полосой в жизни всех трех пространственных регионов Казахской степи – в Младшем, Среднем и Старшем жузах, относя ее к определенному периоду – то к периоду правления Тауке хана (последняя четверть XVII – начало XVIII веков), то к периодам, предшествовавшим до него. Важнее то, что независимо от периода и персоналий, тех верховных правителей, при которых был возможен и утвердился «новый порядок», автор называет их «в своем роде» гениями, по заслугам стоящими «наряду с Солонами и Ликургами», т. е. людьми, утверждавшими своими деяниями высокую нравственность в общественном сознании.

Вслед за русским ученым Левшиным об этом же почти в то же время оповестил мир выдающийся мыслитель и ученый

---

¹ Левшин А.И. «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей». СПб, 1832, ч. 3, с. 169-170.

Чокан Валиханов, вышедший из Казахской степи, знание которого о своем народе, о его истории было безупречно авторитетным. Он слышал и описал не только далекие отголоски «Золотого века» правосудия и законности. Он «захватил» его, его действовавшие живые картины. Он был не только свидетелем, но и действующим лицом на поле высокой правосудной нравственности.

Казахское правосудие он называет не иначе как «суд в древней народной форме» во главе с судьями-биями, обладавшими глубокими познаниями «в судебных обычаях, соединенных с ораторским искусством». По его словам, эти бии-судьи по своим авторитетам были подобны Шекспиру и Гете, которые «считаются всеми за великих поэтов, но гениальность их основана не на декретах правительств и не на формальных выборах народа».¹

Тому, что у казахов в прошлом, в эпоху средневековья, в отличие от многих других соседних кочевых степных обществ и государств, были свои Солоны, Ликурги, Шекспиры и Гете, «суд в древней народной форме» и бии-ораторы, отправлявшие судебные функции, пользовавшиеся за справедливость и рассудительность, за «юридические знания и ораторскую способность... таким уважением у народа», Чокан Валиханов дает свое объяснение. «Народ наш – пишет он, – имеет богатую и не лишённую поэтических достоинств замечательную литературу, более близкую к индогерманскому эпосу, чем к восточным произведениям этого рода. Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в таком самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего, культурного развития».²

Правдивое и глубокое описание казахского права и бийского правосудия оставил и Абай Кунанбаев, мыслитель и поэт, крупнейший знаток казахского древнего права, живший во второй половине XIX века. По его словам, казахи-кочевники по уровню быта, культуры и просвещения стоят намного ниже, чем современные ему народы, они намного отстали от них,

---

¹ Валиханов Ч. Собрание сочинений в 5 томах, т. I, Алма-Ата, 1985, с. 494-523.

² Там же.

но по двум достоинствам они стоят, наоборот, намного выше этих народов, живущих ныне в эпоху цивилизации. Он писал: «Да, безусловно, наши предки уступали теперешним людям в образованности, учтивости, ухоженности и опрятности. Но обладали они двумя достоинствами, которых у нас теперь нет... – в стародавние времена были люди, которые звались «ел басы», «топ басы» (речь идет о биях – С.З.). Они решали споры, управляли жизнью общества... Для них важнее были совестливость, честолюбие и доблесть. Где теперь тот благородный дух общности и радение о чести? Мы лишились их, у теперешних дружба – не дружелюбие, а вероломное коварство. Вражда – не отстаивание истины, а просто неумение жить в согласии».¹

---

¹ Абай Құнанбаев. Екі томдық шығармалар жинағы, 2 том, Алматы, 1997, 72-74 бет.

2. Об особенностях сложения казахского права «Жарғы»

Мир права казахов и правопонимание казахов уходят в глубь веков, в течение которых сменяли друг друга империи и социально-политические режимы на центральноазиатском и евроазиатском пространстве, где жили казахи и их предки, которые входили в конфедерацию кочевников-скотоводов, занимавших доминирующее положение на этом участке планеты. Все это представляет общую для развития ситуационную обстановку для всех кочевых обществ. В рамках общего развития казахское кочевое общество и его миро- и правопонимание формировались несколько особо, на другом секторе – в другой орбите кочевого общества, где были развиты институты степной демократии с акцентом на моральные их ценности, были сильны роль правосудия и риторики как средства обоснования состоятельности суждений, а также были ценимы чувства и приверженность кочевников к свободе самоуправления и самоутверждения. По указанным компонентам казахское общество, можно сказать, намного опередило свою собственную кочевую, степную основу, в недрах которой оно формировалось. Если существовала кочевая цивилизация в мире, причем на разных местах по-своему, если понятие о кочевой цивилизации жизненно, а я думаю, она была реальностью, то она именно в указанной модели и в развитой форме существовала на территории Казахстана. Это – не результат воображения исследователя, пытающегося приукрасить и возвысить одну часть кочевых регионов по каким-то субъективным соображениям. Объяснение этому содержится в трех факторах из областей географических, социально-политических и нравственных.

Фактор первый – это наличие здесь огромного малонаселенного естественно-природного пространства, весьма удобного во всех отношениях для развития скотоводства, основанного на кочевом режиме, единственно возможном и преобладающем виде жизнеобеспечения в тех исторических условиях средневековья для большинства обитателей Центральной Азии. «Райским уголком» кочевников называли этот огромный земельный массив с богатым травостоем и водоемами, пас-

тбищно-луговыми долинами, лесными районами и степной зоной, занимающий сотни тысяч квадратных километров от Иртышско-Енисейской зоны на севере до озера Балхаш и р. Сырдарья на юге, от Урало-Волжских степей и песков Каракума, Мойынкума на западе до истоков семи рек (Жетысу-Семиречья), Джунгарских ворот на востоке. Эта обширная область называлась Кипчакской степью, вошла в литературу как Восточный Дешт-и-Кипчак. Она как наиболее обширный и значимый регион в свое время была отдана Чингисханом своему старшему сыну Джучи. Впоследствии на большей части этой территории образовалась «Золотая Орда» – «Ак Орда».

Фактор второй. Эту обширную территорию населяли сообщества кочевников с вольной психологией, основу и источником пополнения которых составляли: а) ревнители и защитники свободы кочевого образа жизни и ее традиционной культуры; б) пришельцы, отделившиеся по разным причинам от массы подданных империй гуннов, кипчаков, монголов и тимуридов, правители которых совершали почти непрерывные опустошительные завоевания и походы. Немаловажное значение для «откочевников» имели притеснения на местах прежнего пребывания, а также навязывание им, нередко и силой, новых порядков, в том числе клерикально-религиозных, милитаристских учреждений, расходившихся с обыденным миропониманием и взглядами кочевого населения; в) искатели пастбищно-кочевых просторов и свободы самоопределения. Такая мироустановка кочевого населения Кипчакской степи формировалась в процессе многовекового, устойчивого его развития в основном на своей собственной базе.

Фактор третий – это то, что эта обширная область, носившая название «Кипчакская степь» (Восточный Дешт-и-Кипчак), вобрала в себе культуру вольных кочевников и кочевой цивилизации, в ряде случаев созвучную с общечеловеческими ценностями. Таковыми были приоритеты, имевшие жизненную силу в обществе, – это царства Слова и Правосудия, это первенство индивидуального сознания о равенстве всех и каждого в правах даже в условиях социального неравенства внутри кочевых коллективов, разделенных на богатых и бедных, на знать и подданных. Уникальным был мир права казахских

кочевников, основанный более на гражданских, «народных» и нравственных началах обеспечения коллегальности в решении важных вопросов и единства кочевников.

Казахское право «Жарғы» – это во многом селективное право, выражающее общее и особенное в развитии кочевого общества в Восточном Дешт-и-Кипчаке (Кипчакской степи). Оно представлено как бы естественным отбором из правовых массивов кочевых обществ, сменявших друг друга на протяжении многих веков в истории Центральной Азии. Следовательно, в нем есть нормы и следы от гуннов и тюркских каганатов, от кипчаков и Монгольской империи.

Следует также иметь в виду, что казахское право «Жарғы» не было общеземельным, общегосударственным правом в рамках Казахского ханства, хотя оно доминировало в нем. Оно относилось к кочевому населению государства, существовало относительно отдельно от права оседлого населения – от городского и земледельческого права. Это вовсе не означает отсутствие связей и контактов, наличия отдельных общих правовых норм между ними. «Степное право» обладало большей консервативностью и внутренней устойчивостью. При самых интенсивных связях с оседлыми центрами оно не только не теряло свой строй, свое «я», а, наоборот, укреплялось, поскольку укреплялись его основа и адресат регулирования – кочевое общество. Кочевые сообщества всегда были опорой и основой военного могущества и экономической стабильности центральноазиатских ханств и орд. Города и оседлые центры часто подвергались ограблению и разрушению в годы войн и междоусобиц, которые велись почти беспрерывно. Между тем кочевые сообщества из-за подвижности и пространственной ориентации их жизнедеятельности, относительно мало подвергались подобным испытаниям, а если таковые случались, то они быстро восстанавливали свою жизнеспособность в прежнем, традиционном цикле. Мощным охранным началом и стимулом воспроизводства кочевых обществ на их собственной основе являлись, наряду с родовой структурой, и правовые учреждения, законы, имевшие силу регулятивной установки в организации внутренней жизни кочевников. Существовала эффективно действующая прямая и обратная связь: чем сохран-

нее в своей основе кочевое общество, тем прочнее правовые учреждения, законы в нем; чем больше обладают регулятивной силой внутренние законы, тем устойчивее сами кочевые сообщества. Именно в контексте состояния кочевого общества следует рассматривать действующие в нем правовые учреждения и их регулятивную эффективность.

Казахское право «Жарғы», в имманентном его понимании, формировалось и достигло развития в Кипчакской степи в условиях большой свободы кочевников и самоопределения кочевых сообществ. Во взаимоотношениях населения, во внутриродовых и межродовых связях, а также в отношениях управления по вертикали особое значение придавалось воспитанию и утверждению таких моральных ценностей, как честность, справедливость и правдивость. Они были подняты до уровня общественной идеологии и являлись устоями и силой, на которых держались благополучие общества, правопорядок и мир в нем. Слово-понятие «ар», означающее больше, чем человеческое достоинство, скорее его духовное основание в человеке, больше всего ценилось в обществе и в казахском праве «Жарғы». Оно было очеловечено. О значении и весе его говорят следующие нормативные и вместе с тем моральные установки: «Малым жанымның садағасы, жаным арымның садағасы» – «Сохранность души ценнее, чем сохранность скота, а сохранность чести ценнее, чем сохранность души»; «Өлімнен ар күшті» – «Честь, совесть более достойны, чем смерть»; «Жігіттің құны жүз жылқы, ары мың жылқы» – «Если за смерть джигита – мужчины положен айп – штраф в размере 100 лошадей, то цена морального достоинства – в десятикрат больше».

Уникальность казахского права «Жарғы» состояла в том, что оно, рожденное в рамках кочевой цивилизации, воплотило в себе многие ценностные черты и оптимумы человеческих мечтаний и человечности этой эпохи. В этом плане оно по праву может и должно занять достойное место в мире исторически значимых правовых систем.

3. Суд биев – символ казахского права «Жарғы»

В «Золотом веке» правопорядка в истории Казахстана главную, важнейшую структуру представлял суд во главе с биями-судьями, имевшими специальную подготовку по освоению арсенала и этики степного права, и безупречные личные нравственные качества с человеческим лицом. Они должны были пройти и проходили путь испытаний перед умудренным опытом старших и перед народной общественностью, прежде чем стать бием-судьей. Суд биев был символом казахского кочевого общества и правосудия одновременно.

I

«Бий есть живая летопись народа, юрист и законовед его», – это определение взято из труда российского чиновника по особым поручениям И. Козлова, служившего в колониальной администрации в Казахстане (в г. Акмолинске), опубликованного им в 1882 году на основе специального изучения обычно-правовых норм и юридических учреждений казахов. Автор вместе с тем указал, что бии отличались «безукоризненной честностью, с природным умом».¹ Указанное определение относилось к тем немногим биям-судьям, которые еще и в XIX веке встречались в Степи и оставались верными судебной традиции «Золотого века». Некоторые из них даже пытались возродить славу казахского правосудия в «древней форме». Такой отзыв был всеобщим со стороны тех, кто был знаком с судебной-правовой системой казахов. По мнению исследователя А. Зуева, подготовившего объемную статью более чем на 60 печатных страницах под названием «Киргизский народный суд», казахские бии были «мудрейшими и достойнейшими», что их суд представлял «светлые страницы далекого прошлого, когда в тихом укладе патриархальной жизни он был столь же чист и правдив, как и сама жизнь».² Другой компетентный

¹ Козлов И.А. Обычное право киргизов. В кн. «Материалы по казахскому обычному праву». Сб. 1, Алма-Ата, 1948, с. 225.

² Зуев А. Киргизский народный суд. Журнал Министерства юстиции, СПб, 1867, № 3, с. 161-162.

автор, Б.Н. Дельвиг, биев именуется не иначе как «единственными хранителями обычного права».¹ А по мнению А. Крахалева, «в отношении справедливости суда киргизы (казахи) очень требовательны... Справедливость – присутствие ее всего важнее».

В казахской обычно-правовой системе отработан целый пласт принципов и норм, определяющих суть и статус судьи-бия, которые прочно вошли в правовое сознание народа и составляли во многом содержание его традиционного менталитета. Они сформулированы в кратких и выразительных изречениях-формулах: «Атаның баласы болма, адамның баласы бол» – «Не будь сыном только своего отца, а будь сыном человека»; «Туғанына бұрғаны – биді құдай ұрғаны» – «Нет божеской кары больше для бия-судьи, чем его пристрастие в пользу родственника»; «Таста тамыр жоқ, биде бауыр жоқ» – «Камень не имеет корня, также и би не имеет родственника». Истина и справедливость, стремление к их постижению были фундаментальными основами судопроизводства и выносимых судебных решений биев, основанных на нормах казахского права: «Атанның құлы айтса да, әділдікке басыңды и» – «Поклонись справедливости, если она высказана даже и рабом твоего отца»; «Тіл жүйрік емес, билікте шын жүйрік» – «В красноречии важна выразительность, но ценнее – истина».

Казахский суд в «древней форме» может быть понят и осмыслен как явление, рожденное и получившее стойкое развитие в эпоху и в рамках кочевой цивилизации, которую прошел и пережил в своей длительной истории казахский народ. По меткому выражению выдающегося национального историка Манаша Козыбаева, «казак, шын мәнінде дала перзенті еді...» – «в подлинном смысле казахи были истинными сыновьями Великой степи».² Казахи сами именовали свою государственность и себя «рожденными на кочевом пространстве» – «Киіз туырлықты казак хандығы» – дословно: «Ханство в кошменных юртах». Этот суд в «древней форме» был правосудием и

¹ Дельвиг Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края. Журнал Министерства юстиции, СПб, 1910, № 5, с. 123.

² Козыбаев М.Қ. «Ежелден бірлікті ансаған», «Егемен Қазақстан» газеті, 1993 ж., 19 маусым.

народным судом одновременно. Он осуществлялся на динамичном правовом поле, основанном преимущественно на институциональных нормативных учреждениях традиций и обычаев, имевших универсальное значение, а также на властных нормативных установлениях, в основном свободных от кастовых, классовых и местных притязаний. Общеэтнические интересы ставились выше, чем просто нормы обычного права. Это сформулировано в правиле «Әдет әдет емес – жөн әдет», что в смысловом переводе звучит: «Законы обычаев – не законы, а законами являются те из них, которые выражают общие интересы». Суд выносился не от имени рода, территории и региона, а судьей-бием, нейтральным и независимым, представлявшим в своем лице общество в целом, его морально-этические принципы. Поведенческая установка для бия-судьи, утвердившаяся в казахском праве, как правило, выраженная в кратких выразительных изречениях-формулах, имела и моральную, и императивную силу. Ее основная норма гласила: «Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» – «У беспристрастного бия не бывает на суде своих и не своих, а если он обзавелся ими, то он теряет святость своего сана»; в дополнение к ней: «Туғанына бұрғаны – биді кұдай ұрғаны» – «Судья, принявший сторону своего ближнего, – это измена перед Всевышним». Другая важная особенность казахского бийского суда – это его духовность, то есть признание примата духовного содержания рассматриваемого дела перед его материально-предметным содержанием, с одной стороны, и руководство моральными принципами «совестливости» – с другой. На фронте памяти народной постоянно мелькали слова: «Ханда қырық кісінің ақылы бар, биде қырық кісінің білімі мен ары бар» – «У владелица-хана ум сорока людей, а у бия – знание и совесть сорока людей», «Бай мал сактайды, би ар сактайды» – «Богач – это хранитель скота, а би является хранителем совести». Эти и другие подобные нормативно-моральные принципы являлись плавленствующими в деятельности бия в эпоху «Золотого века» правосудия. Знаменитый Айтеке би (1681 – 1766) в завещание потомкам передал: «Менің өмірім өзгенікі, өлім ғана өзімдікі болады» – «Моя жизнь принадлежит моему народу, а мне принадлежит только собственная смерть».

Казахский суд решал споры и разногласия, с которыми обращались к нему стороны, исходя из важности обеспечения примирения сторон и мира между ними, единения и обеспечения единства внутри и в сферах общежития, исходя из необходимости искоренения не столько личных, сколько пороков общественного значения. Именно эти, далеко не простые задачи суда насущно требовали того, чтобы бии-судьи учились в школах степных мудрецов, были учеными (не по книгам, а от жизни), прошли испытательные этапы перед старшим поколением, мудрейшими, обладали красноречием и логикой суждения, а также были знатоками казахского права. Только в таком виде бийский суд создал вокруг себя в свою эпоху ореол «Золотого века» правосудия и правопорядка в Великой степи казахов.

II

Казахские бии-судьи по своим функциям и правосудным достоинствам существенно отличались от биев, беев-беков в других этнических регионах – ханствах Центральной Азии. Выделение казахских биев-судей от общей социальной массы, в том числе от правящего класса обширного тюркоязычного пространства произошло в условиях своеобразия казахско-кипчакской кочевой цивилизации. Несмотря на общность на исходном пороге исторического формирования, по мере утверждения и углубления корней кочевой цивилизации на древней земле казахов, занявших по времени многократ больше веков, чем в других этноплеменных территориях Центральной Азии, произошло выделение казахских биев из среды своих прототипов. Развитие биев-судей в Великой степи казахов-кипчаков шло по другому пути, чем в других частях Центральной Азии. За казахскими биями сохранились преимущественно судебные функции, а за биями в других соседних тюркских землях – административные и совещательные при правителях функции. Казахские бии формировались как образованнейшая и ученая «по степному образцу» прослойка, освоившая знание и мудрость поколений в области судебно-правового управления кочевым и полукочевым сообществом. Усвоение нормативного богатства обычного права и умение гибкого его применения, основанного на разуме и разумных соображениях, владение красноречием как средством судебной риторики и умение быть вместе с аудиторией в плане выражения ее исторического менталитета, уровня мышления и настроений – являлись главными критериями для «аттестации» судей-биев. Еще в 1820 году один из известных и наблюдательных исследователей казахского права Д. Самоквасов, хорошо знакомый с русской и европейской судебной системой, писал, исходя из своего видения, что «звание бия в сознании народном принадлежит тем немногим, которые соединяют в себе глубокие познания в коренных обычаях народа и в исторических о них преданиях».¹ В новейшее время выдающийся деятель национальной

---

¹ Самоквасов Д. Сборник обычного права Сибирских инородцев. Варшава, 1876.

культуры С. Сейфуллин, воспитанный в традициях Степного края на рубеже XIX и XX веков, наиболее полно описал натуру и особенности судьи-бия, формировавшегося на менталитете земли казахов. Он утверждал: «Елдің ескіліктен екшеліп келе жатқан жол-жоба, салт, заң ережелерін, дәстүр жинақтарын, бұрынғылардың шежіресін, өнегелі, үлгілі сөздерін жадына көп тоқып, жатқа айтуға ұстанған, билігі жүрген ру басылардан көсем шыққан, өздері де тұрмыстан туған қорытынды сөздерді әдемілеп жұптап, ұйқастырып айта алатындай болған шешендер – би атанған»¹ – «Бием становились те, которые были предельно преданы завещаниям и наследию мудрых предков, освоили прошедшие историческую селекцию древних правила и нормы обычаев и традиций, законы-ереже и прецедентные судебные решения, высказывания и суждения мудрецов, знали их наизусть и обладали даром красноречия».

Роль и место казахского бия-судьи в «древней форме» отразились в кратких и выразительных, в то же время емких по содержанию формулах-выражениях: «Биі жақсының елі жақсы» – «У достойного бия – добрый мир в его сообществе», «Батыр елін жауға бермейді, би елін дауға бермейді» – «Храбрый воин не даст врагам топтать свою землю, а би не даст распространиться конфликтам в народе».

Исследователи богатого устного народного творчества казахов сходятся в том, что понятия «би» и «оратор» на территории Великой степи казахов формировались и означали односмысловые выражения, синонимы. Под бием понимали оратора, а оратор, если он был умен, во многих случаях становился бием. Причем судебное «ораторство» у казахов было не столько красноречием вообще и формой речи, сколько оно носило вместе с тем доказательную силу и содержательно-смысловую нагрузку. Это выразилось в установочных изречениях: «Сөз тапқанға қолқа жоқ» – «Первенствует тот, кто находчив в выразительности». За одним из выдающихся биев XVIII века – Казыбек бием закрепилось прозвище «Ағын судай әйгілі шешен» – «Его красноречие было подобно бурлящему потоку водопада». По мнению одного из известных исследователей Б. Адамбаева, понятие «шешен-оратор» стало выделяться из

---

¹ Сейфуллин С. Қазақ әдебиеті. Қызылорда, 1932, 34 бет.

словарного состава казахов со времени Жиренше-шешена (примерно XV–XVI века). Он писал: «Би» мен «шешен» деген атаулар тіпті революцияға дейін қатар қолданылып, кейде бірін-бірі ауыстырып келгені кездейсоқ емес» – «Не является случайностью то, что вплоть до революции (т. е. до 1917 года – С.З.) «би» и «оратор» применялись как односмысловые понятия, не параллельные, а как единые».¹

В казахском праве красноречие (шешендік), логика риторики (сөз қисынын тапқан) входили в средства доказывания и убедительности. Сила слова в казахском средневековье, да и до недавнего нового времени, настолько была престижна и авторитетна, что часто победа и первенство в дискуссиях, особенно в бийском суде, доставались тем, кто владел искусством речи, и нередко перед ним факты сдавали свои позиции. Аргумент речи намного был сильнее, чем аргумент без достойной речи. Эти особенности степной культуры рельефно запечатлены в казахском праве. «Ердің құнын екі ауыз сөзбен бітірер би» – «Искусный би может решить дело об убийстве одной только краткой речью». Признавая, что «өнер алды қызыл тіл» – «из всех искусств самое важное – это красноречие», в то же время казахское право сформулировало свою судебную цель: «Тіл жүйрік емес, билікте шын жүйрік» – «Ценен язык, но ценнее в суде истина». Один из крупных современных писателей Казахстана, всегда сдержанный, но на этот раз, когда речь шла о судебной власти в прошлой истории Казахстана и современном ее состоянии, не сдержался, отозвался о ней следующим образом: «В своих решениях знаменитые бии, не в пример нашим современным судьям, прежде всего исходили из убеждения, что честь, совесть и достоинство, возведенные в высокий принцип, – наиглавнейший аргумент в любом спорном вопросе, служат надежной опорой народного благосостояния. И этот аргумент подчас, бывало, перевешивал даже столь понятное человеческое стремление одержать верх в прилюдном состязании соперников».²

¹ Қазақтың ата заңдары - Древний мир права казахов, т. 2, Алматы, 2003, с. 43.

² Нурпеисов А.К. Мысли, навеянные деяниями предков. В кн.: Айтеке би. Алматы, 1998, с. 49-54.

В специальной литературе утвердилось с небольшими от-тенками мнение о том, что слово «би» имеет тюркское происхождение, означало важный должностной титул при восточных правителях – ханах, султанах или на автономной территории. Оно имело транскрипции на разных этапах истории у разных тюркских народов – «бек», «бей», «би». Всюду под ним понимали «власть», «властвующую особу» – «билік», «билеу», как правило, в роли советника или идеолога, консультанта или агента по особым поручениям при правителях государств и земель, редко когда бек-би выдвигался на первый план в системе управления страной.

Казахское слово «би» своим первопроисхождением, несомненно, связано с общим тюркским наименованием, носит в себе элементы понятия «власти». Оно сохранило значение терминологического символа. В остальном оно, как специально-содержательное понятие, отличалось от остальных синонимов. Понятие «би» в казахских ордах, ханствах, жузах и родовых объединениях, считавшихся наследными землями казахов-кипчаков или Великой степи Центральной Азии, для которых преобладающим был кочевой способ производства и воспроизводства, постепенно принимало другое содержание и развилось преимущественно в судебную функцию. Би выделались в особую группу людей, больше связанных с правосудием. В тех исторических степных условиях судебная власть имела двойное назначение – отправление суда и нормотворческое. Казахские би были отделены от администрации земель и родов, всегда оставались больше «совестливыми» судьями и законодателями. В этом состоит коренное отличие казахских биев от беков-биев в других тюркоязычных ближних и дальних странах. Бийская правовая ноша была непростая. Кроме историко-правового знания би-судья должен был овладеть действующей системой права в Степи. Добиться этого было непросто.

Нормативная система казахского права имела три важных пласта: а) основные обычно-правовые институты и нормативные установки, выраженные в кратких и емких формулах, имеющие сквозной и несущий характер; б) малые и большие нормативно-правовые уложения, вошедшие в казахское право

под именами ханов и биев, при которых они составлены. Такими являются уложения Касым хана («Қасым ханның қасқа жолы»), Есім хана («Есім ханның ескі жолы»), Тауке хана («Жеті Жарғы»); в) судебные прецеденты – постановления известных биев, ставшие популярными, как именные, так и безымянные, часто называемые «атадан қалған үлгі», «биден қалған жол өнеге, жол жоралғы сөз» – «завещанное наследие предков», «слово-назидание [такого-то] бия». Каждое из них сформулировано, как правило, в легких и изящных, но содержательных и кратких изречениях и логических формулах.

Бийская судебная власть в Казахстане, в отличие от стран и отдельных центральноазиатских земель, в которых преобладала земледельческая или городская культура, и связанные с нею нормы права, в том числе и нормы исламского права, была светской и ментальной, пользовалась большим влиянием на общегражданскую власть, в том числе на гражданско-династическую власть государей и правителей, нередко делила верховную власть вместе с ними. «Золотой век» правосудия и законности, ставший реальностью и составлявший целую эпоху и полосу в исторических судьбах казахского народа и его государственности, олицетворяет во многом естественное состояние общества, при котором судебно-правовые отношения в своем развитии поднялись до уровня общенациональной ценности.

Значение казахского права далеко выходило за пределы своей собственно регулятивной нормативной роли в этнокультурных границах Казахии. Оно несло и выполняло одновременно несколько функций: регулятивную, управленческую, объединительную, охранительную и гуманистическую. Оно было в широком смысле законом и властью, источником общественного бытия и нравственности, искусством и духовной ценностью. Этими чертами, видимо, обусловлены его жизненность и удивительная устойчивость перед лицом целенаправленного и мощного натиска – мусульманского права монгольского права и других иноземных систем права, таких же кочевых, полукочевых сообществ, оседлых и земледельческих культур и государств, в том числе – русского законодательства. Их влияние на казахское право не переросло в разрушительную силу. Оно

затрагивало часто верхушку общества, отдельные его социальные пласты. Доминирующая регулятивная позиция и импульс саморазвития казахского права «Жарғы» сохранились до новейшего времени. Как указывал в середине XIX века Чокан Валиханов, «суд биев, несмотря на 50-летие русского влияния, остался таким, каким он был за сотни, может быть, за тысячу лет до нас».¹

Завидная живучесть казахского права «Жарғы» заключается не в исключительности как некое системно-институциональное учреждение в истории. Все народы в той или иной форме на ранней стадии своей истории прошли период господства обычно-правового, судебнo-прецедентного, отчасти и законодательного регулирования общественных и управленческих отношений. Такой период у многих народов был неустойчивым, недолгим, переходным и укладывался в рамках эпохи средневековой идеологии деления общества на высшие и низшие сословия, династической борьбы за власть, за новую добычу, переселения кочевых и полукочевых сообществ, союзов в поисках новых земель. Казахское право тем и отличается, что оно, оставаясь в своей основе обычно-правовыми нормативами и институтами, сложилось и получило развитие как бы в зоне свободы и моральных ценностей и в силу этого вобрало в себя больше мирные, естественно-устойчивые принципы кочевой цивилизации. В этом плане можно сказать, что оно по содержательной части опередило во многом свою эпоху, в недрах которой формировалось, и переросло ее рамки.

---

¹ Валиханов Ч. Суд биев в древней народной форме. Записки Русского географического общества по отделу этнографии. Т. 29. СПб, 1904, с. 164.

К ОЦЕНКЕ КАЗАХСКОГО ПРАВА В ИСТОРИИ МЫСЛИ

Перед зданием Верховного суда Республики Казахстан в г. Астане установлен монументальный образный памятник трем выдающимся биям-судьям: Толе би, Казыбек би и Айтеке би, жившим во второй половине XVII и в первой половине XVIII веков. Они изображены крупным планом (3,5 метра высоты), с гордой осанкой, по-восточному сидящие на небольшом возвышении. Один из них приложил левую руку к сердцу, другой держит полусогнутую правую раскрытую руку перед собой, будто произносит речь, а у третьего в руках свитки грамоты. От них веет разумом и мудростью. Каждый из них и вместе взятые близки и понятны каждому казаху, который по вековой традиции с молоком матери воспитывается в преданном уважении к истокам памяти справедливого правосудия и его выдающихся носителей. Это изображение трех вершителей «степного правосудия» с приобретением республикой государственной независимости (с 1991 года) без пропаганды и «внедрения» стало повсеместно распространенным неофициальным символом Казахского государства. Оно стало местом массового почитания и коленопреклонения.

Я не помню стран и государств, в том числе почитающих Фемиду, на анналах и фронтонах которых возвышались бы портретные образы выдающихся представителей правосудия. Видимо, казахская земля – исключение. Это и есть самая достойная оценка правовой системы «степной демократии». Она утвердилась естественным путем в историческом сознании народа как сама его непреходящая жизнь.

I

Казахское право являлось и было одним из культурно-ценностных феноменов кочевой тюркоязычной цивилизации, сложившейся и утвердившейся на обширном степном пространстве Западно-Сибирской и Центрально-Азиатской частей Земли. Она называлась в поздней исторической литературе Великой степью – родиной кипчаков, или Казахией, по имени этнических объединений. Фундаментальными особенностями эволюции этой части земли были: а) то, что она представляла огромную «свободную» зону, куда в течение тысячелетий стекались и переселялись племена, этносы с изначальными естественно-демократическими традициями и формировались на этой базе государственные структуры с устремлениями к мирной жизни; б) основной формой жизнедеятельности населения и способом производства было развитое кочевое скотоводство, связанное со свободой освоения территорий и со свободой развития объединительных моральных ценностей, а также широкого пространственного мироощущения; в) здесь формировались и утвердились богатая и внутренне единая языковая культура казахско-тюркского этноса и во многом оригинальная, демократическая по сути правовая культура кочевников-казахов.

Казахское право в наибольшей степени вобрало особенности и демократические ценности Великой степи кипчаков (Дешт-и-Кипчак) и может быть названо правом «степной демократии». Выделяющейся ее чертой было признание верховенства признанных правил поведения и судебной власти в общественной и политической жизни. Оно в содержательно-институциональном плане в периоды автохтонного развития существенно отличалось от так называемых «восточных», тиранических форм правосудия и наказания. Оно не знало уголовного преследования, лишения свободы и тюрем (зинданов), членовредительских наказаний и оскорбляющих личность постановлений. Все деликты и правонарушения считались гражданскими и вели к имущественной ответственности. Смертная казнь применялась очень редко и считалась исключительной прерогативой общего собрания народа (улуса, родового объединения).

Главными носителями норм казахского права, его хранителями и реформаторами была особая прослойка людей, отвечавших строгим требованиям общественной оценки. Несмотря на то что по древней традиции их называли биями, они отличались от традиционных на Востоке биев-правителей. Они соединяли в своем лице поэта и оратора, мастера диалога, философа и мудреца, знатока норм обычно-правового законодательства и его реформатора, военного предводителя и правителя, а главное – они в своей деятельности интересы всего народа Казахстана ставили выше местных интересов и находились под контролем общественного мнения. Морально-правовой статус казахского бия-судьи выражен в требованиях и словах народного «договора» – «Атаның баласы болма, адамның баласы бол» – «Не будь сыном только своих предков, а будь сыном человечества». Эту же мысль образно выразил знаменитый Айтеке би, живший в XVII – начале XVIII веков, сказавший о себе: «Өмірім өзгенікі, өлім ғана өзімдікі» – «Моя жизнь принадлежит народу, а мне принадлежит только моя смерть».

Правосудие по казахскому праву было основано на идеологии справедливости, народности и человечности с конечной целью достижения примирения спорящих и даже враждующих сторон. Широко применялись институты братания и заключения брачного союза. Простота и доступность, непосредственность и безотказность в рассмотрении споров, обеспечение беспристрастия суда и свободы доказывания, состоятельность процесса, в котором значительную роль играли красноречие и разумная, последовательная логика, не ограниченная ничем, возможность участия представителей сторон и каждого из присутствующих в процессе, стремление к примирению сторон и обеспечение большой логико-правовой убедительности решений в глазах общественности составляли суть и форму бийского суда.

Казахское право, основными источниками которого были обычно-нормативная система, ханско-бийские правовые уложения и сборники, культурные традиции Великой степи, проявляло на протяжении многих веков удивительную жизнеспособность в условиях прямого и косвенного засилия соседних государств, нередко мощного влияния их идеологии.

Они силою и увещаниями временами настойчиво навязывали казахскому обществу свои режимы, угодные порядки. Казахское общество, понеся огромные потери, жертвы, разумеется, заметно менялось, но наиболее устойчивыми оказались его развитая языковая культура, вобравшая богатство народной и батырской риторики своей эпохи, и его правовая культура. Они даже в этих экстремальных условиях не только чудом уцелели, но и, благодаря внутренней силе самосохранения, укрепились. В основе казахского права и самой его структуре, нормативной системе лежали народность и вольная, естественная свобода человека, то есть такие нравственные идеалы и принципы, которые созвучны вечным стремлениям человека. Это было одной из фундаментальных причин того, что казахское право оказалось сильнее мечей узурпаторов и их режимов.

Казахское право, имевшее тысячелетнюю историю, основанное на культурных и демократических традициях обычно-правовой системы, пережило и перешагнуло эпоху, его породившую. Оно продолжало сохранять регулятивную жизнеспособность до XIX века, отчасти и до начала XX. Долговечность казахского права можно объяснить двумя факторами. Во-первых, хозяйственно-бытовые, мировоззренческие основы кочевой цивилизации на обширной земле Казахстана сохранились вплоть до новейшего времени. А главное, во-вторых, жизнь казахского права максимально была приближена к самому народу, к логике его жизни, в значительной степени выражала извечную духовную суть человека и его устремления независимо от стадии развития.

II

Изучение казахского права, его истории и древности, его нормативной структуры, вобравшей в себя, в силу особых условий регионального развития, демократические ценности кочевого мира, относится к позднему времени. Да и Европа открыла его только в конце XVIII – начале XIX веков. Существует несколько объяснений такого положения. К ним относятся: а) то, что казахское общество представляло «свободную» зону обширной Центрально-Азиатской степи, расположенную в стороне от крупных политических и военных событий, нередко потрясавших значительную часть Азии и Европы и в силу этого приковавших к ним интерес правителей и внимание интеллектуалов раннего и позднего средневековья; б) казахское общество вело натуральное хозяйство и в течение многих веков оставалось в основном самодовлеющим кочевым бесписьменным обществом, тяготевшим к мирной жизни, без стремления к серьезным завоевательным походам; в) кочевое общество аккумулировалось в значительной степени на своей собственной базе, в свойствах и чертах, характерных для развитой формы этого типа общественной организации, в которой установилось торжество Слова и Закона, ставших природно-неотъемлемыми от человека и для человека в общественном сознании. Задача изучения этой системы с целью ее утверждения и передачи следующему поколению с точки зрения внутренних потребностей сама по себе была снята. Она передавалась естественным путем, как само воспроизводство рода; г) отчуждение Казахии играло судьбоносно противоречивую роль: здесь воцарился застой и законсервировались пастбищно-кочевой режим хозяйствования и связанная с ним социально-экономическая отсталость, и в то же время в их рамках получила «свободное» развитие почти до совершенства обычно-правовая культура изначальной свободы и народовластия. Жадный до корысти «цивилизованный» мир видел внешнюю нецивилизованность казахского общества. Так продолжалось довольно долго.

Интерес со стороны государств ближнего и дальнего зарубежья к Казахстану, более активно начавшийся с XVIII века и

вызванный в основном колониально-экономическими их интересами и борьбой за расширение сферы влияния, привел к открытию занавеса и познанию казахского права. В этом больше других преуспело правительство царской России, обладавшее рядом территориальных, исторических и этнических преимуществ. Однако все это произошло сравнительно поздно.

Внутренний мир «отсталой» Казахии начал открываться перед европейски образованными людьми только в новое и новейшее время. Наиболее беспристрастные и наблюдательные из них приходили к неожиданным выводам относительно ценности и своеобразия этой правовой культуры. Русский ученый-востоковед А. Левшин впервые заговорил о «Золотом веке» в правовой истории казахов (1832 г.). Поляк А. Янушкевич, проведший годы ссылки в Казахии, писал о своих Демосфенах и Цицеронах, удивлявших общество ораторским и политическим даром, о существовании которых в Степи цивилизованному миру предстоит узнать (середина XIX в.).

В изучении казахского права можно выделить три этапа. Первый этап связан с колонизацией Казахской степи царской Россией. Хронологически он охватывает XVIII – начало XX веков. Второй этап приходится на период Советской власти (1917 – 1989). Третий этап начинается с образования независимого государства казахов – Республики Казахстан (с 1990 года). На первых двух этапах обращение к проблемам казахского права было обусловлено соображениями политики колониальной царской России, а затем – имперского политического курса Советского государства. О начале системного и систематического изучения казахской обычно-правовой системы – казахского права, как уже указывалось, можно говорить только применительно к третьему этапу, т. е. оно началось с приобретением Республикой Казахстан государственной независимости.

Царская Россия в процессе проведения политики колонизации и превращения Казахстана в свою вассальную территорию натолкнулась, по признанию самих государственных чиновников, на необычное явление – особо прочную регулятивную и охранительную роль обычно-правовых установлений, судебных учреждений, а также социальной группы биев-судей в политической жизни и в общественном сознании народа, что

контрастировало на фоне уровня развития и отсталости края. Активное внедрение штампов колонизации в экономику, ограничение власти казахских ханов в трех главных частях – жузах Степи, а затем их упразднение, репрессивные меры оказались явно недостаточными для достижения целей подчинения Степи. Чем активнее была эта политика, тем больше было сопротивление со стороны, в особенности институциональных учреждений казахского права. Царское правительство довольно скоро убедилось в том, что распространение влияния на казахское общество невозможно без завоевания и укрепления позиций в его правовой сфере, в основе которой лежали выпестованные, подвергшиеся селекции в течение многих столетий обычно-правовые установления. И всякие изменения и реформы, которые оно хотело провести в Казахстане в интересах колониальной политики, должны были не только учитывать эту реальность, а исходить из нее. Правительственные органы на самом ответственном уровне заговорили о первоочередной необходимости обстоятельного изучения правовой морали кочевого народа. Такая направленность становится неотъемлемым элементом политики царизма в Казахстане, стремившегося реформировать управление Степью.

Начиная с 20-х годов XIX века отпускаются средства, снаряжаются комиссии, даются указания властям, обосновавшимся в северных и северо-западных пограничных областях Казахстана, об активном собирании и изучении юридических норм кочевого населения Степи. Один за другим появляются исследования, собрания «обычного права киргизов», под которыми в то время понимали казахов: «Сборник обычного права Сибирских инородцев» (Самоквасов Д.Я., Варшава, 1876); «Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона» (Баллюзек Л.Ф., Оренбург, 1871); «Обычное право киргизов» (Козлов И.А., Омск, 1886); «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов» (Маковецкий К.Е., 1886); «Обычное право киргиз» (Леонтьев А., Москва, 1890) и другие.

Среди образованных российских чиновников, особенно молодого поколения, работавших в колониально-административных учреждениях Казахстана, по мере их знакомства

с «отсталым», кочевым обществом казахов возникает пристальный интерес к правовой их культуре. Так, И.А. Козлов по окончании юридического факультета Петербургского университета (1877) по своему желанию направляется для работы в «Сибирское управление» Казахской степью, в г. Омск. Не без его инициативы с начала 80-х годов начинается массовый «сбор сведений о юридических обычаях», санкционированный генерал-губернатором Западной Сибири, в ведении которого находился обширный Центральный Казахстан. Он в одной из первых статей, опубликованной в 1882 году, доказывает необходимость ограждения «бийского суда» от административного разрушения. Он писал: «В сознании народа звание бия принадлежит тем немногим, которые отмечались безукоризненной честностью, с природным умом, соединяют глубокое познание в коренных обычаях народа. Бий есть живая летопись народа, юрист или законовед его».¹ Через газету «Особое прибавление к Акмолинским областным ведомствам» (1888 – 1894), которую он редактировал, обращается к местным знатокам истории права казахов, к некоторым из них персонально, с просьбой прислать статьи о «степных законах» и обещает напечатать их «с благодарностью».² Аналогичную позицию в оценке казахского права занимал и другой молодой русский чиновник-исследователь Н.Н. Максимов. Он, так же как и И.А. Козлов, окончил юридический факультет Петербургского университета, но только на пять лет позже. Работал он в Степном крае (г. Омск) с 1883 по 1898 годы, много ездил по Степи, общался с «живыми» биями как свидетелями «ушедших времен», изучал быт и «юридические обычаи» казахов. Опубликованные статьи и его записки содержат интересные идеи и наблюдения относительно возвышения роли биев и значения «степного права» казахов в прошлом и о причинах их последующего упадка. Он указывал, что и в его время (последняя четверть XIX века) можно было наблюдать, когда решение бия еще «считалось безусловным».³

¹ Материалы по обычному праву казахов. Алма-Ата, 1948 г. с. 224.

² Особое прибавление к Акмолинским областным ведомствам. Омск. 1888, № 14.

³ Максимов Н.Н. Народный суд у киргизов. Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1897, кн. 7, с. 65.

Он, как и некоторые его единомышленники-чиновники, пытался убедить руководство царской администрации о необходимости приступить к составлению «свода обычного права» казахов.

Эту свою идею он основывал тем, что казахское право мало изучено, его нормы и институты подвергаются внешним влияниям, а местных их знатоков становится меньше и меньше. Он отрицательно относился к распространению влияния мусульманского права – шариата на юридическую жизнь казахов.¹ Находя обоснованными эти и другие высказывания экспертов, в 40–60-х и 80-х гг. XIX в. царское правительство учредило не одну авторитетную комиссию по изучению системы управления и роли в нем биев, а также «юридических обычаев» казахов с целью определения возможных направлений государственной политики превращения края в окраинную территорию империи. В результате деятельности ряда правительственных комиссий, местных пограничных властей и их чиновников был собран огромный фактический материал об обычно-правовых правилах казахов, об их реальной регулятивной силе в различных сферах общественной жизни. Этот материал, независимо от целей его накопления, представляет большую познавательную и научную ценность.

Часть собранного материала была в свое время опубликована в виде сборников норм обычного права казахов. Многие тома записей норм, различных справок и отчетов, характеризующих обычно-правовые правила казахов, отложились в архивных хранилищах бывших республик СССР и Российской Федерации, городов Москвы, Петербурга, Омска, Оренбурга, Ташкента, Томска, Алматы.

Поворот от собирания норм казахского права к их изучению в русле определенных идеологических установок наметился на втором этапе – после революции в России 1917 года. В организационном плане учреждение Академии наук Казахской ССР и Сектора права в ее составе (1946 г.), Института философии и права (1958 г.), а затем на его базе – Института государства и

---

¹ Максимов Н.Н. О необходимости приступить к составлению сборника «Киргизского обычного права». Отчет о деятельности Западно-Сибирского Русского географического общества за 1897 год, г. Омск, 1899, с. 9-12.

права в структуре Национальной академии наук (1992 г.) сыграли существенную роль в историко-правовых исследованиях в Республике Казахстан.

После Второй мировой войны особенно возрос научный интерес к проблемам казахского права, его древним институтам. В первую очередь это было связано с подготовкой и изданием курсов по «Истории Казахстана», вначале в виде очерков, а затем в виде многотомных изданий, в ходе написания которых невозможно было пройти мимо проблем обычно-правовой системы средневекового Казахстана.

В эти годы появляются специальные правовые исследования Т.М. Кульгелеева,¹ А.Л. Фукса,² выходят в печать «Материалы по обычному праву казахов», т. 1 (1948 г.), «Материалы по политическому строю казахов», т. 1. (1960 г.), «Проблемы казахского обычного права» (1989 г.). В эти годы увидели свет монографии и проблемные сборники, защищаются кандидатские и докторские диссертации, тематика которых посвящена политической и правовой истории «дореволюционного» (до 1917 года) Казахстана. Среди них – докторские исследования: Кенжалиева З.Ж. «Традиционная правовая культура казахов» (1996 г.), Усерова Н.У. «Казахское право и нормы мусульманского права» (1998 г.), Кул-Мухаммеда М.А. «Политико-правовая история казахов в оценке деятелей партии «Алаш» (1999 г.), Узбекулы С. «Общественно-политическая и правовая мысль в Казахстане с XVII до начала XX веков» (1999 г.). Среди кандидатских диссертаций следует указать на работы Абишева К.А. «Русская передовая интеллигенция. Западной Сибири в истории политической и правовой мысли Казахстана» (1990 г.), Ахметовой Н.А. «Институт «кун» в обычном праве казахов», Андабекова Ш.А. «Чрезвычайные съезды биев» (1995 г.), Идрисова Г.З. «Политические и правовые воззрения М. Сералина» (1985 г.) и других.

При всей важности и мобильности исследований, проведенных в годы Советской власти, они были подцензурными, ограниченными рамками «классового подхода» и преследовали

---

¹ Кульгелеев Т.М. «Уголовное обычное право казахов». Алма-Ата, 1955 г. Опубликовано под моей редакцией после трагической гибели автора.

² Фукс А.Л. Обычное право казахов в XVIII - первой половине XIX века. Алма-Ата, 1981 г. Опубликовано под моей редакцией после смерти автора.

узко идеологические цели, основываясь на делении общества на эксплуататоров и трудящихся. Поскольку бии-судьи, судебные ораторы, знатоки и хранители «юридических обычаев» в основном происходили из зажиточной части населения, отношение к ним было «нежелательным», отрицательным, какую бы они ни играли выдающуюся роль в жизни и истории народа. Для Советской власти было первостепенно и важно показать и выпятить приоритет и превосходство советского уклада и образа жизни для всех нерусских народов и как можно больше принизить роль их культурных ценностей досоветского периода. Казахское общество и его правовые учреждения «в древней форме» оценивались как «антисоветские» и отсталые.

О начале системного и систематического изучения проблем казахского права можно говорить только применительно к третьему этапу – к периоду после приобретения Казахстаном государственной независимости. Процесс активной реабилитации видных общественных деятелей казахского народа, ставших в массовом порядке жертвами советских репрессий, сопровождался и реабилитацией казахского права в «древней форме».

Исследование «Золотого века» казахского права возобновилось и набирало широкий размах только после приобретения Казахстаном независимости. Поиски и сборы, направленные на воссоздание живой истории казахского права с его непреходящими гражданскими и культурными ценностями, принесли серьезные и значительные результаты. Людская память, хранившая в себе многие образы и портреты правовой реалии казахов минувших веков, оказалась сильнее меча душителей народного духа.

III

Ничто в казахском обществе не ценилось выше, чем царство Слова и Закона. Красноречие и риторика были неперемненными атрибутами общения на любых уровнях – семейном, клановом и государственном. Они были и забавой, и искусством. Особенно ценились в них богатство словарного состава, образов и логика. При искусном их сочетании и построении речи выступления и беседы мужей обладали громадной силой убедительности. В социальной среде и коллективе, воспитанных в духе восприятия слов не только как средства общения, но и нечто большего – как духовная пища, они воспринимались особенно заинтересованно и сознательно. Вольность мирного кочевого образа жизни наряду с сильными остатками родоплеменных объединений и вольность пространства обитания населения способствовали формированию феномена Слова и превращению его в идол поклонения.

Казахское правосудие – бийский суд «в древней форме» – было той областью, где сила красноречия, правдивого слова была востребована и проявилась в наибольшей степени. Судья-би был знатоком норм казахского права в его историко-эволюционном развитии и оратором. Они в связке олицетворяли степную Фемиду. Существование одного без другого в сфере правосудия было немыслимым и невозможным. Именно первейшим источником красноречия, ораторского искусства, их хранителями и реформаторами выступала особая профессиональная социальная прослойка общества – би, отправлявшие судебную власть. Судебно-процессуальные нормы казахского права построены так, чтобы всемерно поддерживать и создавать условия свободы судебной функции. В такой оценке единодушны крупнейшие деятели культуры и науки казахской земли, многие из которых жили на стыке «старого» XIX и нового XX веков и с молоком матери воспринимали суть и принципиальные азбуки казахского правосудия, передававшиеся из поколения в поколение и дошедшие в основных устоях в глубине памяти народа до новейшего времени. Действующему Президенту республики, ученому-академику Н.А. Назарбаеву принадлежат слова, сказанные им о трех

выдающихся «степных» юристах – биях XVII–XVIII веков: Толе бие, Казыбек би, Айтеке би, о том, что «Үш данағөйдің өнегелі өмірі, ел камын жеген адал еңбегі, топ бастаған көсемдігі. От ауызды, орақ ілді шешендігі, мүлтіксіз әділдігі жөніндегі айтар әңгіме аз емес» – «Можно говорить много о славной жизни этих трех великих людей-биев, об их деяниях во имя чести, достоинства и предельной преданности делу народа, об их природном предводительском таланте, ораторском даре, безупречной справедливости». Эта же мысль звучит из уст крупного ученого-академика, бывшего президента Национальной академии наук К.И. Сатпаева. В 1927 году он писал, что в народной памяти еще живы неподкупные образы выдающихся казахских биев прошлых эпох. Лучше о них говорят изречения, дошедшие до нас через столетия: «Ханда қырық кісінің ақылы болса, биде қырық кісінің ары, білімі бар» – «Если у хана есть ум сорока человек, то у бия – совесть и познания сорока мужей». Международно известный писатель А. Нурпеисов признавался: «С годами я все чаще оглядывая мысленно скрытые пласты веков казахской истории, все более и более поражаюсь... Три мудреца, чьи имена сегодня не сходят с уст благодарных потомков – Толе, Казыбек, Айтеке, – не только были наделены Богом великим ораторским искусством. Они точно так же, как Цицерон в Древнем Риме, исполняли широкий круг государственных обязанностей – в том числе судей-биев, утверждая тем самым своими деяниями принципы демократии Великой Степи». Казахский аналитик-писатель немецкого происхождения Г. Бельгер указанных трех степных судей-биев называет «тремя пророками» и что они «в историческом сознании воспринимаются как святые, как неразрывное единство народного духа, как воплощение духовной субстанции Казахии».

Многочисленные исследования национальных и иностранных авторов, включенные в настоящее издание, большинство которых опубликовано в последнее десятилетие – в период цензурной свободы, – вскрывают исторические корни и особенности общественной, государственной организации Казахии, послужившие основой формирования и утверждения степной демократии на этой земле и как ее продукт и фено-

мен казахского права в его «древней форме». Вот некоторые из них: «Қазақ шешендік өнері ХІІ–ХІІІ ғасырларда Майқы би мен Аяз билерден басталды» – «Искусство национального красноречия берет начало от Майқы бия и Аяз бия, живших в ХІІ–ХІІІ веках» (Б. Адамбаев). Всемирно известный писатель, ученый и знаток казахской истории М.О. Ауэзов указывал, что «...Әрбір хан өз қасында ақылшы болатын биді таңдағанда, ең алдымен сөз тапқыш өткір деген шешеннен, судырлаған ақыннан алатын» – «Каждый хан, когда выбирал себе советника-бия, главными критериями были его ораторские и поэтические данные, мудрость и находчивость в словопрениях».

Неутомимый и плодотворный исследователь истории национальной литературы Р. Бердыбаев отмечает, что «ұлы билер барлық кезде үлкенді-кішілі іс-әрекетінің бәрін де ел мүддесін жоғары қойған» – «выдающиеся бии в больших и малых своих деяниях всенародные интересы ставили выше личных и клановых интересов».

Значение казахского права выходило далеко за пределы своей собственно регулятивной нормативной роли в этнокультурных границах Казахстана. Оно несло и выполняло одновременно несколько функций: регулятивную, управленческую, объединительную, охранительную и гуманистическую. Оно было в широком смысле законом и властью, источником общественного бытия и нравственности, искусством и духовной ценностью. Этими чертами, видимо, обусловлены его жизненность и удивительная стойкость перед лицом целенаправленного и мощного натиска мусульманского права и других иноземных систем права таких же кочевых, полукочевых сообществ, оседлых и земледельческих культур и государств, в том числе русского законодательства. Их влияние на казахское право не переросло в разрушительную силу. Оно затрагивало часто верхушки общества, отдельные его социальные пласты. Доминирующая регулятивная позиция и импульс саморазвития казахского права сохранились до новейшего времени. Как указывал в середине ХІХ века Чокан Валиханов, «суд биев, несмотря на 50-летие русского влияния, остался таким, каким он был сотни, может быть, за тысячу лет до нас».

Ранний упадок величия Великой степи кипчаков – прародины кочевой цивилизации не привел синхронно к упадку престижа и роли казахской правовой культуры. В этом противоречивом процессе, по-видимому, сказалось ее пространственное жизнеобитание на обширной «свободной» зоне Степи. Однако хозяйственный, культурный застой и относительная изолированность средневековой Степи, ее отрыв и увеличивающееся отставание от преуспевающих в своем развитии других частей мира сыграли свою роль. Обширный Центрально-Азиатский регион был отодвинут на задний план мировой истории и надолго выбыл из игры.

Подлинное изучение казахского права в его «древней форме», можно сказать, резкий поворот и бум в его познании произошли в последнее десятилетие – с приобретением Казахстана государственной независимости. Об этом свидетельствуют публикуемые в настоящее время труды ученых и деятелей культуры.

С разрушением «идеологической стены», возведенной на пути самопознания и самоутверждения казахского народа, оказавшегося в сфере политики Советской империи, державшей взаперти вековой его дух, как бы потоком прорвалась на свет накопившаяся внутренняя его сила. Она была духовной силой-рекой, впадающей в общий процесс развития цивилизации.

Вначале, с наступлением «политической оттепели» после смерти Сталина, а затем – особенно в постсоветский период исследования проблем истории правовой культуры казахов стали в республике в числе приоритетных. В них участвовали литераторы и востоковеды, историки и юристы. Постепенно воссоздавалась целостная картина периода «судебно-правового ренессанса» в средневековой истории казахского общества.

Многоаспектные исследования казахского права и бийского правосудия в «древней форме» характеризуют их как одно из ценностных наследий тюркской кочевой цивилизации, раскрывают их особенности и место в общечеловеческой правовой культуре.

СУД БИЕВ В ПРОШЛОМ БЫЛ НАРОДНЫМ, А ТЕПЕРЬ СТАЛ АППАРАТНЫМ – ТАКОВ ОСНОВНОЙ МОТИВ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Русская литература и архивные фонды России являются основными письменными источниками о казахском праве «Жарғы» и о судах биев XIX и начала XX веков.

Отдельные публикации о правовой культуре казахов, сбор и запись, частично и изучение нормативного строя казахского права «Жарғы», более известного под названиями «обычное право кочевых казахов», «степное право» и «право казахов Восточного Дешт-и-Кипчака», начались в России только в XIX веке.

Правда, материалы вообще о Казахстане до этого были сосредоточены в архивах и канцеляриях русского государства. Они в основном представляли донесения, переписки, путевые заметки и разрозненные сведения о состоянии казахских земель и брожениях в них, о контактах России, ее полномочных и пограничных органов с казахскими ханствами, отдельными их представителями. В них вовсе не было, а если было, то отрывочно, весьма мало материалов о правовой и судебной системе. Да и к середине XIX века, когда наметился интерес к внутреннему режиму населения Степного края как со стороны царского правительства, так и со стороны энтузиастов его познания многие аспекты жизни казахов, особенно их судебно-правовой культуры, оставались малоизвестными и непонятными. Генерал-адъютант Крыжановский при открытии Оренбургского отдела Императорского географического общества в конце 60-х годов XIX века заявил: «О киргизах имеют в России понятия ложные, что, конечно, гораздо хуже, чем полное незнание».¹ Об этом же писал ученый-востоковед, юрист, много лет проработавший в Оренбургской администрации, заинтересованно овладевший казахским языком Л.А. Словохотов. По его мнению, многие опубликованные русскими авторами работы о законах Степи и бийских судах поверхностны и часто искажают действительность. Они написаны «в большинстве случаев

---

¹ Записки Оренбургского отдела Императорского географического общества. Вып. 1, 1870, Казань, с. 27.

прямо от руки, под первым непосредственным впечатлением, эти труды сильно грешат субъектизмом оценки, что придает им характер скорее авантюризма, чем серьезной научной работы».¹ При всех недостатках русские литературные источники о казахском праве «Жаргы» представлены сравнительно полно в количественном и качественном отношениях. Это особенно относится ко второй половине XIX и началу XX веков.

Содержание

Введение

Глава I. История казахского права

Глава II. Судебная система казахского права

Глава III. Семейное право казахского народа

Глава IV. Имущественное право казахского народа

Глава V. Уголовное право казахского народа

Глава VI. Процессуальное право казахского народа

Глава VII. Заключение

---

¹ Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды. Оренбург, 1905, с. 24.

Хотя казахская земля приняла подданство России еще в 30-х годах XVIII века, она продолжала быть «неуправляемой территорией» со стороны России, имеющей в основном для нее значение моста для выхода к богатым государствам Южной Азии. Как передают, русский царь Петр I в бытность его в Астрахани во время персидского похода в 1722 г., ознакомившись по расспросам о состоянии казахских орд, сказал, что «киргиз-кайсацкая степь всем азиатским странам и землям ключ и ворота».¹ Несмотря на то что основные силы Империи были заняты на главных участках «большой политики» – на Западе и Юго-Западе, – Петр I снаряжает крупный отряд Бековича-Черкасского для похода через Казахскую степь в Хивинское ханство. Основной целью царского правительства при этом было «проложить русскому купечеству через степи (Средней Азии – С.З.) дорогу к сокровищам Индии, которыми обогащались проникавшие туда морями приятели его голландцы и другие западноевропейские народы».²

К началу XIX века времена изменились, изменилась и политика России по отношению к Степному краю. От прокладки коридора через казахские земли к южным странам Азии и от обеспечения безопасности этого проходного пути правительство переходит к освоению казахских земель и превращению их в окраинную управляемую территорию Империи. Эта задача была трудная и многоэтапная. И она стала реализовываться одновременно и силой, и преобразованиями внутреннего устройства Степного края.

В правительстве России понимали, что одним из основных условий проведения новой колониальной политики в Казахстане – это иметь более или менее ясное представление о самом казахском обществе – не только как об обществе кочевников, «кочевых номадов», отставших в своем развитии намного от европейской цивилизации, и от Центральной России,

¹ Витевский В.Н., Неплюев И.И. Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Т. I, Казань, 1889-1892, с. 136.

² Григорьев В. Русская политика в отношении Средней Азии. СПб, 1874, с. 11.

а главным образом разобраться и понять внутренние устои общежития, основы управления и регулирования в условиях преобладания родового деления населения и живучести общинно-коллективных институтов в обществе казахов. Такая политика стала работать, и одновременно, основываясь на ранее накопленные материалы и описания и на новых данных, готовились проекты схем, модели нового управления казахской Степью и волевых актов – законов, обеспечивающих задуманные преобразования. Казахстан стал играть самостоятельную роль в торгово-экономической, земельно-пространственной и стратегической политике России.

Ликвидация ханской власти в Степном крае, являвшаяся столбовым узлом нового этапа колониальной политики, которая стала проводиться с начала XIX века, завершилась с разработкой и принятием «Устава о сибирских киргизах» в 1822 году, вошедшего в историю как «Устав Сперанского», под именем его автора, признанного ученого-востоковеда, либерала-реформатора и видного государственного деятеля России. К этому времени в Младшем и Среднем жузах остались лишь самопровозглашенные ханы из султанов, не получившие официального признания пограничной царской администрации, как это было заведено. Исключение составляла Букеевская внутренняя орда, расположенная на небольшой прикаспийской территории, объявленной самим правительством отдельным ханством (Джангир здесь оставался в ханской должности до своей кончины в 1845 году). «Уставом» ханская власть была заменена властью подконтрольных старших (ага) султанов в округах (частях), на которые делился Степной край.

В периоды подготовки к отмене ханской власти, принятия «Устава о сибирских киргизах» и введения новой процарской системы управления в Казахской степи, основанной преимущественно на территориально-родовом административном делении населения, проводилась значительная подготовительная работа. По заданиям петербургских властей в свою очередь губернские пограничные управления, ответственные за проведение на местах политики колонизации края, расположенные в Омске, Оренбурге, Ташкенте, снаряжали отряды и группы, посылали отдельных чиновников в близкие и дальние районы

расселения казахов, в их кочевья. Перед ними были поставлены определенные задачи: собирать и записывать из уст знатоков и местной знати, а также свои наблюдения и непосредственные впечатления об обычно-правовых нормах, о судопроизводстве в бийских судах, о значении и роли их вердиктов. Ближайшей их задачей было составление по регионам свода законов кочевого населения казахов. Считалось, что в отсталых и кочевых странах, к числу которых относился Казахстан, в мирное время официальная власть была почти исключительно судебной властью, и что без знания правовых внутренних правил и без их учета нельзя было провести сколько-нибудь эффективную политику преобразования и реформ в Степном крае в угоду имперским интересам России. Такая активная работа проводилась тремя волнами: первый раз – в начале 20-х годов XIX века в связи с необходимостью разработки и принятия важных комплексных законов, в частности «Устава об инородцах» и «Устава о сибирских киргизах», которые и были приняты в 1822 году; второй раз – в связи с окончательной отменой ханской власти и предстоящей реформой административного устройства казахских земель и управления ими в 40-х годах XIX века; третий раз – в 60–70-годах XIX века, когда предстояло проведение новых крупных реформ управления и суда в Казахстане, направленных на повсеместное усиление влияния России в крае путем распространения в нем как можно активнее внутренних российских моделей законодательства, губернско-волостного административного деления и управления, а также российской судебной системы.

Во всех этих трех этапах преобразований в Казахстане красной нитью одновременно проводилась политика ограничения зоны применения «народных обычно-правовых норм» в судах и превращения традиционных судей-биев в разновидность платных и официальных чиновников по тяжбым делам местного значения. Для нас в данном случае более важно другое: за эти годы был собран, накоплен, частью опубликован огромный нормативный материал о казахском праве «Жарғы», а также и сведения и отзывы о судах биев, какими они были раньше, в период их расцвета, как уникальной модели правосудия, так и какими становились и стали в период имперской политики царизма.

II

При общей ценности накопленного за сравнительно короткое время фактического материала об организации правовой жизни и суда в казахском кочевом обществе нельзя упускать из виду, что он в большинстве случаев собирался и составлялся под углом зрения колониальной политики России – это во-первых. Во-вторых, эти материалы в основном собирались русскими чиновниками во время их кратковременных заездов в степные кочевья, а главное – мало знакомыми, вернее почти неизвестными с традиционным бытом, жизнью, своеобразием местных и межгрупповых (родовых) связей, внутренним устройством казахского кочевого общества. В-третьих, одним из источников накопления материалов были письменные донесения, как бы исходящие от местной знати и заверенные их личной печатью, а на самом деле из-за их неграмотности сплошь и рядом сочиненные муллами и ахунами, служившими при них, с включением в эти записки нередко в обилии норм мусульманского права, в самом деле не известных или не действующих в кочевых казахских сообществах. Кроме того, в них включалось немало норм, выгодных лишь служилой знати, взятых из других мусульманско-азиатских систем права, в том числе и из российского законодательства. Обо всем этом достаточно доказательно указывали и писали современники тех лет Ч.Ч. Валиханов, Л.А. Словохотов и другие.

Есть ряд важных моментов, которые обязательно должны быть приняты во внимание при ознакомлении, чтении и оценке материалов о правовой жизни казахского кочевого общества, включенных в настоящее издание. Это то, что сами описания казахского общества, быта и нравов его населения – казахов во многих случаях противоречивы, поверхностны, с акцентом на второстепенные и третьестепенные их штрихи, не связанные или мало связанные с внутренним миром социума. Авторы в большинстве случаев описывали то, что видели, что лежало на поверхности обыденной жизни и не цельно, лоскутами, не пытаясь понять разноформенность между увиденным и их связи с бытом и гражданской культурой казахского общества того времени. Эту особенность

различных записей, составляющих основную массу собранного и накопленного материала о нормативах «юридических обычаев» казахов нетрудно понять, если иметь в виду, что они – эти записи – производились царскими чиновниками и лицами, не знакомыми с обществом и жизнью казахов и не подготовленными для такой цели. Редкие из них составляли исключение.

Следует также иметь в виду то, что почти все русские авторы, еще до вступления на казахскую землю и в течение долгих лет пребывания в Степном крае, придерживались распространенного в то время «проевропейского» взгляда об отсталости кочевников, в особенности кочевого населения Средней Азии. В русских письменных источниках сплошь и рядом, независимо от положения и авторитета авторов, глубины их описания, казахское общество XIX века характеризуется как «дикое», «отсталое», «неорганизованное», «безвластное». Даже такой опытный исследователь, как А.И. Левшин, автор трехтомного труда о казахах, изданного в 1832 году, который принес ему мировую славу, начинал свое описание с утверждения о том, что у казахов «царит безначалье и нет власти». По его мнению, «они почти совсем не знают подчиненности... Если будем искать причины оного, то главнейшую найдем в образе кочевой жизни сего народа и бесплодии земель его». Его можно было понять: по его словам, только 2–3 месяца побывал среди казахов Западного Казахстана, в пустынных и полупустынных местах, а большей частью обозревал степь с балкона пограничного центра г. Оренбурга и полагался на немалые материалы, отложившиеся в центральных ведомствах Российского государства по части Азии. Для Левшина, с его европейскими воззрениями, кочевое общество во многом оставалось непонятным и тайным. Все это, однако, отступало перед его талантом исследователя-познавателя. Он подробнейшими описаниями быта, нравов, устройства казахов, увиденными своими глазами и чутьем, по сути, открыл Степной край кочевых казахов для Европы и самой России. Такой начальный методологический порок, так или иначе, отразился в его описаниях, хотя факты, приведенные в них же, часто противоречили начальным их утверждениям.

Следует сказать, что для умозрительного представления иноземцев о казахском обществе как об «отсталом», «диком» «бедном культурой», были некоторые свои основания. Дело в том, что Степной край казахов в XIX веке представлялся со стороны по внешнему виду как изнуренный, подавленный, обедневший и неупорядоченный огромный регион с кочевым населением. Это было результатом в первую очередь того, что в течение более чем двухсотлетия страна была охвачена волнениями, превратилась в арену почти непрерывных массовых и локальных восстаний и вооруженной борьбы, особенно против колонизаторов, их марионеток и своих антинародных правителей, а также стала зоной рейдов и разгула карательных отрядов, снаряженных Российским государством для повсеместного умирения народа и обеспечения безопасности проведения имперской политики в Средней Азии. В результате этих и других массовых операций, приведших к многочисленным потерям и нарушениям традиционного ритма и цикла жизни кочевников, воцарились в Степном крае и «дикость», и «безначалье», и всеобщая «бедность», а главное – произошел упадок духовности казахов-кочевников, когда-то в прошлом считавшихся наиболее отважными воинами и защитниками духа свободы и моральных норм общежития. Все это представляло мрачную картину для заезжих иноземцев и ряда царских чиновников, впервые столкнувшихся с кочевым обществом казахов в начале и последующие годы XIX века. Играло свою немалую роль сложившееся в Европе и высших ведомствах России искаженное представление о народах Средней Азии как о «варварах» и «неполноценной по культуре массе».

Приезжали и государственные деятели со специальными знаниями, которые, будучи в течение многих лет в среде «иностранцев» Сибири и народов Центральной Азии, по-другому оценивали, описывали жизнь и природную натуру казахов. Одной из таких фигур, безусловно, был известный русский профессор-ориенталист В.В. Григорьев. По словам его биографа-современника академика Н. Веселовского, он – Григорьев был убежден и высказывался, что «киргизы (т. е. казахи – С.З.) народ буйный, но добрый, понятливый и восприимчивый ко всему хорошему, так что, если бы правителями были люди

мало-мальски порядочные, степь удивила бы Правительство быстрым развитием своего благосостояния».¹

При оценке литературных материалов, поданных в виде записей рассказов или собранных на местах сведений от местной знати о правовой культуре казахов, надо непременно иметь в виду то, что во многих случаях они исходят от религиозных деятелей, служивших и состоявших при местных правителях, от имени которых эти сведения составлялись. Во многом этим объясняется включение в записи норм казахского права выдержек и установок из Корана, сборника мусульманского права, которые на самом деле или были неизвестными казахскому населению, или не применялись в кочевом обществе. Почти все авторы, писавшие о казахах того времени, отмечали весьма слабую религиозность и безразличие местного населения к религии и ее правилам. И.А. Козлов, хорошо осведомленный о внутренней жизни казахов, автор книги под названием «Обычное право киргизов», авторитетно писал, что казахи отличаются «религиозным индифферентизмом» и что в их обычно-правовых законах «нет ни одного правила, которым определялось бы отношение киргизов к предмету веры». Он приводит такой случай, очевидцем которого был: в Акмолинской области на одном бийском суде из-за недостаточности доказательств было решено прибегнуть к присяге как доказательству. По его описанию, «по прочтении присяги мулла дал ответчику поцеловать слова Корана, ответчик же, выхватив Коран из рук муллы, начал бить им последнего по голове, причем разорвал книгу. Дело это, собственно, о изорвании книги, окончившееся примирением муллы с ответчиком, нисколько не говорит о святости присяги, принятой по ал-Корану».²

Все это не могло не отразиться на качестве и ценности общеисторического и специального материала, накопленного в русской литературе по истории казахов и в описаниях их правовой культуры. Великий русский ученый-востоковед Л.Н. Гумилев писал: «Девятнадцатый век оставил нам в наследство концепцию, согласно которой только оседлые народы создали

---

¹ Веселовский Н.В., В.Григорьев, по его письмам и трудам. СПб, 1887, стр. 120.

² Материалы по казахскому обычному праву. Алматы, 1998, с. 305–306.

прогрессивную цивилизацию, а в Центральной Азии будто бы царили либо застой, либо варварство и дикость. Самое плохое в этой концепции было не то, что она неправильна, а то, что она предлагалась как достижение науки, не подлежащей критике. В этом опасность предвзятого мнения».¹

---

¹ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. М. 1993, с. 6.

III

В русской литературе XIX века независимо ее жанров и авторских пристрастий в большинстве случаев в «патриархальной» жизни казахов выделяли особо суды биев как «примечательное», «достойное» явление, имеющие черты, похожие на институт цивилизованной законности. В дневниках И.П. Шангина – исследователя из Алтая, посетившего Казахскую степь в 1816 году в составе экспедиции, содержалась запись: «За тридцать лет перед сим ханы, управляя народом, хотя и по изуственным, но строгим и справедливым законам своих предшественников, самовластно содержали оный в мире и спокойствии».¹ Русский ученый-востоковед А.И. Левшин, побывавший по поручению Министерства иностранных дел России в начале 20-х годов XIX века в г. Оренбурге и Зауральской казахской степи (в Младшем жузе) и проводивший обследование и изучение жизни казахов, писал: «Было время, говорят благоразумнейшие из киргизов Меньшей Орды, когда и наш народ жил в покое; было время, когда у нас существовал порядок; были законы и правосудие». По его словам, это время казахи называют «Золотым веком», о котором «вспоминают они со вздохами».² Если иметь в виду, что у народов, находившихся на таком уровне развития, на каком находились казахи XVII-XIX веков, управление сообществом в основном сводилось к рассмотрению споров, то «порядок» и «законы», о которых говорит А.И. Левшин и которые были в прошлом в казахском обществе, суть не что иное, как справедливое правосудие биев. На это есть прямое указание у других российских авторов. В «Собрании киргизских (казахских) законов», составленном в 1824 году по заданию генерал-губернатора Западной Сибири, есть нормы, посвященные суду и судьям в Казахской степи.

В них указывается, что «справедливость» была главнейшей чертой правосудия, отправляемого биями. Вот некоторые из этих норм: «Если судья (т. е. бий) решит дело несправедливо,

¹ Шангин И.П. Дневные записки И.П. Шангина, выделенные им в ходе экспедиции в Киргизскую (Казахскую) степь в 1816 г., Сибирский вестник, 1820, ч. IX.

² Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб, 1832, ч. III с. 98-99.

но без намерения и хитрости, штрафа на него не полагается, а прибегают (истцы) уже к другому судье для справедливого решения». «Но буде дело решено справедливо, и кто-либо из тяжущихся представит потом новые доказательства, то другими судьями оно не перевертывается, а представляется таки решить то дело тому же бию, который прежде судил оное».¹ Спустя 20 лет после составления первого «Собрания казахских законов», в 40-х годах XIX века проводился второй этап сбора юридических обычаев казахов с целью составления нового, более полного и «достоверного» их свода. С этой целью в Казахскую степь были командированы чиновники из пограничных административных центров. В заданиях, данных им, было поручено особое внимание при этом обращать на выяснение роли и места биев как судей, на бийское правосудие. Вот некоторые выдержки из записок этих чиновников.

1. «Невозможно определить, кто из биев более известен по уму и опытности, потому что каждый бий старается разобрать и решить дела киргизцев справедливо и без малейшего отступления от обычаев, которые будучи введены с древнего времени, не изменяются и имеют одинаковую силу во всех киргизских родах». «Всякое преступление, какого бы рода небыло, сделанное киргизами в степи, разбирается и решается биями, в каждом роде, отделении и подотделении имеющих, которые отличаются опытами справедливости и бескорыстия»² (1846 г., поручик Аитов).

2. «Природный ум, особые душевные качества с присоединением к тому опытности и примерной приветственности есть качества и вместе с тем и все достояние, посредством которых бий может иметь право носить это почетное имя» (1846 г., чиновник по особым поручениям Д'Андре).³

В русской литературе, в особенности в исследовательской, начиная с 60-х годов XIX в. мы находим немало восторженных отзывов и страниц о биях-судьях, о бийском правосудии в «древних формах» в казахском обществе, еще полностью не исчезнувших с исторической арены.

---

¹ Материалы по казахскому обычному праву. Алматы, 1998, с.40.

² Там же, с. 97, 98.

³ Там же, с. 164.

Один из авторов таких работ Л.Ф. Баллюзек, образованный офицер в звании генерал-лейтенанта, проработавший 12 лет военным губернатором Тургайской области (1865-1876), проводивший административные, в том числе судебные, реформы в Степном крае, писал: «Обязанность судьи лежит на так называемых биях. Это звание в сознании народном принадлежит тем немногим, которые с природным умом и даром красноречия соединяют в себе глубокое познание в коренных обычаях народа и в исторических о нем преданиях. Только совокупностью этих природных способностей и приобретенных ими познаний заслуживается репутация бия; или, другими словами, бий есть живая летопись народа, юрист и законовед его».¹

Царское правительство и его колониальная администрация в Казахстане пришли к постепенному пониманию значительной и даже особой роли бийского правосудия в прошлом и отчасти и в XIX веке во всей системе казахского общества, в политико-правовой его жизни в особенности. Вместо первоначальной политики, направленной на замену судопроизводства в Степи российскими судами и законодательством, правительство стало на путь использования бийских судов в имперских интересах, шаг за шагом активно реорганизуя и превращая их в аппаратные судебные органы.

---

¹ Баллюзек Л. Народные обычаи, имевшие и отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона. Казань, 1871, с. 45-46.

ОБРАЗЫ БИЕВ-СУДЕЙ И ПРАВОСУДИЯ В КАЗАХИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Казахская художественная литература как самостоятельная ветвь творческой деятельности получила развитие в основном в XX веке – в годы Советской власти в России, в условиях, когда безраздельно доминировала коммунистическая идеология. Особенностью этой идеологии было то, что она была государственной, тотально проникающей, повелевающей и одноцельной. Писать и возносить советскую, партийную реальность поддерживалось, поощрялось и направлялось всей мощью политического аппарата и финансово-материальными средствами. Культивировавшийся «классовый подход» определял композицию, канву и содержание художественного произведения. Это означало, в особенности при описании событий прошлого, исходить из необходимости воспроизведения в них вечного противостояния одной части общества другой, между угнетателями-работодателями («богатыми») и угнетателями-работниками («бедными»). При этом верховенство в этой борьбе должно было оставаться на стороне представителей «низшего сословия». Это было правилом и официальной установкой. Отклонение от нее, как правило, расценивалось как игнорирование политики официальных структур и влекло за собой ответственность вплоть до уголовного преследования авторов.

Реальность была такова: а) официальная идеология, определявшая политику Советского государства и его органов в национальном вопросе в национальных республиках, предписывала излагать и освещать предреволюционную историю (речь идет о большевистской революции 1917 года) под углом зрения классовой борьбы, т. е. отрицательного отношения ко всем национальным общественным и политическим деятелям прошлого, не связанным с «освободительной борьбой» народа и его союза с Россией. Бии-судьи и независимое правосудие, отправляемое ими, их выдающаяся роль в историческом прошлом казахского общества признавались институтами эксплуататорской системы, и следовательно антинародными; б) со-

гласно идеологизированной исторической концепции народы Центральной Азии до начала XX века находились на стадии патриархально-феодальных отношений, отсталости и туземности, исключавших передовую мысль и подлинно демократические общественно-политические идеалы и институты. В то же время не было прямого запрета на исторические работы и исследования.

С идеологической оттепелью, наступившей с середины 50-х годов (после смерти Сталина), связано начало свободы творческой деятельности в республике, в том числе и в области художественной литературы. Годами пролежавшие задумки и фрагменты писательского труда начали воплощаться в опубликованные произведения. Они-то и составляют основную массу источников, места и отрывки из которых приведены во втором разделе второго тома «Древний мир права казахов».

То, что было в государственной идеологии Союза ССР, и то, что стало с нею после его распада, неминуемо отразилось в идейных композициях казахской художественной литературы в целом, в нравственных образах биев и режима казахского правосудия в «древней форме» – в особенности.

Выдающийся писатель-мыслитель, ученый, большой знаток истории и культуры казахов М.О. Ауэзов, посвятивший свой роман-трилогию Абаю Кунанбаеву, крупнейшему поэту, мыслителю и гуманисту, жившему во второй половине XIX века, многое не договорил в своих великолепных произведениях из-за идеологического ограничения в годы Советской власти. Это особенно заметно в отсутствии в его объемном романе более цельных и целостных картин и страниц из жизни Абая, получившего известность в свою эпоху в роли бия и тобе бия – судьи и верховного судьи в Степном крае. При жизни он считался приверженным носителем идеалов и продолжателем дела, мыслей и демократических традиций великих биев Великой степи кипчаков.

Историческая тематика, уходящая в события прошлых веков, становится преобладающей в казахской художественной литературе. Она пользовалась наибольшим спросом населения. В творчестве известных писателей сложная и противоречивая жизнь живущих, современная тематика, разные занимательные

детективы оставались мало привлекательными. Это происходило в условиях заинтересованности партийного руководства в этих жанрах. Это, видимо, можно объяснить следующими мотивами: а) советская реальность в человеческих измерениях имела значительные и принципиальные изъяны, о которых в писательских трудах умолчать было невозможно, а открыто высказываться о них в то же время было нельзя; б) естественная потребность в самоутверждении, в самопознании казахской нации непременно вела к истории Великой степи, к ее нравственным истокам; в) нравственные идеалы и истоки исторического прошлого прочно засели и сохранились в духовной натуре и в памяти народа.

Тяга казахов к художественной исторической литературе была особенной и несла в себе вековую традицию.

Многие писатели, описывающие в своих произведениях события прошлых веков, берутся за основательное изучение эпохи, ее социально-духовных особенностей, в которых происходили эти события, а также их реального носителя – развитую историческую память народа. Некоторые из них поднимаются до уровня исследователей, публикуют научные труды по ранней и средневековой истории казахского государства.

Память о правосудии казахов в «древней форме» была и оставалась сильной в духовном бытии казахов вплоть до недавнего времени, особенно в умах национальной интеллигенции. В произведениях писателей, посвященных исторической тематике и опубликованных в последние десятилетия, социальная роль и фигура биев часто занимают ведущее место среди литературных персонажей. В таких случаях, когда надо было в художественной панораме демонстрировать проявление таких высоких принципов нравственности, как гуманизм и справедливость, достоинство человека и благородство в казахском кочевом обществе, писатели часто использовали образы неподкупных биев и учреждения бийского судебного процесса.

Так, М.О. Ауэзов в своем историческом романе-эпопее «Абай», опубликованном при Советской власти, а следовательно, в условиях идеологического ограничения, описывает два судебных процесса в сохранившихся традиционных формах степной демократии. По времени они относятся ко второй

половине XIX века, когда многое в социально-политическом положении казахского общества изменилось и влияние в нем политики колониальных властных структур и местных «авторитетов» стало значительным, а следовательно, и содержание когда-то неподкупного правосудия значительно изменилось.

В одном случае сторонами в судебном процессе являются: малочисленное, бедное аульное поселение «Жигитек» и его предводитель Базаралы-ответчик и Такежан-истец, выходец из влиятельной и богатой семейной династии Кунанбаевых и его представитель на суде Жубар. Обе стороны принадлежали к одному и тому же роду Тобыкты из Среднего жуза и жили в длительной междоусобной вражде. Суть дела заключалась в том, что люди из «Жигитек» (ответчик) в числе 40 человек за нанесенные кровные обиды, притеснения и в виде мести угнали у Кунанбаевых 800 голов лошадей. Особенностью этого судебного процесса было то, что в нем состав судей, а их было несколько, призывался из других родов и принимал участие в нем волостной начальник, представлявший колониальную власть с явной симпатией к семье Кунанбаевых. Во втором случае сторонами судебного процесса были: профессионал-конокрад (ответчик) из аула Кунанбаевых и истцы, приехавшие из далеких кочевьев других родов, у которых был похищен табун лошадей. Особенностью этого судебного процесса было то, что истцы, по их словам, искали справедливого судью-бия в округе и остановились на кандидатуре Абая – сыне Кунанбая, приходящегося прямым родственником подозреваемому ответчику.

В этих судебных процессах, независимо от вынесенных на них решений, исключительно важны следующие характерные их особенности: а) представителями сторон избирались в первую очередь владеющие красноречием степные логосы; б) приводятся образцы из судебных их речей, полных образностью словесных ресурсов; в) стороны в судебном процессе – виновные и невинные – апеллируют к высшему принципу «справедливости» и выражают готовность признать и исполнить судебные решения, какими бы они ни были для тяжущихся сторон; г) проводится идея: независимость для биев-судей была прежде священной, но сегодня сомнительной и условной.

Судебный процесс, как описывает автор, в первом и втором случаях длился целый день, хотя факт угона скота вовсе не оспаривался. В нем, наряду с доказыванием факта, имело важное значение доказывание мотивов факта и искусство передачи мысли.

Приведем некоторые места из судебной речи Базаралы, ответчика, вовсе не оспаривавшего факта угона чужого скота. По описанию автора романа, Базаралы «своими первыми словами заставил сидящих в юрте биев обратить на него пристальное внимание» («үнсiз отырған үй-iшiн өзiне ерiксiз жалт қаратты»). Вот начало его речи: «Ойдағы ұлық, қырдағы қазақ болып, бас қосқан келелі жиының екен. Ағайын! Көбіңнің түсінді танымасам да атағыңды, тегінді білуші едім... Дауға келіп отырған менің мырзаларым, – мынау Құнанбайлар болады. Мұның қарсысында мал-мүлкі жоқ, әрі құны да жоқ, бір шөкім кедей атынан мен кеп отырмын. Құнанбай баласына қайратпен, байлықпен, бақталаспен, не басқа тайталаспен тең келермін дейтін мен емеспін... «Ұзын арқан, кең тұсау» бұнда болғанда, «қысқа жіп күрмеуге келмес» – менмін. «Еңкейсе Ертісі, шалқайса Шығысы» дейтін бұлар болғанда, қасында қанат тұтар жалғыз-жәутік серігі де жоқ – менмін».

«...Құнанбай балаларының өздеріңдей жақсыларға беріп жатқан асымен сыйы мол ғой. Ал түгім жоқ болса да, ойлап, барлап қарасандар, менің сендерге беріп жатқан парам, сыйым осылардың сый-сыбағасынан сонағұрлым көп екен. Сендердің елдерің болсын, өздерің бол, бұл күнге шейін осы дуанда Құнанбайдан жуанды көрдің бе? Көрмедің! Бұған кәр өтеді, бұларға қарсы адам баласы басады деп білдің бе? Білмедің? Ойламадың. Бұлар Құнанбайдан туды ма тіпті Құдайдан туды ма? – дегендей көруші ек. Менің сендерге берген парам ол – дәл сол Құнанбай баласы да өзіміздей адам баласы екенін таныттым. Ұрсақ оған да таяқ өтетінін, жұлқысаң оның да жыртылатын жағасы барын таныттым. Тіпті одан әрі батыл, бекем ұра берсең, тікейіп тұра бере алмай омақата жығылып, өлуге де бар екенін таныттым. Біле білсеңдер, менің осындай сый бергенім бар! – деп сылқ-сылқ күлді.

Ағам, Балағаз осының айдауымен өлді. Інім – Оралбай, осылар шырмаған кесірдің салдарынан елден безіп жүріп, қу

дала, қу мекиенде көмүсіз қалды. Тәкежан, бар істі істеген менің өзім. Оны істеткен менің бас кегім, Дәл өз басымның кегі. Елден кума, өзімнен қу? Өлтіріп тынасың ба?! Тірідей қара жерге көмдіріп тынасың ба? Есебіңді айырғанда, бір өзімнен ғана айырасың! – деген».

Такова была концовка одной из последних защитительных речей предводителя – представителя ответной стороны. Она была полна изящных оборотов и афоризмов, которыми располагал казахский язык и которыми так искусно владел ответчик на судебном процессе. Перевод этой речи труден, но примерно гласит так: «Здесь важный и примечательной сбор. Он собрал казахов из низовой и носителей власти. Сородичи! Хотя многих из вас я не знаю в лицо, но мне известны ваши звания и предки!.. Вот сидят сыновья Кунанбая, к которым я питаю почтение. Они – истцы и в то же время богатые. Напротив них сию я – из аула бедняков и собрался выступить в их защиту. Я не могу сравниться с ними ни богатством, ни знатностью и ни влиянием, тем более не думаю выйти победителем в разбираемом споре с ними... у них, как говорится, «и длинные петли, и широкие пути». Кто «на короткой веревке, из которой и узла не завяжешь», – так это я. Если они по поговорке: «Начнется – Иртыш к услугам стелется, откинется – Чингиз подопрет», получают здесь, думаю, полную поддержку, то у меня здесь нет никого, на кого я мог бы опереться хотя бы кончиками своего крыла... Доходят до меня, что сыновья Кунанбая оказывают некоторым из вас особую лесть и почтение не без умысла, дают богатые подарки. Я ничего вам не принес, ничем не угостил. Но я хочу преподнести вам подношение, намного ценнее, чем они дали вам. Это то, что я развенчал миф о грозной силе сыновей Кунанбая, о которых вы раньше думали: не от бога ли послана им сила? Вы до сих пор не думали, что кто-нибудь да способен вступить в борьбу с ним в судебном споре. Теперь увидели это. Они такие же земные люди, как мы. Их также можно схватить за ворот и стрести, подвести под суровое осуждение и наказание. Это мой подарок-открытие вам, если в состоянии по достоинству оценить его... Такежан, сын Кунанбая, – мой неоплатный должник. По его вине умер в ссылке мой старший брат Балагаз. Младшего брата Оралбая

Такежан вынудил бежать из родных мест и умереть на чужбине. Я не знаю даже, где его могила.

Набег с угоном лошадей Такежана я совершил из личной мести. Поэтому спрашивайте не от моих одноаульцев, а от меня. Хотите – убейте, хотите – живьем закопайте меня в землю. Но только меня одного...».

Защитительная речь Базаралы, как описывает автор произведения, произвела сильное впечатление на участников процесса. Судебное состязание, длившееся целый день, закончилось вынесением биями решения о взыскании угнанного скота в тройном поголовье со всех членов аульной общины «Жигитек» в пользу сына Кунанбая – Такежана. Такое решение предполагалось и ожидалось. Оно имело общественный резонанс, обратный его содержанию.

Второй суд биев, происходивший также в имении Кунанбая, представлял противоположность первому. Если в первом случае бии-судьи были заранее подкуплены, то во втором случае показано степное правосудие в «древней форме», когда судья-бий независим, а его решение основано на высоком нравственном принципе «справедливости». Дается описание глазами Абиша – сына знаменитого Абая Кунанбаева, как его отец – Абай творил суд справедливости, в котором виновной стороной (ответчиком) выступали его же родственники или близкие, дружественные одноаульцы. Он – Абай как бы был более строг по отношению к своим ближним по крови, не знал сознательных отклонений от прецедентов знаменитых казахских биев, завещавших биям-судьям «служить всем и каждому, как равным». К Абаю, к его суду приезжали из далеких родов. Однажды перед ним предстал ловкий «свой» вор, угнавший косяк лошадей у отдаленного рода в месяце езды. Вот эпизод психологического обвинения вора-ответчика: «Абай біраз тоқтап, қарсы алдындағы кесек денелі ұрыға көп қадалып қарады. Бір уақыт, сәл мысқылдап күліп қойып, Әбішке (өз баласына) бұрылды: «Қарашы! Тағдырдың ызалы мазағындай, бұл тынымсыз ұрының аты да, ары да бар адам баласына мысқыл сияқты. Мұның аты – Мыңжасар! Не деген сорлы ата-ана қойған масқаралылық ат! Өлмесе екен деп тіледі ғой! Сондағы адал қасиетті тілек неменеге айналған? Оң тілектің сұмдық

маскара тілекке айналғаны, адам қауымына бір қорлық жаза ғой! – деді». – «Абай, выдержав небольшую паузу, довольно долго устремил свой пронзительный взгляд на вора с крупным телосложением. Немного собравшись с мыслями, с усмешкой сказал рядом сидящему своему сыну Абишу:

– Посмотри на него! Как судьба злобно посмеялась над ним. Он стал посмешищем своего имени «Мыңжасар» (в переводе «живи долго»), которым нарекли его родители в надежде, что он станет их совестью. Вместо этого он предал их, сделавшись вором. Чем это лучше позора! – закончил свое судебное решение Абай».

В романе другого крупного писателя А.К. Кекильбаева «Уркер» – «Плеяды – созвездия надежды» в художественных образах воспроизведена реальная социально-политическая панорама казахского общества второй половины XVII и начала XVIII веков. Этот период выдался наиболее суровым испытанием для населения и для его предводителей, судьбоносным для Казахского государства и общества. В числе главных персонажей, которым отведены ведущие роли в романе, выступают бии-судьи по профессии и поднявшиеся до уровня деятелей большой политики.

Автор воспроизводит традиционную иерархию организации ханской власти в Казахии. «...Шарғарапты өзіне шақырып тұрған шаршы төбенің шырқау басында шақырайған зор кілемнің үстінде алтын тақта алшайып алтын төжді хан отырады. Тақтың екі жағында қос қанатты тізе қосып ұлыс бегі төрелер мен сұлтандар тізіліпті. Тақтан сәл төмен, хан алдында қолдарына үш арыстың қамшысын ұстап үш жүздің төбе билері – батырлары отырады» – «На самом дорогом ковре устанавливали позолоченный трон, и на него величаво усаживался хан, увенчанный короной из золота. Поджав под себя ноги, по обе стороны от хана сидели правители улусов – тюре и султаны, чуть ниже, напротив хана, располагались верховные бии трех жузов с камчами в руках – символами власти. Пониже собирались кучками самые знатные бии племен и самые известные в степи батыры».

Подлинная раскладка властных сил и группировок в этот период была такова: «Ол тұста тайпа басы төрелердің қатарынан

табылғанға билер емес, Орда басы билердің қатарынан табылғанға төрелер масаттанып қалушы еді» – «Не бии почитали за честь сидеть рядом с правителями – тюре, а тюре-правители были довольны, что их места рядом с биями».

В романе, как алмазная россыпь, имеются фрагменты мудрости, философская глубина мышления, которыми владели знаменитые бии, в первую очередь Толе би, Казыбек би, Айтеке би, и в которых, как в сгустке синтеза, даны законы и прогнозы жизненного пути общества. Это выразительно представлено в следующих фрагментах романа, в которых описываются советы трех биев на заданные им обществом вопросы.

Это было своеобразным состязанием знаменитых биев на мудрость и предвидение. Ниже дается перевод фрагмента из романа «Уркер» на русский язык.

«Казахи гордились своими мудрецами-биями. А как они любили послушать их советы и наставления, как, бывало, жаждали, чтобы бии научили их уму-разуму!..

Когда было принято Уложение «Жеті Жарғы» и самые неотложные и важные вопросы подходили на маслихатах к концу, прежде чем расходиться, люди просили Тауке хана: «Мы хотим услышать наших биев – Толе, Казыбека, Айтеке, пусть скажут нам вещие слова! Мы хотим спросить!..».

– О чем вы желаете спросить биев? – вопрошал Тауке-хан.

– Пусть скажут, что нас ждет впереди. Какие грядут времена? – следовал вопрос. С места поднимался Толе би. Он так мудро и образно сформировал эти вопросы:

– О сородичи и соплеменники! О народ! Не слишком ли часто ржут ныне наши кони, не слишком ли своенравны стали наши жены? – произносил он и садился на место.

Вслед за ним подымался Казыбек:

– Когда часто ржут кони, это значит – быть над степью большой грозе! Засверкают молнии, загремит гром! Если жены чересчур своенравны, значит, поднимается им цена!

Айтеке поднимал над головой камчу и грохотал:

– Если к стране приближается враг, то грива коня становится для мужчин кровом, кольчуга – женой, копьё – сыном! Чело мужа покрывают рубцы от ран, а лицо жены – горестные морщины.

Люди молча и горестно кивали головами.

– О чем еще хотите узнать? – провозглашал хан.

– Теперь пусть бии научат нас, как жить. Что важно для человека, что – нет?

– У каждого есть свой холм, своя вершина, с которой следует смотреть на мир. Для степняка это конь, сядешь на него, помотаешься по белу свету – лучше поймешь, что происходит вокруг... Аксакалы, старцы для народа – что запечатанное письмо: сумеешь раскрыть его – узнаешь, кто тебе друг, а кто тебе враг, – взял первым слово Толе.

– Не кори молодость за то, что сияет, – все мы из нее вышли! Не кори старость за то, что ковыляет, – все мы войдем в нее! – выступил вперед Казыбек.

– Заработанный потом скот лучше славы, купленной ценой чести. Юнец, выставляющий вперед умный лоб, лучше старца, выставляющего вперед бесстыжую бороду! – отекал Айтеке.

– Что еще? – словно шелестел в мертвой тишине голос Тауке.

– Какая щедрость плоха, какая скупость хороша? Должен ли человек быть уступчивым?

– Плоха щедрость плута на клятвы, щедрость муллы на проклятья, – мгновенно отозвался Толе.

– Дурная щедрость проявляется в излишней уступчивости: когда мужчина сдается слепо, а женщина – отдается слепо! – Казыбек в подтверждение правильности своего суждения сделал резкий жест рукой.

– Щедрого на пустые посулы муллу на том свете ждет ад. Плуту не избежать ада на этом свете, ибо бесчестье – тот же ад. Уступчивость женщины ложится позором на ее род, уступчивость мужчины – на весь народ! – Айтеке говорил резко, будто выносил приговор и мулле-обманщику, и плуту.

– Когда резко говоришь врагу «да», а другу «нет!», то ты, стало быть, очень-очень хороший скупец, – после минутного раздумья отвечал Толе.

– Жадность не порок, когда прелюбодей зарится на твою постель, когда алчный властелин хочет отнять у тебя любимого коня! – не отставал от Толе Казыбек.

табылғанға билер емес, Орда басы билердің қатарынан табылғанға төрелер масаттанып қалушы еді» – «Не бии почитали за честь сидеть рядом с правителями – тюре, а тюре-правители были довольны, что их места рядом с биями».

В романе, как алмазная россыпь, имеются фрагменты мудрости, философская глубина мышления, которыми владели знаменитые бии, в первую очередь Толе би, Казыбек би, Айтеке би, и в которых, как в сгустке синтеза, даны законы и прогнозы жизненного пути общества. Это выразительно представлено в следующих фрагментах романа, в которых описываются советы трех биев на заданные им обществом вопросы.

Это было своеобразным состязанием знаменитых биев на мудрость и предвидение. Ниже дается перевод фрагмента из романа «Уркер» на русский язык.

«Казахи гордились своими мудрецами-биями. А как они любили послушать их советы и наставления, как, бывало, жаждали, чтобы бии научили их уму-разуму!..»

Когда было принято Уложение «Жеті Жарғы» и самые неотложные и важные вопросы подходили на маслихатах к концу, прежде чем расходиться, люди просили Тауке хана: «Мы хотим услышать наших биев – Толе, Казыбека, Айтеке, пусть скажут нам вещие слова! Мы хотим спросить!..».

– О чем вы желаете спросить биев? – вопрошал Тауке-хан.

– Пусть скажут, что нас ждет впереди. Какие грядут времена? – следовал вопрос. С места поднимался Толе би. Он так мудро и образно сформировал эти вопросы:

– О сородичи и соплеменники! О народ! Не слишком ли часто ржут ныне наши кони, не слишком ли своенравны стали наши жены? – произносил он и садился на место.

Вслед за ним подымался Казыбек:

– Когда часто ржут кони, это значит – быть над степью большой грозе! Засверкают молнии, загремит гром! Если жены чересчур своенравны, значит, поднимается им цена!

Айтеке поднимал над головой камчу и грохотал:

– Если к стране приближается враг, то грива коня становится для мужчин кровом, кольчуга – женой, копьё – сыном! Чело мужа покрывают рубцы от ран, а лицо жены – горестные морщины.

Люди молча и горестно кивали головами.

– О чем еще хотите узнать? – провозглашал хан.

– Теперь пусть бии научат нас, как жить. Что важно для человека, что – нет?

– У каждого есть свой холм, своя вершина, с которой следует смотреть на мир. Для степняка это конь, сядешь на него, помотаешься по белу свету – лучше поймешь, что происходит вокруг... Аксакалы, старцы для народа – что запечатанное письмо: сумеешь раскрыть его – узнаешь, кто тебе друг, а кто тебе враг, – взял первым слово Толе.

– Не кори молодость за то, что сияет, – все мы из нее вышли! Не кори старость за то, что ковыляет, – все мы войдем в нее! – выступил вперед Казыбек.

– Заработанный потом скот лучше славы, купленной чести. Юнец, выставляющий вперед умный лоб, лучше старца, выставляющего вперед бесстыжую бороду! – отекал Айтеке.

– Что еще? – словно шелестел в мертвой тишине голос Тауке.

– Какая щедрость плоха, какая скупость хороша? Должен ли человек быть уступчивым?

– Плоха щедрость плута на клятвы, щедрость муллы на проклятья, – мгновенно отозвался Толе.

– Дурная щедрость проявляется в излишней уступчивости: когда мужчина сдается слепо, а женщина – отдается слепо! – Казыбек в подтверждение правильности своего суждения сделал резкий жест рукой.

– Щедрого на пустые посулы муллу на том свете ждет ад. Плуту не избежать ада на этом свете, ибо бесчестье – тот же ад. Уступчивость женщины ложится позором на ее род, уступчивость мужчины – на весь народ! – Айтеке говорил резко, будто выносил приговор и мулле-обманщику, и плуту.

– Когда резко говоришь врагу «да», а другу «нет!», то ты, стало быть, очень-очень хороший скупец, – после минутного раздумья отвечал Толе.

– Жадность не порок, когда прелюбодей зарится на твою постель, когда алчный властелин хочет отнять у тебя любимого коня! – не отставал от Толе Казыбек.

– Между людьми хороша скупость на обиды, между народами – на угрозы, – вставлял слово Айтеке.

Люди приходили в волнение, поддакивали, шушукались.

– Ну, имеется что спросить у наших биев? – Тауке окидывал взглядом своих подданных.

– Имеем, имеем!.. – несло со всех сторон. – Что для семьи сын, а что – дочь?

– Сын вырастет – будет потомство, дочь вырастет – появятся родственники! – Толе не заставлял себя ждать.

– Пусть сын умрет, сломав шею от торопливости, пусть дочь умрет, задыхаясь от стыдливости! – отвечал Казыбек.

– Каков у тебя достаток – определишь, когда вырастет сын. Каков авторитет – узнаешь, когда вырастет дочь, – присовокуплял Айтеке.

– А как насчет супруг? Жен, то есть? – полюбопытствовал молодой джигит, вызвав дружный хохот.

– Счастье, когда конь спасает тебя от вооруженного, а жена – от одиночества, – высказался Толе.

– Тому, кто не испытывал наслаждения на ложе, тому и ад страшен: что может быть страшнее постылой жены? Кто не ласкал горячо жену, тот не будет любить сына! – добавил Казыбек.

– Ретивого жеребца погляди в косяке, горделивого молодца – в семье! – быстро выговорил Айтеке.

Народ снова загудел, зашумел.

– Пусть три бия изрекут нам истины о нравах людских, о поступках человеческих!

Толе сжал в руке камчу, вышел вперед:

– На вершину поднимаешься, душа распахнется, с добрым человеком побеседуешь – сердце раскроется.

– У кого плохой конь, от того уйдет мечта. У кого сын плохой, тот лишится счастья! – вымолвил Казыбек.

Айтеке сказал так:

– Человека с нечистыми помыслами покидает совесть, мужа, у которого злая жена, покидают гости! – Он выдержал паузу, продолжал: – Аллах любит азан, а народ любит казан. Аулы наши близко от Культобе, пожалуйста к нам, люди добрые, в гости – отведать хлеб-соль.

В приведенных литературных эпизодах казахское право в «древней форме», его институт – суд биев и выдающиеся носители этой власти, берущие начало из свободной демократической зоны Великой Степи средневековья, представлены в художественной реальности.

**КАЗАХСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ НАУКА**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все сферы знания важны и составляют системное целое в любую историческую эпоху независимо от того, на каком уровне развития они находятся. Каждое выражает состояние и потребности в них наличного догражданского и гражданского общества. На взгляд современного человека они могут быть примитивными и природными, выработанными по ходу естественного отбора человеческого рода и людского общения или полученными по ходу сознательного управления жизнедеятельностью людей и их сообществом в контексте обеспечения их благополучия и восхождения от низшего к относительно высшему. Это вовсе не означает, что все отрасли знания, которыми владеет сообщество, равноценны и равномерны по степени их влияния на его бытие, а точнее, на его жизненные и жизненно-обеспечивающие компоненты. Отсюда первенствующая роль и приоритетность некоторых отраслей и видов знания, наиболее адекватных, значимых и необходимых в данных, конкретных условиях жизнеобеспечения общества и составляющих его членов. К таким категориям знаний следует отнести знания, служащие и могущие служить олицетворению человека на каждом этапе длительной истории, особенно тогда, когда начинается ступенчатый процесс его взросления и восхождения: человек – гражданин – личность. Именно на этой полосе истории законы и правопорядок, справедливый суд и разумное управление становятся доминирующими факторами в самоутверждении человека – гражданина и личности, а также общества как гуманного, светского и демократического. Относительно и в меру воплощенные знания об этих институциональных учреждениях фиксируются и даны в науке юриспруденции и черпаются из нее.

В данной книге речь идет в основном о юридическом высшем образовании и о государственно-правовой науке, о том, как они пришли в Казахстан и насколько удалось им играть свою цивилизирующую в обществе роль. Тут не было и не могло быть «ковровой дорожки» или «дорожной карты», ведущей к успеху. Следует помнить постулат, ставший традиционным, который утверждает, что, чем больше сферы знания

касаются интеллектуальной и идейно-психологической природы становления и жизнедеятельности человека, тем больше они подвержены противоречивым тенденциям эскалации по пути к прогрессу, успехи и неудачи не были чужды для казахстанского опыта. Именно такой путь проходила и проходит юриспруденция как наука и как образование в нашей республике.

Правовая наука и высшее юридическое образование в республике за последние 60 лет (с 1948 г.), трудности их становления и успехи проходили, можно сказать, на моих глазах, с моим участием. Мне довелось быть директором первого высшего юридического учебного заведения – Алматинского государственного юридического института (1952 – 1955), директором научно-исследовательского Института философии и права Академии наук Казахской ССР (1958 – 1969), ректором Казахского академического университета (1995 – 2004). Одновременно все это время руководил исследовательской ячейкой – отделом теории и истории государства и права в структуре Института философии и права, а затем Института государства и права Академии наук республики, до передачи последнего в вуз. В науку и вуз я пришел, имея определенный опыт работы с людьми, а также опыт управленческой деятельности. Правда, это армейский опыт: в годы Отечественной войны я был командиром дивизиона – заместителем командира минометного полка по строевой части, заместителем командира бригады по артиллерии (восьмой механизированный корпус пятой танковой армии). Демобилизовался из рядов армии в середине 1946 г. в звании старшего офицера, в должности начальника штаба артиллерийского полка. Имею четыре фронтовых ранения. В первые годы после демобилизации на гражданке прошел должностные ступени от следователя областной прокуратуры до следователя по важнейшим делам при прокуратуре республики (1946 – 1948). Так что не был новичком в работе с коллективом. Эти данные привожу для того, чтобы у читателей не создалось впечатление, что я стал работать ректором вузов и директором исследовательских институтов «с молоком во рту».

Отложившиеся в документах и памяти важные вехи в развитии высшего юридического образования и правовой науки

в республике имеют не только историко-познавательное, но и общепознавательное значение, оставаясь во многом актуальными и сегодня. Противоречивый процесс между провозглашением необходимости утверждения законности и реальностью еще далек от разрешения и, можно сказать, еще более осложняется в республике. Причин этого немало, среди них неупорядоченность и слабая подготовка юридических кадров, а также волюнтаризм в сфере научного их обеспечения играют не последнюю роль. Как это получилось? – вопрос вовсе не риторический. Он нуждается в раскрытии и объяснении с тем, чтобы превратить опыт прошлых лет и ушедших дней в учение и поучение для сегодняшних строителей нового казахстанского общества. Данная книга преследует эту цель.

В книге рассказывается об исследовательских правовых институтах и высших юридических учебных заведениях Казахстана, о их деятельности и людях, приятных, а порою и досадных событиях и фактах, происшедших в их жизни, о лицах, причастных к ним. Становление и зрелые периоды этих юридических учреждений полны борьбы и противоречий, прямо и косвенно влиявших как позитивно, так и негативно на установление и утверждение законности как важнейшего компонента цивилизованного гражданского общества. В этой части остается еще много нерешенных задач.

ГЛАВА I

КАЗАХСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: ОПЫТ И УРОКИ

1. От Академического правового учебного института «Парасат» к Казахскому академическому университету

На восьмом году существования, 30 августа 2003 года, учредители Казахского академического университета без какого-либо влияния извне объявили о самоупразднении. Это произошло внезапно, когда никто не ожидал, так как университет к этому времени достиг уравновешенной зрелости, нормативной учебно-базовой обеспеченности, стал претендовать на заметное место в подготовке юристов в особенности.

Что случилось с университетом?

С таким вопросом к нам постоянно обращаются выпускники, студенты Университета и их родители, а также вузовские и научные работники, знавшие нас или информированные о нашем учебном заведении. Не остались в стороне некоторые средства массовой информации. Выдвигались догадки. Были и неоднократные предложения с их стороны выступить на своих страницах со статьями. Мы по некоторым соображениям до сих пор воздерживались от объяснения причин упразднения, вернее, самоупразднения университета. Да, действительно, на первый взгляд трудно объяснить такое решение учредителей, потому что к тому времени он достиг уровня взвешенной обеспеченности и зрелости, начал внедрять новую модель подготовки «юриста XXI века», разработанную собственными силами и основанную на новой образовательной и технологической схеме в соответствии с международными стандартами, с учетом требований эпохи и специфики Казахстана. Теперь наступило время ответить на все вопросы и предстать перед общественностью.

Для этого есть и не менее значимый повод. На судьбе Казахского академического университета отразилось, во-первых, то, что было и есть положительного и отрицательного в системе высшего образования вообще и юридического высшего

образования в особенности, произошедшего в Казахстане за годы независимости. Во-вторых, в университете были приведены в действие новые модели и методы подготовки студентов, в особенности по специальности «правоведение», которые, по нашему мнению, остаются актуальными по сей день и в перспективе. Их неудачи в жизни нашего университета не связаны с ущербностью этих нововведений. Наоборот, они исключительно связаны с ущербностью ситуации, в которой оказался университет, сделавшей реализацию новых его планов и намерений невозможной. В этой статье мы собираемся сжато рассказать об этом и других аспектах деятельности Казахского академического университета, и не только и для истории.

1.1. О создании и становлении университета

Это было в конце 1995 года. Республика начала выходить из постсоветского экономического кризиса, связанного с упадком хозяйственной жизни, и из политического кризиса, связанного с трудностями выбора курса государственного строительства, с роспуском Парламента XII созыва (1993 г.) и Парламента XIII созыва (1995 г.). В то же время внедрялись новые отношения и новые структуры во все сферы жизни общества. Провозглашались постулаты свободы и прав человека. Складывалась законодательная база рыночных отношений. Как часто бывает на переходных этапах общественно-формационных изменений, в них было больше энтузиазма и эмоций, меньше дальновидных и разумных пределов и расчетов. 30 августа 1995 г. была принята вторая Конституция республики.

Не в унисон трудному ритму социальной и политической жизни общества, в системе образования, особенно в области высшего юридического образования, при застое других отраслей профессиональных знаний происходил настоящий бум. Это можно было объяснить следующими причинами: а) с приобретением республикой государственной независимости больше стали говорить о правовых сторонах обеспечения этой независимости, о свободе и правах граждан, их объединений; б) деятельность нового Парламента республики, почти всецело сосредоточенная на разработке и принятии новых законов, обсуждении вокруг них, видная роль в них депутатов-юристов усилили широкий интерес к ним и юридическому образованию среди молодежи; в) провозглашение принципов «верховенства законов» и «законности» в качестве идейно-мотивированной основы деятельности органов государства и всей общественно-политической системы принималось за реальность и имело большую притягательную силу; г) и наконец, в тяге к юридическому образованию имело значение обыденное традиционное представление о влиятельной роли и в определенной мере о всевластии судей и прокуроров в жизни общества. Как бы ни было парадоксально, возможность занять в будущем эти должности представляла планы многих родителей, отдавших своих детей на профессиональное обучение этой специальности.

Вслед за принятием 28 января 1993 г. первой Конституции суверенной Республики Казахстан 10 апреля 1993 г. Парламент принял Закон «О высшем образовании». В нем было записано, что «он направлен на создание условий реализации гражданами своих конституционных прав на получение высшего образования». Предусмотренное в Конституции и намеченное несколько ранее – в первом Законе «Об образовании» от 18.01.1992 г. – положение о том, что государство «содействует развитию частной системы образования», более скоропалительно внедрялось в жизнь в сфере высшего юридического образования.

Быстро, как грибы после дождя, беспорядочно и стихийно росло число высших учебных заведений, особенно юридических институтов и факультетов, их филиалов не только в крупных городах и областных центрах, но и в городах районного подчинения и приграничных поселках. Пик роста численности вузов за все 15 лет независимости пришелся на 1995/96 учебный год. По данным Министерства образования республики, официально зарегистрированных юридических вузов в этот год было 72, что почти в два раза больше, чем в 1992/93 г. (тогда было их 40), и в пять раз больше, чем в 1985 году. Сюда следует прибавить «незарегистрированные», безлицензионные вузы, а их было не менее 20. Почти каждый из них имел многочисленные филиалы на местах, иногда доходившие у некоторых вузов до 15 и, по сути, являвшиеся автономными структурами. Абсолютное большинство из них были юридическими. По скромным подсчетам число высших учебных заведений с их филиалами, готовящих правоведа к середине 90-х годов, составило более 200.

В числе энтузиастов развития сети высшего юридического образования в республике были и мы – ведущие научные сотрудники-юристы Академии наук. Наша целевая установка и базовые основания были несколько иными. Высшее учебное заведение создавалось на базе сложившегося государственного научно-исследовательского правового института – при Институте государства и права Академии наук, было тесно связано с ним, занимало его производственную площадь и полностью обслуживалось его научными кадрами, вспомогательным научно-техническим и финансово-хозяйственным персоналом.

Вуз по статусу был частным и именовался «Академический правовой учебный институт «Парасат». Такая тесная связь объяснялась еще тем, что четверо из шести учредителей учебного заведения – бывшие и действующие директора Института государства и права Национальной академии наук. К тому же я, избранный директором этого учебного института, одновременно являлся и почетным директором исследовательского Института государства и права Национальной академии наук РК.

Первоначально Казахский академический университет назывался «Академический правовой учебный институт Парасат» и имел статус учреждения образования. Фактически он был организован в 1995 году, и осенью того же года прошел прием студентов только на заочное отделение по специальности «Правоведение». Государственная лицензия за №0000036 на право подготовки кадров с высшим образования по специальности «Правоведение» была получена 24 июня 1996 года. В то историческое время была распространена практика создания частных вузов с последующим получением государственной лицензии, на что уходило определенное время.

Учредителями «Казахского академического правового института «Парасат» были известные ученые-юристы, имеющие большой опыт работы в правовых научно-исследовательских учреждениях, в высших учебных заведениях и в органах государственной власти и управления. Их было шестеро, из них четыре члена Национальной академии наук республики, пять докторов юридических наук (включая членов Академии наук) и один кандидат юридических наук. Они имели следующую творческую биографию.

1. С.З. Зиманов, академик НАН РК, бывший депутат Парламента (Верховного Совета) РК первого и второго созывов (1990 – 1995), директор Института философии и права Национальной академии наук (1958 – 1969), главный ученый секретарь Президиума Академии наук (1977 – 1978) Почетный директор Института государства и права НАН РК и заведующий его отделом (1958 – 2001), одновременно профессор юридического факультета Казахского Национального университета им. аль-Фараби.

2. М.Т. Баймаханов, академик НАН РК, доктор юридических наук, профессор, бывший председатель Конституционного

суда республики (1993 – 1995), директор Института философии и права НАН РК (1984 – 1988).

3. Г.С. Сапаргалиев, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, член Высшего судебного совета при Президенте республики, директор Института государства и права НАН РК (с 1994 г. по настоящее время), одновременно заведующий кафедрой юридического факультета Алматинского Государственного Университета им. Абая.

4. А.Е. Еренов, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор юридических наук, заведующий отделом Института государства и права (1954 – 2004).

5. Е.К. Нурпеисов, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, затем директор Института государства и права НАН РК, а в момент организации Казахского академического правового института «Парасат» – ректор Казахского государственного юридического института, депутат, сенатор Парламента РК (1997 – 2001).

6. З.Ж. Кенжалиев, доктор юридических наук, в момент организации Казахского академического правового института «Парасат» – был заместителем директора Института государства и права НАН РК, ныне зав. кафедрой Казахского Национального университета им. аль-Фараби (с 2003 г.).

Все учредители института являлись научными сотрудниками НИИ государства и права НАН РК, четверо из них в разное время занимали должность его директора (С.З. Зиманов, М.Т. Баймаханов, Г.С. Сапаргалиев, Е.К. Нурпеисов).

Через три года Казахский академический правовой институт «Парасат», в августе 1999 года, был преобразован в Казахский академический университет (Государственная лицензия № 36201910, от 16.08.1999 г.). При университете были организованы четыре филиала (некоторые из них созданы несколько раньше): в Кызыл-Орде, Актау, Атырау и Актобе. После аттестации Университет получил новую государственную лицензию серии АА № 0000199 от 18.06.2003 г. с правом подготовки кадров с высшим образованием по следующим специальностям: «правоведение», «экономика и финансы», «история и археология», «иностранный язык». С 2002 года функционировал

юридический колледж. По специальности «история и археология» прием студентов не производился.

С момента создания института-университета его бессменным ректором был Салык Зиманович Зиманов, академик НАН РК. Под его руководством в 1999 г. была разработана «Модель подготовки юриста XXI века» с учетом опыта СССР и Российской Федерации, государств Европы. Ее реализация натолкнулась на ряд трудностей.

Институт-университет назывался «академическим» потому, что, во-первых, все его учредители (6 чел.) являлись академическими научными работниками, а само учебное заведение было основано и строилось на базе Института государства и права Академии наук республики. Во-вторых, в качестве организационного и учебно-методического эталона был выбран Юридический институт, организованный при Институте государства и права Академии наук Российской Федерации (г. Москва), который и именовался «академическим правовым университетом», и функционирует поныне. В-третьих, у учредителей была «академическая» целевая установка – соединить высшее юридическое образование с достижениями научной мысли в области права, сделать вуз по уровню подготовки кадров «академическим» и престижным. Эти цели не были просто намерениями. Они были предусмотрены и воплощались в первой и второй «модели подготовки юриста XXI века», разработанной соответственно в 1999 и 2002 годах.

1.2. Разработка и принятие программы «Модель подготовки юриста XXI века»

Намерения и планы учредителей университета были большими и заманчивыми, но вместе с тем реальными. Предполагалось готовить будущие кадры по специальности «право-ведение» на достижениях научной мысли и завоевать, а если удастся, то и лидировать в этой области, одновременно преодолевая вольность и неупорядоченность, охватившие систему высшего юридического образования. Для такой постановки у нас были определенные основания: кадры и опыт.

Учредителей было шестеро – академические научные работники из Института государства и права Национальной академии наук. Среди них два академика (С.З. Зиманов, М.Т. Баймаханов), два члена-корреспондента Академии наук (Г.С. Сапаргалиев, А.Е. Еренов) и два ведущих научных сотрудников (З.Ж. Кенжалиев, Е.К. Нурпеисов), пять докторов и один кандидат юридических наук; учредители имели значительный опыт работы в государственных учреждениях, в том числе и в правоохранительных, а также в высших учебных заведениях. Так, один из них был депутатом Парламента (Верховного Совета) независимого казахского государства в 1990–1995 годах (С.З. Зиманов), в дальнейшем другой стал сенатором-депутатом Верхней палаты Парламента в 1996 – 2001 годах (Е.К. Нурпеисов). Среди учредителей также были: председатель Конституционного суда республики (М.Т. Баймаханов), член Высшего судебного совета при Президенте республики (С.Г. Сапаргалиев). Среди них двое в разное время работали ректорами юридических вузов (С.З. Зиманов, Е.К. Нурпеисов), а четверо – директорами Института государства и права АН КазССР – РК (С.З. Зиманов, М.Т. Баймаханов, Е.К. Нурпеисов, Г.С. Сапаргалиев).

Словом, у истоков создания, формирования и развития Казахского академического университета стояла довольно мощная кадровая сила в области юриспруденции, какую не имел ни один из вновь создаваемых вузов.

В рамках реализации идей, с которыми носились учредители университета, в 1999 году была разработана программа

«Модель подготовки юриста XXI века», которая должна была служить реальной ориентацией и стержнем подготовки кадров – юристов нового поколения, отвечающих условиям и требованиям нового столетия. Она была краткой, включала преамбулу, две части и семь пунктов, постоянно демонстрировалась в университете. Первая часть содержала формулировки о нравственных аспектах и подготовке специалистов нового времени. Вторая, считавшаяся основной, была посвящена глубоко профессиональным вопросам подготовки специалиста. Она состояла из четырех основных, тесно связанных между собой частей: «специализация», «экономизация», «компьютеризация» и «лингвизация», которые должны были определять учебную программу и цели подготовки специалистов-юристов. В основе «специализации» лежала идея о том, что студента в первую очередь надо учить специальности в контексте современных требований, а только потом как многосторонне образованного выпускника, у которого должно преобладать качество специалиста. «Экономизация» входила как составная часть современного высшего юридического образования. Это не только и не столько дань рыночной экономике, а скорее, необходимость вхождения в нее и ориентация в ней как быстро преобладающей форме экономического и социального бытия общества. Гражданская и политическая жизнь государства стала многовекторной и разнонаправленной, а следовательно, трудноуправляемой в основном из-за осложнения его экономической жизни и структуры. Современный юрист, чтобы именоваться специалистом в своей отрасли, должен иметь предбазовое экономическое и финансовое образование. «Компьютеризация» юридического образования предполагала овладение студентами основами и техникой информационной технологии применительно к условиям юридической практики. «Лингвизация» была ориентирована на обязательность изучения и овладения студентами казахским и английским языками. В модели в разделе «специализации» юриста содержалось требование, чтобы при изучении правовых актов особое внимание уделялось логике и мотивации законодательства и его нормативных установок, выработке у студентов навыка саморазмышления и сопоставительного анализа правовых

норм, умению вести диалог и составлять юридические документации. «Модель» предусматривала определенную разгрузку учебного плана, перераспределение часов между учебными дисциплинами в зависимости от их профильности, выделение среди них обязательных предметов и факультативных. Большое внимание уделялось индивидуальной подготовке и освоению традиционных ценностей культуры и морали казахского народа.

В контексте реализации указанной программы, кроме юридических, в течение 2000 – 2002 гг. были созданы: а) кафедра экономики и финансов, кафедра иностранных языков, кафедра информационной технологии; б) специальные и технические учебные кабинеты – лингафонные, электронных учебников, Интернет, кабинет законодательных и нормативных материалов; в) «технический» класс самоподготовки с 15 отдельными кабинетами с видеозвуковой аппаратурой и учебными кассетами, демонстрационный лекционный зал на 70 посадочных мест, снабженный лазерным и световым проекторами. Планировалось внедрить ряд других новшеств, облегчающих усвоение студентами учебной программы, улучшающих качество преподавательской деятельности, и проведение идейно-воспитательной работы среди студентов. Уделялось внимание налаживанию и развитию научных, творческих и самостоятельных студенческих кружков.

Большое внимание уделялось формированию кафедр экономики и финансов, чтобы затем на их основе открыть одноименные отделения или даже факультеты. С одной стороны, они могли бы обеспечить предбазовое экономико-финансовое образование юристов, а с другой – начать подготовку студентов по специальностям «экономика и финансы», на что была получена государственная лицензия, дающая на это право. В 2001 г. были заключены договоры сотрудничества с Институтом экономики Академии наук (директор, член-корр. НАН РК М.Б. Кенжегузин) и с Институтом финансов и банковского менеджмента (директор, член-корр. НАН РК О.Б. Баймуратов). Такое же значение придавалось формированию кафедры информационной технологии. Наш план был минимален: полагалось, что выпускники университета должны уметь пользоваться,

а в дальнейшем внедрять определенные информационные и коммуникационные возможности компьютеров в деятельность судебно-следственных, правоохранительных, правозащитных и экспертно-правовых органов. На полные ставки в качестве заведующего кафедрой были приглашены опытный ученый, член-корр. НАН РК, доктор физико-математических наук, выпускник Московского университета Н.Ж. Такибаев (с 2.03.2001 г.), в качестве профессора этой же кафедры – доктор физико-математических наук К.С. Мусин (с 01.09.2001 г.). Они были тесно связаны с российскими и зарубежными учеными, свободно владели английским языком.

Учредители, руководящий и профессорско-преподавательский состав университета спешили и хотели сделать многое, чтобы догнать «старые» юридические факультеты и даже в чем-то обогнать их и стать в одном ряду с Государственным юридическим институтом и юридическим факультетом КазГУ.

Накануне принятия модели подготовки нового поколения специалистов-юристов (1999 г.) я дал интервью корреспонденту одной газеты, в котором высказал ряд мыслей, легших потом в основу указанной программы. Эта беседа состоялась в 1998 году, и ее содержание изложено ниже.

Вопросы:

1) Салык Зиманович, в одной из своих статей еще пять лет тому назад вы писали, что идет девальвация юридического высшего образования. Что изменилось с тех пор?

– Тогда я имел в виду стихийно-массовый рост числа юридических учебных заведений, особенно высших, как государственных, так и частных. При этом не принималось во внимание, нужно ли все это с точки зрения интересов и потребности государства и общества. В ряде случаев на первый план ставились не знание, а дипломы, не развитие индивидуальных способностей студентов, а оценка по связям. Это привело к резкому снижению уровня подготовки студентов. С тех пор положение не только не изменилось. Напротив, ухудшилось.

2) Ухудшилось? В чем это выражается?

- Республику покрыла «паутинная сеть» громких и безнадежно никчемных учебных заведений, именуемых «высшими юридическими». Они возникли везде и даже в районных центрах, создавались не только казахстанскими, но и учредителями государств-соседей.

Ныне в областных центрах, не говоря о Алматы и Астане, насчитывается 4-5, а в некоторых – до 10 таких «чужих» юридических высших учебных заведений. Процесс превратился в ажиотаж. Качество подготовки юридических кадров стало заложником количества.

3) Возможно, наплыв желающих получить высшее юридическое образование оправдывает и существование большой сети юридических учебных заведений?

– Происходит бум юридического образования. В какой-то мере это отражает увеличивающийся на него спрос. Юридическое знание нужно не только для работников правовой службы и правоохранительных органов. Оно оказалось нужным в качестве основной или второй дополнительной специальности для многих категорий работников государственного и частного секторов. Знание законов, их структуры, механизмов действия и защиты интересов, системы юридической ответственности в равной степени стали важными и для законопослушных, и для криминально настроенных элементов.

Все же сегодняшний объем высшего юридического образования несоразмерно избыточен, чем надобность. А главное, оно болезненно нарастает.

4) Возможно, законы рынка сами регулируют сеть юридического образования?

– Так думают некоторые даже из числа государственных деятелей. Это заблуждение и идеология безделья. Рынок – не анархия. Собственно цивилизованного рынка, основанного на свободной конкуренции, у нас еще нет. Мы движемся к нему.

На этом пути организационно-регулятивная, координирующая и корректирующе-контрольная роль органов государства совершенно необходима. Но ее в республике явно недостает не только в сфере образования. Это наша беда, способная породить опасность для всей общественно-политической системы.

5) Касается ли это государственных вузов?

– Да, в известной степени эти недостатки касаются и их. Государственные юридические вузы измельчали. Некоторые, особенно алматинские, похожи на «муравейники». Студентов делят на «бюджетных» и «платных». «Платных» набирают в 2-3 раза больше. Их отдельно учат, отдельно «воспитывают». Для них установлены различные дополнительные «поборы»: за посещение военной кафедры, за повторные сдачи экзаменов, иногда взимают дань в долларах, и т. д.

У них больше схематизма и консерватизма в обучении студентов. Слабо реагируют на влияние эпохи. Им более присуще стремление к монополизму и изоляционизму. Мелкоту обучения выдают за «иностранный опыт». Словом, меньше всего они стали примерами для частных вузов.

6) Как нам известно, вы тоже являетесь ректором одного из негосударственных юридических вузов?

– Да. Негосударственный институт, ректором которого мне поручено быть, называется Академическим правовым учебным институтом. Он возник три года тому назад. Я возглавляю этот институт по мандату учредителей. Они – солидные ученые, одержимые идеей обновления системы и методов подготовки правоведов высшей квалификации.

7) Почему он называется «академическим»?

– Это связано с рядом причин. Во-первых, учредителями этого негосударственного высшего юридического института являются известные ученые-юристы, выходцы из Национальной академии наук: академик С.З. Зиманов, академик М.Т. Бай-

маханов, член-корреспондент НАН РК А. Еренов, доктор юридических наук З.Ж. Кенжалиев, профессор Е.К. Нурпеисов. Во-вторых, вуз был первоначально создан при академическом научно-исследовательском институте государства и права. В-третьих, пожалуй, это самое главное, учредители намеревались со временем превратить институт в элитный вуз, в академический не только по названию.

8) В погоне за «академическим» не произойдет ли отрыв института от государственной и правовой практики?

– Этого не произойдет. Учредители, кроме опыта академической науки, имеют богатую разностороннюю практику работы в государственных органах и высших учебных заведениях. Достаточно сказать, что С.З. Зиманов был депутатом Парламента XII-XIII созывов, М.Т. Баймаханов занимал пост председателя Конституционного суда республики, Е.К. Нурпеисов был ректором Казахского государственного юридического института (ныне университет), Г.С. Сапаргалиев является и ныне членом Высшего судебного совета при Президенте республики. И «избыток» теории делу не помешает. Надо помнить, что теория – это лучшая практика.

9) И учебный процесс будет организован по-академически?

– Скажу прямо, многое из того, как и по какой программе готовят сегодня юристов, нас не устраивает. Мы, учредители института, тесно связаны с высшими учебными заведениями и довольно хорошо представляем состояние и уровень подготовки студентов в них.

Проблема осовременения высшего юридического образования - задача первостепенная, и ее надо решать. А решать надо как путем изменения схемы и структуры базового образования, так и в контексте широкого внедрения в учебный процесс методов и инструментария современной науки.

10) Вы сказали, что надо «осовременить» юридическое образование. Как вы это себе представляете?

– Это вопрос большой и специальный. Мы и раньше, и сегодня часто произносим фразу о соответствии подготовки кадров юристов современным требованиям. Однако мало вдумываемся в содержание и структуру этой мысли. Бытует представление, что юрист должен разбираться и знать действующие законы. А мотивы и объяснение законов сводим к нормативной их сути и выводим из нее. Поэтому в юридических высших учебных заведениях основное усилие направлено на вталкивание этих законов в сознание студентов. Это традиционный, но вчерашний путь. Право – это поведение, его схематизация, а следовательно, моделирование поведения, изучение его естественных и человеческих основ должны занимать значительное место в структуре правового знания. Это усилит имидж закона и законности.

11) Сложилось разное мнение относительно открытия отделения аграрного права в Казахском аграрном университете. Как вы к этому относитесь?

– Весьма положительно. Это – одно из новых и перспективных начинаний. Юрист, намеревающийся работать в аграрной сфере, кроме законов непременно должен иметь более или менее содержательное знание об аграрном секторе, о его экономике и структуре, о его технологии и научной базе. Право все же – надстройка. А такую подготовку может дать весомо, лучше Аграрный университет, если, разумеется, рационально организовать обучение и подготовку студентов. Я бы приветствовал, если бы при Академии управления был создан специальный юридический факультет с уклоном ее профиля.

12) Все ли желающие могут поступить в ваш институт?

– Непременно только одно условие – желание учиться и получить высшее юридическое образование. С правилами приема можно ознакомиться в институте, по адресу: ул. Басенова, 8 (пересечение ул. Гагарина, 151). Институт имеет дневное (из трех факультетов) и заочное отделения, свой учебный корпус и студенческое общежитие.

13) Что нужно, по вашему мнению, для улучшения системы высшего юридического образования?

– Это большой вопрос. Нужна коренная реформа. Начинать ее надо с принятия пакета законов: о высшем образовании, о районировании и структурализации высших и специальных учебных заведений, о порядке и пределах разгосударствления и приватизации высших учебных заведений и др. Проект закона об образовании, недавно разработанный министерством и разосланный учебным заведениям, явно слабый по содержанию и еще хуже по юридической технике.

Нужно разобраться и упорядочить сеть государственных и негосударственных высших и средних юридических учебных заведений и подготовку студентов в них.

Существующие учебные стандарты в юридических вузах устарели. Нужно ввести экспериментальные вузы там, где есть новые идеи и возможности их реализации. Наш «академический» институт мог бы попробовать.

14) Вашу фамилию используют для рекламы несколько частных и государственных институтов.

– Это на их совести. Я работаю, кроме Академического и Института, только в одном вузе – в Казахском государственном юридическом университете, где веду спецкурс по теории государства и права и осуществляю научное руководство над кандидатскими и докторскими диссертациями преподавателей. В других частных и государственных вузах я не работаю.

15) Спасибо за беседу. Если не будете возражать, то мы хотели бы встретиться с вами для более подробного разговора по ряду затронутых здесь вопросов и о правовой реформе в республике.

– Я по природе не любитель выступать перед массовой аудиторией – по радио и ТВ, ученый более адекватно выражает себя в малой аудитории. Но я готов встретиться с вами, если вы считаете это полезным.

1.3. Преодолевая трудности

Становление и развитие университета по задуманному и внедряемому плану проходили очень трудно. Сама схема этого плана по ряду параметров была непривычной и нетрадиционной, а ее реализация связана с дополнительными трудностями. Мы сами ее себе навязали, надеясь на свои силы и возможности. Таков был настрой учредителей, и впоследствии мы в этом не раскаивались, независимо от результатов.

Если вопросы, связанные с учебной базой, материально-техническим оснащением университета шаг за шагом решались, хотя не без поддержки отдельных руководителей правительственных и местных органов, то главный вопрос о приеме студентов и о завоевании определенной ниши в привлечении абитуриентов оставался самым уязвимым, вернее, нерешенным. Причин было несколько. На первом плане среди них находилась все больше ухудшающаяся ситуация на пространстве высшего юридического образования. Неуправляемый, стихийно-массовый рост числа юридических учебных заведений, особенно высших, как государственных, так и частных, привел к резкому упадку престижа и к девальвации юридической специальности, к снижению порядка и уровня подготовки в них студентов. Имела место подготовка юристов где угодно и кем угодно: в областях и районах, в городах и поселках, под рекламной крышей учебных институтов и филиалов и даже соседних республик. Как правило, они имели свидетельства и лицензии, получить которые было нетрудно в условиях бесконтрольной коррупции. Как писала одна из газет «открыть у нас вуз примерно то же самое, что открыть парикмахерскую» (Время. 03.08.2001). Другая массовая газета многие частные вузы называет не иначе как «шарагами», рисуя следующую картину: «Пронырливые конкуренты из мелких частных вузов буквально силой пихают всем подряд буклетики, восхваляющие ту или иную шарагу» (Мегаполис. 01.08.2001). В итоге получилось, что если в конце 80-х и в начале 90-х годов прошлого века в Казахстане юристов с высшим образованием готовили только два юридических факультета университетов (в Алма-Ате и Караганде) и выпускали ежегодно до 300-400

студентов, то буквально через 6-8 лет, после приобретения республикой государственной независимости, число вузов, в которых готовили специалистов по правоведению, возросло до 150, а ежегодное количество выпускников стало больше в 50 раз, только в 2003 году составив 16 тыс. человек. Что еще хуже – почти ни один студент-выпускник не был трудоустроен и востребован организациями и учреждениями. Помню, что в 2001 – 2002 гг. Министерство образования и науки разослало всем центральным и областным ведомствам письма-запросы о их потребностях в юристах. Не было получено от них ни одной заявки. По опубликованным данным, среди десятков и сотен тысяч безработных в возрасте 25-35 лет около 25% составляли юристы и экономисты. На Республиканском совещании работников образования, созванном в августе 2001 г. в Алматы, в котором я принимал участие, представитель Урджарского района Семипалатинской области сообщил, что среди 300 безработных по району 50% составляют юристы и экономисты. Произошло глубокое обесценение юридического образования, заодно и падение престижа юридических высших учебных заведений, особенно частных.

К кризису высшего юридического образования, да и всей системы высшего образования добавились беспомощность и оперативная «рыхлость» Министерства образования и науки. Вот только один пример: в самом начале августа 2001 г. министерство в пожарном порядке «произвело» аккредитацию «пачкой» сразу около 50 вузов. На все это ему понадобилось всего-навсего около двух часов, т. е. по одной-две минуты на каждый вуз на рассмотрение его «аккредитационного материала». Вслед за их аккредитацией министр Н. Бектурганов представителям печати сделал заявление о том, что только эти «аккредитованные вузы» имеют право выдавать своим выпускникам диплом государственного образца» (Мегаполис. № 31. 8 августа, 2001). Это означало не что иное, как агитацию на сворачивание деятельности других официальных вузов, в основном негосударственных. Это касалось, разумеется, и нашего университета. Я, как ректор, немедленно лично обратился к министру за разъяснением, и он буквально ответил следующее: недавно якобы он был у одного из высших

чиновников, который сказал ему, что «голову ему снимет, если он аккредитует хоть один частный вуз». Я удивился, не хотел верить этому. Оказалось, что это выдумка. 4 августа 2001 г. в «Казахстанской правде» был опубликован список этих 58 вузов, получивших аккредитацию. Среди них было, к моему изумлению, и 3-4 частных вуза, как выяснилось позже, наспех включенных дополнительно в первоначальный список. Это решение вызвало волну негодования среди руководителей более ста вузов, оставшихся за бортом «аккредитации». Президент Ассоциации негосударственных вузов проф. М. Сарсенбаев в печати пригрозил привлечь к ответственности, в том числе и к уголовной, самого министра за нарушение Закона «Об образовании» и по статьям Уголовного кодекса за злоупотребление служебным положением и «за монополистические действия по ограничению конкуренции» (Начнем с понедельника. 10 августа, 2004). Этот факт и многие подобные действия Министерства образования и науки были в характерном стиле его чиновничьей деятельности. Главное, был нанесен урон престижу, особенно частных вузов, а также Казахскому академическому университету. Как следствие всего этого в системе высшего образования, в жизни вузов расцвела коррупция и росло взяточничество, борьбе с которыми приходилось уделять постоянное внимание. Дело дошло до того, что в сессионные периоды в университете вывешивались плакаты на казахском и русском языках со словами: «Не пытайся купить знание за взятки. Позор тем, кто берет взятки от студентов».

Были трудности и другого плана. Становление и развитие университета проходили в противоречиях. Во-первых, то, что традиционно было и культивировалось в течение десятилетий в технологии подготовки юристов вузовской квалификации, оправданное на определенных этапах истории, устарело на фоне требований нового времени, обусловленных интенсивными изменениями в сути и уровнях инновационного и интеллектуального прогресса общества. И в то же время новое мышление воспринималось как в среде работников образования, так и особенно в управленческих верхах пассивно и даже с подозрениями. Во-вторых, само управление высшим образованием вообще и негосударственными в особенности, контроль над

ними оставались и до сих пор остаются минимальными, малоэффективными. Достаточно сказать, что за все время существования Казахского академического университета – с 1995 по 2003 г. – никто из его руководящего состава, ректор или проректор ни разу не был приглашен в Министерство образования и науки или в одно из его управлений (департаменты) по делам университета. Так было и тогда, когда проводились министерством редкие сборы с участием ректоров вузов, а также заседания коллегии, где обсуждались важные вопросы вузовского образования. Отдельные ректоры частных вузов, когда они сами навязывались или имели «подпольные» связи, попадали на подобные сборы. В-третьих, «Модель подготовки юриста XXI века» и реализация предусмотренных в ней установок требовали проведения ряда важных мер, направленных, кроме необходимости укрепления материальной, учебно-производственной и технической базы, на проведение «малой» внутривузовской реформы в планировании, организации и методов ведения учебной подготовки студентов. Это так или иначе касалось учебных программ высшего юридического образования, «старомодных» и не стимулирующих получение студентами современных знаний, полных нагромождений учебных предметов и повторений, в то же время объявленных как «общеобязательные стандарты образования». Деятельность любых учебных заведений должна была соответствовать числам и буквам этих «стандартов». Эти «стандарты» без изменения существуют и поныне. Руководство Министерства образования и науки (Астана) на наши неоднократные предложения о необходимости пересмотра и существенного обновления этих «обязательных стандартов» по специальности «правоведение», признавая такую необходимость, каждый раз отвечало, что аппарат сильно загружен и им приходится иметь дело с 999 подобными стандартами. В-четвертых, на выпускников-юристов не было вообще заявок и предложений с приглашением на работу. Они получали «свободный» диплом на свободное устройство, вернее, на неустройство. Даже на официальные обращения министерства о потребностях и вакантных местах для юристов в правоохранительных и иных государственных и негосударственных органах от них не

имелось ни одного положительного ответа в 2001 и 2002 годах. Правда, министерство, поставленное в критическое положение из-за трудоустройства хотя бы выпускников, обучавшихся по государственным грантам, в 2002 г. с помощью правительства собрало заявки только на это число специалистов. В-пятых, абитуриентов становилось все меньше и меньше. Введение министерством так называемого выборочного тестирования только для претендующих на государственные гранты, а потом «единого» тотального тестирования в национальном масштабе для всех абитуриентов, желающих поступить в вузы, в том числе претендующих на государственные гранты, существенно затруднило и ухудшило положение частных вузов. Университет не только лишился права самостоятельного отбора и приема нового контингента студентов. Возникли проблемы, выразившиеся в недоверии руководителям вузов. В соответствии с приказными правилами личные дела всех абитуриентов, обратившихся в приемную комиссию университета, передавались центру «единого тестирования», т. е. в другой вуз. Они уже обратно, в университет, как правило, не возвращались. К тому же открытая и официальная пропаганда, направленная против частных вузов, делала свое дело. Так, на юридический факультет 1 сентября 2002 г. было зачислено 52 студента против 75 в 2001 году. Причем больше половины из них на заочное отделение. Из-за малочисленности приема было решено финансово-экономическое отделение не открывать.

При всей этой ситуации энтузиазм учредителей и коллектива университета оказался намного больше и сильнее, чем трудности. Сама идея независимого развития казахской государственности – исторический, возможно, единственный шанс такого развития, служила стимулом вдохновения для многих патриотически настроенных казахстанцев, для интеллигенции и молодежи республики. Она воодушевляла и учредителей Казахского академического университета. Преодолевая трудности, университет вливался в ряды «старых» вузов.

1.4. Новый этап в развитии университета

Образовалось и увеличивалось несоответствие между возможностью университета и численным составом обучающихся в нем студентов, т. е. новым их набором. Оно с каждым годом увеличивалось, ставя под сомнения само существование университета. В 2001-2002 гг. дело с приемом новых студентов в университет, который мог осуществляться только через единый национальный центр тестирования, не улучшилось. А вновь открытые факультеты (с гос. лицензиями) – экономико-финансовый, историко-архивный – не работали. Да и на юридический факультет из числа записавшихся, но направленных в центры тестирования возвращались только 15-20%, т. е. всего 30-40 абитуриентов. Такое положение могло свести почти на нет выполнение программы «Модель подготовки юриста XXI века». Вместе с тем оно диктовало необходимость усиления работы по изменению направления подготовки студентов в плане максимального приближения подготовки специалистов к нуждам практики.

В этих условиях в университете были разработаны новые планы, обеспечивающие выход из кризисной ситуации. Они предусматривали активизацию работы в трех основных направлениях: а) поиск путей перехода на адресную подготовку специалистов-юристов; б) освоение и внедрение новых технологий и методов организации учебного процесса – «нестандартные лекции» (объединение лекций по некоторым темам с семинарскими занятиями), «правовую клинику» (проведение занятий с выходом на базовые учреждения на целый день с выполнением обязательного письменного ответа на один из 4-5 вопросов, задаваемых студентам), «модульные занятия» (выделение профилирующих тем из множества разделов предмета), дистанционное обучение с использованием возможностей компьютеров; в) укрепление состава профессоров и преподавателей, а также материально-технической базы университета.

Для решения этих трудных задач, а в ряде случаев и совсем новых для казахстанских вузов вообще, а для частных гуманитарных учреждений образования в особенности, в университете имелись определенные условия. Главное – реальность

намерений и реализующая активность в первую очередь учредителей – членов университета, пользовавшихся авторитетом в обществе и в структурах управления, а также и коллектива его сотрудников.

Другим новшеством в системе юридического образования, впервые введенном в Казахском академическом университете, было установление тесных партнерских отношений и заключение соглашений о намерениях и контрактов с крупными государственными и негосударственными объединениями и организациями – потребителями выпускников о заинтересованной совместной подготовке специалистов под углом зрения современных требований и особенностей будущей производственной их деятельности. В них речь шла о подготовке, как мы именовали, «нового поколения» специалистов в рамках программы «Модель юриста XXI века», а также и экономистов-финансистов для отраслей и системы ведомств, которые они представляли. Нефтегазовая отрасль экономики и система правосудия в широком толковании после соответствующих согласований и договоренностей были определены как базовые зоны адресной подготовки специалистов.

Казахский академический университет, в свою очередь, к этому времени стал представлять интерес для некоторых ведомств, имеющих сеть нефтегазовых учреждений и предприятий, а также для центральных органов судебно-следственных учреждений. Это объяснялось несколькими обстоятельствами, среди которых существенными были: а) то, что все учредители Университета пришли из Национальной академии наук, а большинство из них состояли и профессорами в вузах, пользовались известностью в обществе; б) они имели за плечами солидный опыт ведения исследовательской работы. Достаточно сказать, что из одиннадцати проектов по программе фундаментальных исследований по разделу «правовая наука», утвержденных Министерством образования и науки РК на 2002 – 2003 гг., шестью из них руководили профессора университета. В ряде проводившихся конкурсов и экспертных заданий по линии Министерства юстиции, Национальной Компании «КазМунайГаз», Верховного суда и Министерства образования и науки республики в 2000 – 2002 гг. часто побе-

директором выходил Казахский академический университет. Так было по заданиям: «Определение соответствия Конституции и законов республики», «Концепция и программа Института повышения квалификации судей», «Экспертное заключение по спорным вопросам, связанным с иностранной инвестицией в нефтяном секторе», «Составление новой общеобязательной учебной программы (стандарта) по специальности «правоведение» (университет, получив в 2001 г. приоритет в этом вопросе, отказался от его выполнения из-за отсутствия финансирования со стороны министерства); в) университет к 2002 г. уже имел добротную материально-техническую базу; г) в университете публично велась гласная и активная борьба с коррупционными явлениями и взяточничеством, получившими распространение во многих государственных и негосударственных вузах. Это имело определенный резонанс в обществе.

В эти годы усиливались контакты с учреждениями и представителями компании «КазМунайГаз» и судебных органов. В университете с целью знакомства и оценки его возможностей побывал председатель Верховного суда (К. Маами), ректор Института подготовки и повышения квалификации работников судебной системы (Т.К. Аймухамбетов), управляющий директор по правовому обеспечению «КазМунайГаза» (К.Б. Сафинов), которые стали материально поддерживать. Так, Комитет по судебному администрированию при Верховном Суде (председатель В.М. Борисов) на свои средства закупил мебель и оборудовал учебный класс под «судебное заседание». «КазМунайГаз» оказал Университету спонсорскую помощь.

В свою очередь, в целях более конкретного знакомства и лучшего понимания особенностей деятельности и потребностей в юридических кадрах базовых учреждений, в течение 2001 – 2002 гг. и в первой половине 2003 г., группы профессоров и доцентов от 5 до 10 человек во главе с ректором университета трижды побывали в Национальной Компании «КазМунайГаз» (Астана). В составе этих групп наряду с юристами присутствовали экономисты и специалисты по информационной технологии. Нам была представлена возможность познакомиться с особенностями и технологией выполняемых работ и рабочими

режимами в ряде департаментов и отделов, а также с требованиями, предъявляемыми к кадрам, к молодым специалистам-юристам. В 2003 г. нам даже разрешили всей группой участвовать в роли наблюдателей на международных переговорах по обсуждению условий заключения контракта по освоению новых нефтегазовых месторождений на Каспийском море. Нас занимали также вопросы структуры и состояния обеспеченности кадрами судебных органов, их требования к выпускникам вузов. Верховный суд республики обсудил на заседании коллегии информацию ректора университета о плане и мерах по изменению направления подготовки юристов в контексте требований и потребностей системы судебных органов. С подобным сообщением он выступил и на годичном итоговом заседании коллегии Верховного суда с участием председателей всех областных судов (февраль 2003 г.).

Одной из первоочередных наших забот в контексте решения предстоящих задач было освоение вначале нами, преподавателями, новых методов и форм эффективной организации учебного процесса с использованием в первую очередь технико-информационных средств. Важно было на месте ознакомиться с деятельностью отдельных центров и вузов, имевших успехи в этой области. Движимые этой целью (я и четыре преподавателя) из Казахского академического университета были единственными участниками среди вузовских работников на двухдневном семинаре, организованном 25-26 мая 2000 г. Российским университетом дистанционного обучения на базе казахстанского филиала (Астана). Нас интересовали в первую очередь нестандартные технико-организационные формы ведения учебного процесса с широким использованием достижений информационной системы по методу дистанционного обучения, их эффективность в подготовке студентов.

1.5. Партнерские отношения в подготовке специалистов (договоры)

После серий консультаций и переговоров 18 января 2003 г. в Астане был подписан Меморандум № 8 «О взаимоотношениях между Национальной Компанией ЗАО «КазМунайГаз» и Казахским академическим университетом». Его подписали от имени Национальной компании - ее президент Л. Киинов, от университета – его ректор С. Зиманов. Несколько позже он был подтвержден и новым президентом Национальной Компании «КазМунайГаз» У.С. Карабалиным, и это был документ реального действия.

Как указывалось в Меморандуме, цели и задачи взаимоотношений между Национальной Компанией «КазМунайГаз» и университетом, которые стороны намерены были укреплять, это стремление «наладить и провести совместные комплексные исследовательские работы по актуальным правовым и финансово-экономическим проблемам нефтегазовой отрасли экономики республики, в том числе по совершенствованию нормативной правовой базы, а также желание способствовать подготовке нового поколения специалистов-юристов, финансистов и экономистов с университетским образованием на уровне современных требований и международных стандартов с ориентацией их последующего трудового использования в системе нефтегазовой отрасли». Далее в нем были расписаны основные требования, предъявляемые к выпускникам университета и обязательства университета в реализации этих рекомендательных требований. Одним из этих требований было: «Национальная Компания «КазМунайГаз» рекомендует, а Казахский академический университет считает возможным, чтобы студенты за период обучения, кроме освоения основной специальности, также овладели одним из иностранных языков (английским или испанским) и государственным казахским языком». А университет «намерен скорректировать профиль, направления и учебные планы подготовки студентов на юридическом и финансово-экономическом факультетах таким образом, чтобы они были приближены к потребностям и решаемым задачам нефтегазовой отрасли экономики Казахстана

и отвечали современным требованиям и стандартам высшего образования».

Стороны договорились выполнить условия, оговоренные в Меморандуме, без проволочек и внедрить их с нового, 2003/04, учебного года. «Намерения, изложенные в настоящем Меморандуме, – говорилось в нем, – могут реализовываться непосредственно после подписания сторонами настоящего Меморандума, а также путем заключения дополнительных соглашений в соответствии с законодательством на осуществление определенных действий или видов работ». В дальнейшем на официальном уровне было согласовано и зафиксировано то, что компания «КазМунайГаз» со своими дочерними и аффилированными организациями будет участвовать в наборе и отборе абитуриентов из числа прошедших централизованное тестирование на местах для поступления в Казахский академический университет, в проведении производственной практики студентов в организациях своей системы, в укреплении учебно-производственной и материально-технической базы университета.

Почти одновременно, 14 января 2003 г., был заключен договор «О сотрудничестве и взаимоотношениях» между Университетом и Институтом по подготовке и повышению квалификации судей и работников судебной системы при Верховном суде Республики Казахстан. Цель договора определена так:

а) подготовка нового поколения кадров по специальности «юриспруденция» с глубоким университетским образованием, со знанием одного из иностранных языков (английского или немецкого), овладевших государственным языком (казахским), духовно воспитанных, с охватом молодежи сельских районов, для дальнейшей работы в системе органов судебной власти республики;

б) объединение усилий и возможностей двух учреждений в ранге высших учебных заведений «Университета» и «Института» по направленной подготовке кадров – юристов высшей квалификации по специальной программе и на основе современных методов, передовых мировых стандартов, а также по оснащению учебного процесса необходимыми техническими, информационными приборами и средствами».

Договор предусматривал планы и конкретные организационные меры, которые следовало осуществить в контексте реализации его цели. Стороны договорились, и было решено: 1) об организации в Казахском академическом университете специального учебного подразделения «факультета правосудия» для подготовки юристов с высшим профессиональным образованием, по специальной учебной программе, для работы в основном в системе органов судебной власти республики. 2) в структуре факультета правосудия следует иметь три отделения: казахско-английское, казахско-немецкое и казахско-русское, состоящие из групп, в каждой из которых должно было быть до 15 студентов. Общая численность студентов факультета ограничивалась в пределах до 80 человек. Предусматривалось также создание в университете студенческого исследовательского и дискуссионного центра, приближенного по тематике к профилям специализации студентов.

Было установлено, что прием новых студентов проводится в два этапа – предварительный (на местах) и окончательный в Алматы, в университете. В феврале 2003 года совместными решениями были определены условия приема кандидатов в студенты на факультет правосудия, на юридический факультет нефти и на финансово-экономический факультет нефти, а также квоты приема кандидатов в студенты на эти факультеты, направляемых региональными органами ведомств, вступивших в договорные отношения с университетом. Таких местных органов по линии судебной системы было определено 16, дочерних и аффилированных предприятий «КазМунайГаза» – 22. Институт Верховного Суда и дочерние местные предприятия «КазМунайГаза» должны были организовать предварительный набор студентов из числа абитуриентов, успешно прошедших национальное тестирование на местах, по квотам и условиям, согласованными сторонами. Одну четвертую часть абитуриентов должен был набирать сам университет в Алматы в соответствии с установленными правилами.

Основными критериями для кандидатов в студенты являлись: наличие прилежного знания (в том числе обязательно по иностранному языку), моральная чистоплотность и платежеспособность (обучение платное).

Для наглядности приводим утвержденную совместными решениями квоту на факультет правосудия, разосланную 20.02.2003 г., т. е. задолго до начала прохождения абитуриентами общенационального тестирования.

Структура факультета правосудия:

1. казахско-английское отделение (1 группа);
2. казахско-немецкое отделение (1 группа);
3. казахско-русское отделение (2 группы).

Новый курс в подготовке специалистов в областях права, экономики и финансов, сориентированных для работы в будущем в нефтегазовой отрасли и судебных органах, кроме планирования их набора и обучения, ставил решение и других важных вопросов, таких как усовершенствование, а в некоторой части пересмотр учебных программ, перестройка и усиление научно-исследовательской работы, приближенной к практике, а также установление более тесных контактов и долгосрочных отношений с производителями. 14.02.2003 за № 92 в развитие ранее принятого Меморандума был заключен договор с ЗАО «Национальная Компания «КазМунайГаз» (подписал вице-президент Т. Кулибаев) об оказании университетом научно-консультационных и юридико-консультационных услуг. В рамках этого договора в течение срока его действия (с 20.04.03 до 31.12.03) университет выполнил три задания «заказчика». Происходила переориентация исследовательских работ, в которых стали преобладать тематика правового регулирования и управления в нефтегазовом секторе экономики республики. При университете был создан научно-исследовательский центр по правовым и финансово-экономическим проблемам нефти (НИЦН). Была согласована с руководством компании «КазМунайГаз» и начата подготовка к организации и проведению международной научно-практической конференции по теме «Законодательное регулирование и государственная регламентация нефтяных операций на казахстанском секторе Каспийского моря». Ее проведение было намечено на август 2003 года.

Таблица 1

№ п/п	РЕГИОН	Установленная квота			
		Казахско-англ. отделение	Казахско-нем. отделение	Казахско-рус. отделение	Всего
1	г. Астана	1	1	2	4
2	г. Алматы	1	1	2	4
3	Алматинская обл.	1	1	3	5
4	Акмолинская обл.	2	2	3	7
5	Актюбинская обл.	1	1	3	5
6	Атырауская обл.	2	1	2	5
7	Вост.-Казахст. обл.	2	1	3	6
8	Жамбылская обл.	1	1	2	4
9	Зап.-Казахст. обл.	1	1	3	5
10	Карагандинская обл.	1	1	2	4
11	Костанайская обл.	1	1	4	6
12	Кызылординская обл.	1	1	3	5
13	Мангистауская обл.	2	1	3	6
14	Павлодарская обл.	1	1	3	5
15	Сев.-Казахст. обл.	1	2	2	5
16	Южно-Казахст. обл.	1	1	2	4
	ВСЕГО	20	18	42	80

Об этих и других важных мероприятиях, проводимых университетом под девизом «новый курс» в подготовке будущих специалистов, в свое время были информированы Министерство образования и науки, а также и Правительство республики. Ниже приводятся выдержки из письма, направленного заместителю Премьер-министра Республики Казахстан Б.А. Мухамеджанову, курировавшему образование и науку, от 10.02.2003 года: «...Представляя и зная неудовлетворительность

и поточную массовость подготовки в вузах молодых кадров по гуманитарным специальностям – юристов, экономистов, финансистов и др. – и их не востребованность практикой, сознавая неотложную необходимость изменения и даже реформирования форм и стиля высшего образования по указанным специальностям, Казахский академический университет, в свое время учрежденный шестью профессорами из Национальной академии наук, разработал и внедряет новые формы подготовки кадров по указанным специальностям. Суть этих нововведений заключается в максимальном приближении подготовки студентов к запросам и интересам сферы экономического, социального и государственного строительства в республике». Далее в письме говорилось о том, что указанное начинание может быть реализовано при поддержке компетентных органов государства и при личной его поддержке. «Уважаемый заместитель Премьер-министра, – говорилось в обращении, – подобные новации, хотя они направлены на усовершенствование и существенное улучшение системы подготовки специалистов-юристов, экономистов, финансистов с учетом запросов на них и их востребованности практикой, не всегда будут находить понимание, тем более оперативную поддержку со стороны чиновничьих органов управления. Личная Ваша поддержка в этом деле весьма нужна. На нее мы и надеемся...».

1.6. Штрихи подготовки к новому учебному году

Начиная со второй половины 2002 г. и в течение 2003 г. одним из главных направлений в деятельности университета стало проведение неотложных работ в порядке подготовки к новому, 2003/04, учебному году, задуманному как новый этап в жизни высшего учебного заведения. Они включали как составление экспериментальных учебных программ и укрепление профессорско-преподавательского состава в контексте реализации программы «Модель подготовки юриста XXI века» и заключенных договоров, так и улучшение, и расширение учебной материально-технической базы университета. Одна группа во главе с проректором университета специально занималась вопросами набора новых студентов из числа абитуриентов, направляемых региональными органами компании «КазМунайГаз» и судебного администрирования. Какие-то серьезные бреши и неудачи в этих делах на данном этапе не замечались.

К началу 2003 г. университет стал не только относительно обеспеченным и жизнеспособным, но и уже по потенциалу и возможностям мог претендовать на престижность среди высших учебных заведений и факультетов гуманитарного профиля. Среди профессорско-преподавательского состава ученую степень имели 24 человека, или 37%, из них докторов наук было 8, или 12,3%. Все специальные кафедры возглавлялись докторами наук: кафедра теории и истории государства и права (д.ю.н. З.Ж. Кенжалиев), кафедра конституционного права и международного права (д.ю.н. Г.С. Сапаргалиев), кафедра гражданского права и гражданского процесса (д.ю.н. К.С. Мауленов), кафедра уголовного права и криминалистики (д.ю.н. Д.С. Чукмаитов), кафедра информационной технологии (д.ф.-м.н. Н.Ж. Такибаев). Университет имел свой шестиэтажный учебный корпус с двумя лифтами, площадью 12926 кв. м в центре города (пр. Абая, 26а), закрытый спортивный зал площадью 360 кв. м, студенческую столовую. К началу 2003/04 учебного года заново было перестроено студенческое общежитие на 280 мест, из них 40 мест полугостиничного типа, была хорошо оборудованная

библиотека, фонд которой составлял 80 000 книг с компьютерным каталогом законодательных материалов. Имелись оборудованные современные кабинеты: компьютерные классы (два, 32 единицы техники), технический кабинет самоподготовки (12 отдельных кабин) с видеоаппаратурой, internet, актовый зал на 450 мест, лекционные залы на 120 и 70 мест, оборудованные лазерными проекторами, и свое издательство с цветным ризографом. Даже была установлена ажурная металлическая ограда со светильниками вокруг учебного корпуса.

21-22 августа 2003 г. университет на своей базе совместно с Национальной Компанией «КазМунайГаз» проводил международную научно-практическую конференцию по теме: «Законодательное регулирование и государственная регламентация нефтяных операций на казахстанском секторе Каспийского моря», которая вызвала резонанс и значительный интерес в кругу научных работников и специалистов-практиков. Она собрала значительную аудиторию юристов, экономистов, работников нефтяных и нефтегазо-транспортных компаний, представителей иностранных посольств. С основными докладами и сообщениями выступили представители компании «КазМунайГаз» вице-президент (М.Д. Батырбаев), директор департамента (К.Б. Сафинов), из юристов – академик С.З. Зиманов, д.ю.н. К.С. Мауленов, из экономистов – член-корр. НАН РК, д.э.н. М.Б. Кенжегузин (директор Института экономики НАН РК), д.э.н. С.С. Сатыбалдин, член-корр. НАН РК, д.э.н. О.Б. Баймуратов (директор НИИ финансов и банковского менеджмента), представитель Администрации Президента страны (М.А. Фахрутдинов), из посольства Германии и др.

У организаторов конференции были далеко идущие планы как в области сориентированной подготовки специалистов-юристов и экономистов на опыте и условиях востребованности в нефтегазовом секторе и в системе судебных органов, так и в области расширения научных исследований, связанных в основном с этими приоритетными областями экономики и государственной власти республики. Они отразились в рекомендательной резолюции конференции.

Как будто было сделано немало, а все, что сделано, в том числе закрепление партнерских и прямых отношений с заинтересованными организациями и предприятиями особенно в новых кадрах юристов, зависело теперь от обеспечения приема в студенты в пределах 150-200 лиц из числа абитуриентов. Причем основная надежда возлагалась на региональные организации компании «КазМунайГаз» и Комитета судебного администрирования. Активные переписки, прямые и косвенные контакты с этими организациями и ведомствами в течение первых восьми месяцев 2003 г. давали основание для определенного оптимизма.

На прямой набор студентов непосредственно из числа абитуриентов, прошедших национальное тестирование в Алматы, надежды было крайне мало. Дело в том, что пункты такого тестирования организовывались с отдельными исключениями при государственных университетах. Опыты предыдущих лет показали, что эти базы тестирования сполна использовали свое «хозяйское» положение в первую очередь в удовлетворении своих интересов в первокурсниках, превращались открыто и подспудно в центры агитации и рекламных объявлений в пользу государственных вузов и, наоборот, всемерного оттирания роли частных вузов, вернее, создавали атмосферу отрицательного отношения к ним вообще. Этому в немалой степени прямо и косвенно способствовало само Министерство образования и науки, которое одной рукой раздавало без разбора государственные лицензии на открытие новых и новых частных вузов, в основном юридического профиля, а с другой – издавало призывы о их сокращении.

Словом, еще раз подчеркнем, что наш университет по опыту прошлых лет не питал особой надежды, вернее, совсем не питал надежды на прямой прием новых студентов за счет тестирувавшихся в Алматы. Наша основная надежда была связана с отбором абитуриентов региональными и местными предприятиями и организациями из числа прошедших тестирование, по квотам, определенным курирующими инстанциями и Университетом. В это мы верили. На это надеялись.

1.7. Судьба университета решилась в течение пяти дней

Заканчивались централизованные тестирования, организованные Министерством образования и науки по всей республике для выпускников средних школ и для всех, кто желал поступить в вузы, в том числе и претендующих и не претендующих на государственные гранты и кредиты. Университет подготовился к организации собеседования с абитуриентами, прибывающими по направлениям региональных и областных организаций «КазМунайГаз» и Комитета судебного администрирования, прошедшими тестирование на местах, под их наблюдением и опекой. По итогам такого собеседования с 20 по 25 августа должно было состояться зачисление их в студенты.

Наше ожидание, однако, почти в одно мгновение было разрушено. Мы знали о росте наших «завистников» в среде государственных и негосударственных вузов, относившихся косо к нашим мероприятиям, связанным с установлением тесных контактов и договорных отношений с Национальной Компанией «КазМунайГаз» и организациями, подведомственными Верховному суду республики в части планируемой подготовки студентов по специальности «правоведение». Однако не предполагали, что такое их отношение найдет прямую поддержку у части влиятельных лиц государственного уровня. Вслед за успешным окончанием работы международной научно-практической конференции «Законодательное регулирование и государственная регламентация нефтяных операций на казахстанском секторе Каспийского моря», проводившейся 21-22 августа 2003 г., поступили уведомления от наших договорных партнеров о том, что они в силу новой сложившейся ситуации отзывают с мест свои прежние рекомендации о направлении ими абитуриентов для учебы в университет. Это было похоже на гром среди ясного дня. Проблема, вернее, судьба университета оказалась на повестке дня.

Следует остановиться особо на причинах аннулирования перед самым началом учебного года соглашений и договоров, заключенных с «КазМунайГазом» и Институтом Верховного суда о партнерских и совместных действиях по отбору основ-

ной части новых студентов через их региональные, подопечные организации, на что была главная ставка университета. Такое решение со стороны этих ведомств было вынужденным. Дело в том, что в течение августа, т. е. перед началом нового учебного года, в печати и по служебным инстанциям появились обвинения по адресу руководителей партнеров университета в том, что они якобы проявили одностороннюю заинтересованность в подготовке студенческих кадров, подписав соглашения и намерения с Казахским академическим университетом, причем частным, при наличии других государственных «старых» вузов. Тут были и зависть, и уязвленная амбициозность со стороны отдельных руководителей, как «засидевшихся», так и пришедших в вуз с чиновничьими навыками. Рупором этих «обвинений» стала Высшая школа права «Адилет». Ее проректор, по научной части известный уважаемый нами ученый-юрист в статье, опубликованной в газете «Начнем с понедельника», 8-11 августа 2003 г., иронически писал: «Недавно узнали мы о том, что областные суды активно занялись поиском абитуриентов для Казахского академического университета. Разрядка пришла из Верховного суда РК. Почему не в другие вузы?». Далее он эти нормальные отношения, направленные на усиление связи вуза с практикой, называет «происком» личных отношений, связанных с тем, «что научный патронаж над одним из руководителей высшей судебной инстанции осуществляет Салык Зиманович». Другой проректор этого же вуза, К. Шакиров, пошел еще дальше. Он, совершенно не зная сути дела и пренебрегая нормами приличия, в шляхерском стиле стал пугать абитуриентов и их родителей тем, что Казахский академический университет якобы нарушает «законодательно установленный порядок формирования контингента студентов». По его мнению, свидетельством тому служит «в частности, возможность зачисления по направлению Верховного суда РК с последующим трудоустройством». Обоснование его мысли малограмотно: «Такая ситуация принципиально невозможна, – утверждал он, – ибо она противоречит независимости названного органа государственной власти и труднообъяснима с точки зрения оценки его взаимоотношений с частным учебным заведением». Приняв позу защитника,

он заявил, что должен «предостеречь осторожных родителей при выборе этого учебного заведения для своих детей» (Юридическая газета, 6 августа 2003).

В этот хор «адилетовцев» включилась и старший преподаватель этой же Высшей школы доцент Д. Сокольская. Она избрала несколько другой путь для ослабления позиции Казахского академического университета, свою критику направила против его ректора. В обращении к редакции газеты она писала: «Почему в средствах массовой информации печатается очень много выступлений в пользу мнения академика С. Зиманова? ...Получается игра в одни ворота». Она сделала клеветнические заявления о том, что доктора наук С. Узбекулы, Н. Усеров, Е. Абдрасулов, научным консультантом которых в свое время являлся С. Зиманов, препятствуют ее защите, а они-то сами якобы «были недостаточно подготовленными». Для вескости своих слов она присовокупила угрозу о том, что теперь она «вынуждена покинуть родину и уехать защищаться в Россию» (Начнем с понедельника. 11-13 августа. 2003).

Эти и другие измышления попортили немало нервов, но они были бы малоэффективны, если бы у крупных «завистников», связанных с властными структурами, официальную поддержку не нашли. В результате университет остался один на один, его партнеры, связанные хрупкими договорами, вынуждены были воздержаться от их исполнения. Естественно, это резко меняло ситуацию и судьбу Казахского академического университета.

26-28 августа 2003 г., перед началом нового учебного года, шли беспрерывные обсуждения и заседания с участием большинства учредителей университета вокруг вопросов, связанных с провалом нового набора студентов, предотвратить который мы оказались бессильными. 30 августа 2003 года общее собрание членов-учредителей университета приняло решение о том, что в сложившейся ситуации университет не имеет перспективы, а потому подлежит самоупразднению. Так было положено начало самоликвидации университета именно в тот период, когда он намеревался занять достойную нишу в системе вузов гуманитарного, особенно юридического, профиля.

Такое решение общего собрания учредителей было болезненным и трудным. Оно оказалось неожиданным для многих и для самого коллектива университета и шло вопреки ожиданиям обучавшихся студентов, их родителей, а также для посторонних его доброжелателей. Оно вобрало в себя все негативные тенденции движения и поведения групп интересов в юридическом образовании последних лет, которые в совокупности поставили перед необходимостью принятия такого решения. До последних дней ничто не указывало на то, что такое решение может быть принято, хотя развитие событий, помимо воли участников, шло к этому. Уверенность в том, что такое развитие может быть предотвращено, брало верх, так как было основано на более или менее успешных организационных мерах, в итоге которых, по мнению руководства и членов университета, должен был наступить благоприятный эффект.

В решении общего собрания учредителей университета указывалось, что «прием студентов на факультеты университета за последние три года неуклонно и резко уменьшался. На основной юридический факультет в 2001 г. поступило 76 студентов, в 2002 г. – 58. Несмотря на большую организационную работу, а именно договор с Национальной Компанией «КазМунайГаз» и Институтом при Верховном суде РК о совместных действиях по набору студентов на специализированные факультеты, на 25 августа 2003 г. (в силу отрицательных событий) поступило от абитуриентов лишь восемь заявлений». Постановляющая часть решения состояла из четырех пунктов. Первый гласил: «При сложившейся ситуации подготовка специалистов по профилю университета не имеет перспектив». Это была главная установка, реализация которой предусматривалась в других пунктах, а именно: «Приостановить прием новых студентов с 1 сентября 2003 г., в течение года осуществить самоликвидацию университета как высшего учебного заведения, осуществить плановый перевод и передачи обучающихся студентов в другие вузы». Далее поручалось ректору университета «принимать все необходимые меры по планомерному самороспуску университета, по сохранению имущества и оборудования, по недопущению финансового банкротства университета». Потребовался почти год, чтобы ликвидационная комиссия,

взявшая на себя всю обязанность по выполнению решения Общего собрания учредителей, завершила свою работу по самоупразднению университета. Следует особо указать на то, что решение о самоупразднении университета было принято исключительно по воле его учредителей. В этой части внешнего административного влияния, в том числе прямого и косвенного влияния Министерства образования и науки не было. Министерство немедленно было поставлено об этом в известность. С его стороны тогда и после никакой реакции не было. Правда, был случай, когда министерство в поздних своих рапортах по инстанции не прочь было приписать упразднение университета в свою заслугу, что было, однако, в те же дни исправлено сведущими в министерстве лицами. Это чиновничья практика: свои успехи строить на чужих бедах.

Хочется в заключение сказать, что выпускники университета (их было всего 1445, из них 220 дневного обучения, четыре магистра, из колледжа 21), и мы убеждены в этом, гордятся дипломом университета, прошедшего трудный, но славный путь борьбы в системе высшего образования республики.

2. Меры, способствующие становлению университета как престижного высшего юридического учебного заведения (документы)

2.1. Основные этапы программы «Модель подготовки юристов XXI века» (приняты Ученым советом университета 6 апреля 1999 г.)

1. Подготовка будущих юристов, соединяющих в себе специалиста, профессионала и гражданина республики, подразделяется на два этапа: первый, малая специализация, реализуемая на 1 и 2 курсах; второй, большая специализация, реализуемая на старших курсах (3-4).

2. Профилирующие правовые дисциплины, некоторые из них студенты изучают с 1 курса, а на старших курсах (3-4) их проходят как проблемные предметы.

3. Особенности и в то же время основными принципами подготовки юристов в Академическом правовом учебном институте являются:

- органическая связь правовых институтов и реального правового порядка с проблемами прав и свобод человека;

- соединение достижений правовой науки и высшего правового образования;

- приоритетное внимание специальным профилирующим юридическим дисциплинам и соответствующая коррекция учебного плана;

- интенсивная языковая подготовка с тем, чтобы студенты дневной формы обучения, начиная с 3 курса могли бы удовлетворительно воспринимать, слушать и разговаривать на трех языках - на казахском, русском и английском и владеть ими более или менее свободно по окончании института;

- сделать акцент на теоретико-правовое и сравнительно-правовое знание при преподавании правовых учебных дисциплин, не ослабляя в то же время внимания к прикладным и технологическим аспектам реализации норм правовых актов. Все это должно обеспечить системность знания о праве и законности;

– компьютерное образование студентов должно достичь высокого уровня применения компьютерной техники и специальных программных моделей в различных сферах юридической службы.

4. Проректорам, заведующим кафедрами и учебной части института разработать конкретные меры, направленные на выполнение данного постановления, включая корректировку учебного плана, структуры предметов в течение десяти дней, а директорам филиалов принять меры по адаптации и корректировке учебного процесса в соответствии с положениями данного постановления Ученого совета.

**2.2. Справка о состоянии и перспективе развития
Казахского академического университета,
направленная министру образования и науки
г-ну К.Е. Кушербаеву
от 10.04.2000 года**

1. Казахский академический университет является негосударственным многопрофильным высшим учебным заведением, имеет значительный научный и педагогический потенциал.

Университет готовит специалистов с высшим образованием (на факультетах), со средним профессиональным образованием (в колледжах) для работы в правоохранительных органах банковских и финансовых учреждениях, в органах экономического и правового обеспечения, инвестиции и нефтебизнеса.

2. Университет учрежден в 1995 г. шестью видными учеными Национальной академии наук республики. По профессиональной деятельности – это доктора юридических наук, имеющие большой опыт научной, педагогической и практической работы:

С.З. Зиманов, академик АН РК, доктор юридических наук, депутат Парламента Республики (1990 – 1995), лауреат Президентской премии единства и духовного согласия (1993), директор Института государства и права АН РК (1958 – 1969). В настоящее время – член Президиума Национальной академии наук республики. Ректор университета;

М.Т. Баймаханов, академик АН РК, доктор юридических наук, профессор, председатель Конституционного суда республики (1993 – 1995), зав. исследовательским отделом Казахской государственной юридической академии;

Г.С. Сапаргалиев, член-корреспондент АН РК, доктор юридических наук, ныне – член Высшего судебного совета при Президенте республики, директор Института государства и права;

А.Е. Еренов, член-корреспондент АН РК, доктор юридических наук, заведующий отделом Института государства и права АН РК;

З.Ж. Кенжалиев, доктор юридических наук, зав. отделом Института государства и права АН РК;

Е.К. Нурпеисов, профессор, депутат Парламента РК (1997 – 1998), советник председателя Сената Парламента РК (с 1999 г.).

3. Университет располагает добротной учебной базой – зданием в центре Алматы, по пр. Абая, 26а, общей площадью 12 926 кв. м.

Здание используется для размещения в нем учебной, научной, административной и хозяйственной инфраструктуры университета, составляющей его базовую основу для осуществления образовательной деятельности.

4. В университете имеются четыре факультета и два колледжа.

Факультеты: юридический,
                                  финансово-экономический,
                                  истории и археологии,
                                  иностранных языков.

Колледжи: юридический,
                                  финансово-экономический.

5. В университете созданы и работают семь кафедр, число которых увеличится с начала нового, 2000/01, учебного года:

– кафедра конституционного права и государственного управления;

– кафедра теории и истории государства и права;

– кафедра гражданского права и трудового права;

– кафедра уголовного права и криминалистики;

– кафедра информационной технологии;

– кафедра экономики и финансов;

– кафедра государственного языка и иностранных языков;

6. Профессорско-преподавательский состав университета по состоянию на 15.07.2000 г.:

– членов Национальной академии наук РК (академиков и членов-корреспондентов) – 4

– докторов наук и профессоров – 11

– кандидатов наук и доцентов – 14

– магистров права – 5

– преподавателей штатных и совместители – 12.

Итого: 46 человек.

Среди них известные исследователи и авторы учебников.

Число студентов на 01.07.2000 г. составляет 1899 человек.

Число студентов с сентября 2000 года, по предварительным данным, увеличится еще на 400-500 человек в связи с открытием трех новых факультетов и двух колледжей.

7. Образовательная деятельность университета сориентирована на его превращение в престижное высшее учебное заведение в республике и в один из центров университетской науки.

8. Университету предоставлено право подготовки аспирантов и докторантов по специальностям:

12.00.01. – теория государства и права; история государства и права; история политических и правовых учений;

12.00.02. – конституционное право; государственное управление; административное право; муниципальное право (решение ВАК РК от 20 мая 1999 г. № В-07-07/34-0228).

9. При университете создан научно-исследовательский центр, объединяющий разработчиков-преподавателей по четырем исследовательским проектам, в том числе по подготовке фундаментального труда «Древний мир права казахов» в 10 томах. Первый том сдан в печать в этом году.

Университет имеет договоры о сотрудничестве с институтами Академии наук: с Институтом государства и права, Институтом экономики, а также с Казахской государственной академией управления.

Университет имеет выход в Интернет, электронный каталог законодательных актов Республики Казахстан и ряда государств СНГ, располагает библиотекой с книжным фондом 80 000 единиц.

Подготовка специалистов по профилям, обеспеченным лицензиями на образовательную деятельность, осуществляется по международным стандартам и новой технологии в дневных (стационарных), заочных и вечерних отделениях, а также по сокращенным срокам обучения (для лиц, имеющих высшее образование), а также в четырех филиалах (в Актау, Атырау, Актобе, Кзыл-Орде).

Об уровне и содержании образовательной деятельности университета в одной из сфер высшего образования – правоведении – можно судить по основным этапам программы

«Модель подготовки юриста XXI века», одобренным ученым советом Университета 16.07.1999 г. (протокол № 2):

а) подготовка будущих юристов, соединяющих в себе знание профессионала и патриотизм гражданина республики будет проходить в два этапа: первый этап – малая специализация, реализуемая на 1 и 2 курсах; второй этап – большая специализация, реализуемая на старших – 3 и 4 курсах;

б) профилирующие юридические специальные учебные предметы (уголовное право, гражданское право, предметы специализации, теория права и государства) студенты изучают дважды: на первых курсах – как учебные предметы, на старших – как проблемные курсы;

в) соединение достижений правовой науки и других гуманитарных наук с высшим правовым образованием, т. е. соединение науки и высшего образования;

г) «экономизация» высшего правового образования: студенты должны овладеть «малым базовым» экономическим образованием, в особенности в области финансово-кредитных отношений;

д) интенсивная языковая подготовка с тем, чтобы студенты дневной формы обучения с 3 курса могли удовлетворительно воспринимать, слушать и разговаривать на трех языках: на казахском, русском и английском;

е) «компьютеризация» высшего юридического образования: студенты должны уметь применять компьютерную технику в различных сферах юридической службы в качестве программной модели юридических казусов и источников информации;

ж) целенаправленная идейная подготовка будущего юриста – профессионала с целью внедрения убеждения о том, что профессиональная деятельность юриста подчинена утверждению в общественных отношениях «гражданственности в праве», «человечности законных требований»;

з) во всех правовых учебных курсах особое внимание обращать на три основных категориальных понятия права: правовая норма, реализация права и законность.

10. С 2000/01 учебного года (согласовано с бывшим министром В.С. Школьником) будут функционировать специальные

группы для желающих получить второе высшее юридическое образование:

– для лиц с основным высшим физико-математическим образованием для получения второго высшего образования по специальностям «ядерное право» (15-20 чел.), «космическое право» (15-20 чел.);

– для лиц с высшим биологическим, аграрным и медицинским образованием для получения второго высшего образования по специальности «юрист-эколог».

Они обучаются на дневном отделении по особому графику (с 15.00 до 19.00 четыре раза в неделю, включая субботу). Такой режим обучения дает возможность получить дополнительное высшее юридическое образование без отрыва от основного места работы (по договоренности с работодателем).

Приобретение учебного здания по пр. Абая, 26а, в дальнейшем в собственность Казахского академического университета послужит серьезной поддержкой и стимулом для развития высшего образования в рамках Казахского академического университета.

*Ректор университета,
академик НАН РК С. Зиманов.*

**2.3. Записка «О научной работе Казахского
академического университета за 1999-2001 годы»
(направлена в Министерство образования и науки
5 февраля 2002 г.)**

1. Университет готовит фундаментальный труд «Қазақтың ата заңдары – Древний мир права казахов» в 10 томах. Начало работы - 1998 год, окончание - 2008 год. Для его подготовки привлечены ведущие ученые юристы, историки, востоковеды, филологи республики.

Руководитель программы и авторского состава академик АН РК – С. Зиманов (ректор университета).

1-й том издан в 2001 году (35 п. л.); 2-й том передан в печать; 3-й и 4-й тома будут завершены в 2002 году.

2. Ученые университета являются руководителями шести проектов программ фундаментальных исследований в области права (из 11), утвержденных Министерством образования и науки РК на 2000 – 2002 годы. Они следующие:

1.2. «Проблемы конституционной реформы в Республике Казахстан». Руководитель – академик С. Зиманов, ректор университета.

2.2. «Правовые проблемы государственной службы в суверенном Казахстане». Руководитель – Г.С. Сапарғалиев, член-корреспондент АН РК, д.ю.н.

3.2. «Функции профессионального государства в условиях Казахстана». Руководитель – академик М.Т. Баймаханов, учредитель университета.

4.2. «Теоретические и практические проблемы совершенствования законодательства об иностранных инвестициях в РК». Руководитель – К.С. Мауленов, д.ю.н., первый проректор университета.

5.2. «Совершенствование правовых основ охраны окружающей среды». Руководитель – член-корреспондент АН РК, д.ю.н. А.Е. Еренов (один из учредителей университета).

6.2. «Традиционная государственная власть в казахском

обществе». Руководитель – З.Ж. Кенжалиев, д.ю.н., один из учредителей университета.

3. За 1996 – 2001 годы сотрудниками университета или под их руководством опубликован ряд монографий и учебников для вузов. Среди них:

1.3. «Конституция и Парламент Республики Казахстан» (Зиманов С.З., 1996, 18 п. л.)

2.3. «Теория и практика автономизации в СССР» (Зиманов С.З., 1998, 11 п. л.)

3.3. «Государственное управление и правовое регулирование в сфере иностранных инвестиций» (Мауленов К.С., 2000, 18 п. л.)

4.3. «Конституционное право Республики Казахстан». Учебник для вузов на русском и казахском языках (под ред. и в соавторстве с Г.С. Сапаргалиевым, 20 п. л.)

5.3. «Гражданское право Республики Казахстан» (д.ю.н. Мауленов К.С, коллектив авторов).

6.3. «Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Казахстан (особенная часть)» (д.ю.н. Тулеугалиев Г.Я, коллектив авторов, 15 п. л.)

7.3. «Уголовное право Республики Казахстан» (д.ю.н. Чукмаитов Д.С., коллектив авторов)

8.3 «Правовые проблемы унитаризма в Республике Казахстан» (д.ю.н., Сапаргалиев Г.С., 8 п. л.)

9.3 «Проблемы конституционной ответственности» (д.ю.н. Сапаргалиев Г.С., к.ю.н. Салимбаева Г. Ч., 6 п. л.)

4. По результатам научных исследований внесен ряд предложений и рекомендаций в центральные органы республики по проблемам укрепления законности деятельности органов власти и государственного управления.

Среди них наиболее важными являются записки, поданные Президенту республики в 2001 году, а именно:

1.4. «О постепенном переходе от административно-политического режима к интеллектуально-политическому режиму».

2.4. «О проведении массовых мероприятий по укреплению законности и принятии Указа «О соблюдении законности».

3.4. «О необходимости поэтапного внесения изменений и дополнений в Конституцию».

4.4. «О функциональной реорганизации Прокуратуры РК».

5.4. «О поднятии статуса государственного языка – казахского языка».

Эти записки были рассмотрены Президентом РК Н.А. Назарбаевым, и он дал следующее указание:

*С. Қалмырзаевқа, А. Сәрсембаевқа,
Б. Мұхамеджановқа, И. Роговқа,*

Көтерілген мәселелерді жан-жақты қарап қандай іс-шараларды жүзеге асыруға болатынын анықтап, нәтижесін маған баяндаңыздар (5 хат). 22 мамыр 2001 ж.

5. Ученые университета в 1999-2001 годах участвовали в разработке важнейших государственных концепций республики (доктора юридических наук С.З. Зиманов, Г.С. Сапарғалиев, М.Т. Баймаханов, К.С. Мауленов, З.Ж. Кенжалиев).

1.5 Концепция правовой политики до 2010 года.

2.5. Концепция развития науки в Республике Казахстан до 2005 года.

3.5. Концепция развития конституционного законодательства.

4.5. Концепция судебной реформы.

6. Ученые университета (С. Зиманов, Г. Сапарғалиев, К.С. Мауленов, Л. Жанузакова) приняли участие в числе ведущих составителей и экспертов в разработке проектов следующих законов, большинство из которых были приняты в 1999 – 2001 гг. Парламентом республики:

6.1. Проект Закона о науке. Принят.

6.2 Проект Закона о внесении изменений в Закон о недрах и недропользовании. Принят.

6.3 Проект Закона об административных процедурах. Принят.

6.4. Проект Закона об инвестициях. Принят.

6.5. Проект Закона об охране и охранной деятельности. Принят.

6.6. Проект Закона о нормативно-правовых актах. Принят.

6.7. Проект Закона об учреждениях.

6.8. Проект Кодекса об административных правонарушениях. Принят.

6.9. Проект Закона о местном государственном управлении.

6.10. Проект Закона о местном самоуправлении.

7. Международные и национальные обсуждения (конференции, семинары), организатором или одним из организаторов которых был университет в 1999 – 2001 годы.

1.7. В 2000 – 2001 г. университет совместно с Верховным судом республики разрабатывал важную тему «Суды и их роль в укреплении государственной независимости», посвященную 10-летию Республики Казахстан. По итогам прошла Международная научно-практическая конференция в г. Астане 15-16 марта 2001 г. с участием видных ученых Российской Федерации, Украины, Армении и Прибалтики. Ее материалы опубликованы в виде отдельной книги. (Астана, 2001. 18 п. л.). В нее вошли следующие доклады и выступления сотрудников университета:

– «Независимость судьи – фундаментальный принцип правосудия» (доклад, Зиманов С.З.);

– «Нормативные постановления Верховного суда как источник действующего права Республики Казахстан» (Сапарғалиев Г.С.);

– «Суд и его место в антикоррупционной борьбе» (Чукмаитов Д.С.);

– «Юридическая и судебная защита инвесторов» (Мауленов К.С.).

2.7. Международный семинар «Инвестиционное право стран Европейского сообщества и Казахстана», совместно с Испанским посольством (Алматы, 2000).

3.7. Международный семинар «Проблемы реформирования правоохранительной деятельности и судебной системы в Казахстане» совместно с Х. Шерфом, бургомистром Федеральной земли, Бремен (Германия), сенатором по вопросам юстиции и профессором Р. Книпером Бременского Университета, Германия (Алматы, 2001).

4.7. Международная научно-практическая конференция совместно с акиматом Атырауской области и Академией наук РК «Прогресс, демократия и государственная независимость Республики Казахстан» (г. Атырау, 18-19.09.2001). На ней с докладами выступили российские и казахстанские ученые, практики.

8. Начиная с 2001 г. введены профессорские чтения преподавателей для студентов старших курсов по актуальным проблемам государства и права. Доступ свободен и для других лиц:

1.8. «Государственный суверенитет Республики Казахстан: состояние и проблемы» (д.ю.н. С.З. Зиманов. Март, 2001).

2.8. «Сравнительный и проблемный анализ конституционного права Республики Казахстан» (д.ю.н. Г. Сапаргалиев. Апрель, 2001).

3.8. «Казахстанская традиционная культура и проблема мудрости» (д.философ.н. К. Нурланова. Сентябрь, 2001).

9. Профессорско-преподавательским составом в 1999 – 2001 гг. опубликовано 78 научных и научно-популярных статей.

*Ректор университета,
академик АН РК С. Зиманов.*

2.4. Письмо-запрос заместителю Премьер-министра Республики Казахстан г-ну Б.А. Мухамеджанову о переходе университета к преимущественной подготовке студентов по договорам с Национальной Компанией «КазМунайГаз» и с органами судебной системы от 10.02.2003 г.

Уважаемый Бауржан Алимович!

Представляя и зная неудовлетворительную и поточную массовость подготовки в вузах молодых кадров по гуманитарным специальностям – юристов, экономистов, финансистов и др. и их не востребованность практикой, сознавая безотлагательную необходимость изменения и даже реформирования форм и стиля высшего образования по указанным специальностям, Казахский академический университет разработал и внедряет новые формы подготовки кадров по указанным специальностям. Суть этих нововведений заключается в максимальном приближении подготовки студентов к запросам и интересам сферы экономического, социального и государственного строительства в республике.

Движимые указанными целями, мы ознакомились с состоянием и качеством кадровой обеспеченности в системе органов судебной власти и других органов юстиции, а также в нефтегазовом секторе экономики республики. В процессе установления деловых связей и совместных обсуждений Казахский академический университет заключил договор с Институтом подготовки и повышения квалификации судей и работников судебной системы при Верховном суде республики, а также подписал Меморандум с президентом Национальной Компании ЗАО «КазМунайГаз» о тесном сотрудничестве и взаимоотношениях в области подготовки нового поколения молодых кадров с сориентированными знаниями, дающими им возможность эффективно работать в этих отраслях. Согласовано создание факультетов: факультета правосудия, финансово-экономического факультета нефти, юридического факультета нефти. Одобрены условия и порядок приема студентов, а также

других контактных документов с участием представителей органов судебной власти и Национальной Компании «КазМунайГаз».

Уважаемый заместитель Премьер-министра, подобные новации, хотя они направлены на усовершенствование и существенное улучшение системы подготовки специалистов – юристов, экономистов, финансистов с учетом запросов на них и их востребованности практикой, не всегда будут находить понимание, а тем более оперативной поддержки со стороны чиновничьих органов управления. Личная Ваша поддержка в этом деле весьма нужна. На нее я и надеюсь. Я обращаюсь к Вам со следующими предложениями:

1. Поддержать инициативу и конкретные действия Казахского академического университета по установлению тесных связей с органами судебной власти, а также с Национальной Компанией «КазМунайГаз» в области подготовки специалистов с университетским образованием с целевой ориентацией их последующего использования в системе судебной власти и нефтегазовом секторе экономики республики.

2. Дать указание Министерству образования и науки республики одобрить и поддержать идеи и действия Казахского академического университета, а также об оперативном рассмотрении экспериментальных учебных планов и программ, разработанных Казахским академическим университетом на 2003/04 учебный год.

3. Разрешить Казахскому академическому университету самому осуществлять прием студентов на первый курс по условиям Министерства образования и науки, а также по правилам, принятым совместно с заинтересованными органами.

Прошу Вас взять под свой контроль реализацию идей и действий Казахского академического университета, имея в виду важность проводимой им новации и то, что новое приходится внедрять с большим трудом.

Приложение

1. Договор с Институтом Верховного суда РК.
2. Меморандум, подписанный с президентом ЗАО «КазМунайГаз».
3. Условия приема студентов на факультет правосудия.
4. Условия приема студентов на факультеты – финансово-экономический факультет нефти, юридический факультет нефти.

*С уважением
ректор университета,
академик НАН РК С.Зиманов.*

**2.5. Ответ Министерства образования
и науки Республики Казахстан
от 11.03.2003**

Департамент высшего и послевузовского профессионального образования, рассмотрев Ваши предложения по совершенствованию подготовки кадров по гуманитарным специальностям, сообщает следующее.

1. В соответствии с п. 1 ст. 14 Закона Республики Казахстан «Об образовании» вуз организует учебный процесс самостоятельно, а также социальное партнерство с работодателями. Поэтому Вы можете самостоятельно заключить договор с Институтом повышения квалификации судей и работников судебной системы при Верховном суде Республики Казахстан и с Национальной Компанией «КазМунайГаз» для подготовки высококвалифицированных кадров.

2. В соответствии с п. 8 ст. 18 Закона Республики Казахстан «Об образовании» разработаны Правила о порядке разработки, апробации и внедрения образовательных программ, реализуемых в режиме эксперимента организации образования (приказ Министерства образования и науки № 240 от 10 апреля 2001 года).

Правила предоставляют возможность реализовывать свои программы как экспериментальные, о чем необходимо внести письменные заявки в Министерство образования и науки Республики Казахстан, согласно п. 8 раздела 2 данных Правил.

3. В соответствии со ст. 13 Закона Республики Казахстан «Об образовании» прием студентов в высшие учебные заведения Республики Казахстан осуществляется в соответствии с Типовыми правилами приема в высшие учебные заведения Республики Казахстан, которые обязательны для всех высших учебных заведений, независимо от форм собственности.

*Директор Департамента
Б. Абдрасилов.*

**2.6. Первому вице-президенту
Национальной Компании НК «КазМунайГаз»
г-ну Т.А. Кулибаеву
от 26.11.2002 г.**

Уважаемый Тимур Аскаревич!

Казахский академический университет (неправительственный), располагающий потенциалом высококвалифицированных ученых, в особенности в области юриспруденции (учрежден шестью профессорами права, из них четверо – члены НАН РК), кафедрой информационной технологии (в ней работают три доктора физико-математических и технических наук) и кафедрой иностранных языков (английский и испанский языки) предлагает Национальной компании «КазМунайГаз» ряд целевых услуг, которые, по нашему мнению, в краткосрочном и долгосрочном планах могли бы принести пользу и служить интересам обеспечения качества деловой и производственной репутации компании.

Эти наши услуги могли бы охватить следующие сферы деятельности:

– область исследовательской работы – национальные и мировые стандарты правового регулирования и управления в системе нефтегазовой промышленности, проблемы контрактного права и контрактных отношений, формы и рамки изменения и пересмотра условий контрактов, инвестиционное право и системы льгот и преференции, представленных иностранным и национальным инвесторам, проблемы налогообложения и распределения продуктов и др.;

– организация национальных и международных научных, научно-практических конференций по актуальным проблемам нефтегазовой промышленности республики;

– целевая послевузовская подготовка по специализациям: юрист по национальному и международному контрактному праву, юрист по коллизиям и спорам (административным, арбитражным, досудебным и судебным), юрист-экономист, юрист-эколог, юрист-финансист.

Они будут готовиться на базе профессионального высшего образования как для получения второго диплома высшего образования, так и в магистратуре;

– область целенаправленной вузовской подготовки специалистов – юристов, экономистов, финансистов со знанием английского, испанского и арабского языков (одного из них), международного права и законодательства основных нефтедобывающих государств.

Университет располагает учебным корпусом в центре города площадью 12 500 кв. м, земельным участком около 1,0 га, общежитием и учебно-научно-производственной инфраструктурой. В нем работает 12 профессоров и докторов наук. Университет имеет лицензию на подготовку специалистов с высшим профессиональным образованием по юриспруденции, экономике, финансам и кредитам, переводчиков и преподавателей по английскому и испанскому языкам.

Преимущество университета состоит в том, что его руководство находится в тесном контакте с научно-исследовательскими институтами НАН РК, в том числе с техническими, социально-экономическими.

Университет хотел бы установить более тесный контакт с Национальной Компанией «КазМунайГаз» в исследовательских и образовательных областях, стать в перспективе ее партнером, возможно, даже одной из ее опорных баз.

Наши отношения с Национальной Компанией при взаимном стремлении могли бы строиться на договорных условиях. Конкретные формы, в том числе организационные, и условия этих отношений могут быть рассмотрены и определены, исходя из интересов обеих сторон.

*С уважением
ректор университета,
академик НАН РК С. Зиманов.*

2.7. Меморандум «О взаимоотношениях между Национальной Компанией ЗАО «КазМунайГаз» и Казахским академическим университетом»

г. Астана

18 января 2003 г.

Стремясь наладить и провести совместные комплексные исследовательские работы по актуальным правовым и финансово-экономическим проблемам нефтегазовой отрасли экономики Республики Казахстан, в том числе по совершенствованию нормативной правовой базы, а также желая способствовать подготовке нового поколения специалистов - юристов, финансистов и экономистов с университетским образованием на уровне современных требований и международных стандартов с ориентацией на их последующее трудовое использование в системе нефтегазовой отрасли, мы намерены строить наши взаимоотношения на следующих условиях:

1. Национальная Компания «КазМунайГаз» заинтересована в использовании научного потенциала Казахского академического университета для совместной разработки ряда исследовательских проектов, связанных с анализом национальных и мировых стандартов управления и нормативно-правового регулирования отношений в нефтегазовом секторе экономики, имеющих важное значение в деле рационального и эффективного использования минеральных ресурсов Республики Казахстан.

2. Казахский академический университет намерен скорректировать профиль, направления и учебные планы подготовки студентов на юридическом и финансово-экономическом факультетах таким образом, чтобы они были приближены к потребностям и решаемым задачам нефтегазовой отрасли экономики Казахстана и отвечали современным требованиям и стандартам высшего образования.

3. Национальная Компания «КазМунайГаз» рекомендует, а Казахский академический университет считает возможным, чтобы студенты за период обучения основной специальности также овладели одним из иностранных языков (английским или испанским) и государственным казахским языком.

4. Факультеты университета: юридический и финансово-экономический, сориентированные на подготовку специалистов в основном для работы в системе нефтегазовой отрасли, будут пользоваться поддержкой со стороны Национальной Компании «КазМунайГаз».

5. Национальная Компания «КазМунайГаз» со своими дочерними организациями намерена, в интересах полноценной подготовки специалистов, участвовать:

– в наборе и отборе абитуриентов для поступления в Казахский академический университет;

– в проведении производственной практики студентов в организациях своей системы;

– в укреплении учебно-производственной и материально-технической базы университета;

– в установлении тесной связи между трудовыми коллективами сторон по подготовке и повышению квалификации производственников по профилю университета, по приему при необходимости аспирантов и преподавателей на стажировку в группу компаний.

6. Обе стороны будут работать в направлении установления тесных партнерских отношений.

7. Намерения, изложенные в настоящем Меморандуме, могут реализовываться непосредственно после подписания сторонами настоящего Меморандума, а также путем заключения дополнительных соглашений в соответствии с законодательством на осуществление определенных действий или видов работ.

*Президент Национальной
компании ЗАО «КазМунайГаз»
Л. Кишов*

*Ректор Казахского
академического университета
С. Зиманов*

**2.8. Письмо Президенту национальной компании
«КазМунайГаз» г-ну Л.К. Киинову
от 05.02.2003 г.**

Сообщаю, что в порядке реализации условий Меморандума № 8 от 18 января 2003 года, подписанного Вами и Казахским академическим университетом о наших взаимоотношениях, университетом проведены следующие мероприятия:

- созданы два новых факультета – финансово-экономический факультет нефти и юридический факультет нефти;
- разработаны условия и порядок приема студентов на эти факультеты с участием дочерних и аффилированных предприятий «КазМунайГаза». Они согласованы в соответствующих департаментах Вашего ведомства;
- создан научно-исследовательский центр законодательства и проблем нефти. Начато исследование некоторых проблем, связанных с нефтегазовым сектором экономики республики;
- осуществляются адаптация старых и создание новых подразделений инфраструктуры университета.

Вместе с тем университет ощущает известный недостаток своих материальных и финансовых возможностей в приобретении приборов и оборудования для целевой организации учебного процесса.

Прошу Вас рассмотреть возможность передачи университету части информационной техники, приборов и оборудования (в том числе мебели) ликвидируемых предприятий и организаций Вашего ведомства в виде спонсорской помощи университету или по остаточной стоимости.

*С уважением
ректор университета,
академик НАН РК С. Зиманов.*

2.9. Договор Казахского академического университета с Институтом повышения квалификации судей и работников судебной системы при Верховном суде Республики Казахстан о совместной подготовке кадров

Договор о сотрудничестве и взаимоотношениях

г. Алматы

14 января 2003 г.

Заключен между Казахским академическим университетом в лице его ректора, академика НАН РК Салыка Зимановича Зиманова, действующего на основе Устава университета, именуемого в дальнейшем «Университет», с одной стороны, и Институтом повышения квалификации судей и работников судебной системы при Верховном суде Республики Казахстан в лице его ректора Тамаса Калмуханбетовича Айтмухамбетова, действующего на основании Устава института, именуемого в дальнейшем «Институт», с другой стороны, о нижеследующем.

1. Цель договора

1.1. Подготовка нового поколения кадров по специальности «юриспруденция» с глубоким университетским образованием, со знанием одного из иностранных языков (английского или немецкого), овладевших государственным языком (казахским), духовно воспитанных, с охватом молодежи сельских районов, для дальнейшей работы в системе органов судебной власти республики.

1.2. Объединение усилий и возможностей двух учреждений в ранге высших учебных заведений – «Университета» и «Института» по направленной подготовке кадров – юристов высшей квалификации по специальной программе и на основе современных методов, передовых мировых стандартов, а также по оснащению учебного процесса необходимыми техническими, информационными приборами и средствами.

1.3. Обучение в Университете платное. Размер оплаты определяется соответственно нормативам, установленным Ми-

нистерством образования и науки, а также с учетом покрытия расходов обучения студентов.

2. Предмет договора

2.1. Об организации в Казахском академическом университете специального учебного подразделения – «факультет правосудия» – для подготовки юристов с высшим профессиональным образованием по специальной учебной программе для работы в основном в системе органов судебной власти республики.

2.2. Об организации в структуре факультета правосудия отделений: казахско-английского, казахско-немецкого и казахско-русского, состоящих из групп, в каждой из которых до 15 студентов. Общая численность студентов факультета ограничивается в пределах до 80 человек.

2.3. Об участии каждой из сторон в подготовке специалистов и в создании надлежащих материальных, производственных, технических условий для их качественного обучения.

3. Обязанности Университета

3.1. В рамках специальности «юриспруденция» организует факультет правосудия с задачами, указанными в первом разделе настоящего договора.

3.2. Университет предоставляет в распоряжение факультета правосудия свое учебное здание в центре г. Алматы, площадью 12 300 кв. м, имеющиеся в нем оснащенные учебные классы и аудитории (компьютерные, Интернет, специально-технические), большие и малые актовые залы, вместимостью от 50 до 450 посадочных мест, а также инфраструктуру обслуживания.

3.3. Обеспечивает с участием Института надлежащий набор студентов и уровень подготовки специалистов.

3.4. Организует силами профессорско-преподавательского состава, кафедр и ректората учебный процесс на факультете правосудия, в соответствии с целями и условиями подготовки в нем специалистов с высшим профессиональным образованием.

3.5. Обучение студентов факультета проводит на трех отделениях: казахско-английском, казахско-немецком, казахско-русском.

3.6. Обеспечивает иногородних студентов имеющимся общежитием и принимает меры, совместно с Институтом, по его благоустройству.

3.7. Организует внеучебную коллективную (групповую) и индивидуальную подготовку студентов, привлекает в научные, культурно-массовые, спортивные секции и кружки.

3.8. Создает условия для сочетания подготовки студентов в учебных аудиториях и для их работы в исследовательских центрах (группах) Университета.

3.9. Совместно с Институтом разрабатывает специальные учебные планы и стандарты для факультета правосудия.

3.10. Проводит весь комплекс работ, связанных с обучением и подготовкой студентов факультета.

4. Обязанности Института

4.1. Организует предварительный набор студентов из числа абитуриентов через местные органы судебного администрирования по квотам и условиям, согласованным сторонами. Одну четвертую их часть набирает Университет.

4.2. Учреждает представителя при Университете.

4.3. Принимает участие в организации и проведении вступительных экзаменов для кандидатов в студенты факультета правосудия, проводимых в областных центрах и в Университете, в г. Алматы.

4.4. Основными критериями для кандидатов в студенты являются: наличие прилежной подготовки (в том числе обязательно по иностранному языку), моральная чистоплотность и платежеспособность (обучение платное).

4.5. Участвует средствами в переоборудовании и оснащении специальных учебных классов, в укреплении учебной и бытовой инфраструктуры Университета.

4.6. Содействует в планировании и надлежащей организации учебного процесса.

4.7. Планирует и организует прохождение студентами факультета производственной практики в судах.

4.8. Систематически привлекает для чтения лекций и проведения практических занятий опытных работников судебных органов.

4.9. Содействует установлению Университета тесной связи с иностранными представительствами в Казахстане (правительственными и неправительственными) с целью оказания поддержки в подготовке студентов в казахско-английском, казахско-немецком, казахско-русском классах.

4.10. Участвует в решении вопроса о предоставлении иногородним студентам факультета благоустроенного общежития.

5. Заключительные положения

5.1. Ни одна из сторон не может отказаться от договора в целом в течение периода подготовки студентов на факультете правосудия и до их выпуска.

5.2. Разногласия и споры будут решаться на основе взаимных обсуждений и согласительных процедур.

5.3. Ход, состояние и годовые итоги подготовки студентов на факультете обсуждаются на объединенных заседаниях представителей сторон.

Юридические реквизиты и подписи сторон

Казахский академический
университет
Ректор Университета

Институт повышения
квалификация судей
и работников
судебной системы
при Верховном суде РК,
Ректор Института

С. Зиманов.

Т. Айтмухамбетов.

**2.10. О подготовке к новому, 2003/04, учебному году
в связи изменением структуры университета
и введением новых правил приема студентов
от 04.01.2003 г.**

Об изменениях в структуре университета

На основании решения Ученого совета университета от 19 декабря 2002 года внести следующие изменения в структуру университета.

1. На базе существующих факультетов правоведения и финансово-экономического создать целевые факультеты: факультет правосудия, юридический факультет нефти и финансово-экономический факультет нефти.

Факультет правосудия создается с участием Института по подготовке и повышению квалификации судей и работников суда при Верховном суде Республики. Структура факультета: казахско-английская группа - 2, казахско-немецкая группа - 1, казахско-русская группа - 1.

Юридический факультет нефти создается при поддержке Национальной компании ЗАО «КазМунайГаз». Структура факультета: казахско-английская группа - 3, казахско-русская группа - 1.

Финансово-экономический факультет нефти создается при поддержке Национальной Компании ЗАО «КазМунайГаз». Структура факультета: казахско-английская группа - 3, казахско-русская группа - 2.

2. Утвердить следующий план основных подготовительных мероприятий к приему студентов на указанные факультеты в 2003/04 учебном году:

2.1. разработать, согласовать и утвердить условия приема студентов на факультеты (С.З. Зиманов, к 01.02.2003 г.);

2.2. пересмотреть структуры кафедр и деканатов факультетов (С.З. Зиманов, к 01.02.2003 г.);

2.3. пересоставить, подготовить программы, учебные планы факультетов, согласовать их в Министерстве образования и науки (Е.К. Нурпеисов, Л.И. Пархоменко, к 10.02.2003 г.);

2.4. составить конкретный план изменения профилей

существующих факультетов и состоявшихся студентов (Е.К. Нурпеисов, к 20.01.2003 г.);

2.5. приступить к постепенному обновлению состава ст. лаборантов, ст. референтов, зав. кабинетами кафедр, знающими английский язык и прошедшими языковую подготовку из среды работников университета (Е.К. Нурпеисов, Л.П. Пархоменко);

2.6. планировать, подготовить библиотечный фонд к новым условиям работы университета, пополнить литературой и изданиями на английском языке (С.Е. Жаубасова);

2.7. заведующим кафедрами:

– ориентировать и увязать планы преподавания учебных предметов, лекционные и семинарские занятия с проблемами нефти;

– приступить к подготовке и подбору преподавательских кадров, могущих вести занятия по специальным предметам на английском языке;

2.8. составить рекламный буклет об университете с новой структурой для массового распространения (Г.Х. Халидуллин, к 15.02.2003 г.);

2.9. переоформить рекламные наружные доски (Г.Х. Халидуллин, А.К. Оналбаев, к 01.02.2003 г.);

2.10. произвести капремонт и подготовить студенческое общежитие для приема 150 студентов (Б.Ж. Исмагамбетов, к 01.07.2003 г.);

2.11. приступить к оборудованию спортивных залов, комплексов к новому учебному году (Б.Ж. Исмагамбетов, Д.З. Бейсенов, с 01.02.2003 г.);

2.12. подготовить штатное расписание и тарифы окладов работников, вводимые в 2003/04 учебном году (С.З. Зиманов);

2.13. повседневный контроль над проведением подготовительных мероприятий к новому учебному году (Е.К. Нурпеисов);

2.14. открыть подготовительные курсы при университете для абитуриентов и штатных работников университета по иностранным языкам и информатике, разработать о них положения (Е.К. Нурпеисов, Л.П. Пархоменко);

2.15. составить и провести в жизнь план рекламы Университета в новом состоянии в г. Алматы и в областных центрах (Е.К. Нурпеисов, Г.Х. Халидуллин, Л.П. Пархоменко).

3. Довести до сведения профессорско-преподавательского состава, всех сотрудников университета о том, что изменения, происходящие в структуре и в режиме работы университета, предъявляют новые, повышенные требования к их профессиональной деятельности и нравственным нормам.

4. Контроль за исполнением данного приказа оставляю за собой.

*Ректор университета,
академик НАН РК С. Зиманов.*

**2.11. Условия приема студентов на факультет правосудия
Казахского академического университета
в 2003/04 учебном году**

**Одобрены ученым советом университета
и Институтом повышения квалификации судей
и работников судебной системы
при Верховном Суде РК.
20 января 2003 г.**

1. Факультет правосудия создан по соглашению между Казахским академическим университетом и Институтом повышения квалификации судей и работников судебной системы при Верховном суде Республики Казахстан.

2. Факультет правосудия имеет задачу – подготовка нового поколения кадров по специальности «юриспруденция» с глубоким университетским образованием, со знанием иностранных языков (английского или немецкого), овладевших государственным казахским языком, духовно воспитанных и зрелых, для дальнейшей работы в системе органов судебной системы республики.

3. Факультет состоит из казахско-английского отделения (три группы), казахско-немецкого (две группы) и казахско-русского отделения (две группы). На казахско-русском отделении обращается внимание на овладение студентами и английским языком.

4. Прием студентов из числа абитуриентов проводится в двух формах: по направлениям, выдаваемым областными органами судебного администрирования (70%) и непосредственно университетом (30%). Абитуриенты с направлениями пользуются определенным преимуществом.

5. Принимаются на факультет правосудия лица со средним образованием: со знанием английского языка (казахско-английское отделение), немецкого (казахско-немецкое отделение), русского языка (казахско-русское отделение) и во всех отделениях – государственного языка в объеме средней школы. Сертификатам о прохождении курса по иностранным языкам по профилю дается предпочтение.

6. Основными критериями для кандидатов в студенты являются: наличие прилежной подготовки (в том числе обязательно по иностранному языку), моральная чистоплотность и платежеспособность (обучение платное).

7. Вступительные экзамены проводятся в порядке, установленном Министерством образования и науки РК, в региональных центрах тестирования, а также в университете (г. Алматы) с 5 по 15 августа. Зачисление в студенты состоится с 15 по 20 августа. Владельцы гранта или кредита с направлениями (что желательно) и без них зачисляются в студенты в первую очередь.

8. Контингент студентов ограничен. Обучение платное, в тенге, эквивалентное 1000 условных единиц (долларов США). Университет имеет военную кафедру. Прохождение военной подготовки платное.

9. Иногородние абитуриенты, зачисленные в студенты, обеспечиваются общежитием на общих основаниях.

10. Адрес Казахского академического университета: 480013. Алматы, пр. Абая, 26а. Банковские реквизиты: ОАО Банк «ЦентрКредит», код 719, р/с 800609109, РНН 600400073853, МФО 190501719.

Контактные телефоны:

63-87-51, 69-60-35 (университет),

54-72-47, 54-72-27 (Институт при Верховном суде).

*Ректор Университета,
академик НАН РК С. Зиманов.*

**2.12. Утвержденная квота распределения мест
регионам по приему студентов на факультет
правосудия университета на 2003/04 учебный год
(составлена 22 января 2003 г.)**

Распределение мест студентов на факультет правосудия Казахского Академического университета (г. Алматы) по областям и приравненным к ним регионам республики и направляемых региональными судебными органами.

Структура факультета правосудия

1. Казахско-английское отделение (1 группа)
2. Казахско-немецкое отделение (1 группа)
3. Казахско-русское отделение (2 группа)

Примечание:

1. В таблице приведено количество кандидатов в студенты, прошедших конкурсный отбор
2. Для участия в конкурсе может быть направлено большее количество абитуриентов.

*Ректор университета,
академик НАН РК С.З. Зиманов.*

*Ректор института повышения
квалификации судей
и работников судебной системы
при Верховном суде РК
Т.К. Айтмухамбетов.*

2.13. Условия приема студентов на финансово-экономический факультет нефти и на юридический факультет нефти университета в 2003/04 учебном году (утверждены приказом ректора от 22 января 2003 г.)

Эти два факультета являются специализированными, созданы с участием и при поддержке Национальной Компании «КазМунайГаз».

1. Финансово-экономический факультет нефти и юридический факультет нефти имеют задачу подготовки нового поколения кадров с университетским образованием, с привлечением сельской молодежи, по указанным специальностям, со знанием основ и статуса нефтегазовой отрасли экономики, одного из иностранных языков (английского), овладевших государственным казахским языком, духовно зрелых для дальнейшей работы в системе нефтегазовой промышленности республики.

2. Финансово-экономический факультет нефти состоит из казахско-английского отделения (три группы), казахско-русского отделения (две группы). На казахско-русском отделении обращается внимание и на овладение английским языком.

Юридический факультет нефти состоит из казахско-английского отделения (две группы), казахско-русского отделения (две группы). На казахско-русском отделении обращается внимание на овладение английским языком. В каждой группе по 12-15 студентов.

3. Прием студентов из числа абитуриентов проводится в двух формах: а) по направлениям, выдаваемым региональными, дочерними предприятиями Национальной Компании «КазМунайГаз» (70%) и б) непосредственно университетом (30%). Абитуриенты с направлениями пользуются определенным преимуществом при зачислении в студенты.

5. Принимаются на факультеты лица со средним образованием: с базовым знанием английского языка (казахско-английское отделение), русского языка (казахско-русское отделение) и во всех отделениях – государственного казахского языка в объеме средней школы. Сертификатам о прохождении курса по иностранным языкам по профилю дается предпочтение.

6. Основными критериями для кандидатов в студенты являются наличие надлежащей образовательной подготовки (в том числе обязательно по иностранному языку), прилежность, моральная чистоплотность и платежеспособность (обучение платное).

7. Вступительные экзамены проводятся в порядке, установленном Министерством образования и науки РК в региональных центрах тестирования, а также в университете (г. Алматы) с 15 июля по 15 августа.

Зачисление в студенты состоится с 15 по 20 августа в университете (г. Алматы). Владельцы гранта или кредита с направлениями предприятий «КазМунайГаз» (что желательно) и без этих направлений зачисляются в студенты в первую очередь.

8. Контингент студентов ограничен. Обучение платное в тенге, эквивалентное 850 условных единиц (долларов США) за учебный год. Университет имеет военную кафедру. Прохождение военной подготовки платное.

9. Иногородние студенты обеспечиваются общежитием на общих основаниях.

10. Адрес Казахского академического университета: 480013. Алматы, пр. Абая, 26а. Банковские реквизиты: ОАО «Банк Центр-Кредит», РНН 600400073853, ИИК 800609109, КБЕ 17, БИК 190501719.

Контактные телефоны: в Алматы - 263-87-51, 269-60-35 (Университет), в Астане- 176-131.

*Ректор университета,
академик НАН РК С. Зиманов.*

2.14. Новости вуза – Абитуриент-2003

В Казахском академическом университете с 1 сентября 2003 года работают три новых целевых факультета:

Факультет правосудия создан с участием и при поддержке Института подготовки и повышения квалификации судей при Верховном суде республики. Готовит работников судебной системы. Имеет казахско-английское отделение (две группы), казахско-немецкое отделение (две группы), казахско-русское отделение (две группы).

Финансово-экономический факультет нефти создан при содействии и сотрудничестве с Национальной компанией «КазМунайГаз». Готовит специалистов для работы в нефтегазовой отрасли. Имеет казахско-английское отделение (три группы), казахско-русское отделение (две группы).

Юридический факультет нефти создан при содействии и в сотрудничестве с Национальной Компанией «КазМунайГаз». Готовит кадры для нефтегазовой отрасли. Имеет казахско-английское отделение (две группы), казахско-испанское отделение (одна группа), казахско-русское отделение (две группы).

Факультет иностранных языков готовит специалистов по английскому и испанскому языкам – преподавателей и переводчиков.

Контингент студентов ограничен.

Условия приема:

1. Прием студентов из числа абитуриентов проводится в двух формах: а) по направлениям областных и городских судов (или органов судебного администрирования – по согласованию) – на факультет правосудия, региональных нефтегазовых компаний – на финансово-экономический факультет нефти и на юридический факультет нефти; б) непосредственно университетом (в Алматы).

Абитуриенты с направлениями пользуются определенным преимуществом при зачислении в студенты.

2. Набор и отбор кандидатов в студенты в регионах для оформления направлений в соответствующие факультеты университета, а также прием документов абитуриентов непосредственно в университете (Алматы) проводятся с 15 марта 2003 года.

3. Основными критериями для кандидатов в студенты является наличие прилежной подготовки (в том числе обязательно по иностранному языку), моральная чистоплотность и платежеспособность (обучение платное).

4. Принимаются на факультеты лица со средним образованием со знанием английского языка (казахско-английское отделение), немецкого языка (казахско-немецкое отделение), испанского языка (казахско-испанское отделение), русского языка (казахско-русское отделение) и во всех отделениях – государственного казахского языка в объеме средней школы.

Сертификатам о прохождении курса по иностранному языку по профилю дается предпочтение.

5. Зачисление в студенты состоится с 15 по 20 августа в университете: а) по итогам вступительных экзаменов в центрах тестирования, организованных Министерством образования и науки (путем собеседования), б) по итогам вступительных экзаменов, организованных непосредственно в университете.

Получившие государственные гранты и кредиты зачисляются в первую очередь. Определенным преимуществом пользуются абитуриенты, имеющие направления региональных организаций.

Вниманию абитуриентов!

Университет имеет Договор, заключенный с Институтом повышения квалификации судей при Верховном суде, санкционированный руководством Верховного суда республики от 14 января 2003 г., а также подписанный Меморандум между президентом Национальной Компании «КазМунайГаз» и университетом от 18 января 2003 года о сотрудничестве и взаимоотношениях в области целевой подготовки кадров с университетским образованием.

Указанными соглашениями предусмотрены необходимость рациональной организации подготовки специалистов, прохождение ими широкой производственной практики соответственно в системе органов судебной власти и дочерних и аффилированных предприятиях Национальной Компании «КазМунайГаз», а также их преимущественное трудоустройство в их системах.

Университет имеет связь с рядом университетов России и Европы и намерен еще более ее избирательно расширить в будущем, в частности, начата переписка с крупнейшим нефтяным университетом в г. Данди (Шотландия), Техасским университетом (США).

Университет расположен в центре г. Алматы, имеет свой шестиэтажный учебный корпус площадью более 12 000 кв. м, оборудованные современные общие и специальные классы и аудитории (в том числе компьютерные, Интернет, технические кабинеты самоподготовки, лингофонные, демонстрационные с лазерными проекторами, внутренняя сеть компьютерной информации и др.).

Университет имеет студенческое общежитие в центре города на 200 мест, состоящее из 2- и 3-местных отдельных комнат, с сетью бытового и культурного обслуживания. Оплата общежития умеренная.

По всем вопросам обращайтесь в региональные органы и учреждения судебной власти и «КазМунайГаз», а также в приемную комиссию университета (г. Алматы) по контактными телефонам: 63-87-51, 69-60-35.

Адрес университета: 480013. Алматы, пр. Абая, 26«а». Банковские реквизиты: ОАО «ЦентрКредит банк», РНН 600400073853, ИИК 800609109, Кбе 17, БИК 190501719.

2.15. Постановление общего собрания учредителей о самороспуске Казахского академического университета от 30 августа 2003 года

Присутствовали: С.З. Зиманов, Е.К. Нурпеисов, Г.С. Сапаралиев, А.Е. Еренов, З.Ж. Кенжалиев.

Слушали: доклады – информацию ректора университета, академика С.З. Зиманова, первого проректора Нурпеисова Е.К. о состоянии и перспективе университета, о численности студентов, обучающихся в нем, а также о наборе студентов в 2002/03 и 2003/04 учебных годах. Указывалось о том, что прием студентов на факультеты университета за последние три года неуклонно и резко уменьшался. На основной юридический факультет в 2001 году поступило 76 студентов, из них на дневное отделение только 34. Такое соотношение было в 2002 году – 52 и 16. Большая организационная работа, проведенная ректоратом (заключение договора с Институтом при Верховном суде РК, с Национальной Компанией «КазМунай-Газ» о совместных действиях по набору новых студентов на специализированные факультеты), натолкнулась в последних числах августа на тупиковые трудности. Заказчики (вторые стороны договоров) поставили университет в известность о невозможности продолжения сотрудничества в прежних оговоренных условиях в силу новых негативных обстоятельств, т. е. сообщили о том, что они не могут направлять абитуриентов из регионов и, по сути, аннулируют подписанные ранее соглашения. А число подавших заявления абитуриентов в 2003 г. (на 25 августа) составило 28 человек. Несостоявшийся набор студентов на 2003/04 учебный год делает бесперспективным существованием университета. Причин сложившегося положения несколько. Главное, надежда на договорный набор провалилась. Кроме того, следует указать и на следующие: а) юридических и экономических вузов в республике появилось чрезмерно много; б) была развернута официальная агитация того, что юристов и экономистов среди безработных стало слишком много, поэтому необходимо ограничение подготовки студентов по этим специальностям; в) культивировалось

отрицательное отношение к частным вузам; г) многие частные вузы были лишены права самим принимать новых студентов (введено централизованное комплексное тестирование, проводимое в основном при государственных вузах).

В обсуждении докладов принимали участие ряд учредителей - членов университета (Г.С. Сапаргалиев, З.Ж. Кенжалиев, А. Еренов). Они единодушно, как бы ни было печально, признали необходимость упразднения (самороспуска) университета.

Постановили:

1. При сложившейся ситуации подготовка специалистов по профилю университета («Юриспруденция», «Финансы и кредит», «Иностранные языки», «Археология», «История») не имеет перспективы – упразднение в университете стало неминуемым, с чем учредители согласились.

2. В течение года осуществить самоликвидацию университета как высшего учебного заведения.

3. Поручить ректору университета разработать и осуществить: а) планы перевода и передачи обучающихся студентов в другие вузы, б) приостановить прием новых студентов с 1 сентября 2003 года.

4. Уполномочить ректора университета принять все необходимые меры по планомерному самороспуску университета, по сохранению имущества и оборудования университета, по недопущению финансового банкротства университета.

Подписали учредители университета:

С.З. Зиманов, академик НАН РК

Г.С. Сапаргалиев, член-корреспондент НАН РК

А.Е. Еренов, член-корреспондент НАН РК

Е.К. Нурпеисов, к.ю.н., профессор

З.Ж. Кенжалиев, д.ю.н., профессор

**2.16. Записка министру образования и науки
Республики Казахстан
г-ну Ж. А. Кулекееву
о самоликвидации университета
от 26 сентября 2003 года**

Ставлю Вас в известность о том, что Казахский академический университет (частный) решением Общего собрания его учредителей от 30 августа 2003 года приступил к самоликвидации. Создана ликвидационная комиссия и студенты, состоявшие в университете, переведены в другие вузы с полным соблюдением их прав и интересов.

Причины ликвидации университета приведены в Постановлении его учредителей, которое прилагается.

Процесс ликвидации университета как юридического лица и как учреждения образования с соблюдением законодательства займет определенное время. Намерены его завершить в первом квартале 2004 года, о чем будет сообщено дополнительно.

Приложение: Постановление учредителей университета от 30 августа 2003 года.

*Ректор университета,
академик НАН РК С. Зиманов.*

ГЛАВА II

КАЗАХСКИЙ СУД БИЕВ – ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ

Прошло почти десять лет, как небольшая исследовательская группа под моим руководством занялась более глубоким изучением материалов по казахской средневековой системе права «Жарғы». Ее основные источники составляли обычай и обычно-правовые нормы, ханское законодательство и судебные прецеденты известных биев-судей, признанных общественностью «мудрейшими и справедливыми», потому и возведенных в народном сознании и в реальной жизни в «төбе би» – в «главных биев – судей». Была запланирована подготовка и издание «Қазақтың ата заңдары» – «Древний мир права Казахов» в 10 томах. К концу 2007 г. было издано уже 8 томов, остальные увидят свет в 2008 году. Теперь наступило время, когда нужно придать гласности некоторые основные выводы исследования, которые, по нашему убеждению, представляют интерес не только в Казахстане, но и далеко за его пределами. В первую очередь это относится к судам биев, вообразившим в себя общекультурные ценности.

Суд биев, прозванный русским исследователем-востоковедом А. Словохотовым судом «высокой справедливости», есть продукт сугубо средневекового кочевого общества казахов, внутреннее устройство которого основано на сохранившемся родо-племенном разделении населения. В судах биев воплотились ценности народной демократии и народовластия в более естественных формах. История так распорядилась, чтобы это наиболее рельефно произошло на огромном пространстве Центральной Азии, обжитом казахскими кочевниками.

Это не означает, что казахское кочевое общество жило изолированно от других регионов и этносов Центральной Азии, это указывает лишь на своеобразие, особенности суверенного развития Казахского ханства. Это не означает, что кочевники или часть их совсем не занимались земледелием. Они, кочуя, спорадически занимались незначительным, малым, примитивным земледелием. В той или мере временами посещали город-

ские и торговые центры, в основном для обменных операций продуктами животноводства. При всех этих случаях кочевое скотоводство оставалось безраздельно господствующей формой в цикле жизнеобеспечения казахов.

Суды биев имеют региональные признаки формирования при наличии общих корней в истории тюркоязычных народов Центральной Азии. Когда-то племена и роды, составившие впоследствии казахскую народность, входили в состав империи, ханств и отдельных земель. На каком-то этапе истории эволюция и пути их развития стали разными: одни от недолгого кочевничества переходили к оседлости, обзавелись религией и новой системой управления; другие, избрав основным промыслом захват территорий слабых соседей и войны, оказались под властью самодержцев. А третьи предпочли вести кочевой образ жизни, убегали от власти тиранов и клерикалов, не воспринимали религиозных догм и предписаний, которые исповедовали некоторые семьи правителей и их окружения, осевшие в ставках и поселениях. Они выбрали свободу и народовластие, суверенные права племен и родов, объединенных в союз ханств или большое ханство с конфедеративным устройством.

Именно к землям последней категории относится Казахское ханство с кочевым населением. Бии как должностные лица и как социальная прослойка населения, а также суды биев известны в истории многих регионов Центральной Азии. Они сохранили терминологические корни, указывающие на их генетическую общность, а их территориально-функциональное развитие проходило по-разному, вообрав в себя некоторые первородные качества и элементы. В казахском праве «Жарғы» и в казахских судах биев, отпочковавшихся от общих корней, немало норм и ценностей, унаследованных от своих далеких предков. В этом плане существует преемственная связь в истории народов Центральной Азии.

Казахские бии как носители судебной власти за неординарную деятельность, в которой преобладали нравственные критерии, в записях русских обозревателей Степного края XIX века называются «глашатаями правды» (А. Словохотов), «умными и правдивыми» (И. Крафт), людьми «строгой справедливости»

(И. Козлов), а по роду деятельности «естественными посредниками спорящих сторон». Они формировались и могли исполнять эту миссию в условиях свободы самовыражения, демократии и народовластия, которые были характерны для внутреннего устройства общества казахских кочевников и в Казахских ханствах. Периоды безраздельной их гегемонии и власти в обществе, насчитывающие много веков, прочно отложились в памяти народной, как «Золотой век» законности и порядка (И. Левшин). То, что такое было в истории, да еще на территории громадного региона Центральной Азии, лежащего в основном в стороне от главных путей общений цивилизаций, и то, что оно имеет современное звучание, делает эту проблематику весьма актуальной. Между тем до сих пор бийская судебная система не стала объектом сколько-нибудь заметного исследования, не говоря уже о постановке ее на официальном уровне как научной проблемы. Царское правительство, проводившее нарастающую политику колонизации Казахстана с начала XVIII в., было занято вплоть до Октябрьской революции красных 1917 г. в основном отменой ханской власти и введением новых колониальных систем управления и суда в Степном крае. Убеждаясь в прочной позиции «старых бийских судов», ставшей частью общественного сознания казахов, царское самодержавие активно взялось за упразднение в первую очередь бийских судов «народного толка» и заменой их назначаемыми судами. А Советская власть, исходя из марксистской идеологии «классового подхода» в оценке общественно-политических явлений, объявила биев и бийские суды представителями и органами эксплуататорских классов, угнетающими народ. Тем самым проблема судов биев сама по себе была закрыта.

Представители национальной интеллигенции, жившие во второй половине XIX – начале XX в., среди которых были по-европейски образованные просветители, видные деятели культуры, поэты и писатели, пытались отстоять суды биев как органы, имеющие народническую суть. Они даже в первые годы Советской власти, поверив ее формальным декларациям о народной демократии и социализме, рекомендовали новой власти восстановить суды биев в Казахстане как авторитетные органы «с коммунистическим началом», за что многие из

них кончили жизнь в тюрьмах и ссылках. В годы Советской власти (1917 – 1991) и после ее падения вышла в свет много-томная «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» в нескольких изданиях. В них есть лишь упоминание мимоходом, в нескольких строках об обычном праве казахов, но нет ни слова о бийских судах, тем более о «Золотом веке» порядка и законности в истории Казахстана. В отдельных индивидуальных исследованиях правовое устройство Казахских ханств рассматривалось всецело только в традиционной схеме, в общепознавательных целях в контексте и в рамках обычно-правовой системы «патриархального» казахского общества и ханской государственности.

Понятие «суд биев» в эпоху его общественного признания и расцвета ассоциировался, с одной стороны, с понятием поиска правды в любом конкретном тяжёлом деле и со справедливостью, составляющий основу судебного решения. Бием – судьей мог стать только такой человек, который воспринимал эти идеи не как установки, навязываемые извне, а как естественные нормы должного его поведения. Такое представление вбито в народное сознание и в сознание самих судей. И сколько нужно было веков направленного развития, и через какие стадии общественного трансформации нужно было пройти, чтобы воспитать, вырастить людей с такой идейной ориентацией? Этот вопрос другой, на который ответила история общества кочевников-казахов. С другой стороны, бий – судья должен был овладеть рядом приобретенных качеств, необходимых для реализации целевых идей биевского судопроизводства. К таким качествам относятся: мудрость, красноречие, умение вести диалог с равными себе соперниками, знание обычно-правовых, судебного-прецедентных норм в историческом измерении, а также установленного или введенного ханами законодательства. Все это выступает как исходное начало и инструментарий обеспечения воспроизводства кочевого общества на собственной основе и его внутреннего единства. Бийские суды имеют огромную заслугу в содействии устойчивости казахского кочевого общества и в его невосприимчивости к религиозным идеям и властно-управленческой схеме городской культуры, в которой было мало места народовластию и демократии.

Мы в своих исследованиях, думается, проложили путь к началу будущих научных исканий, имеющих по важности национальное, а также и общекультурное значение. Казахский суд биев – уникальная судебная система – таково наше прогностическое утверждение и перспективное программное направление исследовательских работ, лежащих на плечах и обязанностях нового поколения ученых и энтузиастов. Для обсуждения и обмена мнениями по этой проблематике нами решено совместно с Верховным судом Республики Казахстан организовать Международную научную конференцию в мае 2008 г., где будут изложены некоторые аспекты основных положений исследования.

2.1. Древний мир права казахов и его истоки

В мировых, культурных пластах существует немало явлений, значительных по историческим меркам, но остающихся еще неоткрытыми для широкого обозрения человечества, а следовательно, непознанными и неоцененными по достоинству. Большинство из них затерялись в череде поколений или оказались в стороне от столбовых дорог развития цивилизации и познавательной деятельности нового времени. Однако от этого они не стали менее значительными, менее ценными, хотя бы в историческом плане. Среди них были и цельные социально-культурные пласты, заполнявшие целые эпохи в истории народов и государств, интерес к которым и значение которых все больше возрастают по мере очеловечивания человеческих отношений, вернее, по мере возврата к ценностям изначальной свободы, демократии и, значит, к естественным правам человека, ныне оказавшегося в условиях интенсивной технологизации и отчуждения. Одной из таких культурных ценностей, затерявшихся в пластах истории, является казахское право.

Кочевая цивилизация, если она была, то рельефнее и с большей зрелостью выступала именно в центральноазиатской части Земли, часто именуемой в истории Великой степью. Основной формирующей этнической группой здесь были тюрки и их предки, потому и эту Степь в культурно-этническом смысле называли Тураном или Туркестаном. Казахское право было культурным островком, наследием и продуктом тюркоязычной кочевой цивилизации, утвердившейся на одной ее обширной «свободной» зоне, называемой Казахией.

Мир менялся, и катаклизмы с некоторой периодичностью совершались в течение многих веков в жизни общества и народов, населявших современную территорию Казахстана. Из этого потока истории казахи вынесли и сохранили для потомков две неуываемые ценности ранней эпохи – царство Слова и царство Закона. Как записано в Государственном гимне Республики Казахстан:

*«Жаралған намыстан қаһарман халықпыз,
Азаттық жолында жалындап жаныппыз.
Тағдырдың тезінен, тозақтың өзінен
Аман-сау қалыппыз, аман-сау қалыппыз»*

*«Мы – народ доблестный, дети чести,
На пути к свободе жертвовали всем.
Из тисков испытаний судьбы, из адских огней
Вышли победителями, мы уцелели...»*

Казахское право, основанное на культурных и демократических традициях правовой системы, пережило и перешагнуло свою эпоху, ее породившую. Оно продолжало сохранять регулятивную жизнеспособность до XIX века, а отчасти и до начала XX века. Долговечность казахского права можно объяснить двумя факторами. Во-первых, тем, что хозяйственно-бытовые основы кочевой цивилизации на обширной земле Казахии сохранились вплоть до новейшего времени. А во-вторых, и это главное, тем, что казахское право было максимально приближено к самому народу, к логике его жизни и в значительной степени выражало извечную духовную суть человека.

Казахское право – сокровище культурной жизни казахского народа и всей кочевой цивилизации. Оно имеет тысячелетнюю историю, и пик утверждения его условно относится к XIV – XVIII векам. Парадоксальность этого явления заключается в том, что ранний упадок величия Великой степи кипчаков – прародины кочевой цивилизации не повлек за собой синхронного упадка престижа и роли казахской правовой культуры. В этом противоречивом процессе, по-видимому, сказалось ее жизнеобитание на «свободной» и «островной» зоне этой обширной Степи.

Однако хозяйственный и культурный застой в средневековой Степи, ее отрыв и увеличивающееся отставание от преуспевающих в своем развитии других частей мира сыграли свою роль. Обширный Центрально-Азиатский регион был отодвинут на задний план глобальной истории и надолго выбыл из игры. Только интересы колонизации вернули Степи ее былую ей известность, но как к объекту порабощения. Все это сказалось как на оценке, так и на судьбе казахского права.

В средневековых восточных, в том числе тюркских, китайских и монгольских, источниках, а также в описаниях некоторых западных и российских путешественников, исследователей и местных деятелей нового времени мы находим настойчивые упоминания о «Золотом веке», о периоде «порядка», который имел место в истории Казахстана. Память о нем еще была жива в массовом народном сознании до наступления новейшего времени. Это не было продуктом фантазии или выдумкой сочинителей, а скорее исторической реальности, вокруг которой шла постоянная борьба между теми, кто хотел колонизировать казахскую степь, и теми, кто отстаивал ее свободу. В центре смены поколений проказахов и казахов, их многовековой борьбы красной нитью проходит идея «справедливого порядка», носителем и покровителем которого выступает неподкупный судья, мудрец и оратор – исторически реальная фигура бия. Би не был ханом в Степи. Но по социальному индивидуальному рейтингу он часто стоял выше державного правителя. В народе всегда бытовало древнее убеждение: «Ханда кырык кісінің ақылы бар, биде кырык кісінің ары, білімі бар» – «Хан олицетворяет умы сорока лиц, а би олицетворяет совесть, достоинство и интеллект сорока лиц».

Признанный при жизни за крупные исследования «Геродотом казахского народа» выдающийся русский ученый-востоковед А.И. Левшин в начале XIX века писал: «Было время, говорят благоразумнейшие из киргизов (казахов. – С.З.) Меньшей Орды, когда и наш народ жил в покое, было время, когда у нас существовал порядок, были законы и правосудие». Автор называет эту эпоху «Золотым веком», о котором, по его словам, вспоминают в народе «со вздохом».¹

Другой русский исследователь, много лет проработавший среди казахов и владевший казахским языком в совершенстве, А.Е. Алекторов с восторгом описывает суд биев, берущий начало из древности, но сохранившийся в осколках и до XIX века. Те бии-судьи, которые следуют старой традиции правосудия,

¹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб, 1832. Ч. III. С. 169-170.

по его словам, олицетворяют образцы древней демократии. «Каждый бий и старик при разбирательстве дела, – пишет он, – считает священным долгом оказать тяжущимся полную беспристрастную справедливость. Он терпеливо выслушивает все малейшие подробности – как приносимой жалобы, так и оправдания и потом объявляет свое решение, принимаемое всегда беспрекословно и свято исполняемое».¹

Блестящий казахский ученый XIX века и яркий исследователь Востока Ч. Валиханов писал, что «значение биев основано на частном авторитете, который приобретают они так же, как в Европе поэты, ученые и адвокаты. Шекспир и Гете считаются всеми за великих поэтов, но мнение о гениальности их основано не на декретах правительств и не на формальных выборах народа».²

Три фактора играли первостепенную роль в сложении и системном развитии казахского права. Во-первых, это обширность пространства обитания праказахов и казахов на Евразийском континенте, образовавшая в силу объективных обстоятельств как бы огромную свободную зону для консолидации части кочевой цивилизации. Казахская республика по территории сегодня занимает девятое место в мире – 2,72 млн кв. км, а 200-300 лет тому назад была еще больше – в 1,5-2 раза. Во-вторых, в ходе перемещения и великого переселения кочевых и полукочевых общностей и объединений больше с Востока на Запад, растянувшихся на многие столетия, пути которых пролегали через эту Евразийскую степь или начинались с нее, в ходе смены и распада их политических и государственных образований часть их оседала на этой «свободной» зоне, называемой Казахстаном, принося в нее свои естественно-культурные, обычно-правовые демократические традиции. В-третьих, на этом обширном островке степного пространства дух вражды и войны относительно рано сменился мирными устремлениями, а завоевательные походы уступили место идеям самоутверждения и самозащиты в этно-культурных границах. Над раздвоенностью и раздробленностью Степи постепенно брали верх объединительные идеи, что в совокупности порождало

---

¹ Алекторов А.Е. Киргизская степная газета. 1890. № 2.

² Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. В 5 т. Т. 4. Алма-Ата, 1985. С. 77.

тенденцию к упорядоченности в общественных отношениях и приводило к усилению регулятивной роли правовых установлений, проникнутых в основном духом свободы, обеспечения мира, общего благополучия и единства подданнического населения.

Почти все государственные образования, великие и малые, в основном тюркские или подвергшиеся тюркизации, сменявшие друг друга на протяжении многих столетий, оставляли после себя на этом огромном участке земли память о себе в виде жизнестойких и подвергшихся селекции правил и правопорядков, которые избирательно, вместе с их носителями, редуцировала и осваивала Степь, обогащаясь «свободными» идеями и расширяя свои культурные границы. Таким в основном был общий фон социально-политических, географических и исторических условий, в недрах которых по-средневековому медленно и больше естественным путем складывалось правовое поле с характерными особенностями тяготения к утверждению гуманистических принципов в межлюдских отношениях.

Пространственные пределы казахского права определялись в этно-культурных границах кочевого населения Казахстана, что не обязательно совпадало с реальными властными притязаниями какого-либо казахского хана. Казахская государственность скорее была общим понятием, имеющим реальную основу в массовом сознании. Казахское общество постоянно жило в условиях феодальной раздробленности и борьбы ханов, улусов и жузов за преобладание в Казахии. Политическое его объединение, всегда бывшее временным и хрупким, крепло в годы общей опасности и неотложной необходимости решения общенациональных проблем. Что же касается казахского права, то оно оставалось общекультурным достоянием в этнических границах.

II

Во всем правовом поле средневекового казахского общества определяющей властью была власть Степного закона, а его носителем, хранителем, реформатором и реализующей силой – узкая категория людей, именуемых биями.

Бий – это в первую очередь судья. Власть бия считалась «коренной властью», уходящей в глубь истории самого народа, в отличие от власти ханов, имеющих «иноказахское» происхождение. Она была традиционной, престижной и приоритетной властью, хотя входила в структуру верховной власти в Орде – ханской власти. Как писал один из выдающихся казахских деятелей культуры, «мықты билер тілін алмаған хандарды бір кезде тақтарынан қуыршақша алып тастап та отырған»¹ – «авторитетные бии временами с непослушными ханами поступали, как с куклами, отправляя их в отставку».

Бий в народном сознании рисуется носителем рыцарской морали: «Шыннан өзге құдай жоқ» – «Нет бога выше правды»; «Малым – жанымның садағасы, жаным – арымның садағасы» – «Материальное богатство должно служить духовности, а в духовности главное – честь». Эти фабулы имели реальное человеческое лицо: в человеке его совесть, честь и достоинство объявлялись высшими ценностями.

Сила этой высокой морали предопределялась тем, что она, пройдя века, утвердилась как составляющая часть народного менталитета казахов. Применительно к правосудию эта общая мораль вылилась в конкретную установку, которая гласила: «Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» – «Судья-бий беспристрастен, ибо у него нет пристрастия в пользу своих и не своих, нарушение этой заповеди ведет к гибели самого правосудия».

Стать бием было трудно, поскольку высокими были требования, предъявляемые к нему. Только «избранный богом» мог стать бием. Кроме личных данных, к которым предъявлялись строгие требования, претендент на звание бия должен был пройти ряд испытаний. Природный и приобретенный интеллект, красноречие, способность к диалогу, освоение основ

---

¹ Сейфуллин С. Шығармалар 6 томдық. VI т. Алматы, 1994. 265-бет.

богатства Степного закона и его основных норм, зафиксированных в уложениях «Қасым ханның қасқа жолы» («Постановление Касым хана»), «Есім ханның ескі жолы» («Постановление Есим хана»), «Жеті Жарғы» (Тауке хана), дополненных прецедентными постановлениями знаменитых биев – вот перечень основных условий, которые предъявлялись бию в первую очередь как к отправителю правосудия. Разумеется, бии были разные по сфере власти и влияния, занимали разные ступени в судебной иерархии – от бия небольшого аульного, родового коллектива до биев, слава и влияние которых простиралась на жузы, улусы и на всю территорию казахской государственности. В зависимости от этого менялась и «жесткость» требований, предъявляемых к биям.

Родители, заметив природные задатки юноши, старались дать ему целенаправленное воспитание с тем, чтобы он мог стать бием. В первую очередь в семье учили его овладевать богатством казахской разговорной речи и обычно-правовых правил, помогали ему освоить начала искусства полемики и решения логических задач, то есть находить «изюминку» в неординарных жизненных ситуациях, с которыми приходится иметь дело в процессе судебной деятельности.

Эту функцию выполняли если не сами родители, то старцы в ауле, известные своими знаниями и жизненным опытом. Считалось особенно важным, чтобы юноша с ранних лет входил в свиту известных биев, сопровождал их в поездках по степи, осваивал особенности и технологию Степного судопроизводства. Эти бии, в роли учителей, временами проверяли способность юноши, предоставив ему возможность изложить свою точку зрения по поводу вероятного решения по конкретным конфликтным делам, рассматриваемым на бийском суде. Так поступал Кунанбай – отец Абая, ставшего впоследствии великим национальным поэтом и известным «тобе бием» – «старшим бием» не только в Среднем жузе (вторая половина XIX века). Кунанбай с 6 лет брал сына в поездки на знаменитую в Степи Кояндинскую ярмарку, в Каркаралы – административный центр, где в сезонные периоды происходили сборы, диспуты, суды с участием известных аксакалов, биев и ораторов. Немало было старцев, умудренных опытом,

в самом роде Тобыкты. Абай проходил и осваивал их школу. Как утверждают исследователи, в 13 лет Абай начал выходить в «люди», выносить судебные решения. Вот что пишет авторитетный исследователь биографии Абая Мухтар Ауэзов: «Вращаясь в кругу изощренных вдохновителей межродовой борьбы, Абай, наделенный от природы недюжинными способностями, постигает тончайшие приемы ведения словесных турниров, где оружием служили красноречие, остроумие и изворотливость. Так как тяжбы решались не царским судом, а на основе веками существовавшего обычного права казахов, Абай должен был обратиться к сокровищам казахской народно-речевой культуры».¹ По данным исследователей, такой же путь прошел Айтеке бий (1666 – 1722). На него, на его особый талант общественность и аульные старцы обратили внимание, когда ему было пять-шесть лет.² Тут следует сказать о традиции Степи: «Одаренность узнается с колыбели» – «Болар бала боғынан». Известный Шорман би из Среднего жуза в 13 лет, Есет би (сын Котибара), возглавлявший впоследствии освободительное движение в долине Сыр-Дарьи (Младший жуз), в 20 лет приобрели широкую популярность.

Чтобы получить признание в сане бия, кроме личных качеств и освоения правил Степного закона, претендент должен был пройти два испытательных этапа, своего рода аттестации на зрелость. Он должен был продемонстрировать свой интеллект и логику постижения перед опытными общественными учителями, отвечая на их «философские» вопросы, – это во-первых; а во-вторых – получить особое благословение, именуемое «бата», у мудрых старцев. Поэтому существовало целеполагание: «Батамен ер көгерер, жауынмен жер көгерер» – «Бата облагораживает мужчину так же, как после дождя благоухает земля».

Чем больше притязания будущего бия, тем выше должен быть престиж мудреца, благословляющего его на судебную деятельность.

Такой путь профессионального и нравственного совершенствования прошел знаменитый Толе би (1633 – 1756), про-

---

¹ Ауэзов М. Жизнь и творчество Абая Кунанбаева / Жизнь и творчество Абая. Алма-Ата, 1954. С. 7-8.

² Есламғалиұлы М. Әйтеке би. Алматы, 1998. 91-бет.130

званный «отцом биев». Его отец Алибек был самым известным в роде бием. Отец часто брал сына на судебные тяжбы, чтобы он постигал тайны Степного закона. Толе с 9 лет начал участвовать в судебных разбирательствах, а в 15 становится известным бием. Он получает «благословение» – «бата» у 90-летнего умудренного старца Жетес бия, у почти столетнего знаменитого Анет-баба. Вот как описывается в народной памяти этот случай: «Әнет-баба бір бума солқылдақ шыбық алдырады: «Балам мынаны сындырып көрші» – дейді. Төле буылған шыбықты олай-бұлай иіп сындыра алмайды. «Енді сол бума шыбықты біртіндеп сындыршы» – дейді Әнет-баба: «бұдан не түсіндің балам?» деп сұрайды. Төле: «Түсіндім баба. Ынтымақты, бірлігі мықты елді жау да ала алмайды. «Саяқ жүрген таяқ жейді» – дегенді білдіреді – деп жауап беріпті. Сонда Әнет-баба: Бәрекелді балам, дұрыс таптың. Ел билеу үшін елді ауызбірлікке, ынтымаққа шақыра біл. «Бақ қайда барасың?» – «Ынтымаққа барамын» дегеннің мәнісі осы деп оң батасын беріпті» - «Анет-баба, связав в один пучок гибкие ветки, предложили Толе: «Попробой, сынок, сломать эту связку!». Толе не смог это сделать с одного раза. Ветки изгибались, тянулись. Тогда Анет-баба предложил разобрать пучок и сломать по одной ветке, что и было сделано. Старец спросил: «Что ты, сынок, понял из этого?». Толе сказал: «Понял, почтенный Баба: собранный в единство и сплоченный народ ни внешний враг, ни внутренний конфликт не может разрушить». Анет-баба: «Разгадал правильно, сынок! Запомни, что первейшее в управлении – это умение наставлять население к единству и добиваться такого единства. Смысл крылатого народного выражения: «Куда ты держишь путь, Счастье? – Иду к стойбищу, именуемому «единством», – закончил Анет-баба и благословил юношу, отдав свое «бата».

Вот образец другого «бата», который Толе заслужил от старейшины рода: «Үй баласы ма деп едім, ел баласы екенсің. Ауылыңның таңы бол, маңдайдағы бағы бол» – «Полагал, что ты – сын своего двора, а оказался сыном своего народа. Входи утренней зарей и расти поборником счастья для него».

Существует легенда, повествующая о том, как Айтеке (1666 – 1722), ставший впоследствии знаменитым бием Степи,

юношей получил «бата» от самого Косуак бия, известного старца-мудреца Младшего жуза, который наставлял: «Кәрі тозады, жас озады. Ендігі жерде үйде де, түзде де билік тізгінін өзің ұста!» – «Суть круговорота времени – старики стареют, обгоняют их молодые. Пришло твое время, и передаю тебе бразды бийских решений».

Испытание претендента на бия в период, когда он еще не получил общественного признания, проводилось по разным причинам: в юношеские годы – чтобы проверить наличие таланта, в зрелые – чтобы удостовериться в степени одаренности бия (в незнакомых обществах и соседних владениях), а нередко и с целью получить поучение. Правитель (хан) Уренча (Восточный Туркестан) при свидании со Срым биём, уже прославившимся, задал ему четыре вопроса: «Дау мұраты не? Сауда мұраты не? Қыз мұраты не? Жол мұраты не?» Сырым бидің жауабы: «Дау мұраты – біту, сауда мұраты – ұту, қыз мұраты – кету, жол мұраты – жету» деген жауабы үшін Хан қонағасын беріп, ат мінгізіп шығарып салыпты». Здесь краткость, выразительность и спрессованность вопросов и ответов оригинальны, передать их палитру в переводе почти невозможно, но смысл их заключается в следующем. Вопросы, заданные ханом: в чем заключается суть Судебного спора? Торговли? Девичьей мечты? Путника? Срым ответил: судебный спор преследует мир, торговля – выигрышную продажу, девушка мечтает о хорошем замужестве, а путник – о конечном пункте дороги. Удовлетворенный хан принял Срыма как дорогого гостя и проводил с подарками.

Нормативно-правовое познание бия и неординарность его мышления даже тогда, когда он еще юношей встал на путь претендента, считались критерием номер один. Это имело и сугубо практическое значение, если принимать во внимание состязательность досудебного и судебного процесса, его прозрачность и публичный характер. Разумеется, познание приходит и накапливается с годами и в ходе жизненного опыта. Но оно должно быть заложено в потенциале в самом начале профессиональной деятельности. Таково было требование, предъявляемое обществом к будущим и состоявшимся биям. Каждый из них, даже в годы зрелости, не был застрахован от подобной «аттестации».

Казахская обычно-правовая система исторична, состоит из пластов разных столетий, связанных общим духом, потому и консервативна и в то же время подвижна, динамична в рамках простора кочевой цивилизации. Бий – судья в этой системе – выступает знатоком и хранителем традиции и установлений казахского права – это обязательная сторона его профессиональной деятельности. И в то же время бий – свободный толкователь Степного права сообразно условиям применения его норм.

Бесспорным считалось представление о том, что казахское право берет свое начало от Майкы бия, жившего в XIII веке, родом из древнего казахского родового союза Уйсун, в свое время возвысившегося до титула «орда бия» у Чингисхана (1155 – 1227). Непререкаемым постулатом в казахском праве был и остался исходный тезис: «Түгел сөздің түбі бар, түп ата-сы – Майқы би» – «Все правовые установления имеют общие корни, и корни всех корней сводятся к Майкы бию». Кодифицированными источниками казахского права считались уложения: «Қасым ханның қасқа жолы» – «Установление Касым хана» (1511 – 1532), «Есім ханның ескі жолы» – «Установление Есим хана» (1598 – 1623) и «Жеті Жарғы» Тауке хана. Они носили имена ханов, при которых составлялись.

Нормативно-правовой опорой бийского суда и биев, кроме обычно-правовых «ханских» уложений, было прецедентное право, то есть постановления по конкретным делам известных и знаменитых биев, правосудная слава которых приобрела всеказахскую известность.

Сила слова в казахском средневековье настолько была престижна и авторитетна, что часто победа и торжество доставались тем, кто владел искусством речи, и нередко перед ним факты сдавали свои позиции. Аргумент речи был намного сильнее, чем аргумент без достойной речи. Эти особенности Степной культуры рельефно запечатлены в казахском праве: «Ердің кұнын екі ауыз сөзбен бітірер би» – «Искусный бий может решить дело об убийстве одной только краткой речью». Признавая: «Өнер алды – қызыл тіл» – «Из всех искусств самое важное – это языковая культура», в то же время казахское право сформулировало свою судебную цель: «Тіл жүйрік емес, билікте шын жүйрік» – «Ценен язык, но ценнее в суде истина».

III

Уникальность казахского права состояла в том, что оно, рожденное в рамках кочевой цивилизации, воплотило в себе многие ценностные черты и оптимумы человеческих мечтаний и человечности этой эпохи. В этом плане оно по праву может и должно занять достойное место в мире исторически значимых правовых систем.

Значение Казахского права состоит не в исключительности его как некоего системно-институционального учреждения в истории. Все народы в той или иной форме на ранней стадии своей истории прошли такой период – период господства обычно-правового регулирования общественных и управленческих отношений. Такой период у многих народов был неустойчивым, недолгим, переходным и укладывался в рамках эпохи средневековой идеологии – деления общества на высшие и низшие сословия, династической борьбы за власть, за новые добычи, переселения кочевых и полукочевых сообществ союзов в поисках новых земель. Казахское право тем и отличается, что оно, руководствуясь в своей основе обычно-правовыми нормативами и институтами, сложилось и получило развитие как бы в «свободной» зоне и в силу этого вобрало в себя больше мирные, естественно-устойчивые принципы кочевой цивилизации. В этом плане можно сказать, что оно по содержательной части во многом определило эпоху, в недрах которой формировалось, и переросло ее рамки.

В казахской обычно-правовой системе отработан целый пласт принципов и норм, определяющих суть и статус судьи-бия, которые прочно вошли в правовое сознание народа и определяли во многом содержание его традиционного менталитета. Они сформулированы в кратких и выразительно-содержательных изречениях-формулах: «Атаның баласы болма, адамның баласы бол» – «Не будь сыном только своего отца, а будь сыном человека; «Туганына бұрғаны – биді құдай ұрғаны» – «Нет большей божеской кары для бия-судьи, чем его пристрастие в пользу родственника»; «Таста тамыр жок, биде бауыр жок» – «Камень не имеет корня, также и би не имеет родственника».

Истина и справедливость, стремление к их постижению были фундаментальными основами судопроизводства и выносимых судебных решений биев, основанных на нормах казахского права: «Атаңның құлы айтса да, әділдікке басынды и» – «Поклонись справедливости, если она высказана даже и рабом твоего отца»; – «Әдет әдет емес, жөн әдет» – «Справедливость выше правил обычаев»; – «Тіл жүйрік емес, шын жүйрік» – «В красноречии важна выразительность, но ценнее – истина»; «Әділсіз болса би оңбас, әйелсіз болса үй оңбас» – «Ничтожен би, если он несправедлив, так же как беспризорен очаг без женщины-хозяйки». «Би төрттің құлы: адал еңбек, таза ниет, терен ой, әділдік» – «Би – раб четырех господ, которыми являются: честный труд, благородство мысли, глубокомыслие и справедливость»; «Елге бай құт емес, би құт» – «Не от богатого богатеет страна, а от умного бия»; «Батыр дегенді екі қатынның бірі табады, би дегенді ілуде біреуі табады» – «Батыра, воина рождает каждая вторая женщина, а бия – одна из тысячи».

Простота и доступность, непосредственность и безотказность в рассмотрении споров, обеспечение беспристрастия суда и свободы доказывания, неограниченная ничем возможность участия представителей-сторон и каждого из присутствующих в процессе, стремление к примирению сторон и обеспечение большой логичности и убедительности судебных решений в глазах общественности и там, когда определялись жестокие и суровые наказания для виновной стороны, составляли форму и содержание бийского суда. Би-судья, на котором лежала ответственность окончательного судебного решения, в своем положении был больше похож на восседающего старца-мудреца, хотя нередко по возрасту он был юношей.

Би-судья был свободен в проявлении своих действий и убеждений. В то же время к нему был незримо прикован «народный глаз» – общественное мнение, представляющее реальную силу, более дееспособную и влиятельную, чем верхние властные инстанции.

Форма и состав суда зависели в основном от двух факторов: от желания участвующих в нем сторон и от сложности дела. Споры могли быть решены одним судьей единолично. Это наиболее простая и распространенная форма. Она больше

применяется, когда за разрешением конфликта обращаются к бию одноаульцы, ближайшие однородичи или когда сами стороны - истец и ответчик - добровольно отдают свои споры бию и просят его решения. Нередко проявляет инициативу сам судья, если жалоба обиженного или потерпевшего обращена к лицам, имеющим близкие и родственные связи с судьей. В последнем случае би сам вызывает ответчика в суд, который не может проигнорировать это приглашение. Его неявка считалась бы позором в межродственных отношениях. Если би известный, мудрый и неподкупный, то обращения к нему за его единоличными решениями бывают довольно частыми, причем приезжают к нему обе стороны из самых дальних кочевых объединений.

Для рассмотрения крупных дел, отличающихся особой сложностью, в которые вовлечены разные родовые коллективы с явно выраженным обострением отношений между ними, образуется коллегия биев-судей. Один из них избирается тобебием, то есть председателем и главным судьей, мнение которого имеет приоритетное значение в вынесении решения суда.

Суд биев (или бия) основан на состязательном процессе. Каждая сторона являлась на суд при необходимости со своим бием, иногда и не одним, которые представляли интересы своего однородича. Заступничество со стороны в чью-либо пользу в бийском суде не допускалось. Судебные разбирательства происходили обычно при дворе хана, в доме бия, в назначенных местах, часто на кочевых стойбищах коллективов.

Казахское право не знало смертной казни, лишения свободы, членовредительных наказаний, тюрем и зинданов подземных камер заключения, так называемого уголовного наказания. Все судебные споры и самые сложные конфликты считались гражданско-правовыми, влекли за собой имущественные, неимущественные, позорящие, примирительные и иные формы наказания.

Существовали три основные классификационные группы ответственности и наказания: кун – плата за убийство или за деяния, приравниваемые к убийству; тогуз – дословно «девятка» – имущественная ответственность, состоящая из девяти наименований; айп – форма прощения, извинения и штрафа.

Все они имеют предметное выражение, преимущественно состоящее из поголовья конского и другого скота. Поскольку в каждом наказании, в том числе за опасное деяние, всегда присутствуют элементы примирения сторон, ответственность может иногда выражаться в форме брачных сделок.

В куне – возмещении за убийство – различие проводилось в первую очередь с учетом достоинства убитого: ер кұны – за воина, сүйек кұны – за сам факт убийства, өнер кұны – за умение и знание убитого в искусстве, ар кұны – за оскорбление чести. Имела значение социальная принадлежность убитого. Более строгое наказание полагалось за убийство представителей верхушки общества и власти.

Тогуз как вид санкции, по нашим подсчетам, имеет 27 наиболее ходовых разновидностей и вариантов – от символической «девятки» до аргымака лучшего породистого коня или аруаны породистого одnogорбого верблюда, либо девушки из знатной семьи во главе «девятки».

Аип как мера ответственности и вознаграждение был простым и одномерным, больше применялся в виде ат-тон-шапан – верховая лошадь и халат в ограниченных вариациях.

Вид и формы ответственности и наказания в казахском праве исключительно богаты и разнообразны. Существует большой их выбор, что обеспечивает, с одной стороны, большой простор для действия суда и судей, а с другой – налагает на судей особую ответственность за логическое, деловое и нравственное обоснование своего решения при выборе варианта ответственности. Тут как раз и должны проявляться личные качества судьи и его интеллект, которые ценятся не меньше, чем исход дела.

IV

На всем евразийском пространстве, на его наиболее обширной центральноазиатской части, с древних времен до наших дней жили и живут в основном тюркоязычные этносы и народы, с собирательным именем кипчаки.

С точки зрения насыщенности событиями относительно глобального значения Кипчакскую степь можно разделить на два судьбоносных региона – Южный и Северный. Обширный Южный регион, простиравшийся от Ирана до Китая, от Индии до южных районов Казахстана, лежал на мировых торговых сухопутных путях от Европы до Азии и представлял зону обитания полукочевых-полуоседлых объединений с относительно развитым городским хозяйством, торговлей и государственным устройством. Именно этот регион был колыбелью формирования народов Центральной Азии и мощных политических союзов их предков, оказавших существенное влияние на мировую историю на ранних этапах средневековья. Отсюда начались великие переселения тюркоязычных кочевников-гуннов на Запад в канун и начале нашего века, завоевательные походы Чингисхана, армия которого состояла в абсолютном большинстве из тюрков (XIII в.), Тамерлана – Аксак Темира (вторая половина XIV – начало XV в.), потрясшие, можно сказать, мир. Здесь возникали и исчезали вереницы малых и больших в основном тюркоязычных государств как в силу внутренней борьбы, так и под воздействием внешних сил и временных завоеваний.

Словом, Южный регион Центральной Азии был центром бурных политических социальных событий и потрясений.

Северный регион, занимавший гораздо большее пространство, чем Южный, – от Балхаша и Арала до Сибирского Алтая, от Волги до Иртыша и Тарбагатайских гор, по существу, представлял «свободную зону», где были созданы относительно мирные условия для консолидации плодов кочевой цивилизации. Так и было. Кроме автохтонного своего «коренного» тюркского населения, сюда стекались степняки из южной части, оседали осколки великих переселенцев, искавших землю обетованную или уставших от многочисленных и опасных перемен и потрясений. На этой части Центральной Азии, да-

лекой и отдаленной от влиятельных исламских, формировался светский уклад, наложивший свою печать на все стороны организации и жизни общества, и в том числе на правовую культуру.

В Евразийской степи еще в раннем средневековье складывалась определенно выраженная этническая и политическая общность на базе устойчиво осевших и прибывающих кочевников, составивших этногенетические корни тюрков, а в дальнейшем – ядро и родословие казахов. Расширяя свое влияние и владения на юг, Казахская степь стала претендовать на весь Туркестан. Как пишет крупнейший современный исследователь истории Казахстана Манаш Козыбаев, под редакцией которого выходили почти все фундаментальные исторические исследования последних лет: «Қорыта айтқанда, қыпшақ атауымен халық болып танылған қазақ, барша түрік әулетінің қара шаңырағы болды. Евразияның қос құрлығында тарихтың күдіретті төріне бір-ақ шықты»¹ – «Подводя итоги, надо сказать, что казахи, признание которым в истории пришло под именем кипчаков, явились прямыми хранителями традиции тюрков в Степи». Выражают историческую хроникальную истину слова крупного казахского мыслителя и поэта Магжана Жумабаева, сказанные им в 30-х годах нашего века о том, что: «Түркістан екі дүние есігі ғой, Түркістан ер түріктің бесігі ғой» – «Туркестан – это единение двух миров – южного и северного, Туркестан – это колыбель мужественных тюрков».

Эти слова ныне начертаны в сквере небольшого, но многолюдного уголка в Анкаре, столице Турции. Они напоминают поколениям о том, что страна казахов – Казахстан – является одним из основных очагов тюрков и что отсюда во многом берут начало дороги к миру тюркоязычных этно-исторических и правовых культур.

Казахи, их предки-проказахи переняли, культивировали и развили до относительно высокого уровня общественно-политическую регулятивную систему нормативов, первоначально естественно сложившихся адекватно условиям общежития и

---

¹ Козыбаев М. Ата тарихы туралы сыр // Егемен Қазақстан. 30-сәуір. 1999.

выживания полукочевых объединений. Основу этих нормативов составляли обычаи, традиции, а также правила, внедренные в ходе изменения их внутренних и внешних экономических и политических ситуаций. На их нормативном содержании и построении оставляли свои следы союзы и государственные образования не только тюркских, но и нетюркских народов, населявших территорию Казахстана. Они частично закрепились в «Степном законодательстве» в такой степени, в какой они соответствовали условиям кочевого и полукочевого мира Центральной Азии и, аккумулируясь в ней, обогащали ее. Таким образом, древний мир права казахов предстает как нормативная культура, с одной стороны, корнями уходящая в автохтонно местные, локальные режимы, а с другой – в качестве системы, вобравшая в себя полезные модели нормативного обслуживания в основном тюркских и других стран и общественных устройств, годные и приспособленные к условиям Казахии.

Образование отдельного Казахского государства историки относят к XV–XVI векам. Казахское право намного старше его и старше самих казахов как сложившейся этнической общности. Древнее право казахов формировалось и сложилось на базе правовых воззрений и нормативных активов многих кочевых и полукочевых объединений, сменявших друг друга и составленных в основном из древних тюркско-казахских племенных и государственных образований.

Казахское право, основными источниками которого были обычно-нормативная система, культурные традиции Великой степи, проявляло на протяжении многих веков удивительную жизнеспособность и стойкость в условиях прямого и косвенного засиления чужеземных государств, мощного влияния их идеологии. Они силою и увещеваниями навязывали казахскому обществу свой режим, угодные им порядки. Казахское общество, ценой огромных жертв, все-таки заметно менялось, но наиболее стойкими и жизнеспособными оказались его вековая правовая культура и язык. Они даже в этих экстремальных условиях не только уцелели, но нашли в себе внутреннюю силу, позволившую им не только сохраниться, но и окрепнуть.

Завидная живучесть Казахского права в его изначальной, древней форме наперекор всем изменениям и революциям, пронесшимся на степном пространстве Казахстана, объясняется тем, что в его основе и самой структуре, в его нормативной системе лежали народность и вольная, естественная свобода человека, то есть такие нравственные идеалы и принципы, которые созвучны вечным стремлениям человека и человечества. Это было одной из фундаментальных причин того, что казахское право оказалось сильнее мечей узурпаторов и их режима.

Царское правительство, осуществляя активную политику колонизации Степного края, начало которой относится к первой четверти XVIII века, все больше убеждалось в том, что традиционный правовой режим, столетиями укоренившийся в Казахии, является не только «рядовой» регулятивной нормативной системой, которую нельзя в течение одного поколения силой или «мирно» заменить новой, прорусской системой права. Большой знаток истории и быта своего народа, писатель и ученый, академик Сабит Муканов писал: «Киіз туырлықты қазақ аталатын бұл елдің өмір тарихы, тұрмыс-салты, әдет-ғұрпы, мінез-құлқы айна қатесіз бірдей... осыншама тұрақтылық тұтастық Октябрь революциясына дейін тұтас мемлекет болмаған елде сақталуы таңғаларлық құбылыс» – «Невероятно, но факт, что казахи, не имея до Октябрьской революции 1917 г. своей

государственности и общего административно-политического центра, все же сохранили устойчивые фрагменты своей истории, миропонимания, быта и культурной традиции».

Значение казахского права далеко выходило за пределы своей собственно регулятивной нормативной роли в этнокультурных границах Казахии. Оно несло и выполняло одновременно несколько функций: регулятивную, управленческую, объединительную, охранительную и гуманистическую и было в широком смысле законом и властью, источником общественного бытия и нравственности, искусством и духовной ценностью. Этими чертами, видимо, обусловлены его жизненность и удивительная устойчивость перед лицом целенаправленного и мощного натиска мусльманского права, монгольского права и других иноземных систем права, таких же кочевых, полукочевых сообществ, оседлых и земледельческих культур и государств, в том числе русского законодательства. Их влияние на казахское право не переросло в разрушительную силу. Оно затрагивало часто верхушки общества, отдельные его социальные пласты. Доминирующая регулятивная позиция и импульс саморазвития казахского права сохранились до новейшего времени. Как указывал в середине XIX века Чокан Валиханов, «суд биев, несмотря на 50-летие русского влияния, остался таким, каким он был за сотни, может быть, за тысячу лет до нас».¹

---

¹ Валиханов Ч. Суд биев в древней народной форме // Записки Русского географического общества по отделу этнографии. Т. 29. СПб., 1904. С. 164.

2.2. Существовал ли «Золотой век» порядка и правосудия на древней земле казахов?

Одним из коренных вопросов, поставленных в ходе исследования казахского права, в его «древней форме», – это его ценностный потенциал, выходящий за национальные рамки, точнее, существовал ли «Золотой век» правосудия и законности на древней земле казахов, о котором нередко упоминается в исторических документах и описаниях. Вопрос этот вовсе не риторический, а проблемный. Он возник в начале XIX века, когда в Великую степь казахов-кипчаков пришли европейские исследователи. Для них было странно видеть на фоне патриархального быта кочевников не только сохранившееся мощное народное сознание о таком периоде, но и лицезреть живые его оазисы и связывающие нити времен, ушедших и близких. Им трудно было представить, что такое могло быть в истории казахов, теперь выглядевших больше степными кочевниками и намного отставших от Европы в своем материальном, культурно-цивилизационном и политическом развитии. Тем более европейские мерилa ценностей, отягощенные господствовавшим делением планеты и народов на западные и азиатские, на нации и племена, на колонизаторские расы и подневольные территории, затрудняли адекватное восприятие того, что не вмещалось в рамки этих установившихся оценочных взглядов. Однако научная мысль проникновенна и трепетна. Она рискованна и рискованна в своем движении к новому знанию, к познанию непознанного. Чем больше эти исследователи находились с познавательной целью в казахской степи, тем больше и весомее говорили о «Золотом веке» правосудия в истории казахов как о реальном факте.

Парадоксальность исторической памяти заключается в том, что познано и открыто предыдущим поколением, в особенности в области структуры и ценностей общественных систем народов, тем более если они не зафиксированы «на камне», не всегда наследуются последующим поколением и в круговороте событий уходят в тень и выпадают из цепи преемственных отношений.

Систематическое изучение Казахстана началось поздно и относится к периоду его колонизации Россией. Русским ученым принадлежит приоритет использования термина и выражения о «Золотом веке» законности и правосудия применительно к средневековой политико-правовой истории казахского общества. В этой части А.И. Левшин был первым. Он был и оставался государственным деятелем России, преданным ее колониальной политике на Востоке. Работая в азиатском архиве Петербурга и Москвы, в региональных ведомствах по управлению Казахской степью и тесно общаясь с элитарной частью ее населения, он вырос до крупного исследователя-востоковеда. Его трехтомный труд «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (СПб., 1832 г.) дал возможность по-новому взглянуть на громадную центральноазиатскую территорию, что принесло ему мировую известность, признание российской Академии наук, избравшей его своим почетным членом. Для российского самодержавного государства труд А.И. Левшина был интересен в первую очередь в политическом плане – в плане разработки тактики активной колонизации обширной части азиатского региона. А.И. Левшин, бывая среди казахов, еще продолжавших именоваться кочевыми кипчаками, или дешт-кипчаками, изучая их общественно-политические институты, обратил внимание на массовые сведения о каком-то «особом, ярком периоде» в их истории. Он писал: «Было время, говорят благоразумнейшие из киргизов (казахов. – С.З.) Меньшей орды, когда и наш народ жил в покое, было время, когда и у нас существовал порядок, были законы и правосудие. Сей золотой век, о котором вспоминают они со вздохами, есть царствование знаменитого хана Тявки (Тауке), который, если верить преданиям, был действительно в своем роде гений, и в летописях казахских должен стоять наряду с Солонями и Ликургами... Киргизы (казахи. – С.З.) Большой и Средней орд утверждают, что народные законы их гораздо древнее хана Тявки».¹ Ценность этих строк А.И. Левшина состоит в том,

---

¹ Левшин А. И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб., 1832. Ч. 3. С. 169-170; «Қазақтың ата заңдары» // Древний мир права казахов. Алматы: Жеті жарғы. Т. 1. С. 80 (в дальнейшем Многотомник).

что они являются записью из источника, а не сведениями из вторых рук – это во-первых. Во-вторых, они принадлежат не проезжающему по степи страннику, ищущему приключения, посланнику или сопровождающему торговые караваны, интересы которых вовсе не связаны со страноведением. Они принадлежат опытному ученому, имеющему основательное познание в области народоведения Востока, исследователю и деятелю, совмещавшему выполнение государственного задания по описанию общественного и нравственного быта народа с ученостью. В-третьих, «Золотой век» в истории казахов связывается не с войнами и победами в них или обилием и сочностью пастбищного пространства и мирного его освоения, что было первостепенно важно для кочевников. Нет. «Золотой век» в истории Казахстана связывается, без какого-либо изъятия и оговорки, с авторитетами законности и правосудия. Из всех сфер общественно-управленческой жизни населения выделяется сфера законности и правосудия, которая была и оставалась во все времена и эпохи человеческого общежития его неизменным нравственным критерием. В-четвертых, «Золотой век» в области законности и правосудия выдается как общая историческая полоса в жизни всех трех пространственных регионов казахской степи – в Младшем, Среднем и Старшем жузах, относя ее к определенному периоду – то к периоду правления Тауке хана (последняя четверть XVII и начало XVIII века), то к периодам, предшествовавшим до него. Важнее то, что независимо от периода и персоналий, тех верховных правителей, при которых был возможен и утвердился «новый порядок», автор называет их «в своем роде» гениями, по заслугам стоящими «наряду с Солонами и Ликургами», т. е. людьми, утверждавшими своими деяниями высокую нравственность и святость в общественных отношениях.

Почти одновременно с русским ученым Левшиным, писавшим из Петербурга, об этом же оповестил мир выдающийся мыслитель и ученый Чокан Валиханов, вышедший из казахской степи, знание которого о казахах, об их истории было безупречно авторитетным. Он слышал и писал не только далекие отголоски «Золотого века» законности и правосудия. Он «захватил» его, его действовавшие, живые картины. Он был

не только свидетелем, но и действующим лицом на оазисном поле высокой правосудной нравственности. Этот период он назвал «Суд в древней народной форме» и писал о нем как о незаурядном явлении исторического плана в жизни Великой степи казахов. Он писал: «Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего, культурного развития».¹

Мы и другие исследователи не поняли в свое время и А. Левшина, и Ч. Валиханова, вернее, не хотели понимать, а еще вернее, признавать то, что чувствовали. Наше историческое мышление до отказа было заполнено другими навязанными представлениями. С пьедестала XX века мы смотрели на средневековую историю Великой степи и казахов с позиции критериев новейшей европейской цивилизации и культуры, не допускали мысли, что кочевые номады, к категории которых колониальные страны относили казахов, были способны и могли жить в прошлом в условиях правопорядка и законности. К тому же, в эпоху царско-российской и советской империй, определявших бытие и судьбу Степного края казахов в течение более трех веков, навязывалась и культивировалась политика отрицания какого-либо культурного этапа в их истории. Именно эти обстоятельства служили непреступным барьером на пути к осознанию и осмыслению первостепенно важной реальности казахской истории. Мысли Чокана Валиханова были глубокими и нестандартными, но адекватными реальности. Он подтверждал, что «Золотой век» законности и правосудия реально существовал на казахской земле, и его остаточные явления, как наследие, достаточно рельефно и наглядно проявлялись и в годы жизни самого автора, т. е. и в XIX веке. Он, хорошо знавший особенности и тонкости истории и вехи культурологической и политической мысли Запада и России, казахскую действительность «Золотого века» ставил в один ряд, даже вровень «с результатами высшего, культурного развития», под которыми понимал нравственно лучшее, достигнутое человечеством в правосудии в соответствии с его

---

¹ Валиханов Ч. Собр. соч. В 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1985. С. 494; Многотомник. С. 71-72.

естеством, как это было свойственно его «безыскусственному периоду».

Свою высокую оценку казахского правосудия Ч. Валиханов связывает, с одной стороны, с личностью и статусом судьи-бия, а с другой – с процессуальной простотой, публичностью и народностью правосудия. Роль и место судей-биев того времени он отождествляет с именами Шекспира и Гете, слава и известность которых основаны и установлены не декретами и не формальными выборами, а приобретены ими личными заслугами. Ч. Валиханов перечисляет основные составляющие компоненты авторитета судей-биев, игравших ведущую роль во времена «Золотого века» законности и правосудия в древней степи кипчаков-казахов. Главные из них следующие: а) судебность судьи-бия основана «на частном авторитете», б) «глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали казахам это почетное звание (бия)», в) «когда не было против обвиняемого явных улик, но имелось только сильное подозрение, то бии прибегали к посредничеству местных родовичей, которые присягой обвиняли или оправдывали подсудимого», г) «суд биев производился словесно, публично и во всех случаях допускал адвокатуру», д) «главное достоинство суда биев... заключается в отсутствии формальностей и всякой официальной рутины», ж) «существует у нас издавна и заключает в себе начало мирового суда».

I

Существенно важно отметить, что указанные Ч. Валихановым основные черты бийского суда не являются сугубо мыслительными построениями, выведенными из анализа сведений и источников, ставших историческими и принадлежавших прошлому, хотя и этот познавательный метод лежит в основе описания. Они были обыкновениями и еще достаточно распространенными будничными чертами казахского правосудия и в период жизни Ч. Валиханова. Он как ученый с проницательным умом смог взять их из самой жизни и описать.

Законность и правосудие в Казахии «в древней форме», под которой всегда имели в виду их естественность и достоинство, а главное, их нравственную прозрачность и чистоту, служили интересам сохранения целостности и обеспечению единства народа, объединенного и сложившегося в истории под общим именем казахов-кипчаков. Эта реальность завладела умами кочевого населения настолько, что, хотя времена и эпохи менялись, ее идеи и институты оставались природной и неизменной установкой массового сознания казахов на протяжении многих веков. В то же время они были той невидимой, духовной, могущественной силой, с трудом поддающейся искоренению заинтересованными в этом силами, повелителями и державами.

Правдивое и глубокое описание казахского правосудия оставил и Абай Кунанбаев, мыслитель и поэт, крупнейший знаток казахского древнего права и правосудия, живший во второй половине XIX века. По его словам, казахи-кочевники по уровню быта, культуры и просвещения стоят намного ниже, чем современные ему народы, они намного отстали от них, но по двум достоинствам они стоят, наоборот, намного выше этих народов, живущих ныне в эпоху цивилизации. Вот его высказывание и утверждение: «Рас, бұрынғы біздің ата-бабаларымыздың бұл замандағылардан білім, күтімі, сыпайылығы, тазалығы төмен болған, бірақ бұл замандағылардан артық екі мінезі бар екен... Ол екі мінезі қайсы десек, әуелі – ол заманда ел басы, топ басы деген кісілер болады екен. Көш қонды болса, дау-жанжалды болса, билік соларда болады екен. Өзге қара жұрт жақсы-жаман өздерінің

шаруасымен жүре береді екен. Ол ел басы, топ басылары қалай қылса, қалай бітірсе, халықта оны сынамақ, бірден-бірге жүгірмек болмайды екен... Екіншісі – намысқор келеді екен... Бұларда арлылық, намыстылық табандылықтан келеді. Бұлардан айырылдык. Ендігілердің достығы – бейіл емес, алдау, дұшпандығы – кейіс емес, не күндестік, не тыныш отыра алмағандық» – «Да, безусловно, наши предки уступали теперешним людям в образованности, учтивости, ухоженности и опрятности. Но обладали они двумя достоинствами, которых у нас теперь нет... О каких двух достоинствах мы говорим? Первое – в стародавние времена были люди, которые звались «ел басы», «топ басы». Они решали споры, управляли жизнью общества. Простой народ, худо-бедно, занимался своими делами. Не принято было оспаривать решения «ел басы», «топ басы» или бегать от одного к другому... И второе, люди были честолюбивые и дорожили достоинством. Стоило кому-то обратиться с просьбой о помощи или сделать ему снисхождение во имя традиций предков, то предавались забвению обиды и раздоры на ближних и неближних, все охотно шли на уступки и жертвы... Для них важнее были совесть, честолюбие и доблесть. Где теперь тот благородный дух общности и радение о чести? Мы лишились их, у теперешних дружба – не дружелюбие, а вероломное коварство. Вражда – не отстаивание истины, а просто неумение жить в согласии».¹

Отголоски «Золотого века» законности и правосудия еще были живы в XIX и XX веках в кочевых и полукочевых регионах громадного Степного края казахов. Они так крепко запали в сознание и память народа, как бесценная картина жизни, что освободиться от них пришлось с затяжным трудом, постепенно, и то под направленными дубинками и «пряниками» новых хозяев-колонизаторов. В то же время и в эти же периоды «благородный дух общностей и радения о чести», характерный для «Золотого века» законности и правосудия в древней и недавней истории Казахстана, становился ориентиром в умах просвещенной части населения и общественного сознания в Казахстане.

---

¹ Абай Құнанбаев. Екі томдық шығармалар жинағы. 2 том, Алматы, 1997. 72-74 бб.

Почти все российские и русские чиновники, служившие в колониальной администрации края в XIX и в начале XX века независимо друг от друга единодушно отмечали особую роль в прошлом независимых биев-судей в степных регионах казахов. Так, А.Е. Алекторов в одной из своих статей «Суд биев – суд народный» писал: «Каждый бий и старик при разбирательстве дела считает священным долгом оказать тяжущимся полную беспристрастную справедливость».¹ Другой чиновник Д'Андре, хорошо знавший быт и изучавший внутреннее устройство степного населения казахов, в одном из официальных донесений по инстанции отмечал, что «Природный ум, особые душевные качества с присоединением к тому опытности и примерной приветственности есть качества и вместе с тем все достойное, посредством которых бий может иметь право носить это почетное имя... Кроме всеобщего уважения, бий никакими особыми правами и привилегиями в Орде не пользуется. Хорошая молва в народе о беспристрастном суде бия, по сути, единственные отличия его от простолюдина».² К.Л. Баллюзек, автор ряда специальных работ, в том числе отдельных изданий, посвященных судебной-правовой организации в казахских жузах и как очевидец, заставший отдельных и редких представителей биев-судей старого типа во второй половине XIX века, писал: «Обязанность судьи лежит на так называемых биях. Это звание в сознании народном принадлежит тем немногим, которые с природным умом и даром красноречия соединяют в себе глубокие познания в коренных обычаях народа и в исторических о нем преданиях».³

В массовом сознании народа «древний суд биев», что ассоциировался с «Золотым веком» законности и правосудия в степи казахов-кипчаков, оставался живым воспоминанием и реальной картиной ушедших, но еще памятных веков, от недавнего времени – до начала XX века. Их влияние на умы народа было впечатляющим и сильным, никакие другие формы права и правосудия, навязываемые даже силой кнута и

¹ Алекторов А. Е. Киргизская степная газета. № 2.1890.

² Материалы по обычному праву казахов. Сб. 1. Алма-Ата, 1948. С. 124-125.

³ Материалы по обычному праву казахов. Сб. 1. Алма-Ата, 1948. С. 163.

нагайки, были бессильными их стереть. Взгляды и суждения видных деятелей общественной мысли, национальной культуры и науки, как правило, расхопившиеся между собою по ряду важных вопросов жизнеописания народа, были удивительным образом единодушны в оценке казахского права в его «древней форме» и в бесспорности реальности «Золотого века» законности и правосудия в истории казахов. А. Букейханов, европейски образованный, один из выдающихся национальных общественных и политических деятелей, живший на рубеже XIX и XX веков, казахское правосудие ставил выше, чем распространенное в его время и эпоху судопроизводство. Он писал: «Бұл биді, билікті жоғалтып, қазақты орыс судьясына қарату керек деп орыс айтады, шарифатқа қарату керек деп біздің молдалар айтады. Біз мұның екеуіне де қол қоймаймыз»¹ – «Нам царские чиновники навязывают российское судопроизводство, а среди нас – религиозные деятели – муллы, наоборот, навязывают казахам шариатные (мусульманские) суды. Мы не поддерживаем эти предлагаемые судебные нововведения». Известные исследователи Н. Торекулов, М. Казыбеков проводят параллель между судами биев и современными культурными представлениями о правосудии: «Осы күні айтып жүрген жариялылық, демократиялық, адамгершілік пен гуманистік дегеннің өзі осы емес пе?» – «Разве не то же самое воплотилось в бийском суде: гласность, демократичность, человечность и гуманизм, о чем часто говорят сегодня». Высокого мнения о бийском правосудии в «древней форме» придерживался и академик К.И. Сатпаев, всемирно известный ученый и первый президент Республиканской академии наук. Он в своей брошюре «Ер Едіге», посвященной судебной-правовой системе казахов и опубликованной в 1927 году в Москве, объяснил своеобразие и превосходство бийского суда тем, что его судьи были наиболее образованнейшими и мудрыми представителями народа. По его словам, это адекватно отражено и выражено в оценочном умозрении народа: «Ханда қырық кісінің ақылы болса, биде қырық кісінің ары, білімі бар» – «Если сказать, что хан обладает умами сорока простолоюдин, то бий, несомненно, обладает совестью и знанием сорока людей». Далее он писал:

¹ Қазак газеті, № 50. 1914 ж.

«Қазақ сияқты көпшіл елде қашан да ханнан гөрі бидің қадір-киесі басым болды» – «В сообществе кочевых казахов авторитет биев-судей всегда был намного выше и больше, чем авторитет хана – верховного правителя». Казахское правосудие в «древней форме», вошедшее в историю как его «Золотой век», строилось и основывалось на следующих фундаментальных принципах, составлявших его незыблемые основы: а) знание и постижение бием-судьей основных и трансфертных норм и логику обычно-правовой системы кочевого общества казахов, б) неподкупность суда и судьи, в) справедливость как суть и моральная ориентация судебных решений, г) гласность, доступность и публичность суда, д) владение судьей ораторским искусством как средством доказывания и обоснования судебного решения, е) направленность и ориентированность суда на установление гражданского мира и достижение мирового соглашения между сторонами.

II

XX век в истории многих народов, входивших в состав Союза ССР, в том числе и Казахстана, был глубоко противоречивым и символичным. С одной стороны, у них активировалась познавательная, научно-поисковая деятельность. А с другой, развитие историко-познавательной деятельности было поставлено в жесткие и узкие идеологические рамки, имевшие императивное значение. Историю народов было принято делить на два периода: досоветский и советский, или на дореволюционный и послереволюционный, что было одно и то же. Определяющей гранью между ними считали большевистскую революцию в октябре 1917 года. Она действительно проложила новый путь в исторических судьбах народов, но только в стороне от столбовой дороги общечеловеческого прогресса. С нее действительно начиналась новая эпоха, полная пота и крови, нечеловеческих усилий против самого человека, не относившегося к государствующей расе. Так говорим и пишем сейчас, когда «послереволюционный период» («советский») распался, оставив на месте одни воспоминания, да и ностальгию у его ревнителей. Тогда за такое откровение непременно надо было расплачиваться положением и жизнью.

Согласно советской идеологической концепции дореволюционная история народов, тем более тех из них, которые не имели фундаментальных исторических памятников, рисовалась отсталой и мрачной, вечным противостоянием бедных и богатых, борьбой между ними из-за жизненного пространства. Еще в большей степени «не повезло» Центрально-Азиатскому региону и народам, досоветскую историю которых считали архисталой и патриархально-феодальной. Не допускалась мысль о наличии каких-то социальных и культурных ценностей, тем более общечеловеческих, которые могли иметь место в истории этих народов. Так закрылась дверь в тайники «Золотого века» правосудия на древней казахской земле. У каждого народа в его истории и современном развитии всегда имеются примечательные устойчивые явления, составляющие его достояние и в то же время его гордость. Такое представление может иметь место в национальных рамках или в отношениях

с соседними странами и этносами ближнего зарубежья. Они во многих случаях носят локальный, рамочный характер. Они могут касаться областей искусства и литературы, музыки и песнопения, живописи и архитектуры, технологии и науки, особенностей народного и национального менталитета и др. В редких случаях может быть такое, когда локально-национальное по значимости перерастает национальное, становится общечеловеческой ценностью. Нечто такое было и в Казахии, и оно вошло в историю как «Золотой век» законности и правосудия как наследие кочевой цивилизации, простиравшейся на огромном пространстве Центральной Азии.

Мы, исследователи, в течение многих десятилетий XX века не откликались на зов неординарного явления с человеческим лицом в канувшей истории казахов. Скорее мы проявляли робость перед ним, хотя оно постоянно маячило в подсознании ученых, и не только национальных. Существовало табу и ограничение на историческое познание. Такова была господствовавшая идеология, навязанная правящей политикой. Времена теперь изменились. «Золотой век» законности и правосудия, когда-то являвшийся достоянием поколений на древней земле казахов, становится теперь неотъемлемой частью нашей истории и допускаю, вполне возможно станет достоянием цивилизации вообще. «Изюминка», заложенная в «Золотом веке» законности и правосудия на древней земле казахов, является феноменом кочевой цивилизации общечеловеческого значения. Уверен, что пройдет немного времени, и Казахское право займет свое место в ряду общепризнанных правовых систем и учреждений прошлых веков, созвучных с нашей современной эпохой.

2.3. «Адал би – әділ би» – «Воспитанный в честности би – справедливый би-судья»

Би был центральной и значимой фигурой в казахском кочевом обществе. Сообщество биев представляло в нем наиболее интеллектуализированную по-степному, светскую часть населения, прошедшую школу страноведения. Все хорошее – моральное и материальное – в основном сводилось к ним, к их деятельности. Все плохое, негативное в обществе, выходящее за пределы традиционного быта и правил общежития, в основном вменялось в вину биев и рассматривалось как плод их бездеятельности или неэффективной деятельности. Существовала система установочных норм, определявших место, роль и статус биев-судей, норм должного их поведения, превратившихся в естественно-обычные нормативы, не требующие вопросов: нужно или не нужно. Они, как правило, выражались в рифмованной форме, удобной для запоминания. Вот некоторые из них:

– «Елге бай құт емес, би құт» – «Благодеяние народу дарит би, а не богач».

– «Туғанына бұрғаны – биді құдай ұрғаны» – «Проклят богом би, если он творил несправедливый суд в пользу своего родственника».

– «Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» – «У справедливого бия-судьи не бывает родственника, а если он склоняется в пользу родственника, то теряет святость сана».

– «Ердің құнын екі ауыз сөзбен бітірер би» – «Только би владеет искусством ускоренного и справедливого решения конфликтных дел, связанных с убийством».

– «Ханда қырық кісінің ақылы болса, биде қырық кісінің ары бар» – «Если хан-государь имеет трезвый ум сорока человека, то би имеет чистоту совести сорока человек».

В казахском кочевом средневековом обществе сфера духовной жизни в сопоставительных мерках была более развита по сравнению с другими видами и отраслями общественной жизни. Она была и более приоритетна. Такой образ и соотношение общественного уклада утвердились в специфических условиях кочевой демократии и своеобразной культуры

оценки личности и жизнеобеспечения кочевников в процессе освоения огромных пастбищно-луговых пространств Центральной Азии. Особенно высоко ценились сила Слова и сила Справедливости (чести). Они были идеализированы. В них вкладывались свобода выражения мысли в любой ситуации – на клановых, родовых сборах, на суде и на собрании при ханах-государях и даже перед эшафотом. Это запечатлено в народном постулате императивной силы: «Бас кеспек болса да, тіл кеспек жоқ» – «Возможно отсечение головы, но нет отсечения языка». Для казахов была привычна норма: «Өнер алды – қызыл тіл» – «Язык есть искусство из всех искусств». Когда хотят положительно оценить личность, говорят: «Сөзді аттап өтпеген» – «Для него сила слова была законом». Совесть, достоинство и свобода слова считались наиболее высокими духовными категориями, покрывающими материальное богатство. Это передано в другом правиле, вошедшем в сознание казахов с молоком матери. Оно звучит так: «Малым – жанымның садағасы, жаным – арымның садағасы». В нем заложена глубокая мысль, которую приблизительно можно было бы изложить так: «Духовность здоровья ценнее, чем богатство в скоте, а совесть ценнее, чем духовность здоровья». В поле этих представлений лежит понятие о социальной группе биев как об особой категории людей, призванных воплощать в своих действиях эти идеалы.

Быть бием, участвовать в дебатах при разбирательстве споров, демонстрировать свое «Я» и красноречие, победить, будучи одной из сторон на народном суде, или, будучи судьей, выносить решения, ведущие к мировому и справедливому окончанию дела, считалось самыми благородными поступками, придающими человеку знатность и славу в обществе. Но мечтать стать бием было нетрудно, было трудно и очень трудно быть бием. Это было особенностью общества казахов-кочевников.

В народном сознании и общественно-политическом бытии казахов-кочевников утвердилось неукоснительное представление: «Адал би – әділ би» – дословно: «честный би – справедливый би». В смысловом плане оно означало: «Только по своему естеству и воспитанию честный би может быть справедливым

бием». Оно относилось к носителям судебной функции – биям, независимо от их рангов. Значение и место биев в жизни общества и в политике predeterminedены тем, что в кочевом обществе хозяйственно-организаторская функция была слаба, вернее, однообразно повторяющаяся, а управление и малым, и корпоративным объединением населения в основном сводилось в мирное время к рассмотрению споров и конфликтов, возникающих не столько в межличностных, сколько межгрупповых отношениях.

«Адал би – әділ би» – «честный бий – справедливый бий» – этот девиз в общественном представлении имел главную формирующую силу в системе управления обществом. В нем содержались нормативные и моральные дефиниции, каким должен быть би как носитель судебной власти.

II

В самой человеческой природе лежало таинство стремления к преуспеванию и славе, независимо от того, достижимы они или нет. Мечта и стремление быть и стать бием, научиться и прикасаться к ним были в казахском обществе того времени всеобщим распространенным явлением среди молодого поколения людей, поверивших в себя, и обязанностью родителей всемерно содействовать их становлению таковыми, если были заделы. Это было таким же азартом, каким в современную эпоху является стремление к образованию для молодежи как условие ее становления личностью и возможного преуспевания в жизни.

Родительский глаз и общественное мнение были факторами, определяющими быть или не быть юноше и насколько в нем проявляются или наличествуют потенциальные данные, необходимые для будущего бия. Звание бия не передавалось по наследству, но то, что предки по отцовской линии были биями, само по себе имело существенное значение как в плане передачи опыта и прохождения претендентом престижной родительской школы подготовки на бия, так и в завоевании общественной известности.

Стать бием было трудно и столь же почетно. Его слава переносилась на весь его род и даже регион, откуда он происходил. Поэтому воспитание и подготовка бия считались не столько личным, сколько общественным делом. В этой сфере была и конкуренция, поскольку известность и слава никому не чужды. Лавры доставались тем, насколько был именит би по способностям. Желание и подвиги ради того, чтобы стать бием, разумеется, способствовали этому, но не определяли общественное признание, которое являлось главным критерием для будущего бия. Много сил и труда надо было положить на то, чтобы завоевать доверие общественности и стать признаваемым ею бием. Критериями оценки будущих биев были в основном их индивидуальные качества. Среди них наиболее важные: свободомыслие и народнические идеалы, овладение богатством оборота и стиля народного красноречия, полемические способности, рассудительность и находчивость в

поисках выхода из разбираемых конфликтных ситуаций. Будущего бия воспитывали в первую очередь нравственно и в преданности общенравственным идеям защиты интересов и обеспечения стабильности, единства казахских земель-племен и трех жузов. Все другие вопросы, в том числе и собственно групповые, родовые, клановые, корпоративные, должны были решаться в рамках общих интересов и в связи с ними. Это была общая установка. Она закреплена в стиле: «Атаңның баласы болма, адамның баласы бол» – «Не будь сыном только своих родителей, а будь сыном народа».

Сохранилось предание в народе, своего рода пособие молодым биям для подражания, о том, как знаменитый Толе би (Старший жуз, XVII–XVIII вв.) в юности слушал наставления своих учителей – бывалых биев-старцев. Так, 70-летний Конка би (из рода Аргын), прозванный народом «Түздің биі» – «Служителем Степи» за то, что он свою жизнь посвятил обслуживанию народа, скитаясь по степи, знакомясь и оценив любознательность, ум и дарование 15-летнего Толе бия, дал следующее наставление: «Мен секілді сенің өмірің түзде болсын, түздің адамы бол, балам» – «Постарайся походить на меня и будь служителем Степи, сынок». Также сказывают, что на большом сборе старейшин-биев племен Аргын и Уйсын, состоявшемся на берегу реки Шу, где она впадает в озеро Балхаш, Толе би подростком получил от них следующее благословение – бата: «Үй баласы ма деп едік, ел баласы екенсің. Ай маңдайлы арысым, талабың алдан өтелсін. Ауылыңның таңы бол, маңдайдағы бағы бол» – «Думали мы, что ты дитя семейного очага, оказывается, ты вырастаешь сыном народа. Пусть сбудется призвание твое: как утреннее зарево, войди в свой аул и будь слугой, приносящим ему счастье».¹

При наличии указанных выше данных обязательными были знание и усвоение комплекса обычно-правовых норм поведения, имеющих силу в степи кочевников, а также законодательных установлений ханов, вошедших в историю под названиями: «Қасым ханның қасқа жолы» – «Главное уложение Касым хана» (начало XVI в.), «Есім ханның ескі жолы» – «Рецепция правовой старины Есим ханом» (первая четверть XVII в.);

¹ Төрекүлов Н. Төле би. Алматы, 1992. 5-бет.

«Жеті Жарғы» Тауке хана – «Семь уложений Тауке хана» (последняя четверть XVI в.), основных судебных прецедентов биев, начиная с знаменитого Майкы бия (XII–XIII вв.).

По представлению казахов, еще в утробе матери закладывается характер ребенка и то, каким он вырастет и кем станет во взрослой жизни: «Болар бала боғынан» – «Ребенок познается в колыбели». Это было наставлением в первую очередь родителям, чтобы они не прошли мимо одаренных детей. Исходя из этого традиционного наставления, ребенку, подающему надежды на будущее, родители и старшие родственники уделяли особое внимание. В обществе казахских кочевников особенно знатными и высокими считались два призвания: быть бием и быть батыром. Хань в государстве избирались по наследству и только из числа потомков Чингисхана. Батыры как искусные воины и предводители ополченцев при необходимости выходили на поединки, были влиятельны и почетны в периоды войн и в эпохи сражений. По мере наступления мирной жизни, относительной стабилизации внешних взаимоотношений народов Центральной Азии и превалированием гражданской жизни над военной, бии преимущественно с судебной функцией становятся основной фигурой в управлении и жизни казахского общества и ханства в целом.

Раскрыть особенные потенциальные данные ребенка и затем юноши, дать развиваться им были первостепенной заботой отца и деда, клана и общины в целом, особенно тогда, когда это было связано с воспитанием ребенка с большой будущностью и еще больше с данными, необходимыми для бия.

В любом организованном обществе рассмотрение споров и случаев конфликта являлось одной из важнейших составных частей управления. Оно вверялось суду и в то же время имело судьбоносные черты для людей. Поэтому эта область деятельности, как правило, регулируется системой жестких норм, содержание и направленность которых зависят от социальной и политической установки. В судебной функции биев в обществе казахов-кочевников были оригинальны основополагающие принципы, которые определяли суть и предназначение судебной власти. Они лежали в сфере высшей народной морали и обозначались тремя словами в связке: «әділет – ар – бір-

лік» – «справедливость – совесть – единство». Это на первый взгляд кажется малосовместимым с кочевым образом быта и жизни казахского народа, характеризующимся со стороны, особенно европейцами, как отсталые формы общежития. Однако такое представление о народах Центральной Азии той эпохи, в том числе о казахах, само по себе является отсталым и весьма ограниченным. Если исходить из такого узкого представления, т. е. из внешних форм жизнеобеспечения народов, то трудно объяснить великие вклады в мировую цивилизацию арабско-персидской, китайской культур и мировое господство империй гуннов, тюрков, кипчаков и монголов в эпохи раннего и позднего средневековья. Принципы судебной власти биев в Казахских ханствах выражали, с одной стороны, наиболее адекватные способы простейших форм управления кочевым обществом, разбросанным на огромном пространстве Центральной Азии, управления поддерживающего и обеспечивающего единение и общность разных пастбищно-родовых объединений, постоянно находившихся под угрозой раздробления и исчезновения. А с другой стороны, они выражали простые идейные представления, на самом деле высокие по ценностям, подсказанные реальностью и делающие людей человеком собственной естественной сути, как части природной стихии на Земле.

В судах биев первостепенными были их идейно-нравственные основы, определяющие их деятельность, а материально-процессуальные аспекты их функционирования в большей степени имели значение обеспечения этой деятельности. Как это могло случиться, когда и каким образом эти нравственные принципы судопроизводства формировались в Казахском обществе – вопросы отдельные, которые остаются задачами исследователей. Некоторые экскурсы в этой части нами приняты в других разделах данного труда.

Данная статья, как было указано вначале, посвящена становлению биев как судей, их воспитанию и подготовке, а также процедуре возведения их в саны биев. Все это происходило не по велению посторонних сил или по назначению сверху инстанции управления. Общественное признание было главным и единственным критерием быть или не быть «судебным

служащим» – бием. Укажем лишь на то, что форматы и некоторая ориентация идейно-нравственных принципов бийского судопроизводства видоизменялись в зависимости от медленных эволюционных изменений в обществе и в его политической системе. При этом, однако, поскольку кочевое общество в основе своей оставалось стабильным, морально-целевые и процессуальные основы бийских судов оставались устойчивыми. Фольклорные и другие источники XVI, XVII, XVIII и XIX веков свидетельствуют об определенных изменениях, происходивших во внутренних и внешних положениях Казахстана и соответственно им изменялись идейные установки казахов-кочевников. В ранние эпохи, полные военных столкновений, в ходу был идеологический лозунг: «Жаным – ерлігімнің садағасы, ерлігім – елдігімнің садағасы» – «Ценность жизни в мужестве, а ценность мужества – в его служении народу». На последующих мирных этапах развития этот девиз получил новое содержательное звучание: «Малым – жанымның садағасы, жаным – арымның садағасы» – «Духовность здоровья ценнее, чем богатство в скоте, а совесть ценнее, чем духовность здоровья». При всем этом мораль о служении обществу и народу оставалась приоритетной. И это в свою очередь отразилось в морали суда биев.

Мы полагаем, что институт биев-судей в Казахской степи в той его развитой идейно-целевой основе мог сложиться в периоды длительного мирного времени и вдали от постоянных походов и войн, в развивающем обществе больше по внутренним законам кочевого общества и его государственности.

III

В истории бийского правосудия XVII–XVIII вв. занимают особое место. Именно в этот период жили и творили три знаменитых бия: в Старшем жузе – Толе би, в Среднем жузе – Казыбек би и Младшем жузе – Айтеке би, имена и дела которых олицетворяли лучшее и уникальное в судопроизводстве. Важно еще и то, что о них сохранились в народной памяти, в фольклористике относительно обширные материалы: по ним можно судить о многом из жизни биев. Их становление и воспитание являются типичными для биев. У Толе би (1663 – 1756), по одним данным, его предки на протяжении одиннадцати поколений были известными биями. Их родоначальник Бахтияр би жил при империи кипчаков. Он был богат, славился храбростью, красноречием, справедливостью и честностью. В народе его называли «Бахтияр – рожденный для счастья народа». Одним из предков Толе би был и Майки би. Он в свое время был влиятельным бием и советником у самого Чингисхана. А отец Толе би Алибек был также известным бием в своем округе. Он уделял особое внимание воспитанию Толе, рано заметив своеобразные взгляды сына на жизнь, считал это приметамы его потенциального дарования. Ранние записи преданий о Толе бие сообщают, что в 4-5 лет отец часто брал мальчика с собой в поездки на различные сборы и маслихаты, где собирались известные в степи, знатные по знаниям и мудрости люди. Мальчиком Толе не по возрасту проявлял необычную любознательность к устной народной поэтике и истории не только казахов, но и соседних этносов. Следуя вековым традициям, Алибек би отдал способного мальчика в свиту известных биев, выезжающих на рассмотрение конфликтных и спорных дел. Источники также сообщают, что Толе с девяти лет достаивался чести высказывать свое суждение о возможных вариантах решения по рассматриваемым делам, а порою, под присмотром своих учителей-биев, допускался к самостоятельному решению несложных дел, на что предварительно, разумеется, требовалось согласие сторон, участвующих в судебном процессе.

В родительское воспитание одаренного мальчика входили уроки нравственности, познание перипетий кочевого быта, история и культура своего народа, достоинство вольной жизни. Не менее важно было, чтобы мальчик вникал в тонкости народной морали жизнеобеспечения. С этой целью отец Алибек в течение летних и осенних кочевых сезонов отправлял сына к пастухам, где он жил вместе с ними. Дело в том, что пастухи считались наиболее осведомленной частью населения о бытовавших и долженствующих событиях в аулах, родовых сообществах. Они постоянно общались в степи с пастухами соседних общин, с проезжающими всадниками, делились с ними новостями, коротали свободное время, которого у них было предостаточно, рассказывали друг другу о знатных людях и событиях прошлых и настоящих эпох, а также различные былины и небылицы.

Позрелев, будущий претендент на должность бия должен был пройти трудный путь испытаний и получить особые благословения – «бата» от бывалых старцев-аксакалов и биев, причем не раз, а многократно, чтобы о его знании и готовности быть в сане бия знала близкая и дальняя общественность. Эти испытания носили сугубо оценочный характер, были многомерными и касались, начиная с облика, осанки, взгляда мальчика, его умения сосредоточиться в себе, заканчивая рассудительностью, находчивостью, логичностью его ответов на заданные вопросы, часто виртуальные из области философских абстракций. Обязательными элементами испытания будущего бия были критерии его идейных убеждений и нравственных установок. Вот несколько примеров. На одном домашнем сборе один из гостей, осведомленный о таланте юноши Толе, обратился, между прочим, к нему с вопросом: кого он считает «тремя сиротами» («үш жетім»), Толе, немного задумавшись, ответил: «Земля – сирота, если не будет дождя; народ – сирота, если некому им управлять; слова – сирота, если они обращены к глупцу» («Жаңбыр жаумаса жер жетім; басшысы болмаса ел жетім; ұқпаса айтқан сөз жетім»).

Во всех источниках утверждается о том, что Толе би с 15 лет начал самостоятельно вести судебные дела. Он следовал лучшим традициям бийского судопроизводства, по которым

решения суда биев могут считаться справедливыми, если они не оставляют места сторонам для публичного возражения в силу беспристрастности суда, истинности доказательств и в меньшей мере в силу умения бия-судьи убеждать участников процесса. При жизни Толе би образно называли «кара қылды қақ жарған әділ би» – «судьей высшей справедливости, умеющим разделить в равной части волосинку».

Авторитет и строгость таких крупных биев, как Толе би, Казыбек би, Айтеке би и других, творивших суд, от решения которых не мог уйти никто и ускользнуть даже нечестный лжец и криминал, были настолько в обществе популярны, что на суд к ним являлись из дальних аулов, родов и даже из другого жуза в поисках справедливости в суде. Так о Толе би было распространено предупреждение: «Төленің булығы сөйлеп, адыра қарағанынан сақта» – дословно: «Берегись сверлящих слов Толе би и пристально-пронзительного его взгляда». Под ним понималось: «Не ходи на суд Толе би с нечестным намерением винить невинного или оправдаться, будучи виновным». Толе би признавался верховным бием во всем Степном крае.

Одним из популярнейших биев в Среднем жузе был Казыбек би (1666 – 1763), который происходил из крупной племенной ветви Аргын, из рода Каракесек. В его становлении как бия важную роль играли родители: Келдібек, отец и известный би, а также мать Токмейл, которую характеризуют как весьма умную женщину с широкими познаниями об устной культуре казахов и степных законах. О ней говорили, что-де родись она мужчиной, была бы и превосходным бием. Она рано заметила особые дарования сына и была первой, кто изрек «бата» – «благословение» ему о том, кем он станет по своим личным данным.

Казыбек, прежде чем именоваться бием, прошел ту же школу, что и все другие одаренные личности, поставившие перед собой цель – быть знатной личностью в обществе – бием. Старые записи устных преданий сообщают нам и случаи встречи Казыбек бия, которому было 12 лет, с легендарным в Младшем жузе Монке бием, который уже был стар, но в ясном уме.¹ Монке би, осведомленный о даровании Казыбек бия, решил

---

¹ Рукописный фонд Института литературы и искусства. Д. 7712. Тетрадь 9.

убедиться в этом и задал ему один за другим несколько вопросов. Вот как проходил этот диалог между ними:

Вопрос: «Шырағым, атадан үш түрлі бала туады: бір бала әкесінен асып туады, бір бала әке әкшесін басып туады, бір бала әкесінен кері кетіп туады. Сен соның қайсысы боласың?» – «Юноша мой, дети рождаются и вырастают трех уровней: одни по познаниям опережают отца, вторые – следуют за отцом, а третьи – отстают от отца. К какой из них ты себя относишь?»

Ответ: «Менің атадан асып туған бала болар-болмасымды алдағы өмірім, өнерім біледі, ал кері кетіп тудым деу өзіме де, өзгеге де реніш болар еді. Әзірше, өз ойым: әкшесін басып тудым ба деймін» – «Насколько я могу превосходить отца – это пока тайна, заключенная в моей еще не раскрытой жизни и умении. А сказать, что я отстал от отца, было бы для себя и для других дурным тоном. Пока, я думаю, что я иду и наступаю на пятки отца».

Вопрос: «Уа, балам, өтірік пен шынның арасын өлшедің бе?» – «Сынок мой, измерил ли ты расстояние между правдой и ложью?»

Ответ: «Өлшедім, ата. Өтірік пен шынның арасы төрт-ақ елі» – «Измерил, дед. Расстояние между правдой и ложью составляет всего четыре пальца руки» и приложил пальцы руки между глазом и ухом.

Вопрос: «Ақыл кімнен шығады, асыл неден шығады, қанат неден шағады, санат неден шығады, ағат неден шығады – осыларды білдің бе?» – «Уяснил ли для себя: от кого исходит разум, где покоятся ценности, откуда вырастают крылья, как происходит осознание цели, как рождается глупость?»

Ответ: «Меніңше ақыл жастан шығады; асыл тастан шығады. Тағу болса: бірі – құйрық бірі – жал, қанат содан шығады; халқы үшін қарттар қам жесе, санат содан шығады; Өнерсіз болса боз-бала, ағат содан шығады» – «Насколько я представляю: разум присущ молодости и исходит от нее; драгоценности вырастают в камнях; там, где бывают «в дружбе» хвост и гривы, появляются крылья; если старшее поколение думает и заботится о своем народе – это и есть осознание цели».

Приведем еще один пример об умственной способности

Казыбек бия. Когда он был в зените славы, встретился с правителем Жунгарии, соседнего ханства, которого лично знал в прежние годы. Правитель спросил его: «Сколько у тебя сыновей?» Казыбек ответил: «У меня полтора сына». Правитель был удивлен: «Что значит полтора сына? Слышал, что у тебя пятеро сыновей». Би объяснил, что у него действительно пятеро сыновей, но только один из них по имени Бекболат может быть полезен народу и годится в предводителя и его считаю цельным сыном, а остальные годятся в пастухи и в мужья – всех их не беру в учет, и они не представляют цельного мужчину, а лишь его половину.

Казыбек би в юности и взрослые годы не раз встречался с Толе бием, который был намного старше его по возрасту, а главное, он уже был знаменитым бием. Учиться у него искусству бия-судьи и получить его «бата» – «благословение» считалось верхом признания. В литературе описывается одна из таких встреч, когда Казыбек би был уже опытен и мог наравне вести диалог. О том, как проходила беседа между ними, о тех тайнах мысли, которые были доступны им, как они разгадывали мысли друг друга, выраженные необычным образом, в иносказательных формах, свидетельствуют следующие эпизоды. Однажды юный, но набравшийся некоторого жизненного опыта Казыбек би сказал отцу, что он хочет поехать к мудрому Толе бию, жаждет повидаться с ним и послушать его сказания. Несколько лет тому назад он был у Толе бия и тогда получил его «бата» – «благословение» на бийскую профессию. Теперь Казыбек би хотел совершенствоваться, проходить дополнительные школы у титулованного Толе бия. Его отец Келдыбек вначале приостановил сына словами, моля, Толе би – великий деятель, а ты еще молод, можешь оказаться в неудобном положении, не поняв его замысловатых, завуалированных мыслей. Казыбек би настоял на своем. Эта встреча состоялась. После взаимных приветствий и распросов первым начал Казыбек би. Он спросил Толе бия:

– Алысыңыз қандай? – Какова ваша дальность?

– Алысым жақын болды. – Дальность стала близкой, – ответил Толе би.

– Тәттіңіз қандай болды? – Какой стала Ваша сладость?

– Тәтгiм сиреп барады, шырын болды. – Сладость стала разжиженной.

– Несиенiз қандай? – Каким стал кредит доверия?

– Несием орынды болды, көбейiп жатыр. – Кредит доверия оказался исправным, размножается.

После того, как Казыбек би вернулся к себе, его спутники, бывшие с ним вместе в ауле Толе бия, просили его раскрыть содержание диалога с Толе бием, которое им было непонятно. Казыбек би дал следующее объяснение ответам Толе бия: когда он сказал «Дальность стала близкой», имел в виду ослабление зрения; словами «Сладость стала разжиженной» дал понять, что «сон стал редким», под понятием «Кредит доверия оказался исправным, размножается» он выразил мысль, что его дети исправно заботятся о нем и сами имеют своих детей.

За особые судебные дарования и заслуги Казыбека би при жизни его именовали «қазып айтқан Қазыбек» – «доходящий до последней истины Казыбек би».

Айтеке би, сын Байбека, был тебе бием – верховным бием Младшего жуза. Он происходил из племени Алшын, родился в зажиточной и просвещенной семье, в долине между известными в Центральной Азии городами Самаркандом и Бухарой. Хронологически он жил в период с середины XVII до начала второй четверти XVIII века. По некоторым данным, до 12 лет его воспитывал дед Акша, провозглашенный местными казахами-кочевниками своим ханом. Ближайшим родственником ему приходился Жалантос батыр, правивший Самаркандом в течение нескольких десятилетий. Дед возлагал на юного Айтеке большие надежды и с семи лет приобщил его к ханскому управлению, к приемам иностранных гостей. Айтеке обучался вместе с внуками правителя Жалантоса в религиозной школе в Бухаре и освоил арабский, персидский языки. Как указывает один из авторитетных исследователей, знаток народного устного творчества Н. Абуталиев, в 25 лет Айтеке би стал признанным бием в роде Торт-кара, а в 30 лет был признан и избран Тобе бием – верховным бием-судьей во всем Младшем жузе, объединившем 29 родов, входивших в четыре поколения – Алим, Бай улы, Жетиру и Кетен.

Судя по записям, сделанным по свежим рассказам наслед-

ников и знатоков истории культуры казахских кочевий, Толе би, Казыбек би и Айтеке би, которым принадлежала ведущая роль во всеказахских и региональных народных собраниях, созываемых ханами или по инициативе сообщества биев, нередко и их самих, временами встречались между собой, поскольку проблемы взаимоотношений трех жузов – Старшего, Среднего и Младшего, а также обсуждение и решение общеказахских вопросов всегда были актуальными. Их отношения были настолько уважительными, что, даже живя вдали друг от друга, через специальных гонцов и посланников делились новостями политической и хозяйственной важности, обменивались подарками.

Их встречи вдвоем, тем более втроем, в гостях, на приемах по разным случаям или в ауле одного из них превращались в экзотические массовые праздники, собиравшие много людей. Источники сообщают, что на одной из первых встреч Толе би и Казыбек би при людях обратились к Айтеке би, приехавшему издалека с игриво-испытательным вопросом: «Жақсы жігіт деп, нағыз жігіт деп кімді айтады?» – «Кого называют хорошим мужчиной и кого настоящим мужчиной?», на что Айтеке би ответил: «Хорошим мужчиной называют того, кто исправно выполняет свою мужскую обязанность. А настоящим мужчиной называют того, который признает над собою власть правдивого слова и сам покоряет других правдивыми словами» («Көзге ілінген жігітті жақсы жігіт дейді. Тура сөзге басын иген, өзін дұрыс сөзіне басқаның да басын игізген жігітті нағыз жігіт дейді»). Оставшись удовлетворенными, два популярных бия задали еще несколько вопросов: «Ақылдың шегі бар ма?» – «Где кончается разум?», на что Айтеке би ответил: «Там, где начинается гнев, кончается разум». На вопрос: «Жауменен күш сынасар алдында неше серігің болу керек?» – «Сколько у тебя должно быть спутников перед поединком с врагом?» – последовал ответ: «Разум, хороший конь и стальная кольчуга».

Сохранилось предание о том, что Толе би перед смертью наказал одному из сыновей: после его кончины отвезти и передать его личную трость, с которой он не расставался в последние годы, Айтеке бию как последний памятный дар от

него. Это был жест особого уважения. Сын Толе бия, прибыв со свитой в аул Айтеке бия, не стал заезжать в аул и возвел временный шатер недалеко от него, надеясь на то, что сам Айтеке би выйдет к ним, чтобы выразить соболезнование, поскольку Толе би был намного старше Айтеке бия. Прошел день и два, Айтеке би не вышел к ним. Тогда свита сама снялась с мест и заняла отведенную юрту в ауле Айтеке бия. При встрече с Айтеке бием происходил следующий диалог.

Сын Толе бия с обидой и упреком произнес: «Отец скончался. Он был старше вас как по возрасту, так и по старшинству, считал себя и старшим твоим братом. Не повинуйся вековой традиции, вы не изволили первым явиться в нашу свиту и выразить свою скорбь». Айтеке би следующим образом обосновал свое поведение: «У тебя был веский повод думать так. Ты прав и в том плане, что Толе би был твоим отцом и отцом народа и я, питавший к нему особое уважение, первым должен был прийти к тебе и выразить глубокое соболезнование по поводу кончины твоего отца. Но ты упустил одно важное обстоятельство: не ты стал сиротой, ибо у тебя есть скорбящий старший брат, как я, а я – настоящий сирота, ибо у меня нет старшего скорбящего брата по поводу кончины Толе бия. В этих условиях, следуя нашей традиции, ты должен был первым явиться с соболезнованием ко мне». Присутствовавшие сочли доводы Айтеке бия основательными.

Айтеке бию приписывают прощальные слова, сказанные им об итогах своей жизни: «Менің өмірім өзгенікі, өлім ғана өзімдікі болды» – «Моя жизнь принадлежала другим (т. е. народу), а мне принадлежит собственная смерть».

IV

Популярность была и должностью, и титулом для бия, ибо он был в первую очередь общественной фигурой. Каждый би хотел быть популярным в своей среде и вне нее. Был только один путь достижения популярности – это завоевание шаг за шагом доверия и доверительного отношения к нему обществу. Пройти этот путь должен был в первую очередь он сам.

Выдвижение или повышение по бийской лестнице, пытаться занять более высокие ее ступени было мечтой каждого бия, особенно тех из них, которые имели успехи в общественном признании.

Существовал освященный вековой традицией порядок, в рамках которого происходило общественное признание дарования бия. Среди них институт получения «бата» – «благословение» от опытных, признанных старцев-биев считался наиболее «документальным». Как правило, прежде чем дойти до опытных биев и предстать перед ними, молодой би проходил «экзамены» более меньших фигурантов. По данным известного исследователя устного творчества народа и собирателя фольклорных материалов Н. Торекулова, Толе би получил «бата» – «благословение» от знатнейших во всем Среднем жузе старцев – биев: от девяностолетнего Жетес бия и столетнего Анет бия. Об Анет бие в свою эпоху и поздние времена говорили: «Энет бабам – Арғынның ер ағасы, әрі би, әрі төре, ел ағасы» – «Почтенный Энет – старейший из рода Арғын, он би, и предводитель во власти, и покровитель народа».

Личностные данные и достоинства биев в общественных и политических измерениях нередко выдвигали их в военное время в организаторов и предводителей вооруженных ополченцев и дружин. Это выражено в народном уставе: «Қабырғадан қар жауса – атан менен нарға күш, ел шетіне даумен коса жау келсе – қабырғалы биге күш» – смысловой перевод: «Если возникнет необходимость сняться с кочевьев при глубоком и бушующем снегопаде, то тяжесть испытания падает на отборного верблюда, и если возникнет одновременно тяжелый

конфликт между своими родичами или наступит время для защиты границ земли от врага, то тяжесть испытания падает на бия». По документальным данным, Толе би не раз участвовал в сражениях под Ташкентом и дважды в течение 12 лет был его правителем.

Три бия, признанные тобе-биями – верховными биями в трех казахских землях: Толе би в Старшем жузе, Казыбек би – в Среднем жузе, Айтеке би – в Младшем жузе - олицетворяли народную судебную власть и мудрость, стабильность и целостность Земли Казахской. На одном из всеказахских собраний биев, созванных Тауке ханом в годы надвигающейся опасности для свободы Казахстана в начале XVIII в. в окрестностях г. Туркестана, в урочище Култобе, Айтеке би произнес следующие слова: «Біз қазақ – бір биенің құлыны едік, тұлпар болып оза шабайық. Біз бүкіл қазақ – бір ұяның балапаны едік; қанаттанып сұңқар болып самғайық. Біз бүкіл қазақ-бір тоғайдың ағашы едік, орман болып жасылданайық, жайқалайық. Біз бүкіл қазақ – бір шаңырақ, бір қазан, бір төрлік дастарқан болып атамекенді түгел қамтиық»¹ – «Мы, казахи, подобно жеребяткам от одной кобылицы, ставшие тулпарами, должны в гонке времени опережать других. Мы, казахи, птенцы из одного гнезда выросли и с окрепшими крыльями, как сокол, должны взвиться вверх. Мы, казахи, как деревья одного урочища и должны зеленеть и колоситься, как лес, и быть им. Мы, казахи, живущие в единении под одной крышей, обслуживаемые из одного котла, да станем единым и общим домом для всей земли нашей».

Сохранились в памяти народной их прощальные слова, сказанные перед отъездом в свои земли после завершения собрания биев Казахии, созванного Тауке ханом в Туркестане, на котором было принято «Большое правовое уложение» – «Жеті жарғы». Перед многочисленной толпой, пришедшей прощаться с ними, Толе би пожелал, чтобы борьба за сохранение целостности кочевых просторов казахов и их единства оставалась главнейшей нашей задачей. Казыбек сделал основной акцент на то, чтобы жители трех жузов жили без конфликтов и в согласии. В свою очередь Айтеке би сказал: если каждый

¹ Байдосұлы З. Ақтөбе. 23 маусым (июнь) 1993.

из нас будет мнить себя, что он происходит из большого или многочисленного рода, потому и более знатен, чем другие, в одиночку хочет и именуется бием, пренебрегая общностью народа, то нам всем грозит гибель.

Приписывают самому Абылай хану (1771 – 1781 – период ханства) слова: «Батыр қол бастайды. Қол бастайтын батыр болу да қымбат; көсем жол бастайды, жол бастайтын көсем болу да қымбат; шешен сөз бастайды, бәрінен де ел тағдырын шешетін шешен болу қымбат» – «Батыр предводитель воинов, быть батыром трудно и почетно; вождь определяет стратегию движения, быть вождем трудно и почетно. Оратор – это торжество слова. Быть оратором ценнее среди всех других профессии, ибо от него зависит решение судьбы народа».

Қол бастайтын батыр болу да қымбат,
Көсем жол бастайды, жол бастайтын көсем болу да қымбат,
Шешен сөз бастайды, бәрінен де ел тағдырын шешетін шешен болу қымбат.

Из изложенного можно сделать следующие важные выводы:

1. В установке «Адал би – әділ-би» – «Воспитанный в честности би – справедливый би-судья», ставшей как бы идеологической программой обеспечения стабильности и целостности казахского кочевого средневекового общества, не навязанной, а выросшей на почве законов выживания самого общества, заложена общекультурная мораль. Она гласит: «Судья – особая фигура с культом высокой нравственности, у которого справедливость и честность представляют его внутреннее убеждение». Казахские бии-судьи добивались этого.

2. В судах должна торжествовать культура разума – это первое кредо бийского судебного процесса. Весь механизм процесса должен вести к этому. «Дау сұрай келдіндер ме? Ақыл сұрай келдіндер ме?» – «Пришли конфликтовать или пришли в поисках разума?» – это было первым предупредительным жестким словом бия-судьи, обращенным иногда к разъяренной толпе тяжущихся. Этим самым давалось знать, что цель суда – полагаться на разум и прийти к разумному, а следовательно, справедливому общему решению.

3. Поведенческая установка для судей-биев: «Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» – «У справедливого бия нет родственника, а судья-би, отступивший от этого основного правила, теряет святость сана», следование которой являлось безусловным для судей-биев, имеет общецивилизационное значение для стран и народов всех времен.

В этой статье мы ограничились кратким изложением биографий становления трех великих казахских биев-судей XVII–XVIII веков, вошедших в историю народа как носители и эталоны мудрости и справедливости. Эти бии вошли в историю как верные продолжатели высоких нравственных и народно-правовых идеалов Майкы бия (1105 – 1225). В свою очередь, их современники и потомки, отправлявшие судебные функции по традиционным нормативным правилам, заявили о себе как правопреемники идей, дел и заветов трех великих биев-судей – Толе би, Казыбек би и Айтеке би.

2.4. Три законодателя и легенды века

В центре казахского права находилась особая социальная категория – би, соединявшая в своем лице деятельность судьи и законодателя, знатока источников, правил и процедур «Степного права», поэта и оратора, судебную, светскую и порою военную власть, а главное – преданная принципу справедливости. В данный раздел книги включены сведения и материалы о трех выдающихся биях – Толе би, Казыбек би и Айтеке би. Документальных материалов о них мало, зато сохранились устные повествования, передаваемые из поколения в поколение, которых в прошлые века было немало. К сожалению, многие из этих «архивов» уничтожены, сожжены, закопаны, просто утеряны в годы жестокого преследования, арестов, голода, духовного и материального обнищания населения Степного края, процессов, которые периодически повторялись в его истории, но особенно в XX веке.

Однако ограниченность документального и письменного материала о казахской правовой культуре не должны породить какое-то недоверие к сведениям, воссоздающим ее историческую картину. Следует иметь в виду традиционность и уникальность передачи информации из поколения в поколение, а также природную приверженность и адаптацию к запоминанию исторической хроники у кочевников-казахов. «Этой исторической памяти казахов я поражаюсь и поныне», – писал знаток психологии казахского народа Г. Бельгер. – ...Лишенный в течение веков письменности, зафиксированной печатно истории, архива, надежной научной документации, кочевник придавал исключительное значение родовой памяти, родословному древу по отцовской и материнской линиям, знанию семейных и родственных уз, устной шежере-летописи, закрепленной в преданиях, легендах, притчах, фольклоре – багырских дастанах-поэмах и религиозных киссах-сказах и т. д. Именно в них заключены история, душа, ментальность народа... Казах воспитан на культивированном, поэтическом слове, оно вошло в его кровь и плоть, он знает ему цену, неизменно восторгается самобытным словом, незатертым, с подтекстом и намеками, уместным, попадающим точно в цель, сражающим

наповал, вдохновляющим на подвиги, запоминающимся, как на скальная надпись. Об этом следует постоянно помнить, когда речь заходит о славных «златоустах-биях».

Великая степь Казахстана хранит в исторической памяти имена многих биев, прославившихся в разное время как судьи и трибуны своими победами и подвигами на состязательных судебных и политических процессах и на арене защиты интересов рода и отечества. С именами трех выдающихся биев – Толе би, Казыбек би и Айтеке би связана целая эпоха – полоса в истории Казахской степи, и не только в обычно-правовой области. Они были всеказахскими государственными и судебными деятелями и авторитетами. За Толе бием закрепились слова, сказанные им о себе своим детям: «Мен болсам халық үшін жүрген адаммын» – «Моя жизнь всецело посвящена народу». Айтеке би так обобщил свою жизнь: «Өмірім өзгенікі, өлім ғана өзімдікі» – «Моя жизнь принадлежит народу, а мне принадлежит только моя смерть». Эти слова выражают идейную установку не одиночек, они представляют фундаментальный принцип идеологии власти биев в периоды утверждения Степной демократии и законности «в древней форме» в Казахии.

Эпоха «трех биев» по насыщенности событиями считается одним из самых тяжелых и тотальных периодов в истории Казахстана. Внезапные нашествия хорошо организованных полчищ восточных, жунгарских калмыков на беспечные казахские аулы, занимавшие кочевьями огромное пространство от Сибири до южных отрогов Каратау и долины Сыр-Дарьи, представляли реальную угрозу для Великой степи, и вопрос «быть или не быть» для нее стал вопросом глобального значения. Этот период вошел в историю Казахстана как «актабан шұбырынды» – «годы трагедии и массового переселения народа». Именно в эти годы общество как никогда нуждалось в авторитетных и выдающихся деятелях и организаторах. Ими в числе первых являлись Толе би, Казыбек би и Айтеке би. В том, что во главе масштабного освободительного движения народа встали эти три бия, поддержанные ханской властью, видными военачальниками (батырами) и многими другими влиятельными биями, первостепенное значение имела особая престижность и особая роль власти биев во всей обществен-

но-политической структуре Казахстана. Они вошли в историю Казахстана как «три великопепных бия» – «катышулы үш би», «три пророка» – «үш пайғамбар». Восстановление и объединение казахских земель в границах до нашествия калмыков и их послевоенное мирное устройство связывается в большей степени с их именами. Как образно и метко сказал один известный публицист, они «в историческом сознании казахов воспринимаются как святыня, как неразрывное единство народного Духа, как воплощение духовной субстанции Казахстана».

Мы дадим краткие сведения о Майкы бие и о трех выдающихся биях, материалы о которых составляют содержание данного раздела первого тома «Древний мир права казахов».

Майкы би считается и признается «отцом всех казахских биев», их родоначальником, авторитет которого в казахской правовой культуре является непререкаемым. Это зафиксировано во всеобщем правиле: «Түгел сөздің түбі бір, түп атасы – Майкы би» – это труднопереводимое, но понятное всем степным основательное выражение, которое в смысловом переводе приблизительно звучит так: «Слова и сила справедливости – основы решения конфликта – так установил Майкы би». Авторитет Майкы бия настолько был высоким, что, если судьбе-бию удавалось доказать, что его решение лежит в русле правил Майкы бия, то это приводило к беспрекословному его признанию сторонами и их примирению. Однако злоупотребление именем Майкы бия не допускалось. Это вело к крушению судебно-правовой карьеры бия.

Майкы би, говорят, был долгожителем (1105 – 1225), происходил из древнего казахского крупного родового объединения Уйсын, составившего основное формирующее ядро Старшего жуза. По отрывочным средневековым тюркским, арабо-персидским и монгольским источникам, наибольшую известность он приобрел своей службой при Чингисхане и при его потомках. В период возвышения Чингисхана он был одним из авторитетных его советников и доверенным тебе бием (верховным бием) по Кипчакской степи. Чингисхан, уезжая в поход, порою оставлял его в числе временно управляющих на главной ханской ставке. Говорят, что Майкы би присутствовал при коронации девяти монгольских ханов, в том числе самого Чингисхана,

его сыновей и внуков, провозглашенных ханами на различных частях Великой степи кыпчаков. В частности, он был одним из тех, кто по древнему обычаю тюрок поднимал на белой кошме Жошы хана, сына Чингисхана, на Улытауских горах в Центральном Казахстане. Майкы би был просвещенным деятелем, владел несколькими языками, прославился в свою эпоху как приверженец и идеолог свободы Великой степи кочевников, справедливого управления и справедливого суда в ней.

Считается, что от Майкы бия идут фундаментальные правила, определяющие основы суда и судебной деятельности в «свободной» Степи древних и средневековых тюрок. Вот некоторые из них: «Тура биде туған жоқ», это правило имеет глубокую рамочную мысль и может быть передано так: «У справедливого бия одна вера – это справедливость». Более поздней его редакцией считается добавление «...туғанды биде иман жоқ» – «би – судья, имеющий пристрастие к своим родственникам, разрушает святость своего сана»; «Әділ би қара қылды қақ жарған» – смысловой перевод таков: «Искусство бия состоит в том, когда он при решении судебного дела поступает так, будто он тонкий волосок делит на две равные части». Эти и другие дошедшие до нас отдельные установления, приписываемые Майкы бию, выражают принципы правового поля, характерные для свободной зоны Великой степи. Майкы би большую часть жизни проводил в Степи, населенной тюркоязычными кочевыми сообществами, как входившими в состав империи Чингисхана и его потомков, так и оставшимися вне нее.

Толе би, Казыбек би и Айтеке би были верховными биями в трех казахских жузах: Толе би в Старшем жузе, Казыбек би в Среднем жузе, Айтеке би в Младшем жузе. Тауке хан, пытавшийся распространить свою власть на весь Казахстан (первая четверть XVIII в.) и встать во главе объединительного движения, на одном из народных съездов вблизи Туркестана официально признал и провозгласил их правителями в своих жузах. Это было смелым назначением, если учесть, что в каждом жузе был не один амбициозный султан, а несколько из потомков Чингисхана, правившие родовыми объединениями и считавшиеся Малыми ханами. Однако и они должны были считаться с популярностью и властью верховных биев.

Толе би вышел из древнего казахского этнического объединения Уйсын, а в нем из поколения Дулат. По разным источникам, он родился и провел молодые и последние годы жизни вблизи Ташкента, в местностях Каракамыс, Акбурхан, ставших фактически династическими именьями. На его воспитание и становление значительное влияние оказала фамильная традиция, вобравшая мировоззрение и культуру тюрок Великой степи. Его родословие берет начало от легендарного Майкы бия, его достойного потомка Бактияр бия, о котором в народе говорили: «Сөз бастап кетсе – шешен, ел бастап кетсе – көсем» – «Начнет говорить – трибун, начнет руководить народом – вождь».

По воле отца мальчик Толе начал учебу с пяти лет – разъезжал по регионам степи, вначале с отцом, а затем в роли қосшы бала – приставного воспитанника при опытных биях. Он быстро набирался знаний и в освоении истории, словесности и правовой культуры народа показывал раннюю зрелость. С девяти лет под испытующим оком своих наставников принимал пробное участие в судебном разбирательстве и в вынесении судебных решений. В 15 лет Толе становится на самостоятельный путь судьи-бия. Успешно проходит испытание, своеобразную аккредитацию у старцев-мудрецов, получает их «бата» – благословение. Такого рода испытание он, в частности, прошел у знаменитого в Степи ученого-старца, столетнего Анет-баба.

Благословение – «бата» степных авторитетов является своеобразным ритуалом, служит признанием юноши бием и наставлением его на будущее. По записям видного исследователя Н. Торекулова, Анет-баба просил молодого Толе бия кратко сформулировать свое жизненное кредо, и Толе би ответил: «Саяқ жүрген таяқ жейді. Ынтымағы, бірлігі мықты елді жауда, дау да ала алмайды» – «Одинокий становится жертвой одиночества, народ, если он един духовно и сплочен, то бессилён любой враг перед ним».

В зрелые годы Толе би говорил о себе: «Хан көзі жетпес қайғыны қашықта жатып көремін. Екі ел егер болғанда ел басын қосар төремін» – «Горе народное, которое недоступно хану, я ощущал издали, и конфликты крупные приводил к

миру». К его званию Толе бия Старшего жуза порою прибавляли титул «батыра» – героя-воина. В одно время более десяти лет он фактически правил Ташкентом. В одном из официальных донесений того времени говорится, что Толе би в Ташкенте «больше хана владельцем почитается».

Казыбек би происходил из рода Каракесек (объединение Аргын), вошел в историю казахов как один из «трех законодателей и пророков века», своим влиянием и деятельностью сыгравших выдающуюся роль в трудной судьбе казахов на рубеже XVII и XVIII веков. Правдоподобная легенда гласит, что его мать Токмейл, обладавшая завидным умом и даром ясновидения, при рождении сына изрекла: «Адалдан болар нәсібін, тіліңнен болар кәсібін» – «Судьбой начертаны тебе честность, и быть тебя оратором-трибуном». На деле таким он и стал.

Казыбек рос и воспитывался в традиционной степной культурной среде, где к нему относились как к одаренному ребенку: его готовили в общественные деятели, придерживающиеся ценностных нравственных принципов, учили освоению устного духовного богатства народа и наследия знаменитых биев, основам и технике красноречия, овладению мудрости. В материалах этого раздела книги приводится встреча Казыбек бия с Толе бием, к которому он отправился за получением его «бата» – благословения. Толе би был старше его и уже пользовался славой, известностью в стране. Вот как происходила эта их встреча. Первым обращением Толе бия к нему было: «Шырағым, бір бала әкесінен өтіп туады, бір бала әкесіне жетіп туады, енді бір бала кері кетіп туады. Сен соның қайсысын?» – «Мой прелестный юноша, случается, что сын по уму и притязаниям или опережает отца, или приближается к отцу, или отстает от него. К кому из них ты себя относишь?» Казыбек би ответил: «Әкеме жете туған баласы болармын» – «Полагаю, родился я идущим за отцом». На это Толе би заметил: «Өзім де солай шамалап отыр едім». – «Я предполагал, что ты так ответишь». Далее Казыбек би задал Толе бию встречные вопросы. Этот диалог между ними развивался следующим образом. Казыбек би:

– Аға алысыңыз қандай?

Толе би:

- Алысым жақын болды.
- Тәттіңіз қандай?
- Тәттім, сиреп барады, шырын болды.
- Несиеніз өне ме?
- Шүкір, несием өніп жатыр.

Казыбек би:

– Ага (вежливая форма обращения к старшему), какова ваша даль?

- Дальнее стало близким.
- Какова ваша утоляющая сладость?
- Сладость моя редет, становится жиже – соком.
- Стали ли задатки ваши родником вашего утешения?
- Благодарен покровителю, да задатки мои стали моим родником жизни, и неиссякаемым».

Как свидетельствуют источники, этот диалог остался мало-понятным для многих из свиты Казыбек бия. По возвращении на родную землю Казыбек би рассказывал отцу Калдыбеку содержание этой встречи. «Алысың қандай?» – деп, қос жанар көзін сұрадым. Ол: «Алысым жақын», – деп, жақыннан көретінін, жанарының тая бастағанын айтты. Мен: «Тәттіңіз қандай?» – деп, ұйқысын білмек болып едім. Ол кісі: «Тәттім сиреп барады» – деп, ұйқысының қашқанын білдірді. Мен: «Несиеніз өне ме?» – деп, балаларының қалай күтіп қарайтынын сұрап ем. Ол кісі: «Шүкір, несием өніп жатыр» деп, балаларының жақсы күтіп қарайтынын білдірді» – Вопросом «Какова ваша даль?» я осведомился о состоянии его зрения. Ответом «Дальнее стало близким» он дал знать, что зрение его начало сдавать. Вопросом: «Ваша утоляющая сладость?» – я имел в виду состояние его сна. Он ответом «Тәттім сиреп барады» – дал понять, что сон его становится редким. Вопросом: «Стали ли задатки ваши родником вашего утешения?» – я хотел знать, проявляют ли родные дети заботу о нем. Он ответил: «Благодарен покровителю, родник мой оправдывает надежду».

Казыбек би в Среднем жузе, как Толе би в Старшем жузе, считался «самосильнейшим». В одном официальном донесении русского представителя, относящемся к 1763 г., сказано, что Казыбек бия «в Средней орде за главного судью почитают, к которому сам Абулмамбет хан, так и Аблай и прочих улусов

султаны, знатные старшины для всякого совету всегда и почти ежегодно приезжают и без его согласия ничего знатного не приемлют».

Айтеке би, имя и слава которого простирались далеко за пределами исконных территорий Младшего жуза, стал в свою эпоху легендой. Даты его рождения и места смерти установлены приблизительно, считают, что он прожил 56 лет. По данным исследователя М. Исламгалиева, он похоронен в фамильном склепе в местности Нурата тау вблизи Самарканда. Общеизвестно, что Айтеке би был современником Толе бия и Казыбек бия, входил вместе с ними в когорту «трех правителей дум» казахского народа в последней четверти XVII и первой половине XVIII века. Он был по возрасту немного моложе их и был моложе по рангу жуза (Младший жуз), но достойным их современником по совместной службе общенациональным интересам.

Родовое объединение Торткара из Младшего жуза, к которому принадлежал Айтеке би, как и значительная часть ряда казахских родов Младшего жуза, в связи с беспрестанной борьбой за удельную власть, нередко переходящей в войны, между потомками властвующих династий, перемещались на юг и надолго занимали своими кочевьями эти просторы. В литературе утвердилось мнение, что Айтеке би большую часть жизни проводил в степных просторах к югу от междуречья Сырдарьи и Амударьи, на владениях Туранских государственных образований с центрами Бухара, Самарканд, Ургенч.

Прямые предки Айтеке бия пользовались известностью в Степи. Так, его предок Ораз би (1299 – 1385) был одним из ближайших советников основателя Туранского государства Тимур хана, сделавшего своей столицей Самарканд. Считающийся после Тимур хана и Улугбека третьим известным правителем Самарканда Жалантос приходился дедом Айтеке бию.

Айтеке получил разностороннее для своего времени образование, учился в знаменитом медресе Улугбека и успешно его окончил, овладел рядом восточных языков – арабским, персидским и тюркским. С пяти лет проходил школу у известных златоустов-биев и в семье правителя Жалантоса. Увлекался

искусством внутреннего оформления знаменитых Самаркандских мусульманских храмов и устройством государства Тимура, Улугбека и Жалантоса, присутствовал на приемах иностранных послов, в том числе из дальнего зарубежья.

Овладение кладезью мудрости казахских биев, искусством красноречия, соединенного с ученостью и традицией знаменитых предков, принесли Айтеке бию раннюю известность. К нему обращаются большие и малые, близкие и дальние правители родов и аульных объединений за решениями острых и застарелых конфликтов и споров, нарушающих мирную жизнь населения. За советами к нему обращаются государственные деятели, военачальники. Он становится толкователем Степных законов.

Идейные установки и мотивы жизни Айтеке бия были сходны с Толе бием и Казыбек бием. Все они своей первой и изначальной целью ставили служение народу правдой и справедливостью. Все они делили вместе со своим народом горечь поражений и радость побед. Слова Айтеке бия: «Жалықтың көз жасын күннің шуағы да кептіре алмайды» – «Народные слезы не высыхают и на солнце», «Өмірім өзгенікі, өлім ғана өзімдікі» – «Жизнь моя принадлежит народу, мне принадлежит только собственная смерть» – точно передают видение мира и смысл жизни трех великих биев, ставших легендами века.

Айтеке би, Толе би и Казыбек би составили главную опору Тауке хана, ставшего во главе Казахского государства в самое судьбоносное для народа время, испытывавшего трагедию поражения и массового переселения на юг. Они были вместе с Тауке ханом и другими народными предводителями в годы поиска путей мобилизации сил народа и выхода из всеобщего политического кризиса. Крупный законодательный акт «Жеті Жарғы», принятый на всенародных съездах вблизи Туркестана и отражавший патриотическую волю масс, можно отнести к значительным подвигам в первую очередь трех пророков века – Толе бия, Казыбек бия и Айтеке бия.

Основательная встреча Толе бия, Казыбек бия и Айтеке бия и их личное знакомство, по-видимому, произошло в период работы народных съездов, периодически и часто созываемых в окрестностях Туркестана. Их беседы, логико-риторические

выкладки и видение ими общих и региональных проблем, дошедшие до нас в массовой народной памяти, в большинстве случаев, возможно, состоялись и относятся именно к этому времени.

Толе би был старшим среди них по возрасту, по рангу жузов и по опытности. О нем говорили: «Бүтін билікке Төле би, бүкіл хандыққа Есім хан жеткен» – «Среди биев Толе би, среди ханов Есимхан достигли всеобщей славы».

2.5. Казахский суд биев – общекультурная ценность

В начале 2007 года состоялся диалог между мною и моим давно знакомым благожелательным коллегой, профессором права, работающим заведующим отделом в одном Московском исследовательском институте. Он – известный специалист по государственному праву. Я сообщил, что мы собираемся в Алматы провести Международную научную конференцию примерно во второй половине будущего 2008 года с постановкой проблемы «Казахский суд биев – уникальная судебная система». Он был в курсе нашей работы, проводимой за последние десять лет под моим руководством над исследовательским проектом «Қазақтың ата заңдары» – «Древний мир права казахов» в 10 томах, и о том, что из них восемь томов уже изданы, а оставшиеся два тома будут изданы в 2007-2008 годах. Он сказал:

– Я понимаю так, что вы хотите представить ученой общественности суд биев, существовавший в средние века в Казахстане, как культурную ценность национального значения?

– Догадались – ответил я, – наши разработки и исследования убедили нас в оригинальности казахской системы права «жарғы», наиболее ценностные черты которой в контексте человеческих измерений воплотились в суде биев.

– Это очень серьезная и очень ответственная постановка. Многие ученые, и не только юристы, будут относиться критически к такой постановке. Нужны будут убедительные факты, а главное – их анализы и фундаментальные обоснования основного вашего тезиса, – посоветовал мой коллега.

– Наша постановка на данном этапе о масштабной значимости казахского суда биев носит характер концептуальной научной гипотезы, выносимой на открытое публичное обсуждение и для обмена мнениями среди специалистов. Разумеется, мы идем на это, как нам представляется, с основательными доводами и доказательствами, – сообщил я.

Мой коллега предостерег меня словами:

– Более двадцати лучших юристов Рима в свое время потратили более двух веков, чтобы сформировать и разработать систему Римского права как уникальную правовую систему

с утонченными понятиями и с отраслевой классификацией права. Вы только начинаете это дело с наименьшими силами, да и в переходный период, когда мы еще не освободились от «классовых» подходов к историческому наследию.

Я объяснил:

– Мы не собираемся сравнивать систему права «жаргы» казахского средневекового кочевого общества с системой Римского права. Качественные и формальные различия между ними огромны, возможно, и несопоставимы. Однако казахский суд биев как судебная власть настолько продвинул и системен, что свою «разработку» этот суд содержит в самом себе. Не нужно заниматься сочинительством и выдумывать какие-то новые факты, неизвестные суду. Их надо освободить от вековых руин, очистить от наслоений и воссоздать суд биев в своей естественности. Римские юристы разрабатывали правовые понятия, адекватные огромной, нередко партикулярной, но и ценной правовой практике, накопленной по ходу многовекторного развития отношений изначальных форм частной собственности. По-другому обстояло дело в системе отношений, о месте и статусе, о принципах и задачах деятельности судов биев. Понятия о них уже были разработаны общественным сознанием и «навязаны» судам биев как условие их бытия и деятельности. А что касается того, что усилиями римских юристов были введены в право отчеканенные, точные формулировки правовых норм и понятий, то следует иметь в виду, что казахское судебное право состояло из весьма тонких и кратких, содержательных и рифмованных установочно-правовых норм и понятий, удобных для запоминания и применения и в то же время не оставляющих места отступлению от них. Все это в определенной степени облегчает научную разработку проблемы о казахском суде биев.

Под конец беседы-диалога мой коллега спросил:

– В чем видите различия понятий и бытия суда биев в правовом плане от правосудия, предписанного Римской системой права?

– В основе природы суда биев и норм и понятий, определявших его деятельность и предназначение, лежали преимущественно ценностные нравственные нормы, предписывающие

решать споры больше в контексте содействия формам жизни человеческой и мирной, исходя из понятий справедливости и беспристрастности судей, об их верности идеалам стабильности и единства этнокультурного социума. Понятия вещи и богатства ставились в казахском праве «жарғы» и на суде биев на второй план после понятий о моральных основах самой жизни. Суд биев был более нравственный и более демократичный, а следовательно - и более народный. В этом плане суд биев был судебной системой общецивилизационного значения.

Постороннему и неосведомленному трудно поверить, что суд биев, более основанный на принципах высокой морали, мог формироваться и существовать в кочевом обществе казахов, считавшемся средневековым и пастушеским. Русский ученый-востоковед, профессор В.В. Григорьев, один из авторитетных исследователей истории, жизни и быта кочевых казахов, утверждал, что такое представление является заблуждением и писал, имея в виду казахов: «Кочевой быт считают обыкновенно несовместимым с каким-либо значительным развитием экономическим и интеллектуальным. Но это едва ли основательно».¹ По его мнению, пристальное изучение жизни казахов убеждает о наличии в ней нередко «замечательных явлений».

Обратимся теперь к имеющимся историческим литературным источникам. Заметим, что изучение Степного края началось поздно, и только с начала XIX века, относится к периоду его колонизации Россией. Русским ученым принадлежит приоритет в изучении средневековой политико-правовой истории казахского общества. В их трудах и описаниях встречаются места о «Золотом веке» законности и правосудия, о «светлых днях правосудия» в истории казахов. В числе первых исследователей истории Казахстана был ученый-востоковед А.И. Левшин, который специально собирал, изучал и анализировал материалы, относящиеся к истории и положению Казахстана. С этой целью он работал в Азиатских архивах Петербурга и Москвы, знакомился с текущими материалами, докладами и описаниями должностных лиц и представителей царского правительства, побывавших в «Степном киргизском крае», как тогда именовали Казахию. Он выезжал на места, побывал в одном из центров управления казахской Степью в Оренбурге, в сопровождении чиновников посетил кочевые стойбища ряда родов и аулов Западной части Казахстана, завел близкое знакомство с рядом правителей и знатоков традиций, обычаев и истории местного народа. Это были 20-е годы XIX века. Итоги проделанной им большой работы опубликованы в тру-

¹ Григорьев В.В. О скифском народе саках. Спб., 1871. С. 63.

де «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей», в 3 частях, в Санкт-Петербурге, 1832 год. Этот труд принес ему мировую славу. Следует отметить, что А.И. Левшин придерживался общеевропейской и общерусской концепции об отсталости казахского края и патриархальности быта его населения – кочевников. Однако это не помешало ему увидеть и выделить некоторые особые приметы во внутреннем устройстве и в жизни казахов – кочевников, представлявшие незаурядные явления. Он отнес к ним законность и правосудие, каким-то непонятным для него образом достигшие в прежние времена, как он отметил, «замечательного» уровня. Вот что он писал: «Было время, говорят благоразумнейшие из киргизов Меньшей орды, когда и наш народ жил в покое, было время, когда и у нас существовал порядок, были законы и правосудие. Сей Золотой век, о котором вспоминают они со вздохами, есть царствование знаменитого хана Тявки (Тауке, 1680 – 1718 гг., период его ханства. – С.3.), который, если верить преданиям, был действительно в своем роде гений, и в летописях казацких должен стоять наряду с Соломонами и Ликургами... Киргизы Большой и Средней Орд утверждают, что народные законы их гораздо древнее Тявки».¹

Упомянутый нами профессор В.В. Григорьев, которого современные исследователи считают наиболее компетентным исследователем ряда аспектов политической и культурной истории Казахстана, в своих трудах неоднократно возвращался к суду биев. В своем исследовании он полагался не только на архивные материалы в Центральных государственных учреждениях русского государства. Он около десяти лет в середине XIX века возглавлял царскую администрацию по управлению Западной частью Казахстана в г. Оренбурге (состоял председателем Оренбургской пограничной комиссии – так именовалось в то время это управление). Он овладел казахским языком, систематически общался со знатью и бывал в глубине степных регионов, а что важно, он питал беспристрастное и уважительное отношение к кочевому быту, образу жизни и убеждениям местного населения.

---

¹ Левшин А.И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Спб., 1832. Ч. III. С. 169-170.

Можно утверждать, что проф. В.В. Григорьев был глубок в познании и в аналитическом обобщении политической и общественной организации внутренней жизни кочевников. Он был в курсе западной и русской литературы, посвященной описанию Восточной части Дешт-и-Кипчака – трех казахских жузов и критически относился к ним. В одной из своих работ, опубликованной после того, как он ушел с государственной службы в Казахстане и занялся исследовательской работой, посвященной сравнительному анализу истории восточно-тюркских народов, в частности казахского общества, писал: «У киргизов (казахов. – С.3.) такое превосходное судопроизводство и такие порядки следственного и судебного процесса, каким могут позавидовать многие издавна цивилизовавшиеся народы».¹

В этом же ключе писал и другой видный русский исследователь Л.А. Словохотов, много лет служивший в царской администрации в Казахстане, прекрасно владевший местным языком и скрупулезно изучавший быт, нравы кочевого народа и внутреннее управление и устройство Степного края. Он считался высококомпетентным чиновником в казахских делах, написал специальную работу о правосудии в Казахии. По его мнению, многие работы, опубликованные русскими авторами о законах в степи и бийских судах, поверхностны и часто искажают действительность. Они написаны, по его словам, «в большинстве случаев прямо от руки, под первым непосредственным впечатлением и сильно грешат субъективизмом оценки, что придает им характер скорее авантюризма, чем серьезной научной работы».² Он дает весьма лестную характеристику судам биев, отчасти продолжавшимся функционировать в кочевых регионах Казахстана даже в условиях русской его оккупации и введения ею новой системы чиновничьего суда. Ученый считал суд биев «оригинальным» и «народным» в том плане, что был близок, понятен и полезен народу, носил не обвинительный, а состязательный характер. «Народное судопроизводство киргизов (казахов. – С.3.), – указывал он,

---

¹ Григорьев В.В. О скифском народе саках. Спб., 1871. С. 63.

² Словохотов Л.А. Народный Суд обычного права киргиз Малой орды // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XV. Оренбург, 1905. С. 24.

– гласно, публично, несложно, непродолжительно. Долгими годами своей жизни народ выработал своеобразную, но вполне ему понятную структуру судебных процессов, обойдя столь вредный бюрократический элемент». Правосудие в Степном крае, отправляемое биями, автор считает, «любимая народом и следовательно действительная судебная власть».¹ Часто бывая в Степи, он записывал рассказы, былины и воспоминания старцев и знатоков о годах и событиях минувшей истории вообще, о суде и законности в особенности. Особый акцент он делал на суды биев: «Прислушайтесь, как киргиз (казах. – С.З.) поет про былые дни своей юрисдикции, помните, как тоскует его душа по утрате светлых дней народного правосудия».²

Все это почти совпадает с записями профессора В.В. Григорьева, писавшего о том, что в одной казахской легенде, передаваемой поколениям, которую из уст местного аксакала записал он, есть строки о том, что было в прошлые годы: «Когда би, как ангелы, степь исходили и суд и расправу повсюду чинили, добро водворяя».³ С середины, а в особенности с 70-х годов, XIX века русское правительство, движимое интересами всесторонней колонизации казахского края, перешло к активному его изучению, придавая особое значение вопросам внутреннего управления, правопорядка и судоустройства. Надо отдать должное тому, что среди царских чиновников, работавших не один год в органах колониальной администрации и привлеченных для выполнения задач, поставленных перед ней, были довольно умные, компетентные деятели. Они докладывали по инстанции о том, что управление в Казахской степи в большей части повернуто к правосудию, отправляемому биями, и представляет наиболее устойчивую структуру в общественной и политической жизни казахов, веками утвердившуюся в ней как символ власти и народности. Они полагали, что, не ослабив, не реформируя и не разрушив правосудие биев, нельзя будет успешно вводить в Степи на его место новую систему управления, выгодную для колониальных властей и полностью подчиненную им. Один из них, И.А. Козлов, служивший

¹ Там же. С. 80-81.

² Там же. С. 146.

³ Григорьев В.В. О скифском народе саках. Спб., 1871. С. 63.

в Акмолинском областном правлении, в докладной записке писал: «Прежде всего киргизский (т. е. казахский. – С.3.) суд – народный суд, понимаемый в том смысле, 1) что решения его основываются на народных юридических обычаях и 2) что органы его – бии выбираются народом из своей среды. В сознании народном звание бия принадлежит тем немногим, которые, отличаясь безукоризненной честностью, с природным умом соединяют глубокие познания в коренных обычаях народа».¹

Другой осведомленный чиновник, Г. Загряжский, после пятилетней службы в администрации Туркестанского края так подытожил свое видение по поводу правосудия биев в Казахской степи: «Киргиз (казах. – С.3.), известный по своему уму, безукоризненной нравственностью, справедливостью, опытностью в киргизском (казахском. – С.3.) судопроизводстве, а следовательно и в знании киргизских (казахских) обычаев, на основании которых производится суд и расправа у киргизов, (казахов) именуется бием».² В одной опубликованной безымянной записке, видимо, автором, служившим в колониальной администрации по Тургайской области, а затем в Министерстве внутренних дел России, имеются строки о законах Тауке хана (начало XVIII в.) и о судах биев: «Законы эти ни тогда, ни позже не были записаны, но хранителями их, истолкователями и проводниками в сознании народа являлись умудренные опытом и пользовавшиеся всеобщим уважением и известностью бии». Он приводит отрывки из стихов, получивших распространение среди казахов, в которых выражена тоска народа: «...Вы, старые бии, полагавшие за народ свою душу: о бии, где вы теперь?»³ С. Масимов, несший службу в Казахстане в конце XIX века, когда позиции и политика колонизации царского правительства здесь достаточно окрепли и изменили систему внутреннего управления в Казахстане, с досадой указывал: «Значение биев пало, благотворное влияние народного суда ослабло и немалое число биев осталось без занятия и средств...

¹ Козлов И.А. Обычное право киргизов. Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882.

² Загряжский Г. Юридические обычаи киргизов и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края. Петербург, 1876.

³ О преобразовании киргизского народного суда в Степных областях. 1900 (без автора и места издания). 41 с.

Прекрасное народное учреждение падает, а с ним исчезает и понятие о правде и справедливости».¹ Об этом писали и другие беспристрастные русские чиновники. Так, А. Зуев называет биев «мудрейшими и достойнейшими». По его мнению, казахский суд биев был «столь же чист и правдив, как и сама жизнь». Несмотря на прошедшие века и годы, когда бии-судьи занимали приоритетное положение в казахском обществе и в казахских ханствах, по словам автора, «в современном киргизе (казахе) еще крепко живут светлые предания этого прошлого: делясь ими, он всегда приправит свой рассказ то глубоким и тяжелым вздохом, то такими хорошими словами, от которых станет грустно и не ему одному».²

Приводя восторженные отзывы о судах биев со стороны не только русских ученых, в большинстве своем служивших в столичных органах, ведавших азиатскими делами и проводивших колониальную политику в Казахстане, но вместе с тем со стороны немалых рядовых чиновников, состоявших в органах царской администрации в Казахии, еще раз убеждаешься, насколько оправдано утверждение проф. В.В. Григорьева, русского ученого-востоковеда, воспитанного европейской культурой, о том, что суду биев могли бы «позавидовать многие издавна цивилизовавшиеся народы».

---

¹ Масимов С. Народный суд у киргизов // Юридический журнал. Кн. VIII. Спб., 1897.

² Зуев А. Киргизский народный суд // Журнал Министерства юстиции № 10. 1907. С. 161-162.

II

Представляют особый интерес мысли, оценки и высказывания крупных видных деятелей национальной культуры, особенно тех из них, живших на рубеже двух веков – XIX–XX, тогда, когда не только была свежа народная память о правосудии биев, столь мощно запечатлевшееся в ней, но и еще были живы отдельные последователи «старых» биев, цеплявшихся повторить безвозвратно ушедшую, но памятную историю. Поэтому их взгляды весьма ценные, можно сказать, вдвойне ценные в том плане, что они были свидетелями отдельных старых биев, а также системы судебной власти царской России и советского государства.

Чокан Валиханов (1835 – 1865), выдающийся казахский ученый, о котором русский востоковед академик Н. Веселовский в 1904 году писал: «Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление», оставил прекрасные записи о судах биев. В объемной статье «Суд в древней народной форме», подготовленной для Российской администрации в Казахстане, есть изумительные места об особенностях развития казахского общества и достоинствах суда биев. Вот что было сказано в ней: «Народ наш имеет богатую и не лишённую поэтических достоинств замечательную литературу, более близкую к индогерманскому эпосу, чем к восточным произведениям этого рода. Наконец, что всего важнее, форма нашего общественного развития находится в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатом высшего, культурного развития». В качестве одной из таких общественных форм в жизни казахов, оцениваемых им на уровне «высшего культурного развития», под которым имеет в виду европейский, по его словам, является суд биев. Он указывал: «Бии формально никем не избираются и формально никем не утверждаются, значение их основано на частном авторитете, который приобретают они так же, как в Европе поэты, ученые и адвокаты. Шекспир и Гете считаются всеми за великих поэтов, но именно гениальность их основана не на декретах правительств и не на формальных выборах на-

рода». Нетрудно усмотреть, что выражение «именно гениальность» относится и к судам биев. Важно еще то, что, по убеждению Чокана Валиханова, суд биев и к середине XIX века остался таким, каким он был «за тысячу лет до нас», а изменяющиеся внутренние и внешние факторы «не могли изменить его древних и простых форм».¹

Мудрец и знаток законов Степи, выдающийся казахский поэт Абай Кунанбаев, живший во второй половине XIX и в начале XX века, когда еще кое-где, особенно в глубине степи, доживали свой век последние представители прежних биев-судей, вздохи народа о которых не ослабли, наоборот, на фоне Российского суда росли как мечтания, задумал и пытался взять на себя роль общественного народного суда и тем самым облегчать положение хотя бы однородичей от расправных угнетений местных чиновников, в том числе и «новых биев». Он не стал противиться настояниям одноаульцев быть бием-судьей в их спорах. Он стал демонстрировать народность и демократичность «древнего» суда, отправляемого биями, и тем самым приобрел широкую известность как мудрый, справедливый судья-би. Избирается он тебе-бием (старшим, верховным бием) в сложных публичных судебных процессах. Его решения и судейский авторитет стали и были популярными в народе. Известны около полусотни его постановлений, вынесенных в процессе судоразбирательства по «древним» правилам. Некоторые из них имели значение судебного и жизненного прецедента для последователей – для «народных» судей и либеральных правителей. Сохранились подлинные его записи о судах биев. «Да, безусловно, – писал Абай, – наши предки уступали теперешним людям в образованности, учтивости, ухоженности и опрятности. Но обладали они двумя достоинствами, которых у нас теперь нет». По его мнению, первое достоинство – это суды биев: «Они решали споры, управляли жизнью общества». К судье-бию как «всеобщему избраннику... относились с должным почтением, слушались и неукоснительно повиновались, тогда и влиятельные лица не переступали пределов благоразумия». Второе достоинство

¹ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата, 1985. С. 494-523.

предков – «Люди свято берегли и дорожили единством». В те времена, как указывал Абай, «благородный дух общности и радение о чести были обеспечены людской стойкостью, совестью, доблестью. Мы лишились их». На вопрос о том, что из себя представляли казахские бии как судьи, Абай отвечал: «Не всякому под силу вершить правосудие. Чтобы держать совет, как говорится, на «вершине Культобе» (имеется в виду совет биев при Тауке хане, XVII в.), необходимо знать своды законов, доставшихся нам от предков: «Светлый путь» Касым хана, «Ветхий путь» Есим хана, «Семь канонов» Тауке хана».¹

Образованнейший интеллигент, просветитель, один из самых активных борцов за свободу и независимость казахского народа Ахмет Байтұрсынов (1873 – 1938) одну из своих статей, написанную до Октябрьской большевистской революции 1917 года, озаглавил «Бұрынғы әділ билер» – «Прежние справедливые би». Она была напечатана в условиях царской цензуры и в годы, когда подвергался гонениям за критику политики и реформ колониальной царской администрации в Казахстане. Поскольку его высказывание о бийском суде авторитетно и весьма выверено, мы решили привести его несколько пространно. Вот что он писал о суде биев, существовавшем до прихода в Казахстан царских колонистов: «Народный сот дегеніміз қазақтың ғадетіндегі қағидалар бойынша айтылатын билік. Бұрынғы әділ билердің қолында билік қазақтың неше түрлі дертін жазатуғын жақсы дәрі еді, бұл күнгі арам билердің қолында дәрі болмақ түгіл, у болып жүріп тұр... 1822-ші жылғы устав шықпастан бұрын қазақ билігі (соты) өзінде еді, сайланған би жоқ, қазақтың қадірлі, халық қалаған билері билік айтушы еді. Биге екі жағы келіп жүгініп, билік әділ саналып, оны бұзамын деу болмаушы еді. Қазақтың мұндай билері, ілуде біреуі болмаса, қиянат билік айтпаушы еді»² – «То, что мы называем народным судом, – это есть правосудие, основанное на ка-

¹ Кунанбаев А. Книга слов. Алматы, 1992. С. 18-19; «Қазақтың ата заңдары» – «Древний мир права казахов». Т. 1. Алматы, 2004. С. 91-92.

² Байтұрсынов А. Жаңа Низам. Алматы, 1996. 14.64-65-беттер; «Қазақтың ата заңдары», «Древний мир права казахов». Т. 1. Алматы, 2004. С. 93.

захских законах. Это правосудие в руках прежних биев было настоящими «лекарством», лечащим всевозможные недуги казахов, а теперь оно в руках современных биев (речь идет о назначаемых биях царским правительством. – С.3.) не только не стало «лекарством» – оно стало отравой. До введения устава 1822 г. (законодательство России, по которому была отменена ханская власть в Казахстане. – С.3.) казахи сами творили свое правосудие и справлялись со своими слушниками. Тогда бии не избирались, правосудие осуществлялось биями по выбору народа. Стороны сами являлись к бию, просили его суда. Правосудие бия было справедливым, и никто не помышлял его оспорить. Такие казахские бии, за отдельными исключениями, не выносили неправосудные решения».

Каныш Имантаевич Сатпаев (1899 – 1964), первый президент Академии наук республики, возглавлявший ее более 20 лет, крупнейший ученый-геолог и знаток истории культуры казахов, одну свою раннюю статью, написанную будучи студентом Томского университета, назвал «Биде қырық кісінің ары, білімі бар» – «Би владеет человеческой совестью и знаниями сорока человек». В ней казахских биев он характеризует как лиц особых и заслуживших благодарность народа: «За правдивые слова и решения на основе «справедливых Законов» – «Тура сөзді «әділ жарғыға» сансыз адамның батасы тимекші». По его словам, в казахском обществе биев ценили и ставили выше, чем самого хана: «елде қашан да ханнан гөрі бидің қадір-киесі басым болады». Правители-ханы, несмотря на то что они происходили из могущественной династии Чингисхана и представляли в основе многочисленную клановую когорту, они не только должны были считаться с влиянием и авторитетом биев в обществе, но и без опоры на них становились бессильными: «Ханның арқа сүйеуі жарасымды би-мен табылады. Бисіз хан оңбайды, хандықпен қатар қырағы билік те бір жерге бас қосса, ондай ханды ел де сүйеді, ұмытпайды, шежіресінде атын қалдырады... Ел ішіндегі рулардың көсемі – билерді ішіне тартып қыбын таба алмаған алаңғасар, әңгүдік хандар

хан болып та тұра алмайды»¹ – «Бии были опорой ханской власти. Хан без биев не заслуживал уважения. Хан предвидящий отправляет свою власть вместе с умудренными биями, уважаем народом, забываем и оставляет свое имя в родословной истории».

---

¹ Сәтбаев Қ. Ер Едіге. Мәскеу, 1927.

III

Последующие поколения, жившие после эпохи доминирования и славных дел биев-судей, в том числе и современные, не перестают восхищаться и гордиться ими как знаковым олицетворением лучших традиций в истории интеллектуальной и политической культуры казахов.

Как дань особого уважения к заслугам биев, в 1993 году на юге Казахстана был заложен парк в степи – в урочище Ордабасы, посвященный памяти трех великих биев-судей XVIII века – Толе би, Казыбек би и Айтеке би. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своей речи, произнесенной на торжествах по случаю открытия этого степного памятника, сказал: «Три великих бия сумели внушить народу великую истину: тот, кто на крутом перевале истории лишился единства, тот лишается и жизни. Три великих бия сумели образумить строптивых батыров трех жузов и собрать, сплотить народ воедино. Мудрость и прозорливость чествуемых ныне трех наших великих предков проявились именно в эту тяжкую пору... Они стали для казахов непреходящим символом единства, их страстные речи овладели умами потомков, как изречения священных книг».¹

Казахское правосудие, отправляемое биями, вобрало, можно сказать, все лучшее и ценное в идеалах средневекового кочевого общества казахов. Оно не было навязано обществу со стороны, в том числе своими ханами, не было и пристройкой к базису кочевого общества. Оно имело глубокие корни в самом обществе и олицетворяло его бытие и особенности развития. Само появление казахов на исторической арене Центральной Азии как этноса и носителя государственности связано больше с идеалами свободы и вольности, демократии и народовластия. Об этих особенностях генезиса казахов более подробно сказано в других статьях, включенных в данную книгу.

Бийское судебное право в своей общей части, или говоря иначе, в своих принципах и сути организации, деятельности наиболее предметно и концентрированно выражало, с одной стороны, идеалы демократии и народовластия в тех их формах,

¹ Пять лет независимости. Алматы, 1996. С. 135-138.

которые были возможны и присущи в рамках организованного кочевого общества средневековья, а с другой – опиралось больше на нормы высокой, очеловеченной морали. Именно последнее качество представляет особенность правосудия биев и определяет его место не только в национальном масштабе. В этом контексте бийская судебная система, можно сказать, опередила свою социально-экономическую основу, вобрав и выбрав из нее преимущественно общелюдские ценности и придав им довлеющее значение в своей деятельности.

Исходное начало и конечный результат суда биев, то есть его деятельность и предназначение его деятельности расписывались и определялись нормами морали, ставшими обычно-императивными нормативами. Материальные, нормативно-правовые процессуальные нормы для суда биев больше были инструментами достижения общеморальных целей.

Понятие «ар» – «честь», «совесть» является наиболее довлеющим в моральных представлениях казахов-кочевников и в правосудии биев. Оно воспринималось казахами как естественное приложение к самой их жизни. Господствовала установка: «Малым – жанымның садағасы, жаным – арымның садағасы» – «Духовное здоровье ценнее, чем богатство, а честь ценнее, чем духовное здоровье». Некоторыми авторами это переводится: «Богатством жертвуй ради жизни, жизнью жертвуй ради чести». Она передавалась поколениям с молоком матери. Об этом же говорит и другое наставление: «Мал сақтама, ар сақта» – «Береги собственность, а еще больше береги честь». Эта народная, массовая мораль нашла выражение в правовых нормативах, которыми должны были руководствоваться бийские, ханские и аксакальские (третейские) суды: «Жігіттің құны жүз жылқы, ары – мың жылқы» – «Штраф (выкуп) за смерть мужчины сто лошадей, а за оскорбление (нарушение) чести – одна тысяча лошадей». Первоносителем «ар» – достоинства, чести считался би. Это выражено в его характеристике: «Ханда қырық кісінің ақылы бар, биде қырық кісінің ары, білімі бар» – «У хана имеется ум сорока людей, а у бия имеется честь и знания сорока людей».

Вслед за понятием «ар» – «честь» следует другое понятие «ұят» – «стыд», которому придается не только житейское, но и

нормативное значение. В народе говорили: «Өлімнен ұят күшті» – «Стыд сильнее смерти», или «Бар барын жейді, ұятсыз арын жейді» – «Нормальные люди довольствуются тем, что имеют, а люди, не имеющие стыда, пренебрегают своей честью», т. е. покушаются на свою честь. В казахском праве «Жарғы», на котором основано правосудие биев, имеются нормы «Ұятсыз жалған» – «Только бесстыдные могут дать ложное показание»; «Ұятсыздан ант сұрама» – «Бесстыдные не могут быть назначены клятвоприносящими». Смысл этой нормы: согласно правилам судопроизводства в случае отсутствия доказательств или недостаточности доказательств для установления вины ответчика судья-би прибегает к клятвоприношению как виду доказательства, назначив по согласию сторон клятвенника в лице честного человека, которому полностью выражают доверие участники судебного процесса. Норма «Ұятсыздан ант сұрама» предостерегает при этом от возможности ошибок, предупреждая, что «люди бесстыдные могут дать неправдивое показание».

В любом социально-культурном социуме такие понятия, как справедливость и правда, являются основополагающими во взаимоотношениях людей, групп и сообщества. Однако в отношениях управления и власти эти понятия нередко могут быть и декларативными, и формальными. Суды биев публично и официально объявляют понятия справедливость – әділ, әділдік, правда – шын, шындық основными критериями, которым они следуют и которыми руководствуются в судебном процессе и при вынесении решений. Это ясно и выпукло выражено в наставлениях и установках, имеющих нормативное значение: «Ақ пен қараны шындық айырар» – «Только правда способна различить, что черно и что бело»; «Сөз шынына тоқтайды, пышақ қынына тоқтайды» – смысловой перевод: «Слова служат для выражения правды», а более текстуально: «Если найдена правда, слова заканчивают свой путь»; «Шыннан өзге құдай жоқ» – «Нет Бога выше правды». По идеалам кочевников-казахов, высшим олицетворением справедливости и правды являются бии и суд биев. Это передано в следующих установках: «Адал би – әділ би» – «Воспитанный в честности би – справедливый би»; «Тура биде туған жоқ, туғанды биде

иман жок» – «У справедливого бия не бывает родственника, а би, не соблюдающий этого принципа, теряет святость своего сана»; «Турашыл би елін оздырады, тумашыл би елін аздырады» – «Би, следующий правде, служит процветанию своего народа, а би с родственническими чувствами служит захирению своего народа». Приписывают знаменитому Толе бию из Среднего жуза (XVII-XVIII вв.) слова: «Тура биде туған жоқ, паралы биде иман жоқ» – «У бия, верного правде (справедливости) не бывает родственника, а у бия, склонного к взяткам, не бывает совести». Эта идея проводится и другом ракурсе: «Әділсіз болса би оңбас, әйелсіз болса ұй оңбас» – «Ничтожен би, не следующий справедливости так же, как ничтожна семья без женщины».

Указанные моральные и нормативные принципы и установки, характеризующие биев как носителей судебной власти, и правосудие биев, как таковое, в обществе имеют определенные рычаги и инструментарии реализации, от которых зависят овеществление идеалов судопроизводства. Они в совокупности объединены в триаде «Ақыл – сөз құдіреті – зандылық» – «Разум – святость слова – законность», каждая часть которой, кроме общего смысла, имеет свою специфическую трактовку адекватно условиям средневекового кочевого общества казахов. Эти три понятия считаются связанными, совокупными критериями оценки деятельности бия-судьи, и овладение ими для него является необходимым условием материализации морали Справедливости и Правды. Эти понятия приземлены, т. е. имеют реальное, земное значение. Они настолько важны и значимы в правосудии биев, поэтому ставятся в ряд фундаментальных факторов. Разум («ақыл») как форма и развитая ступень мышления, как способность более глубокому умозаключению по поводу рассматриваемого явления и связей составляющих его частей, лежит в основе всякой творческой деятельности, к которой относится в первую очередь судебная деятельность. Обыденное рассудочное мышление – удел многих. В обществе кочевников-казахов биев-судей наделяли более высоким умом в понимании той эпохи, носителем которого могло быть только избранное лицо, именно бий.

В понятии казахов «Сөз» – «Слово» имеет магическое значение. Оно даже, можно считать, обожествлено, ставится на первый план в общественных отношениях. Это выражено в народном катетезисе: «Ақыл көркі – тіл, тілдің көркі – сөз» – «Разум реализует себя в языке, а язык – в слове». Казахи под понятием «сөз» всегда имеют в виду умную речь – красноречие, убедительное и убеждающее. Оно возводится в ранг искусства. «Өнер алды – қызыл тіл» – «Язык – это искусство всех искусств», – говорят казахи. Добыча и накопление материального богатства, счастье и несчастье во многом связываются со «словом», с активностью, энергией и действием слова. Это кратко передано в изречении: «Жақсы сөз – жарым ырыс» – дословно «Хорошее слово – половина благополучия».

Высшей ступенью «Слова», т. е. красноречия, принято считать ораторство, и его носителем в первую очередь, по представлению казахов, является опять би-судья. Слово – это его главное орудие и магическая всеразрушающая роль Слова проявляется именно на суде биев. В системе материальных и процессуальных норм, регулирующих деятельность бийского суда, много места отводится значению и роли красноречия, которым искусно должен владеть би. Да, это является одним из первых условий, если не самым главным, на пути становления и следования претендента на получение звания бия. Приведем некоторые из этих норм:

1. «Сөз тапқанға қолқа жоқ» – «Искусному владельцу слова нет преграды». Это изречение имеет нормативное значение. Оно применительно к судебному процессу понимается как безусловное оправдание виновного, если его логика выступления безупречна по содержанию и форме.

2. Более определенно гласит другая формула: «Сөз жүйесін тапса – мал иесін табады» – дословно «Если слово находит своего хозяина, то и спорный скот находит своего хозяина». В этом тексте недвусмысленно выражена идея о первенстве слова перед остальными доказательствами. В спорах об имуществе (в данном случае о скоте) победа присуждается тому, кто искусен в речи доказывания, то есть слово выступает победителем. Такое толкование нормы является распространенным в судах биев. В эпитете «Досы өткірді жау алмас, сөзі өткірді дау

алмас» – «У кого сильные друзья, того не завоюет враг, а кто владеет разящим словом, того и суд не осудит».

3. Высоко оценивая значение слова в общественной жизни и на суде, казахи при этом в подтверждение своей позиции нередко ссылаются на авторитеты предков, наследие которых для последующих поколений является обязательным. Об этом говорит следующее наставление: «Аталы сөзге арсыз жауап қайырады» – «Веским словам предков могут возразить только глупцы». Если иметь в виду, что суды биев руководствуются наряду с обычно-правовыми нормативами и прецедентными решениями и высказываниями авторитетных мудрецов, в том числе и известных биев прошлых эпох, то на этом фоне нормативное значение приведенного текста становится более ясным. Утвердившееся в массе сознание: «Жөн сөзге тоқтамаған – арсыз» – «Бессовестен тот, кто не внемлет уместным словам» – выражает общую обстановку о значении морали и верховенства слова.

Идеология казахского кочевого общества устроена так, что, выражая особую роль слова – красноречие как важного инструмента жизнеобеспечения народа, наделяет этим качеством в первую очередь бия – судью. Вместе с тем она предъявляет им, биям, жесткие требования. Примером для них ставит случай, когда, как говорят: «Ердің құны екі ауыз сөзбен бітеді» – «Спор о штрафе (выкупе) за убийство мужчины можно решить двумя словами» – так поступали умные бии. Би-судья, играя посредническую роль на судебном процессе, должен помнить о необходимости вынесения своего окончательного решения по делу. Об этом напоминает ему указание: «Тоқсан ауыз сөздің тобықтай түйіні бар» – «Многословие должно закончиться кратким решением». Причем оно должно быть доказательным и убедительным, о чем напоминает ему другой тезис: «Тілмен түйгенді тіспен шеше алмас» – дословно «Установленное словами не развязать зубами». Именно таким рассматривается постановление суда биев.

Казахи биев-судей за дарование и способность называли особыми титулом: «От ауызды, орақ тілді» – дословно: «С огненными словами и разящим языком», т. е. особыми ораторами. Причем до такой ступени поднимаются редкие из них.

Это ясно передано в следующих аксиомах: «Батырды екі долы катынның бірі табады, биді ілуде бірі табады» – «Батыра (т. е. доблестного воина. – С. 3.) рождает каждая вторая женщина с характером, а бия – одна из многих и многих женщин»; «Жүзден біреу – шешен, мыннан біреу – би көсем» – «Из сотен один оратор, из тысячи один вождь – би».

Примечательно и то, что конечной целью правосудия биев, по господствующей идеологии средневекового кочевого общества казахов, является примирение и перемирие сторон, участвующих в суде, как бы ни были сложны и обострены их взаимоотношения. Существовала установочная норма «Даудын түбі біту» – «Примирение есть цель и конец тяжбы».

Казахский суд биев формировался в несколько иных условиях, чем в других тюркоязычных землях и ханствах Центральной Азии. Он впитал в себя свободу кочевой стихии, связанную с освоением обширного, в основном плодородного пастбищного пространства, лежавшего от низовьев рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи на юге до таежных полос Сибири на Севере, от Жунгарских ворот и Семиречья на Востоке до Каспийского моря и реки Волги на Западе. Кочевые полосы и пути кочевания казахов простирались только в одном направлении на сотни и даже тысячи верст. Природа и космос стали для них близкими и родными – это во-первых. Во-вторых, под именем «казахи» исторически собирались, формировались и жили тюркоязычные этнические группы, отделившиеся, а точнее, не признавшие власть правителей, сделавших войны и захваты чужих земель основным ремеслом жизнеобеспечения, а также насаждавших культ оседлой жизни, мусульманскую религию как опору власти. В этих условиях оставшиеся верными вольной кочевого образа жизни группами откочевывали вдаль от них, занимали окраинные территории ханства, объявляли себя свободными «беглецами» со значительными признаками свободного самоопределения. В-третьих, воспроизводство казахского кочевого общества происходило почти исключительно на собственной основе в течение многих веков, и в силу этого кочевое общество приобрело большую устойчивость. А это в свою очередь определяло устойчивость внутреннего режима и регулятивных норм поведения, воспринимавшихся населением

как должное и необходимое. Было трудно и невозможно пробить консервативную стену кочевого образа быта и мышления. Этим можно объяснить неудачу ханов, султанов и ходжей, осевших островками в немногих поселениях в степной зоне, в распространении ими догм и правил мусульманского права и религии среди аульных казахов и в превращении их в городских обывателей. В-четвертых, образ жизни, пропитанный в большей степени духом естественной воляности и свободы общения и взаимоотношений, способствовали формированию положительных нравственных и социокультурных ценностей в среде казахского кочевого общества. Казахский суд биев, вобравший лучшие демократические и нравственные традиции казахского кочевого общества, представляет и историко-национальную ценность, и общекультурную ценность.

Суд во все века был и остается одним из главных присутственных учреждений в обществе и государстве, независимо от того, какими они являются. Его значение и роль столь огромны, что в нем в равной степени ревностно заинтересованы все слои населения, как несущие политическую и общественную власть, так и привилегированные и рядовые, богачи и бедные. Дело в том, что суд есть власть по своей природе в том плане, что, с одной стороны, в суде сходятся люди с проблемами, которые сами решить не могут, а с другой – им выносятся решения, затрагивающие малые и большие судьбы людей и даже человечества, в принципе обязательное для всех. От решения суда зависит многое – от положительных и отрицательных эмоций до жизни и смерти. В этом тексте суд может играть умиротворяющую роль, также и разрушительную роль в жизни общества и политической системы. Все зависит от того, в какой связи и в каких отношениях суд находится с народом и с представляющими его социумами. История человечества учит тому, что, как правило, политически и социально господствующие в обществе классы узурпируют суды и превращают их в свои учреждения – в органы своей политики и своих интересов. И в то же время история человечества учит, что там, где весомы удельный вес и влияние рядовых масс в жизни общества и государства или признают их таковыми, суды по стилю формирования и деятельности становятся демократическими

учреждениями, создающими баланс интересов различных групп населения, обслуживающими как верхи, так и низы общества, и тем самым они выполняют стабилизирующую роль в политико-культурной среде. Именно такое развитие судебной власти характерно и поощряется в современную эпоху. Все это было в прошлом – история временами повторяется в новых условиях.

Казахский суд биев представляет наиболее приближенную к демократической массе судебную власть, в основе деятельности которой лежат преимущественно ценностные нравственные принципы и императивные нормы, выражающие природу и тенденцию стабильности и народности самой общественной-политической системы.

ГЛАВА III

ВЫСШИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

3.1. Алма-Атинский государственный юридический институт - первенец высшего юридического образования в Казахстане

В сентябре 1952 г. я был назначен директором Алма-Атинского государственного юридического института. До этого, будучи кандидатом юридических наук, старшим научным сотрудником, в течение небольшого времени одновременно исполнял обязанности заведующего сектором права Академии наук Казахской ССР (1951 – 1952). Об этом институте, в котором я проработал более трех лет, у меня осталось самое приятное и незабываемое впечатление. Возможно оттого, что в этом институте я имел возможность общаться в основном с человеческими людьми-специалистами, у которых я находил понимание и всемерную поддержку и с которыми у меня сложились самые благожелательные, а порою и дружеские отношения. А может, потому, что это было первой моей серьезной пробой относительно самостоятельного руководства таким большим коллективом, как юридический институт, на гражданке – после фронтовых лет и среди преподавателей и особенно среди студентов было много бывших фронтовиков, близких мне по духу и взглядам на жизнь. Во всяком случае, сегодня, хотя прошло с тех пор более полувека, перед моим взором в памяти часто встают живые образы многих профессоров, доцентов и молодых преподавателей института, как будто они были мне сродни.

В середине 1955 г. вышло постановление Совета министров СССР об упразднении многих юридических институтов в стране, в том числе и Алма-Атинского юридического института, и об их передаче в региональные университеты в качестве юридических факультетов там, где их не было, или о слиянии их с юридическими факультетами университетов там, где ранее они были. Тогда в Казахстане был единственный университет – это Казахский государственный университет

им. С.М. Кирова. В нем юридического факультета не было. К концу учебного года, с июня 1955 г., началась передача дел, кадрового состава, оборудования Юридического института в университет (ректор академик Т.Б. Дарканбаев) и формирование юридического факультета в его структуре. Все это происходило довольно согласованно и оперативно. Я стал первым деканом юридического факультета университета. Начав в нормальном ритме первый для факультета новый учебный год, в середине декабря 1955 г. решением Министерства высшего образования Союза ССР я был командирован в очную докторантуру в Институт государства и права Академии наук Союза ССР (г. Москва) с предоставлением места для проживания в главном здании Московского университета на Ленинских горах. Так что историю Алма-Атинского юридического института знаю не понаслышке и не только по архивным документам, являюсь одним из ее участников.

Несколько слов об истоках высшего юридического образования в республике. К сожалению, начало со временем все больше остается в тени времени. Между тем начало важно не только для удовлетворения жажды исторического познания. Оно таит в себе и «первоклетку» развития и важно для осмысления современного состояния высшего юридического образования, ориентированного на будущее, ибо оно входит и является составляющим элементом его кодового определения.

Алма-Атинский юридический институт был создан в самом начале 1938 г. на базе Института советского строительства, действовавшего с 1 января 1934 года. Студенческий контингент в первый учебный год составлял 130-140 человек, из них 100 студентов нового набора, а остальные переведены из Института советского строительства. Через год Юридический институт получил новый добротный двухэтажный учебный корпус с лекционными залами и просторной столовой, в центре города, который сохранился и ныне по ул. Шевченко. Первым директором института был назначен кандидат экономических наук Дмитрий Викторович Кузнецов, до этого более двух лет проработавший проректором и деканом экономического факультета Казахского государственного университета. Он через Правительство республики обратился в Министерство

юстиции СССР о направлении в институт молодых ученых. Вот что о нем пишет Л.В. Дюков, работавший с ним вместе почти с момента организации Юридического института: «Заслугой Д.В. Кузнецова является, во-первых, приглашение первых молодых ученых-юристов, закончивших в 1938 г. аспирантуру в Московском и Ленинградском юридических институтах, создание для них элементарных бытовых условий: жилья, медицинского обслуживания и много другого. Во-вторых, хорошая организация учебного процесса, установление товарищеской, доброжелательной атмосферы в коллективе».¹ Среди первых приглашенных с учеными степенями на работу были: Леонид Васильевич Дюков, выпускник Московского юридического института, проходивший аспирантуру в Ленинградском юридическом институте, начиная с 1938 г. стал заведовать кафедрой государственного права, а затем назначенный заведующим кафедрой теории и истории государства и права (1943 – 1960), а в послевоенные годы одновременно исполнял обязанности заместителя директора и директора института. Он был старейшим и неуважаемым профессором права. Он имел хорошее музыкальное образование и поставленный голос. Ветеран высшего юридического образования Республики Казахстан. До старости лет (прожил до 92 лет) в свободное время по просьбе студенческой и преподавательской аудитории нестареющим голосом исполнял оперные арии; Андрей Никитич Агеев, окончивший Ленинградский юридический институт и после защиты диссертации оставленный там же заведующим кафедрой гражданского права, и на новом месте назначенный в 1938 году руководителем аналогичной кафедры. В последующие годы он одновременно был зам. директора и директором института; Бажанов Александр Тихонович, окончил юридический факультет Казанского университета и с 1940 г. в ученой степени кандидата юридических наук заведовал кафедрой судебного права; Георгий Митрофанович Маслов, окончивший Ленинградский юридический институт, кандидат юридических наук, руководил кафедрой трудового и

---

¹ Дюков Л.В. Становление и развитие высшего юридического образования и юридической науки в Казахстане // Научные труды Высшей школы права «Әділет». Алматы, 1997. № 2. С. 3.

колхозно-земельного права с 1940 года; Михаил Павлович Шаламов, окончивший Московский юридический институт и его аспирантуру, с 1938 по 1941 г. руководил кафедрой уголовного права; Василий Андреевич Хван, закончив аспирантуру по специальности «Криминалистика» Московского юридическо-го института, в 1939 г. по направлению прибыл в Алма-Атинский юридический институт. Его уважали и преподавательский коллектив, и студенты как замечательного специалиста-криминалиста, строгого и доброго, принципиального и исключительно честного коллегу и наставника студенчества. Он создал и возглавлял кафедру криминалистики, временами переходил на работу директором Института судебной экспертизы, но не прерывал педагогическую работу в институте.

К сожалению, многие приглашенные из центра и других городов недолго задержались в Алма-Атинском государственном юридическом институте: часть уехали из Казахстана, а некоторые перешли на работу в партийно-советские органы. Так, А.Н. Агеев в 1944 г. перешел на работу в систему наркома юстиции республики; А.Т. Бажанов, проработав около года, уехал в Казань; М.П. Шаламов в 1941 г., т. е. через три года работы в Алма-Ате, вернулся в Москву. Но они внесли немалый вклад в становление и взросление Юридического института, в подготовку молодых кадров-юристов, а также нового поколения молодых преподавателей.

Особо следует сказать об огромной заслуге Таира Мулдагалиевича Культелеева в истории и в жизни Алма-Атинского государственного юридического института. Он выпускник Саратовского юридического института, проходил аспирантуру в Ленинградском юридическом институте и защитил в 1939 г. диссертацию на степень кандидата юридических наук. 7 апреля 1940 г. приказом народного комиссара юстиции Казахской ССР он был назначен директором Алма-Атинского государственного юридического института. Вскоре, в самом начале 1942 г., не проработав в этой должности и года, был мобилизован на фронт. По ходатайству ЦК Компартии и Правительства республики Т.М. Культелеев в середине 1943 г. был демобилизован и вскоре второй раз был назначен директором юридического института. Это были трудные годы Отечественной

войны. К тому же его назначение директором совпало с возвращением Московского юридического института в Москву в полном составе профессоров, преподавателей и студентов. В связи с этим первый государственный юридический институт в Алма-Ате, созданный в начале войны на базе двух институтов – Московского и Алма-Атинского, был расформирован, и Алма-Атинский государственный юридический институт был восстановлен в прежнем статусе. По отзывам его коллег по институту, Т.М. Культелеев быстро завоевал большой авторитет в коллективе и в республиканских директивных органах. Специальная комиссия Министерства юстиции Союза ССР во главе с профессором А.И. Денисовым, проверявшая в середине 1946 г. послевоенную деятельность института, отметила «высокий уровень подготовки юристов высшей квалификации и организации учебного процесса».¹ В период организации Академии наук Казахской ССР в 1946 г. кандидатура Т.М. Культелеева была рекомендована в члены-корреспонденты Академии наук. В конце того же года он был приглашен Академией наук на должность заведующего научно-исследовательским сектором права при президенте Академии наук и принял его 14 февраля 1953 г., будучи докторантом Института государства и права Академии наук СССР. В канун защиты докторской диссертации (Москва) по специальности «Уголовное право» Т.М. Культелеев в возрасте 42 лет трагически погиб.

Мы уже подробно отмечали, что значительную веху в истории и развитии правовой науки и высшего юридического образования в Казахстане составил период пребывания в Алма-Ате большой группы видных профессоров и ученых-юристов Союза ССР в связи с перебазированием сюда в полном составе Московского юридического института в годы Великой Отечественной войны. Среди них были известные профессора: Н.Д. Казанцев, С.С. Кравчук, И.С. Перетерский, А.А. Пионтковский, Б.М. Арсеньев, А.С. Стальгевич, А.Н. Трацнин, С.Л. Фукс, М.А. Чельцов-Бебутов, С.В. Юшков и др. Они заведовали кафедрами, вели занятия в объединенных студенческих аудиториях. Под их научным руководством в Алма-Ате и

---

¹ Дюков Л.В. Высшему юридическому образованию 60 лет // Научные труды Высшей школы права «Әділет». 1997. № 2. С. 4.

после их возвращения в Москву (к концу и после войны) готовились аспиранты и докторанты, получившие впоследствии степень кандидатов и докторов юридических наук.

Алма-Атинский государственный юридический институт (1938–1955) занимает особое место в истории высшего юридического образования в республике, подготовки кадров для правоохранительных органов и правовой науки в Казахстане. В первое десятилетие послевоенных лет большинство студентов в юридическом институте составляли фронтовики, сменившие солдатские шинели и офицерские погоны на гражданские. Я, как офицер, хорошо знал их психологию и настрой. Среди преподавателей были и участники боевых сражений, имевшие ранения и инвалидность. Они-то были организованны и активны в педагогической и общественной деятельности. Так, Станислав Николаевич Савицкий, кандидат юридических наук, доцент, не имел обеих ног и одной руки, умный, удивительно энергичный и мозгастый, наряду с педагогической работой возглавлял комсомольскую организацию и был душой и организатором общепедagogических мероприятий, начиная со студенческих кружков спортивной и художественной самодеятельности до содержательного и красочного оформления новогодних, юбилейных и праздничных вечеров студенческой молодежи. Якоб Михайлович Бельсон, доктор юридических наук, с ампутированными ниже колен ногами, будучи на протезах, руководил кафедрой государственного права зарубежных стран и международного права. Славился как оратор и вместе с тем активный участник студенческой общественной самодеятельности.

При мне (1952 – 1955) преподавательский коллектив института по составу был профессионален, многонационален, удивительно един и дружен, несмотря на наличие в нем представителей трех поколений. Перечислю заведующих кафедрами: кафедрой уголовного права руководил профессор Сергей Яковлевич Булатов (русский), временами – Александра Афанасьевна Филимонова (русская), во главе кафедры гражданского права стоял доцент Георгий Митрофанович Степаненко (украинец), кафедрой криминалистики руководил доцент Василий Андреевич Хван (кореец), кафедрой теории государства

и права – доцент Михаил Павлович Хангапов (бурят), кафедрой государственного права – Константин Флегмонович Котов (русский), кафедрой истории государства и права – Леонид Васильевич Дюков (русский), кафедрой уголовного процесса – доцент Элиазар Семенович Зеликсон (еврей), кафедрой гражданского процесса – доцент Матвей Абрамович Ваксберг (еврей), кафедрой политической экономии – доцент Марк Ефимович Барабтарло (еврей), кафедрой государственного права и международного права Якоб Михайлович Бельсон (еврей), кафедрой казахского языка и иностранных языков – Исскандер Ажигалиев (казах). А директором института был Салык Зиманович Зиманов (казах). В числе опытных и ведущих преподавателей значились профессор В.Н. Маркелов (уголовное право), доцент А.М. Агушевич, Е.У. Кириенко (уголовный процесс), доцент В. Попов (криминалистика), Андронников (римское право), доцент И.Д. Фондаминский (гражданское право и процесс), доцент А.Н. Таукелов (история правовых учений) и др. Они в основной массе были беспокойны, инициативны и задавали рациональный тон всей деятельности института. За ними шла плеяда талантливейшей молодежи на ассистентских должностях – вчерашние выпускники Института. Среди них были: С.С. Сартаев, Ю.Г. Басин, Е. Хаиржанов, Е.Б. Баянов, К.А. Шайбеков, С.Н. Савицкий, Л.М. Вайсберг, К.А. Абжанов, И.И. Войцеховский, К. Жоламанов, А. Жакипова, З. Абдуллина, К. Ургеншбаев, Х. Садыков, С. Жадбаев, Б. Базарбаев, Г.Ф. Поленов и др. Ассистент Султан Сартаевич Сартаев, окончивший этот институт 2-3 года тому назад, выдвигался на временное заведывание кафедрой государственной права во время отсутствия ее руководителя. Не могу не упомянуть благодарную, инициативную и активную роль женщин-преподавателей, внесших немалый вклад в обучение и воспитание студенчества. Среди них выделялись: Александра Афанасьевна Филимонова (уголовное право), Тамара Николаевна Савицкая (немецкий язык), Екатерина Карловна Булатова (немецкий язык). Мне как директору института, не имевшему прежде вузовского опыта, но имевшему опыт старшего офицера в рядах Советской армии в годы ВОВ, повезло работать с таким составом, и я, естественно, прислушивался к ним. Я чувствовал себя раскованно и

находил вокруг себя советников, помощников и энтузиастов своего дела, и всегда они при необходимости приходили мне на помощь. Светлую и лестную память о них и о тех годах я сохранил в течение всех пятидесяти прошедших лет.

Ветераном высшего юридического образования в Казахстане является Леонид Васильевич Дюков, доцент, впоследствии ставший профессором. Он работал в Алма-Атинском государственном юридическом институте с самого начала его организации, с 1938 г., до его реорганизации в юридический факультет Казахского государственного университета, а затем долгие годы в последнем. К тому, что было сказано много доброго о нем несколько раньше, можно добавить несколько слов о его особой дружбе с Т.М. Культелеевым. В период прохождения аспирантской подготовки в Ленинградском юридическом институте он познакомился с Т.М. Культелеевым, также проходившим там аспирантуру, который и пригласил его на работу в Юридический институт в Алма-Ате. Их знакомство в дальнейшем переросло в настоящую личную и семейную дружбу. Родители Л.М. Дюкова, эвакуированные в годы Великой Отечественной войны, несколько лет жили в алма-атинской квартире Т.М. Культелеева одной большой семьей. В свою очередь родители Л.В. Дюкова настояли, чтобы Т.М. Культелеев, проходивший докторантуру в Москве в конце 40-х и в начале 50-х годов, жил не в городке аспирантов и докторантов, а только у них.

Особо, в высшей степени уважительно следует сказать о профессоре Сергее Яковлевиче Булатове (1898 – 1965). Он был уникальной личностью и педагогом. Никто другой не мог претендовать на ту особую роль, которую он занимал при жизни в истории высшего юридического образования в Казахстане. В его лице соединились редкие качества: высочайший специалист по уголовному праву, признаваемый в таком качестве в СССР и зарубежом. Он буквально завораживал аудиторию содержанием и формой лекционных выступлений. К этому следует добавить его честность и человечность. Он близко воспринимал нужду и страдания других, особенно студентов, и всегда был готов прийти им на помощь, выделяя им часть своей заработной платы. Можно понять, что случилось при

вести о кончине Сергея Яковлевича в 1965 году: студенты не могли сдержать слезы, и не только они.

Сергей Яковлевич Булатов, коренной русский, беспартийный, из интеллигентной семьи, отец работал директором гимназии в г. Тамбове, в 1917 г. поступил и в 1922-м блестяще закончил юридический факультет Московского университета. Он был неординарно способный. Работая в научных и учебных заведениях Москвы, близко сошелся с выдающимися юристами и видными государственными деятелями тех лет – народными комиссарами юстиции РСФСР Н.В. Крыленко и Д.И. Курским, председателем Верховного суда РСФСР П.И. Стучкой. С.Я. Булатов вместе с ними готовит публикации, редактирует издания. Благодаря своим таланту, культуре и широкому кругу Сергей Яковлевич быстро вошел в столичную интеллигентную среду. Вот что пишет о нем профессор Л.В. Дюков, знавший его по учебе в Московских юридических вузах и по совместной работе в Алма-Ате: «Личность Сергея Яковлевича была исключительной. Он в совершенстве владел греческим, латинским, французским и немецким языками, хорошо знал русскую и мировую литературу, музыку, живопись, театр, вращался в художественной элите Москвы, лично знал Есенина, Айседору Дункан и многих других деятелей культуры. Сергей Яковлевич обладал независимым характером, придерживался либерально-демократических взглядов». В 1941 г., перед войной, он прибыл в столицу Казахской ССР Алма-Ату с направлением Министерства юстиции СССР на должность заведующего кафедрой Алма-Атинского государственного юридического института. Он уже имел звание профессора (с 1933 г.). На самом деле фактически он был сослан в «глубинку».

Я знал профессора С.Я. Булатова весьма близко: не столько как директор Юридического института (с 1952 г.) и до этого как заведующий сектора права и после как директор Института философии и права (1948 – 1952, 1958 – 1965), а главное – восхищенный его знаниями и человечностью, ораторскими данными, высокой культурой и нравственностью. Мы часто говорили в открытую. Он любил казахскую землю и ее культуру как свою, русскую, увлекся изучением наследия Ч.Ч. Валиханова, великого казахского и российского ученого и

просветителя середины XIX века. Гуманистические воззрения, по сути человеческие, в поисках путей их реализации привели его в свое время, в молодости, в партию Конституционных демократов (кадетов), в которой состоял с весны до осени 1917 года. В годы Советской власти этот пункт его биографии служил постоянным мотивом его преследования и гонения, что не могло не сказаться на его ранней смерти. О том, как С.Я. Булатов терпел и страдал, был пленником большевистской идеологии нетерпимости, говорят следующие факты. После защиты кандидатской диссертации, посвященной уголовно-правовой политике эпохи империализма, в которой была использована «буржуазная литература» и в связи с преследованием и арестом его учителей проф. М.Н. Гернета, проф. Н.В. Крыленко, ему, С.Я. Булатову, по сути, предложили покинуть Москву. Его докторскую диссертацию «Уголовное законодательство периода Великой французской революции», блестяще защищенную в Москве на ученом совете Института государства и права в начале 50-х годов XX века, так и не утвердили из-за «идеологической неблагонадежности». Он настолько был и принципиален и в обиде, что на мое предложение предоставить работу на повторную защиту, и, что такая возможность согласована с А.Ф. Шебановым, начальником Главного управления экономических и юридических вузов Министерства высшего образования СССР, он наотрез отказался, говоря, что однажды защитился.

Будучи профессором Алма-Атинского государственного юридического института, он впервые перевел со староготского на русский язык «Каролину», правовой памятник ранне-, средневекового немецкого государства.¹ Как дополнительное учебное пособие для юридических вузов страны она была одобрена Главным управлением экономических и юридических вузов Министерства высшего образования союза ССР. С.Я. Булатов по складу ума и гражданскому мироощущению был истинным гуманистом и интернационалистом, воспитанным на добрых традициях передовой русской интеллигенции. Он любил казахов и преданно изучал казахскую историю.

---

¹ «Каролина» в пер. С. Я. Булатова была впервые опубликована в Алма-Ате в 1954 году под моей редакцией.

Опубликовал ряд ценных научных статей о Чокане Валиханове и его роли в казахско-русских отношениях. Ему принадлежит крылатое выражение: «Я русский, и мне судьба возложила обязанность готовить научные кадры – аспирантов и докторов наук из казахов, ибо русских готовят во многих местах». Его любили и обожали в институте и за его пределами. И такой легендарный, сказал бы «штучный», профессор, больше человек, чем профессор, постоянно подвергался гонениям со стороны директивных партийных органов за то, что он был выходцем из передовой русской аристократической семьи и что в самые молодые годы не воспринимал режим большевиков, хотя в дальнейшем относился совершенно лояльно. В его записи краткой автобиографии есть указание о том, что «с весны по осень 1917 г. состоял в партии конституционных демократов (кадетов)». А эта партия по официальной идеологии большевиков считалась контрреволюционной и враждебной по отношению к коммунистическому режиму. Политическое обвинение С.Я. Булатова дополнялось и тем фактом, что он был учеником и последователем опального ученого Крыленко, одного из виднейших революционных деятелей первых лет Советского государства, и за то, что будучи уже ученым выступал вместе с ним – со своим учителем против научных концепций академика А.Я. Вышинского, долгие годы являвшегося Генеральным прокурором Союза ССР. Мне в бытность директором института неоднократно предлагалось директивными партийными органами освободить его от заведывания кафедрой уголовного права. Два-три раза я снова восстанавливал Сергея Яковлевича в должности зав. кафедрой, как только наступила относительная «тишина» в партийных идеологических органах.

Такое же случалось и с доцентом Матвеем Абрамовичем Ваксбергом, любимцем коллектива института. Эрудит Ваксберг – неутомимый труженик, предельно добрый и честный человек. Он окончил юридический факультет Киевского университета, прибыл в Алма-Ату в 1937 г. в порядке административной ссылки. По политическим мотивам не раз увольнялся из института. По прошествии небольшого времени, когда несколько утихали страсти охоты за «идейными врагами», я снова восстанавливал его доцентом, беря ответственность на

себя. В сохранившихся, теперь опубликованных документах говорится, что директор института С.З. Зиманов «в 1952 году принял на работу, фактически восстановил ранее уволенного по политическим мотивам М.А. Ваксберга»,¹ а в другом месте сказано, что М.А. Ваксберг «вновь принят на работу С.З. Зимановым».² В те годы «партийному гонению» подвергались и преподаватели еврейской национальности. Хотя преобладание среди ведущих преподавателей лиц еврейской национальности было закономерно и служило только на пользу при подготовке кадров. Я считал идеологическую установку в этой части внутренне надуманной, на деле ни на йоту не руководствовался ею и совершенно не воспринимал ее. Это было моим естественным убеждением, выработанным на протяжении жизни и особенно в годы Отечественной войны. Вот как неоднократно в своих статьях вспоминал об этих годах известный ученый-юрист, профессор Юрий Григорьевич Басин. Молодым, по его словам, в 1953 г. он пришел проситься на работу в Алма-Атинский юридический институт с большим сомнением в том, что вряд ли его примут, так как он был евреем, а в то время шла навязанная партией антиеврейская кампания. Как вспоминал этот случай сам Ю.Г. Басин, будучи известным профессором, «услышав мой ответ, что национальный признак – его принадлежность к евреям – не играет никакой роли для преподавателей», был удивлен и обрадован».

В советскую эпоху высшее образование, в том числе юридическое, было идеологизировано. Это выпукло сказывалось не только на учебных программах, где преобладали предметы «идейного» профиля, такие как история КПСС, «исторический материализм», «история государства и права СССР», «международное рабочее движение», «политическая экономика» и др. Партийные комитеты и административные органы, в компетенцию которых входили надзор и управление вузами, зорко следили за «идейной благонадежностью», за «идейной чистотой» преподавательского состава, придирались ко

---

¹ Тлепина Ш. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане. Алматы, 2005. С. 166.

² Тлепина Ш. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане. Алматы, 2005. С. 69.

всему, выдумывая идейные «недостатки» и «отклонения», якобы имевшие в истории биографии некоторых известных профессоров и доцентов, ничем не провинившихся, а, наоборот, отличавшихся в педагогической деятельности. При моем директорстве в 1952-1955 гг. почти при каждой партийно-идеологической проверке деятельности института, которая проводилась довольно часто, то тайно, то открыто, как правило, обращали внимание на кандидатуры профессора Сергея Яковлевича Булатова, доцента Матвея Абрамовича Ваксберга как лиц якобы в политическом плане «неблагонадежных», а также на преобладание евреев в преподавательском составе. Скажу откровенно, хотя я был членом партии коммунистов – вступил на фронте, все эти «идейные критерии» я воспринимал по-своему, старался по возможности смягчить и обходить их, придавая первостепенное значение критериям человечности и профессиональному качеству сотрудников.

II

К моменту моего назначения директором Алма-Атинского государственного юридического института (1952 г.), несмотря на наличие здесь достаточного количества компетентных преподавателей, в целом все же ощущалась необходимость принятия неотложных мер по подготовке и переподготовке преподавательского состава. Был только один профессор и ни одного доктора наук, один казах (А. Таукелов) среди 14 кандидатов наук и доцентов. Числились 22 аспиранта, и почти все без видимой перспективы защиты диссертации. Институт и остепенившиеся преподаватели не имели опыта подготовки аспирантов, да и в годы войны не было ни времени, ни возможности думать об этом. Эта тенденция сохранилась в республике и до начала 50-х годов.

В этих условиях наиболее эффективным путем в подготовке аспирантов было обучение их в крупных Московских и Ленинградских вузах и в центральных академических исследовательских институтах. Тут формальности, связанные с перепиской с этими учреждениями о приеме ими наших аспирантов для дальнейшей их подготовки, могли занять немало времени. Поэтому я принял решение взять с собою 12 человек из числа числившихся аспирантов и ассистентов в Москву и там, на месте, договариваться об их прикомандировании. Это было рискованное, но вынужденное решение. Была у меня какая-то уверенность в положительном решении. Помог мне в реализации этого плана профессор А.Ф. Шебанов, возглавлявший в это время Управление университетов, экономических и юридических вузов Министерства высшего образования СССР. Я его знал по Институту государства и права Академии наук Союза ССР, где он работал старшим научным сотрудником в период прохождения мною аспирантуры в этом институте. По его распоряжению все алмаатинцы, приехавшие со мною в столицу, были зачислены в аспирантуру частью Института государства и права АН СССР, частью юридического факультета Московского университета и устроены в аспирантских общежитиях. Среди них из Алматы были: А. Жакипова, К.С. Ургеншбаев, К. Жоламанов,

Н. Жангильдин, З.К. Абдуллина, А.Ж. Жакипова, Л. М. Вайсберг и др. Почти все они впоследствии с защитой кандидатских диссертаций вернулись в Алма-Ату.

Вот что об этом периоде писали свидетели – известные ученые-юристы. Приходится излагать их высказывания текстуально, хотя в них содержатся похвальные строки обо мне. Слов из песни не выкинешь. Ветеран Алма-Атинского государственного юридического института, проф. Леонид Васильевич Дюков в одной из своих статей-воспоминаний писал: «Смелый и решительный шаг в подготовке новых молодых кадров ученых-юристов С.З. Зиманов осуществил сразу с приходом к руководству института... и уже в 1952 г. направил полтора десятка наших аспирантов в Московский юридический институт и Институт государства и права Академии наук СССР для завершения и защиты кандидатских диссертаций».¹ Профессор Ю.Г. Басин, имея в виду начало исследовательской работы и подготовки кадров в Алма-Атинском юридическом институте, писал: «Решающую роль в этом сыграла активная деятельность в данной области молодого руководителя института, одного из самых первых кандидатов юридических наук Казахстана (ныне – академика Национальной академии наук – С.З. Зиманова). Его энергией и его усилиями были обеспечены подготовка и защита в Москве кандидатской диссертации большой группы молодых представителей Алма-Атинского государственного юридического института».²

Научно-исследовательская работа в стенах учебного института, получившая определенное оживление с эвакуацией Московского юридического института с профессорами в столицу Казахстана в годы войны, ограничившаяся в основном рамками частичной подготовки докторских и кандидатских диссертаций, на некоторое время заглохла в связи с их эвакуацией в Москву. Первые печатные труды в истории Алма-Атинского юридического института в виде «ученых записок» были опубликованы в 1953 – 1955 годах. Этот факт был отмечен

---

¹ Научные труды Высшей школы права «Әділет». Алматы, 1997. № 2. С. 4-5.

² Научные труды Высшей школы права «Әділет». Алматы, 1998. № 3. С. 12.

как событие в истории института и положил начало научным разработкам с публикацией их результатов.

В те годы придавалось первостепенное значение организации внеучебного времени студентов. Это считалось важным в духовном, идеологическом и образовательном планах и для саморазвития студентов. Наличие работающей массовой комсомольской, профсоюзной и студенческой организаций со своими руководящими структурными ячейками представляло хорошую базу для такой деятельности. В таких делах вместе с тем нужен организатор – вожак и авторитетный координатор. Такой человек явился в лице доцента Станислава Николаевича Савицкого, фронтовика, о котором мы уже упоминали. Он в студенческой среде был преданным и умным организатором. Проводились ежегодные городские смотры художественной самодеятельности и спортивной подготовки студентов в вузах.

На этих смотрах-конкурсах, проводившихся в 1953 – 1955 гг., Юридический институт, несмотря на его скромный студенческий контингент по сравнению с другими вузами, постоянно завоевывал призовые места, а по некоторым видам – художественной самодеятельности студентов, отдельным ее жанрам – первые и вторые места. Эти успехи отчасти объяснялись привлечением в качестве руководителей кружков на платной основе мастеров высокого класса. Так, домбровым кружком руководил редкий талант, народный артист республики Нургиса Тлендиев, русским драматическим кружком – ведущий артист русского драматического театра им. Лермонтова народный артист Е. Диордиев, казахским драматическим кружком – ведущий артист Казахского драматического театра, народный артист Кармысов, хоровым кружком и оркестром духовых инструментов известные артисты и композиторы. Спортивные секции вели известные в республике мастера спорта.

Юбилейные и новогодние вечера студентов и коллектива института проводились особенно тщательно и красочно. Они привлекали много молодежи из других вузов.

Неутомимый исследователь истории правовой науки в Казахстане, доктор юридических наук Шолпан Тлепина, разбирая архивы бывших Центральных партийных органов республики, обнаружила материалы и выступления ряда руководителей

научных и высших учебных заведений на собрании работников вузов и научных работников в Алма-Ате, состоявшемся 25 декабря 1952 года. Среди них было и мое выступление как директора Алма-Атинского государственного юридического института, о котором, правда, я успел забыть. В нем шла речь о принципах и ответственности подготовки молодых специалистов-юристов для работы в правоохранительных органах. Мне показалось, что мысли, высказанные мною на том собрании, не потеряли значения и в наше время. Поэтому здесь я привожу места из книги Ш. Плепиной, с ее впечатлениями и комментариями, относящимися к моему выступлению: «Его выступление было энергичным, напористым, ставило высокие требования перед студентами-юристами. Он говорил о том, что «необходимо предъявлять строгие неотступные требования, чтобы они были честными, добросовестными в своих действиях, в быту и в поведении, пресекать каждый случай проявления нечестности». В выступлении новый директор Алма-Атинского юридического института уделил особое внимание научно-исследовательской работе в институте. С его приходом был организован юридический лекторий для практических работников суда, прокуратуры МВД и МГБ; стали проводиться ежемесячные семинары по обмену опытом среди научных работников-криминалистов и работников следствия и розыска, пользовавшихся впоследствии популярностью у практических работников. Он отмечал: «У нас отстает научно-исследовательская работа, а раз слаба научно-исследовательская работа, то мы не можем оказать нужную, в полной мере требуемую помощь практическим работникам». Вместе с тем С.З. Зиманов обратил внимание как своих коллег, так и присутствовавших на собрании на отсутствие связи вузов и советских органов: «У нас еще не налажена связь с советскими органами. У нас еще нет ни одного труда, обобщающего работу постоянных комиссий местных Советов». В заключение С.З. Зиманов подчеркнул: «Мы не остановимся на полпути и будем бороться и добьемся такого положения, чтобы Юридический институт стоял и был на высоте своего положения по подготовке специалистов, всесторонне развитых, преданных делу партии и народа».

В этом моем выступлении чувствуется задор, присущий в те годы, и желание творить больше полезного на том участке, за который несешь ответственность. Алма-Атинский государственный юридический институт, являвшийся единственным вузом на территории Казахстана по подготовке кадров-юристов высшей квалификации на протяжении с конца 30-х годов до середины 50-х годов XX века, решением Союзного Правительства от 25 мая 1955 г. был реорганизован в юридический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова (ныне: Казахского Национального университета им. аль-Фараби). Это был первый юридический факультет в истории высшей школы в КазССР, а я стал его первым деканом.

3.2. Казахский государственный юридический институт – второе высшее юридическое учебное заведение

Почти в течение сорока лет – с 1955 до 1994 года – не было в Казахстане самостоятельного юридического института. Первый юридический институт, созданный в 1938 году на базе Института советского строительства, был преобразован в 1955 году в юридический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова и составил один из его крупных факультетов. И вот теперь 14 марта 1994 г. Указом Президента Республики Казахстан был образован Казахский государственный юридический институт в Алма-Ате, столице независимого Казахстана. По времени он стал вторым юридическим институтом в республике.

Время создания Казахского государственного юридического института было особенным. С распадом Союза ССР и провозглашением государственной независимости (суверенитета) республики, особенно начиная с конца 80-х годов прошлого века, в крае создалась обстановка «мирной революции» в первую очередь в настроениях и взглядах, в политических установках как у большинства населения, так и среди общественных и государственных деятелей. Суть их заключалась в осознании необходимости коренного обновления морально-нравственного климата и социально-экономической структуры в стране и всего того, что было связано со старым тоталитарным режимом на путях свободного и демократического развития. Это было важнейшим поворотным этапом в истории Казахстана. Тогда мы не представляли всю сложность переустройства общественных и государственных институтов и векторов и насколько этот этап будет труден и куда нас и республику выведет. Желание свободы, вдохновленное внутренней народной духовной силой, – это мощнейший фактор времени и переделки общественной жизни – именно эта сила была на стороне новых реформаторов. Одной из отраслей, где проявилась эта патриотическая сила, была сфера высшего образования. 18 января 1992 г. новый Парламент принял Закон «Об образовании». Вслед за принятием 28 января 1993 г. первой Конституции,

10 апреля 1993 г. был принят закон о высшем образовании. В этих законодательных документах подтверждалось положение о том, что Республика Казахстан содействует частной системе образования, в том числе высшего образования. Однако рычаги реализации этих идей, ответственности и контроля не были разработаны или были малоэффективными.

Началось массовое увлечение созданием юридических факультетов и отделений в рамках ряда существующих и вновь образованных высших учебных заведений.

I

Накануне распада Союза ССР на территории Казахстана функционировали два юридических факультета – один при Казахском государственном университете им. С.М. Кирова (образован в 1955 г.), другой – при Карагандинском государственном университете (образован в 70-х годах XX века) (первый декан М.И. Имашев); Высшая школа МВД Союза ССР в г. Караганде (первый начальник генерал Б.С. Бейсенов). Время от времени еще в 70-80-х годах прошлого века говорили о необходимости создания самостоятельного государственного юридического института в Казахстане.

Эта идея приобрела реальную силу и ставилась в стенах нового Парламента – Верховного Совета независимого Казахстана, первое заседание которого состоялось 24 апреля 1990 года. Она стала материализоваться в связи с постановкой и решением вопроса об организации научно-исследовательского Института государства и права в составе Академии наук, который считался первоочередным. Инициаторами были ученые-юристы, философы и историки, избранные депутатами Парламента от Академии наук и от других творческих организаций (С.З. Зиманов, М.К. Козыбаев, Ж.М. Абдильдин). Они сознавали свою профессиональную ответственность и в то же время доказывали острую потребность в организации новых научных и учебных юридических высших учреждений в процессе разработки и принятия новым Парламентом новых законов, направленных на создание законодательных основ демократии, свободы личности и рыночных отношений. Эта инициатива была поддержана Президентом Н.А. Назарбаевым и Правительством. Необходимость разработки и решения вопроса о создании Института государства и права в структуре Академии наук и об открытии юридического учебного института была включена в Указ Президента от 6 июня 1990 г. «О дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью». В нем говорилось: «Совету Министров КазССР рассмотреть вопрос об образовании в 13-й пятилетке самостоятельного Института государства и права Академии наук КазССР для проведения фундаментальных исследований по проблемам

совершенствования республиканского законодательства и открыть Республиканский юридический институт в целях улучшения профессиональной подготовки кадров для правоохранительных органов». 10 ноября 1991 г. вышло Постановление Кабинета министров республики «Об организации Института государства и права Академии наук Казахской ССР» на базе правовых подразделений Института философии и права АН республики. Вскоре решением Президиума Академии наук я был назначен его почетным директором.

После создания научно-исследовательского Института государства и права центр внимания указанных депутатов и других поддержавших их лиц переместился на вопросы организации высшего юридического учебного заведения, призванного заниматься в дополнение к юридическим факультетам КазГУ и КарГУ подготовкой нового поколения молодых кадров-юристов. В середине 1992 г. Президентом республики Н.А. Назарбаевым было подписано поручение Правительству об организации такого учебного института. Однако его создание, по меркам того уплотненного времени, затянулось в основном из-за необходимости предварительного решения ряда важных организационных вопросов. Инициаторов создания Института особенно активно поддержал Каирбек Шошанович Сулейменов, в то время влиятельный и авторитетный чиновник при Президенте республики, от отношения которого зависело немало в области юриспруденции. Он занимал пост то государственного советника Президента, то руководителя государственно-правового отдела в аппарате главы государства. Я был принят Президентом 16.12.1991 г. в его рабочем кабинете при Верховном Совете, 14.04.1992 г. - по окончании заседания конституционной комиссии, на которой председательствовал глава государства. Одним из вопросов, затронутых на этих встречах был вопрос об ускорении создания государственного юридического института, в чем был заинтересован и сам Президент. В начале 1993 г. К.Ш. Сулейменов передал мне пожелание Президента о том, что если я соглашусь быть директором (ректором) института, то он даст распоряжение об его немедленной организации и создании необходимых условий для его функционирования. Я не мог принять это предложение, мотивируя

необходимость назначения на эту должность более молодого руководителя. Да и в то время я всецело был увлечен депутатской деятельностью в Парламенте. 4 июня 1993 г. эта просьба снова была повторена. В этот раз от имени группы известных моих коллег-юристов. Когда я был приглашен к К.Ш. Сулейменову, из его кабинета выходила группа ведущих юристов-ученых, в том числе М.К. Сулейменов, Н.А. Шайкенов, Е.К. Нурпеисов, Ю.Г. Басин и другие. Как передал К.И. Сулейменов, они единогласно решили просить меня быть директором. По его словам, я мог бы работать в полном контакте с Н.А. Шайкеновым, который через 2-3 дня будет назначен указом Президента министром юстиции. Н.А. Шайкенов тогда работал советником Президента. Я опять отказался, обещав оказывать личную активную помощь новому директору, который должен быть непременно молодым. Следует признать то, что новый министр юстиции активно взялся за решение вопроса об открытии юридического института. В то время мои отношения с Н.А. Шайкеновым были особенно близкими. Перед этим я оказывал ему, приехавшему из г. Свердловска, всяческое содействие в организации защиты им докторской диссертации в Алма-Ате и был первым оппонентом. Пользуясь статусом председателя одного из комитетов Парламента, я заочно представил его Президенту РК Н.А. Назарбаеву и рекомендовал пригласить его на работу (накануне он выехал в г. Бишкек устраиваться помощником к Президенту Акаеву). Мой положительный отзыв о Н.А. Шайкенове, думаю, имел значение и при назначении его министром юстиции. Он это знал.

14 марта 1994 года был обнародован указ Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева о создании Казахского государственного юридического института при Министерстве юстиции. Приходилось строить его с нуля. На начальном этапе он был создан на базе научно-исследовательского Института государства и права Академии наук республики: его директор стал ректором (Е.К. Нурпеисов), заместители директора были назначены проректорами (Н. Капесов и др.), отдел гражданского права в полном составе во главе с его заведующим М.К. Сулейменовым перешел в учебный институт, почти все заведующие кафедрами и ведущие преподаватели пришли

из Института государства и права. Да и в размещении юридического института в солидном здании по ул. Жандосова, в котором он ныне находится в новом названии – Алматинская юридическая академия, было определенное содействие со стороны руководства института Академии наук, занимавшего до этого один этаж этого здания.¹

Период этот был архитрудный, разруха и отчаянная борьба за обновление, за новое. Экономика во всех бывших союзных республиках, провозгласивших свою государственную независимость, в том числе и в Казахстане, упала настолько, что в то время открыто произносилась мысль «куда мы залетели и как выйти из этой ямы». Последовал и парламентский кризис. Парламент республики – Верховный Совет XII созыва был распущен (декабрь 1993 г.). Созданный спустя некоторое время новый Парламент XIII созыва, проработавший неполный год, снова был распущен (апрель 1994 г. – март 1995 г.). Но эти годы – середина 90-х годов – вдохновлялись высокими идеями гражданской и политической свободы и государственной независимости. Они-то составляли силу, определившую перспективу развития нашей республики. Именно благодаря этим идеалам был создан государственный юридический институт в Алма-Ате, впоследствии, в годы неразберихи в системе высшего образования, преобразованный в акционерное общество – в частное высшее учебное заведение, а затем случилось еще худшее, но об этом позже.

В пункте 1 указа Президента от 14 марта 1994 года говорилось: «Образовать Казахский государственный юридический

---

¹ До этого в этом здании размещалось ведомство Министерства строительства и его проектные учреждения (министр Аскар Кулебаев), которое частично сокращалось в штатах. Институт государства и права Академии наук, размещавшийся в пятиэтажном здании по ул. Фурманова, 173, в связи с передачей этого здания вновь открывающимся посольствам западных стран, в соответствии с решением Кабинета министров республики № 61 от 09.03.1992 г. и № 70, от 17.03.1992 г. (подписал зам. премьер-министра сельского хозяйства Б.М. Турсумбаев), занял одно крыло на 7-м этаже указанного здания. Мне, как депутату Парламента, проявлявшему особую заинтересованность в работе и в размещении правовых институтов (исследовательского и учебного) вместе с Н.А. Шайкеновым, назначенным министром юстиции, пришлось отвоевать одно крыло за другим в новом здании в пользу юридического учебного института.

институт Министерства юстиции Республики Казахстан на базе юридического факультета Алматинского государственного университета¹ и частично юридического факультета государственного национального университета им. аль-Фараби». На деле новый контингент нового юридического института комплектовался путем самостоятельного набора студентов. Юридические факультеты указанных в указе университетов сохранились в прежнем составе. По указу Президента и по тому вниманию, которое уделялось компетентными республиканскими органами Казахскому государственному юридическому университету в первые годы его функционирования, он создавался как долговременное и перспективное высшее юридическое учебное заведение со своими самостоятельными направлениями подготовки кадров высшей квалификации. В одном из пунктов указа Президента республики было сказано: «Определить, что Казахский государственный юридический институт специализируется на подготовке юристов для органов государственной власти и управления, судебных и правоохранительных органов, хозяйствующих субъектов. В связи с этим Казахскому государственному национальному университету им. аль-Фараби переориентировать юридический факультет на подготовку специалистов для научных и учебных учреждений, сократив с текущего года численность приема студентов».

В постановлении Правительства, принятом вслед за указом Президента и в порядке его исполнения, указывалось: «Предусмотреть выделение средств из республиканского бюджета на содержание Казахского государственного юридического института индивидуально по удвоенному тарифу (в том числе и по заработной плате), установленному для высших учебных заведений». Такая привилегия была установлена и для численности профессорско-преподавательского состава. Если она определялась прежде из расчета один преподаватель на 8-10 студентов, то для юридического института – пять студентов на одного преподавателя. Этим же постановлением Правительства поручалось Министерству экономики республики

---

¹ Потом переименованный и ныне существующий Алматинский национальный педагогический университет им. Абая.

и главе Алматинской городской администрации выделение в течение 1994 – 1996 гг. для работников института 4 тыс. кв. м, а в дальнейшем до 2000 г. еще 8 тыс. кв. м жилой площади, строительство в 1995 – 2000 гг. студенческого общежития на 100 мест.

Первым ректором Казахского государственного юридического института был назначен кандидат юридических наук Еркеш Калиевич Нурпеисов, работавший до этого директором научно-исследовательского Института государства и права Академии наук республики. О нем можно сказать немало лестных слов, поскольку я работал вместе с ним в Академии наук и постоянно курировал Институт государства и права вне зависимости, был ли я его директором, почетным директором или депутатом Парламента, главным ученым секретарем Президиума Академии наук или просто заведующим одного из его отделов. Еркеш Калиевич по специальности теоретик права. Его знали как умного и перспективного молодого ученого. Мог бы стать преуспевающим теоретиком, если бы его не стали так рано привлекать на административную работу. Да, у него были задатки управленца. Он мог говорить и ставить вопросы. Его поставленная речь, умение держаться и душевные качества обращали внимание и вызывали уважение коллектива. И в Академии наук его привлекали на научно-административные должности (в подразделения Президиума). Не случайно через два года после его назначения директором юридического института в 1996 году указом Президента он назначается депутатом Парламента – сенатором по квоте главы государства. К моменту перехода Е.К. Нурпеисова в Парламент (ноябрь 1996 г.) Государственный юридический институт уже стал одним из крупных специализированных высших учебных заведений в республике. В нем было 16 кафедр, 190 преподавателей, из них докторов наук – 17, кандидатов – 59. На посту директора института Е.К. Нурпеисова сменил Нагашбай Амангалиевич Шайкенов, ранее работавший вице-премьером Правительства, министром юстиции республики, выпускник и воспитанник Свердловского государственного юридического института, оставленный по его окончании на кафедре профессора Сергея Сергеевича Алексева, теоретика права с мировым именем.

Казахский юридический институт при Н.А. Шайкенове получил дальнейшее укрепление и развитие. При вузе создавались исследовательские лаборатории и центры, расширились международные и региональные связи.

Н.А. Шайкенов был носителем смелых идей, направленных на совершенствование органов правоохранительной системы в контексте укрепления законности в республике, в условиях переходного периода от социализма к рыночной экономике и демократическому государству. По ряду вопросов мы были единомышленниками. Он был моим близким коллегой и хорошим другом, хотя мы порою расходились в мнениях, в подходе к некоторым проблемам. Но это не мешало нашей личной дружбе. Когда его назначили ректором института, он уже был серьезно болен, о чем знал, поэтому торопился жить.

К началу нового XXI века юридический институт представлял один из немногих центров с перспективой в дальнейшем стать и самым крупным центром в республике по подготовке кадров с высшим юридическим образованием. Это, разумеется, налагало на него особую ответственность. Институт уже располагал солидным потенциалом профессорских кадров и публично стал претендовать, мне кажется, хотя несколько преждевременно, на роль флагмана высшего юридического образования в республике, хотя этого он мог добиться. Время работало не в пользу института. Начиная с конца XX века его постоянно трясли преобразования, следовавшие одно за другим. Постановлением Правительства республики от 5 ноября 1996 г. институт был преобразован в Казахский государственный юридический университет, а с 14 февраля 2000 г. университет становится Казахской государственной юридической академией. Преобразования этим не закончились. Следом шли новые, в конце-концов приведшие к упразднению (можно сказать – «к гибели») самого высшего юридического учебного заведения. Последние «преобразования» уже вовсе не были связаны с интересами республики, скорее наоборот, кому-то, пользуясь поддержкой в высших инстанциях власти, захотелось прибрать к рукам институт как крупный источник дохода. Высокооплачиваемое обучение, около десяти тысяч студентов, семиэтажное обширное здание, занимающее целый

квартал в центре города, представляли заманчивый объект для бизнесменов-торговцев.

Дело развивалось скоротечно следующим образом. Постановлением Правительства от 11 октября 2001 г. юридическая академия была включена в перечень учебных заведений, подлежащих приватизации. И через 13 дней, 24 октября 2001 г., Правительство принимает новое постановление о реорганизации Казахской государственной юридической академии в закрытое акционерное общество под названием «Казахский государственный гуманитарно-юридический университет». Все это противоречило предыдущему постановлению Правительства от 14 января 1997 г., в котором указывалось, что Алматинская юридическая академия (тогда она именовалась Казахским государственным юридическим университетом) не подлежит приватизации. Но на это никто не собирался обращать внимание. Нужно было отдавать юридическую академию в частные руки. На самом деле это «преобразование» было формальным и фиктивным. Алматинская юридическая академия не была преобразована, она не исчезла, осталась при прежнем названии. Изменился ее правовой статус. Казахский гуманитарно-юридический университет, который должен был прийти на смену Алматинской юридической академии, с самого начала «преобразования» обосновался не на базе юридической академии в Алматы, а в другом городе – в Астане, как самостоятельный субъект, а Алматинскую юридическую академию он объявил своим филиалом на периферии.

Дело и этим не кончилось. В ходе проведения Министерством образования и науки республики в 2007 г. политики оптимизации сети высших учебных заведений Алматинская юридическая академия попала в число упраздняемых филиалов вузов по выдуманному мотиву, якобы она «не соответствует предъявляемым квалификационным требованиям Министерства образования науки». А именно: а) доля профессорско-преподавательского состава с учеными степенями и учеными званиями по профилю подготовки от числа штатных преподавателей ниже нормы – 35%; б) полезная площадь учебного здания на одного обучающегося составляет 2,64 кв. м при норме 6 кв. м. Руководство Алматинской юридической академии

опротестовало это решение министерства и объявило его мотивы и данные искусственными и «лживыми». В протесте указывалось о том, что, по официальной справке, составленной по результатам комплексной проверки Министерства образования и науки, проведенной в апреле 2007 г., степень обеспеченности профессорско-преподавательского состава в Академии составляет 55%, а полезной площади на одного студента приходится 6,28 кв. м, то есть они намного превышают установленные нормы (Юридическая газета. 17 июля. 2007). Последующие групповые заявления профессоров, аспирантов, магистрантов и студентов, направленные на имя Правительства и министерства, не возымели никакого действия. Все заранее было предрешено и решено властями. 2007/08 учебный год в юридической академии официально объявлен последним.

3.3. Размышления о некоторых аспектах высшего юридического образования

I

14 ноября 2003 г. состоялось заседание Совета по правовой политике при Президенте Республики Казахстан. На нем обсуждался проект Концепции юридического образования в Республике Казахстан, который был подготовлен Министерством образования и науки. Докладывал министр Ж.А. Кулекеев. Концепция была изложена на 12 страницах, и слишком много места отводилось общим вопросам высшего образования и в его рамках – высшему юридическому образованию, его состоянию, задачам и принципам, об ужесточении требований к образовательным стандартам, о переходе к кредитной системе обучения. В Концепции проводилась главная идея о том, что в целях интеграции высшего образования в республике в мировое образовательное пространство необходимо полностью трансформировать его в трехуровневую систему подготовки кадров: бакалавриат – высшее базовое образование, завершающееся после 4-летнего обучения с присвоением выпускникам академической степени бакалавра наук и квалификации; магистратура и PhD – послевузовское профессиональное образование по подготовке научно-педагогических кадров с присуждением выпускникам, успешно завершившим подготовку в них, ученой степени магистра наук и доктора философии. Некоторым новшеством в проекте Концепции был поставлен вопрос о том, что «назрел вопрос о целесообразности существования ведомственного юридического образования». При этом имелись в виду Академия и юридические институты МВД, Академия финансовой полиции и др. Утверждалось, что для этих органов подготовку высококвалифицированных специалистов можно осуществлять в гражданских юридических вузах «более качественно и эффективно, а также с значительно меньшими затратами». По этому вопросу было и указание Президента республики, в его выступлении на совещании, посвященном вопросам правопорядка и соблюдению законности, состоявшемся 10 сентября 2003 г., глава государства сказал: «В

стране имеются неплохие возможности по комплектованию правоохранительных органов юристами высокой квалификации. Имеются в виду выпускники-юристы гражданских вузов. Но никто ими не занимается». Действительно, получилось так, что и после включения этой идеи в «Концепцию юридического образования» положение ни на йоту до сих пор не изменилось.

Я присутствовал на этом заседании Совета по правовой политике при Президенте республики, был в единственном лице, кто задавал несколько выясняющих вопросов докладчику – министру образования и науки.

Проект «Концепции юридического образования Республики Казахстан» свидетельствовал о том, что Министерство образования и науки, в котором она разработана и от имени которого она предложена на высокое обсуждение, весьма слабо, и даже плохо, представляет состояние и особенности юридического образования в республике и о мерах необходимых и неотложных для его значительного улучшения и модернизации в соответствии с запросами и требованиями времени. Собственно об особенностях и критериях оценки юридического образования почти нет ни слова в документе. Концепция настолько безлика и неиндивидуализирована, что ничего не изменилось бы в ее содержании и в адресатах, если слова «юридическое образование», «юристы» заменить любыми другими терминами, относящимися к гуманитарным специальностям. В ней не было серьезного анализа и оценки, личного опыта, не говоря о критическом разборе причин, уходящих корнями в управление, и политических установок в сфере образования вообще, высшего образования в особенности. Об этом и о другом я говорил в своем выступлении. До сих пор я продолжаю считать, что ряд идей и моментов, на которые я обратил внимание в своем выступлении, не потеряли актуальности. Поэтому здесь счел нужным изложить некоторые его фрагменты.

1. Вызовы времени таковы, что войти в ряды цивилизованных стран невозможно без современной системы образования, ориентированного на освоение испытанных, международных стандартов обучения и подготовки специалистов вообще, высшей квалификации в особенности. При этом надо уметь

и обладать искусством внедрить все это новое и новейшее в своеобразную казахскую среду, конкретно данную, имеющую особенное и общее, национальное и интернациональное, историческое и общен историческое.

2. Юридическое образование и юридические вузы по тому, кого они готовят и какую роль играют специалисты-юристы в обществе и в нашей жизни, имеют ряд важных и существенных особенностей, которые не имеют другие специалисты. И готовить надо специалистов-юристов, отдавая полный отчет тому, кого мы готовим и как они войдут в гармонию с требованиями гражданского общества, которое мы хотим строить. В руках юристов, несущих службу в правоохранительных органах – в полиции, судах, прокуратуре, в других следственно-розыскных и государственных органах, по статусу имеются благородные и весьма опасные средства – весы справедливости и мечи, дубинка и свобода, корысть и совесть. Какое из этих средств выберет и применит «правоохранитель», зависит во многом от того, как он был воспитан и подготовлен в процессе получения им юридического образования и подготовки его как специалиста-юриста. Часть юристов, как правило, занята в сфере правового обеспечения и правового обслуживания органов государственных и негосударственных, а также населения. Для них «законность» из отвлеченного понятия должна превращаться в реальный состав бытия человека и общества. Это возможность логическая, требующая воплощения на практике. Но, чтобы служащий юрист был таким по потенциалу и в мыслях, его надо целенаправленно учить и готовить как специалиста. А это лежит в области юридического образования. Оно по содержанию и модели, по ориентированности и по результатам должно исходить из этих требований и соответствовать им. О таких особенностях юридического образования, среднего (профессионального) и высшего и о том, как нужно «специфично» готовить будущих юристов, вовсе ничего не сказано в предлагаемой Концепции.

3. Уважаемые коллеги, давайте наберемся мужества – посмотрим в глаза фактам, подтверждающим состояние юридического образования сегодня. Я хорошо знаком с этим вопросом, сужу о нем не со стороны и не «сверху», а изнутри, как оно есть.

Если говорить кратко: состояние юридического образования в стране довольно печальное. Парадоксально то, что мы при этом сохраняем нейтральное спокойствие. Не буду говорить о таких «мелочах», как наличие необдуманных, старомодных учебных программ по основным правовым дисциплинам, о множестве в них повторений, отживших понятий и формулировок, запутывающих студентов и не способствующих к саморазмышлению, о низком уровне качества подготовки, о слабости преподавательского состава во многих юридических учебных заведениях. Главных недостатков несколько. Первый – это то, что высшее юридическое учебное заведение (не говоря о среднем) открывалось массово, стихийно, можно сказать, в каждом сносном дворе и в городах и селениях. Газета «Время» 03.08.2001 писала: «Открыть у нас вуз примерно то же самое, что открыть парикмахерскую». Массовая газета «Мегаполис» 01.08.2001 в передовой статье отметила: «Пронырливые конкуренты из мелких частных вузов буквально силой пихают всем подряд буклетики, восхваляющие ту или иную шарагу». Такая официальная газета, как «Казахстанская правда», в номере от 10.07. 2001 г. писала о взрывном размножении «псевдовузов», которые отвлекают ресурсы государства. По данным Министерства образования науки страны, на конец 2003 г. в республике было 22 государственных и 46 негосударственных и пять негражданских вузов (Академия МВД, Академия КНБ, Академия финансовой полиции и др.). Это без учета их филиалов, многие из которых не уступали своим головным вузам, без учета филиалов московских, петербургских, узбекских и киргизских вузов в Казахстане. По данным печати, общее число вузов в республике, включая вышеуказанные, к рассматриваемому периоду достигало двухсот. Из них 150 готовили юристов, а также и экономистов.

4. Из-за стихийного и массового роста сети юридических учебных заведений произошло и происходит наводнение страны юристами. По официальным данным, в вузах республики по юридическим специальностям в 2003 г. обучались 65812 человек, а только в том же году было подготовлено 16 200 выпускников. Возникла разительная и непозволительная диспропорция между подготовкой юристов с высшим образованием и

потребностями в кадрах-юристах. Помню, что в 2001 – 2002 гг. Министерство образования и науки пыталось собрать заявки от государственных и негосударственных органов об их потребностях в юристах с высшим образованием. Не было заявки ни на одного специалиста. В объяснительной записке к Концепции сказано, что министерству удалось в 2003 г. собрать заявки на 100 юристов. В 2002 г. на Республиканском совещании с участием представителей Академии наук и работников образования, на котором присутствовал и глава государства, выступавший из Урджарского района Семипалатинской области рассказал, что среди около 300 безработных больше половины юристы и экономисты. Это общее положение по республике, порожденное неэффективным управлением подготовкой специалистов-юристов. В предлагаемой Концепции юридического образования вовсе нет меры, направленной на устранение существенных изъянов в системе юридического образования.

5. В феврале 2003 г. на годовом итоговом собрании судебных работников - председателей областных судов, судебных администраторов и членов Верховного суда республики, которое состоялось в Астане под руководством председателя Верховного суда Кайрата Абдразаковича Мами, разговор шел о положении в судах. Выступавшие были единодушны в том, что юридические вузы готовят специалистов-юристов со слабыми знаниями и что многие из них совсем не умеют говорить, писать и оформлять правовые документы, не умеют общаться с аудиторией и вести диалоги на правовые темы. А специалисты-юристы, тем более с высшим образованием, должны обладать всеми необходимыми навыками, которые пригодятся им в практической деятельности. Следовательно, будущих юристов надо готовить не по конвейерному, «поточному способу», а особо.

Я имею в виду, что абитуриентов в юридические вузы надо принимать «поштучно», экзаменовать их непосредственно в вузах, сочетая тестирование с индивидуальной проверкой их знаний и готовности быть студентом-юристом. В процессе их обучения обращать важное внимание не только на теоретические знания, но и делать акцент на то, что необходимо подготовить высококвалифицированных специалистов-юристов.

6. Под руководством Президента республики уже немало сделано в системе юридического высшего образования, но еще существуют старые проблемы и уже появились новые, требующие решений. Одной из таких проблем является высшее юридическое образование, ставшее, к сожалению, слабоуправляемым.

Таково было краткое содержание моего выступления при обсуждении проекта Концепции юридического образования республики, состоявшемся на заседании Совета по правовым вопросам при Президенте республики 14 ноября 2003 года. С тех пор прошло более четырех лет. В 2007 году проведено некоторое сокращение численности вузов на 70 учебных подразделений с филиалами. Однако в положении с юридическим образованием мало что изменилось. Сохранение единого общенационального тестирования для учащихся по окончании средней школы, введение в вузах профилирующих и промежуточных и других форм тестирования для студентов на сегодня практически не имеют положительных эффектов. Они на деле нередко разрушают процесс нормального ритма учебы, отводя месяцы только на подготовку к периодической проверке в форме тестирования. Повсеместное введение, да и без должной подготовки, кредитной технологии обучения в вузах не дало планируемого результата, а в ряде вузов, наоборот, ухудшило качество подготовки. Надо было оставить альтернативные варианты подготовки и обучения.

II

И сегодня юридические высшие учебные заведения – институты, академии, факультеты и отделения – продолжают выпускать ничуть не меньше, чем 4-5 лет тому назад. Сокращение числа вузов увеличило приток студентов в другие вузы. Юриспруденция остается привлекательной и излюбленной специальностью для многих, особенно казахских семей и молодежи, несмотря на трудные последствия, которые ждут выпускников. Здесь я хочу поделиться своими размышлениями относительно некоторых, на мой взгляд, важных аспектов подготовки кадров указанного профиля сегодня и в перспективе.

Юристы в области своей профессиональной службы не несут управленческую функцию в обществе и государстве как основную, хотя их деятельность так или иначе вливается в систему управления, представляет его составляющую часть. Предназначение, вернее, социальное призвание юриста и сфера приложения его профессионального образования и труда в идеале особенные, распространяются непосредственно на самые труднорегулируемые и морально-устанавливающие, более человечные в области межличностных, государственно-личностных отношений, именуемых законностью, в основе которой лежат разумность и политика справедливости. Это, однако, не означает, что законность и установленный правопорядок в стране тотально соответствуют требованиям справедливости, скорее они часто расходятся. Задача юристов-профессионалов на службе заключается в первую очередь в обеспечении максимального приближения закона и законности к стандартам морали справедливости. Именно эта задача и овладение искусством ее решения должны быть формирующими факторами образовательной подготовки и натурального сознания студентов юридических вузов.

Парадокс современного мира состоит в том, что он более устроен в интеллектуально-идеологизированном плане и менее устроен в социально-политическом и личностном планах. Современный мир более комфортабелен и в то же время более противоречив и тревожен, более грамотен и культурен, но более иррационален и эгоистичен. Эти особенности современного

мира насквозь пронизывают отношения между людьми и сообществами. Все это составляет фон и среду, в условиях которых приходится работать юристам и нести профессиональную службу. Подготовка кадров в области юриспруденции должна быть целевой и сориентированной на внесение человеческого начала в межличностных отношениях и в правовом пространстве.

Высшее юридическое образование в силу указанных факторов и общекультурной его миссии в обществе должно пользоваться приоритетом в системе высшего образования и особой заботой и вниманием со стороны органов государственного управления и общественности. А реальность наша такова: юридическое образование обросло множеством негативов и хиреет из года в год. Это уже сказывается отрицательно и даже разрушительно в пространстве законности и организации государства. Если считать достоинством численный состав выпускников-юристов с дипломами о высшем образовании, то в этой части Казахстан идет в первых рядах среди не только государств СНГ. Принимаемые ныне Министерством образования и науки меры ограничения в открытии новых юридических факультетов, филиалов, отделений, а также сильное ограничение государственных грантов и кредитов для поступающих по специальности «Юриспруденция», установление порога «40 баллов» для зачисления в студенты и введение с 2004 года так называемого промежуточного тестирования для состоявшихся студентов 2 и 3 курсов, пока дают довольно скромные результаты и не меняют сложившееся годами положение. Начиная с 2004/05 учебного года резко увеличилось число поступающих в юридические колледжи (в основном с непроходными в вузы баллами по результатам тестирования). Они через 2-3 года непременно вольются в состав юридических вузов.

В современных демократических государствах, в том числе развивающихся и переходных, к числу которых относится и Казахстан, все больше культивируются и провозглашаются в конституционных актах принципы верховенства закона, власти закона как о приоритетных направлениях общественно-политической ориентации и развития этих государств. Несмотря на наличие консервативных, а иногда и контрпродуктивных

сил и тенденций в отдельно взятых странах, власть закона будет внедряться и усиливаться в них в разной степени успешно, но одинаково активно. Таково веление эпохи.

Власть закона, установление и утверждение которой ныне воспринимается как фундаментальная задача и основное условие демократии и цивилизованного развития общества в значительной степени, напрямую связана с властью юриста. Она останется громким словом, если не реализуется в первую очередь в реальной, повседневной, прозрачной функциональной деятельности юристов-профессионалов, несущих государственную службу в органах специальной юрисдикции: судебно-следственных, оперативно-розыскных, полицейских, контрольно-надзорных и иных государственно-правовых учреждениях – от инспектора дорожной полиции до судьи высшего уровня. В них-то в большинстве своем, если не сказать поголовно, сидят выпускники - воспитанники юридических средних и высших учебных заведений. Именно на этом весьма важном массово-публичном участке политической системы государства как нигде должна реализоваться власть закона, вернее, именно на этом векторе государственной службы реально выступает рейтинг власти закона. Между тем именно здесь, на этих участках в наибольшей степени слаба законность, власть закона дает серьезные сбои. Разве сколько-нибудь улучшилось положение в разветвленной сети дорожной полиции, несущей службы на трассах между городами республики после известной поездки инкогнито 7 и 5 лет тому назад К.Ш. Сулейменова, тогдашнего министра МВД, после него и повторившего его «опыт» зам. министра МВД республики, воочию увидевших массовые поборы и вопиющие антизаконные действия со стороны и офицеров, и рядовых на этих постах. Если изменилось что-то с тех пор в этой области, то явно незначительно. Открытое избиение полицейскими заключенных, как, например, было в колонии строгого режима в г. Аркалыке, снятое скрытой камерой и показанное по телевидению 3-5 февраля 2004 года – это неслучайное и единичное явление. Еще не все вопиющие факты раскрыты. Коррупционность и показная деловитость ныне непомерно распространены и в других органах юстиционной деятельности. В них немало работает выпускников

юридических высших учебных заведений, от которых пока мало ощутимого результата.

Нельзя сказать, что нет желания у тех руководителей государственных органов, на которых возложены задачи укрепления законности и правопорядка в республике. В неоднократных выступлениях Президента страны Н.А. Назарбаева, в особенности на совещаниях работников правоохранительных органов, проводимых периодически, имеются конкретные указания о необходимости повсеместного усиления борьбы с грубыми нарушениями законности и преступностью. Да и в руководстве этих органов в большинстве сидят довольно компетентные деятели. Однако и они не могут остановить наваливающийся процесс девальвации законности. Жесткие заявления и некоторые активные нововведения, например, направленные на усиление роли и улучшение материальных условий участковых и других полицейских, усиление ответственности водителей за дорожные нарушения, если их не проводить в рамках системно-комплексных мер могут быть малорезультативными.

Изменения и продвижения в области борьбы с преступностью и нарушениями законности, разумеется, есть. Но оно явно недостаточно и заметно отстает от темпов роста негативных явлений общественно-политического значения. Сложившуюся ситуацию, при которой происходит захирение законности, нельзя объяснить однозначно, какими-то отдельными, пусть важными, факторами.

Серьезные недостатки в области подготовки юристов с высшим образованием являются одним из важнейших составляющих факторов в комплексе причин, их объясняющих. Юридическое образование и законность находятся в более тесной связи, чем многие другие связи и союзы факторов.

Сегодня нужно понимать, что, с одной стороны, нельзя отделить юридическое образование от всей системы вузовского образования, а с другой – нельзя оставлять его в гуще «равноправного» образования. Оно нуждается, а сегодня особенно остро, в его существенном реформировании более активно и решительно – это не столько веление логики самого юридического образования, сколько неотложное веление времени.

Реформы высшего (и среднего) юридического образования надо начинать с изменения управления им – с создания специального, отраслевого управления, то есть, возможно, нужно вывести юридическое образование из подчинения Министерства образования и науки и передать его в ведение Министерства юстиции республики. Это необходимая, вынужденная и крайняя мера. Я надеюсь, что дух и обновление в укреплении законности и правопорядка в республике в конце концов наступят. Однако ждать этого дня нельзя – необходимы кардинальные действия и меры в этом направлении.

Юрист XXI века – это в первую очередь гражданин – личность, именно в правовой системе. Воспитание и утверждение в будущем юристе ценностных черт нравственности и дипломированного специалиста – задача сложная и трудная, особенно если иметь в виду кризисы и отсутствие упорядоченности вокруг нас и в обществе в целом. Но к этому нужно направить нашу деятельность. Для будущих наших кадров важно не знание конкретных правовых норм, отдельных статей, законов или кодексов. Образованный юрист с хорошей подготовкой, удовлетворительно развитым или заложенным мыслительным процессом быстро сможет найти ответ на любой вопрос политической и правовой ситуации. Юрист должен обладать хорошими знаниями. Зубрежка нужна только в отдельных случаях, надо стараться, чтобы в памяти осели некоторые квинтэссенции юридической науки. Ведь законы быстро меняются, и знать их наизусть не обязательно, необходимо уметь разбираться в основных их тенденциях, знать общие мотивы, а найти соответствующие статьи, чтобы суметь приложить их к конкретным жизненным случаям, – дело навыка.

III

Я, будучи ректором Казахского академического университета, серьезно заинтересовался казахско-турецкими лицеями. Вначале из-за педагогического любопытства дважды посетил выставки работ учащихся старших классов, организованные в здании Центрального исторического музея в 2002 и 2003 годах. Тут были разнообразные технические выдумки, поделки и приборы, математические загадки, электроника и компьютеры в работе, демонстрация логических упражнений и многое другое, вокруг которых собиралась молодежь. Эти выставки меня заинтриговали. Передо мною стояли две цели: поближе познакомиться с организацией учебного процесса в этих лицеях, кое-что перенять у них и целенаправленно вести там работу, чтобы часть их выпускников поступали учиться в наш университет. Такая задумка не была напрасной. Вот что я о них узнал.

Казахско-турецкие лицеи представляют сегодня солидный образовательный и научно-методический комплекс, состоящий из 24 лицеев и Университета им. Сулеймана Демиреля, со своим автономным управлением в лице генерального директора, фондом, издательством и инфраструктурой, а также со своей недвижимостью. Они находятся под опекой турецкого правительства и при непосредственной поддержке Международного фонда «Katev», президентом которого является Али Токул, известный меценат Турции.

За 2001 – 2003 гг. я со своими соратниками несколько раз посетил казахско-турецкие лицеи, расположенные в пригороде Алматы (Аксай). Наша задача состояла в том, чтобы ближе ознакомиться с жизнью учащихся и уровнем их подготовки, рассказать о нашем университете и нашей готовности принимать выпускников лицеев для продолжения вузовского образования. Мы побывали в учебных аудиториях, посетили внеучебные занятия по индивидуальной подготовке мальчиков и девочек к различным смотрам и олимпиадам. Довольно близко пообщались с ними и даже пообедали вместе с ними в школьной столовой. Чтобы глубже узнать и познать образовательные особенности и успехи лицеев, я посетил две довольно

большие выставки в здании Центрального музея в Алматы, демонстрировавшие труды, программы и познания учащихся, методы и перспективы их обучения. Я с удовольствием принял приглашение руководства лицеев быть гостем на торжественном собрании в Астане, посвященном 10-летию юбилею казахско-турецких лицеев, состоявшемся в конце 2002 года.

Казахско-турецкие лицеи сегодня пользуются большим образовательным авторитетом в стране и за его пределами. Обучение начинается с 7 класса, а на экономический факультет принимаются окончившие 9 классов. На 60-70 мест в лицее претендующих ежегодно собираются по 10-12 кандидатов на каждую вакансию.

Воспитанники лицеев по знаниям показывают лучшие результаты на международных, республиканских и региональных конкурсах, олимпиадах и соревнованиях по математическим проектам. Достаточно сказать, что им к 2004 году принадлежало 14 золотых, 30 серебряных и 37 бронзовых медалей, завоеванных за последние три года на международных олимпиадах, что составляет около половины (50%) медалей, которыми удостоена казахстанская школьная молодежь. Научные проекты учащихся лицеев по математике, физике и информатике за 1999 – 2002 годы отмечены 38 золотыми, 92 серебряными и 50 бронзовыми медалями республики. Выпускники лицеев – желанные абитуриенты во всех казахстанских вузах и в ряде зарубежных университетов. 97% выпускников ежегодно поступают в университеты республики и других государств. В 1992 – 2002 гг. за рубежом обучались 725 выпускников, из них в Российской Федерации – 104, в Турции – 548, в США – 10, в Египте – 18 воспитанников.

В чем состоит секрет успехов казахско-турецких лицеев? На этот вопрос обобщенно можно ответить так: это результат разумного планирования и сориентированной организации учебного процесса и проявляемой заботы об учащихся лицеев на всем этапе их обучения. Тут немало таких сторон и фактов, которые представляются полезными учесть и перенять не только в школьном деле. Я мог бы указать на некоторые из них, составляющие содержание системного обучения и воспитания школьников в лицеях. Сам отбор учащихся продуман,

является комплексным, задействованы методы тестирования, собеседование и письменные ответы. Причем он делится на два-три отборочных этапа в зависимости от числа поступающих, которых бывает в 5-10 раз больше, чем вакантных мест. На этом фоне наши, казахстанские, правила приема в студенты, установленные Министерством образования и науки, упорно внедряемые за последние 5 лет, основанные на одноразовом централизованном комплексном тестировании, выглядят формальными и «неживыми». Они на самом деле больше годятся для «отчетности», введены в основном для того, чтобы выиграть время и побыстрее закончить с притязаниями абитуриентов, задавая каждому из них одновременно 120 вопросов по четырем предметам. Причем руководство вузов отстранено от ответственного процесса конкурсного отбора будущих студентов этого же вуза. Вернее, сделано в угоду отобранных отдельных вузов, где проводится такое «комплексное» по названию, а по содержанию формальное тестирование. Руководители монопольных вузов имеют полную возможность удовлетворить в первую очередь свои интересы.

Поучительный пример в планировании и организации учебного процесса в казахско-турецких лицеях – это их сориентированность на подготовку образованного учащегося, вооруженного современными рамочными знаниями, и воспитания их на идеях цивилизованного патриотизма. Мы видели новейшие учебные приборы и оборудования, установленные в учебных классах по физике и химии, наглядные стенды по литературе, истории и культуре Казахстана и Турции. Мы посетили и некоторые внеучебные, или «надклассные», занятия, которые отдельно проводили наиболее подготовленные преподаватели с преуспевающей и одаренной частью учащихся в порядке их подготовки для участия на будущих олимпиадах и соревнованиях. Причем, как объясняли, такое занятие с постоянным составом проводится в малой группе по 3-5 чел. в течение нескольких лет. В лицее существует институт воспитателей, следящих за выполнением учащимися режима дня и правил поведения в школьных классах и в местах общежития, за их настроениями и удовлетворением интеллектуальных и самостоятельных запросов.

Учащиеся лицеев учатся на льготных условиях, обеспечиваются трехразовым питанием. Общежитие, как правило, находится при учебном корпусе. Мы один раз обедали вместе с учащимися, а другой раз полдничали. Надо сказать, что пища и блюда готовятся качественно и заботливо.

Секрет успехов казахско-турецких лицеев основан на постоянном внимании к ним со стороны казахстанского и турецкого правительств и турецких бизнесменов, в особенности международного общественного фонда «Katev», взявшего на себя основное бремя содержания этих лицеев. В разное время лицеи посетили Президент нашей республики Н.А. Назарбаев, Президент Турции Тургут Озал, что с гордостью отмечается в лицеях. Следует особо отметить заслугу главного директора казахско-турецких лицеев, г-на Уная Озтюрка как умного, инициативного руководителя и организатора. От него исходят многие начинания, и на нем лежит руководство обучением и воспитанием учащихся лицеев. Сегодня казахско-турецкие лицеи вносят заметный вклад в среднешкольное образование в республике, в укрепление тесных связей между родственными народами – казахами и турками, между государствами Казахстана и Турции.

Мы договорились с руководством казахско-турецких лицеев, с г. Унаем Озтюрком продолжать взаимные контакты и с 2003/04 учебного года проводить совместные молодежные мероприятия, чтобы учащиеся лицеев, особенно их выпускники, на месте познакомились с высшим юридическим образованием. К сожалению, этим планам не суждено было сбыться. Учредители Казахского академического университета в силу ряда обстоятельств решили упразднить университет в пору его восхождения, о чем сказано в первой главе данной работы.

3.4. Записка Президенту Республики Казахстан Н.А. Назарбаеву о создании Государственной правовой академии (от 15 сентября 1998 года)

Для правовой науки и юридического образования в республике сегодня характерны стихийность, раздробленность, сепаратные ведомственные интересы, интересы «выживания». А следовательно, ждать от них сегодня серьезной отдачи для дела укрепления Казахской государственности больше чем сомнительно. Они стали во многом и неуправляемыми. Более того, есть опасность девальвации и даже дискредитации высшего юридического образования, в определенной степени и правовой науки. Достаточно сказать, что число одних только высших юридических учебных заведений разного уровня (частных и государственных) перевалило за 200 (институты, факультеты, филиалы, центры, учебно-консультационные пункты и т. д.). Причем в каждом областном центре их 10-14. Имеется случай, когда юридический вуз открывается в райцентрах (Келесский институт). Обосновалось в республике немало юридических факультетов, филиалов иностранных университетов (Оренбургского, Саратовского, Воронежского, Московских и Петербургских и др.). В них обучение студентов ведется по программам других государств, не считаясь с интересами и суверенитетом республики.

Объединение научно-исследовательских правовых и учебных юридических институтов в рамках одной комплексной и ответственной организационной формы стало сегодня настоятельной необходимостью. Оно могло, например, именоваться «Правовой академией». В ее составе основными образующими структурами могли быть научно-исследовательский Институт государства и права и Казахский государственный юридический университет. В нее также вошли бы Институт законодательства МЮ, Центр частного права, институты и центры переподготовки при Генеральной прокуратуре, МЮ, МВД, работников налоговой и таможенной службы. Она при соответствующей поддержке могла стать

научным, образовательным и методическим центром по своему профилю.

Правовая академия должна находиться в ведении Министерства юстиции республики и быть подконтрольной ему. Со временем она могла бы превратиться из государственного учреждения в частно-государственное с особым статусом. Что касается Общественной правовой Академии, недавно организованной группой известных юристов, полагаем, что она могла передать свою функцию создаваемой государственной Правовой академии или могла бы работать в контакте с последней.

Считаю, что юридические факультеты могли быть сохранены только при 4-5 университетах, но не более, по зонам, там, где имеются сложившиеся составы квалифицированных преподавателей. В этой части нужны директивные акты.

В основные задачи этой Правовой академии входили бы:

- соединение правовой науки с высшим юридическим образованием;
- подготовка юристов с высшим образованием нового поколения;
- ведение исследовательской работы в области государства и права;
- разработка концептуальных проблем государственно-правового строительства;
- законопроектная деятельность и участие в экспертизе нормативно-правовых актов;
- организация научных, научно-практических конференций, семинаров;
- переподготовка работников правоохранительных органов, юстиции, налоговых учреждений и таможни;
- координация работ юридических учебных заведений (факультетов, отделений), а также научных исследований в области права;
- пропаганда правовых знаний.

Вопросы о статусе, структуре Правовой академии, о порядке управления ею, а также об ее материальной и финансовой базе могли быть обсуждены отдельно после принятия принципиального решения о необходимости ее организации.

Желательно, чтобы местом пребывания Правовой академии определить Алматы, где сосредоточены основные объединяющиеся учреждения и кадры.

Здесь я привел записку текстуально потому, что, полагаю, отдельные идеи, изложенные в ней, могут еще заинтересовать соответствующие госорганы.

ГЛАВА IV

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА АКАДЕМИИ НАУК КАЗССР КРУПНЫЙ ЦЕНТР ФИЛОСОФСКИХ И ПРАВОВЫХ НАУК НА ВОСТОКЕ СССР

4.1. Предыстория Института философии и права

Можно считать, что философской науки как таковой в Казахстане до середины 50-х годов не существовало. Насколько я знаю, не было ни одного доктора наук по философии. В Казахском педагогическом институте (в Алма-Ате) работал профессор Тимоско, и то с ученой степенью кандидата философских наук. Он вел занятия, методологические семинары по философии в Высшей партийной школе при ЦК Компартии Казахстана и для аспирантов Академии наук республики. Сектор философии, образованный в начале 50-х годов, не имел самостоятельного статуса. Он являлся одним из отделов Института истории Академии наук и имел только четыре штатные единицы, в том числе одного кандидата наук. В его исследовательском плане значилась одна тема: «Общественно-философская мысль в Казахстане во второй половине XIX и начале XX века».

Руководил ею К. Бейсембиев, который в научном плане был довольно продуктивен: в 1956 году он опубликовал монографию «Мировоззрение Абая Кунанбаева», а через год другую книгу «Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века». Тут следует сказать, что в те годы исследования истории общественно-философской мысли Казахстана почти исключительно сводились к изучению наследия трех выдающихся национальных деятелей XIX века Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева, произведения и идеи которых по официальным меркам укладывались в рамки партийно-советской идеологии. Зачатки правовой науки в Казахстане были заложены еще в дореволюционное время до 1917 года. Начиная с начала XIX века, а особенно с 50-х годов интерес со стороны официальных

органов России и образованной части региональных чиновников к изучению, в особенности правовой системы и судоустройства в Степном крае все больше возрастал. Это было связано с двумя обстоятельствами: с одной стороны, более активное проведение колониальной политики в Казахстане, связанной с политическими преобразованиями и реформами, направленными на превращение его в окраинную управляемую территорию России, требовало большего знания и информации о крае; с другой – судебноп-правовые учреждения, называемые «Степное право», «право восточного Дешт-кыпчака», «бийскими судами», были консервативно устойчивыми и в то же время наиболее влиятельными в общественно-политической жизни населения края. Более того, по мере углубленного знакомства и изучения жизни казахского народа некоторые русские ученые-востоковеды и юристы, а также отдельные чиновники в основном из числа политических ссыльных стали обнаруживать все новые и новые существенно позитивные, а иногда и оригинальные общекультурные черты в судебноп-правовом устройстве казахов-кочевников и полукочевников. Так появились исследования ученых-востоковедов, долгое время живших и работавших в Казахстане: А.И. Левшина,¹ В.В. Григорьева,² А.А. Словохотова,³ труды деятелей и видных чиновников царской администрации в Степном крае – Д.Я. Самоквасова,⁴ И. Козлова,⁵ П.Е. Макавецкого,⁶ Г. Загряжского,⁷ А. Леонтьева⁸ и др.

¹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. I, II и III. СПб., 1832.

² Григорьев В.В. О скифском народе саках. СПб., 1871; Русская политика по отношению к средней Азии. СПб., 1874.

³ Словохотов А.А. Народный суд обычного права киргиз Малой орды. Оренбург, 1905.

⁴ Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права Сибирских инородцев. Варшава, 1876.

⁵ Козлов И. Обычное право киргизов. Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882.

⁶ Макавецкий П.Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Омск, 1886. Вып. 1, 2.

⁷ Загряжский Г. Юридический обычай киргиз // Материалы для статистики Туркестанского края. 1876. Вып. 4.

⁸ Леонтьев А. Обычное право киргиз // Юридический вестник. СПб., 1890. № 5-6.

Правовая культура казахов и вопросы государственности, особая роль судов биев занимали видное место в произведениях и воззрениях крупных представителей казахской светской интеллигенции: Чокана Валиханова, Абая Кунанбанва, Шакарима Кудайбердиева, Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова и др.

В последней четверти XIX века среди местной интеллигенции появились лица с высшим светским юридическим образованием. Так, Б. Каратаев окончил юридический факультет Петербургского университета с именной золотой медалью, Ж. Акпаев после окончания юридического факультета Казахского казанского университета успешно защитил диссертацию, получив ученую степень в области юридических наук. Их статьи, записки и размышления о казахском праве «Жарғы» и о судах биев представляют большую научную ценность. Надо отдать должное тому, что Советское государство, родившееся в результате Октябрьской революции 1917 г., уделяло первостепенное внимание распространению образования и развитию науки не только в центре России, но и в союзных республиках, входивших в состав федеративного государства. В 1926 г. в Кзыл-Орде (бывшая столица республики) были открыты юридические курсы, преобразованные затем в двухгодичную юридическую школу, которая с некоторым перерывом существовала до 1954 года. В начале 1934 г. в Алма-Ате, которая с 1929 г. стала новой столицей республики, был открыт Институт советского строительства, положивший начало высшему юридическому образованию в Казахской ССР. В 1938 г. он преобразуется в Юридический институт, который в 1955 г. вошел в состав Казахского государственного университета, став одним из крупных его факультетов.

В мае 1945 г. в составе Казахского филиала Академии наук СССР был организован сектор права, а несколько позже сектор философии. С 1 января 1958 г. на базе сектора философии и права (юристы объединились с философами в мае 1955 г.) был образован научно-исследовательский Институт философии и права, который со временем превратился в крупное научно-исследовательское учреждение.

Период пребывания в Алма-Ате большой группы видных ученых-юристов Союза в связи с перебазированием сюда Московского юридического института и других институтов в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) стал значительной вехой в развитии высшего юридического образования и правовой науки в Казахстане. Среди них были крупные деятели паровой науки, профессора: И.С. Перетерский, С.С. Кравчук, М.К. Чельцов, Б.Я. Арсеньев, А.С. Стальгевич и др.

К началу 50-х годов XX века в Казахстане существовали два юридических учреждения: Алма-Атинский государственный юридический институт (учебный) и сектор права Академии наук Казахской ССР, где работали 40 профессоров и кандидатов наук. Более половины из них составляли казахи. Если взять их по возрастному составу, то преобладающее большинство – молодежь до 35 лет. В апреле 1957 г. был образован Алма-Атинский научно-исследовательский институт судебной экспертизы. В эти годы правовая наука Казахстана считалась более молодой отраслью знания по сравнению с другими естественными и техническими науками, представленными в структуре Академии наук республики.

В последующие годы в области правовой науки положение существенно стало меняться. Это в первую очередь было связано с тем, что в первые годы Великой Отечественной войны в Алма-Ату был эвакуирован Московский юридический институт с профессорами и 260 студентами, который разместился на базе Алма-Атинского юридического института и временно объединился с ним. Это оказало существенное влияние на становление и определение направлений развития правовой науки в Казахстане вообще, а в секторе права академии наук в особенности. Московские профессора – юристы С.В. Юшков, Б.Я. Арсеньев, А.А. Пионтковский рекомендовали и предлагали казахским юристам избрать приоритетным направлением историко-правовую проблематику. В одном из ранних документов есть сведение о том, что проф. С.В. Юшков, лично опекавший национальную правовую науку, в 1942 г. на заседании ученого совета Института языка, литературы и истории, в составе которого тогда была

Секция государства и права, предложил приступить к разработке проблемы «Истории государства и обычного права казахов». Его активно поддержали: академик И.И. Мещанинов, находившийся в Алма-Ате и являвшийся академиком-секретарем Отделения литературы и языка Академии наук Союза ССР, а также видные казахские ученые Н.Т. Сауранбаев, А.Х. Маргулан, Е. Исмаилов, Б.С. Сулейменов.¹ В свою очередь президент Академии наук Казахской ССР К.И. Сатпаев, уделявший особое внимание определению научной проблематики учреждений Академии, в 40-х годах связывается в Москве с академиком АН СССР А.Я. Вышинским, признанным в советское время авторитетом в области права, Е.А. Коровиным, членом-корреспондентом АН СССР, директором Института государства и права АН СССР,² которые подтверждают важность начинания правовых исследований в республике историко-правовой проблематики.

Издание в 1948 году первой книги «Материалы по казахскому обычному праву», осуществленное сектором права (составители Т.М. Кульгелеев, Г. Шакаев, М.Т. Масевич), было принято как незаурядное явление в жизни правовой науки. Президиум Академии наук Казахской ССР тотчас же направил профессору С.В. Юшкову, написавшему предисловие к книге и ее редактору, жившему в это время в Москве, благодарственное письмо, в котором было сказано: «Мы полностью разделяем Ваши мысли о том, что издание Сборника материалов является только первым шагом в деле изучения казахского обычного права». А президент Академии наук Казахстана К.И. Сатпаев³ 3 марта 1949 г. отправил по почте экземпляр книги академику А.Я. Вышинскому с личным сопроводительным письмом, в котором было сказано

¹ Тлепина Ш. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане. Алматы, 2005. С. 102-104.

² Известия АН Каз ССР. Серия юридическая. 1960. № 50. Вып. 1.

³ У президента Академии наук Казахской ССР, академика К.И. Сатпаева была изумительная манера, ставшая обычной, поздравлять лично, а иногда через помощника авторов книг, издававшихся в Академии наук, а также диссертанта из Казахской Академии наук с успешной защитой, если в это время он находился в местах защиты в Алма-Ате или в Москве. Такая его забота о научных работниках была одним из условий успешного развития науки в Казахстане.

следующее: «Уважаемый Андрей Януарьевич, зная, что Вы интересуетесь историей права казахского народа, посылаю Вам «Материалы по казахскому обычному праву» – Сборник материалов, составленный научными сотрудниками сектора права нашей Академии наук».¹ И в годы заметного оживления и укрепления сектора права в его исследовательских планах историческая тематика оставалась доминирующей. Следует отметить, что в организационно-научном обеспечении данного научного направления большую непосредственную роль сыграл и крупнейший советский историк С.В. Юшков, избранный действительным членом Академии наук Казахской ССР первого состава (1946 г.) и фактически курировавший на протяжении многих лет развитие историко-правовой науки в Казахстане. Результаты не замедлили сказаться: к концу 40-х и в начале 50-х годов прошлого столетия по тематике, связанной с историко-правовой культурой казахов, были подготовлены и защищены две докторские диссертации: «Очерки истории государства и права Казахстана XI и первой половины XIX в.» (С.Л. Фукс) и «Уголовное обычное право казахов» (Т.М. Культелеев), одна кандидатская диссертация «Право собственности дореволюционного Казахстана» (М.Г. Масевич).

С преобразованием Казахского филиала Академии наук СССР в Академию наук Казахской ССР, которое состоялось в 1946 г., наука в республике получила новый импульс, а точнее, в традиционных и нетрадиционных направлениях формирование широкой сети научно-исследовательских институтов.

Становление Института философии и права в структуре Академии наук Казахской ССР проходило на моих глазах и в какой-то мере с моим участием. Хронологически это относится к первому десятилетию его существования – к 1958 – 1969 годам. Как сейчас вспоминаю и судя по сжатым запискам в своих черновых блокнотах, особую роль в организации Института сыграл президент Академии наук Каныш Имантаевич Сатпаев, геолог по специальности, человек необыкновенного ума и склада мышления, масштабный ученый,

---

¹ Приводится по книге Тлепиной Ш. Указ. соч. С. 302.

выдающийся организатор науки, а также Шафик Чокинович Чокин, главный ученый секретарь Президиума Академии наук, по профессии металлург, достойно представлявший видение президента К.И. Сатпаева в делах Академии наук, строгий по нраву, вжившийся в науку, как в свой второй дом, Сактаган Баишевич Баишев, вице-президент Академии по общественным наукам с преданно партийным взглядом, честнейшим и человеческим мягким нравом, один из видных экономистов, читавший в вузах курс политической экономии на казахском языке, что было редким явлением.

В период учения в докторантуре в Институте государства и права Академии наук Союза ССР (г. Москва), куда я был прикомандирован от Казахского государственного университета, где работал до этого деканом юридического факультета, академик АН КазССР Ш.Ч. Чокин, будучи в Москве, от имени руководства Академии предложил мне вернуться в Алма-Ату и снова возглавить сектор права Академии наук. По его словам, в ближайшей перспективе может быть создан Институт философии и права на базе объединения двух секторов: права и философии. Это было поздней осенью 1956 года. К слову, Академия наук республики для меня была родным учреждением, здесь я учился в аспирантуре в 1948 – 1950 гг., после ее окончания и защиты кандидатской диссертации, в 1950 – 1952 гг. исполнял обязанности руководителя сектора права¹ до назначения меня директором Алма-Атинского государственного юридического института, что случилось в октябре 1952 года. Авторитет Академии наук во главе с К.И. Сатпаевым в то время был огромным. Я принял предложение. Вопрос об организации Института философии и права на базе объединенного Сектора философии и права на официальном уровне стал обсуждаться с середины 1957 года. В то время существовал порядок, согласно которому решение более или менее важного организационного вопроса касательно идеологических учреждений, тем более вопрос о создании новых и реорганизации существующих институтов по общественным наукам, нужно было предварительно

---

¹ Заведующий сектором права Т.М. Культелеев находился в докторантуре в Москве.

в рабочем порядке согласовать с идеологическими отделами Центрального комитета Компартии республики – отделом образования и науки, отделом пропаганды и агитации, а затем с Секретарем ЦК КПК по идеологии. После получения одобрения в республиканском партийном органе 16 октября 1957 года президент Академик наук Казахской ССР, академик К.И. Сатпаев подписал письмо в два адреса: в Центральный комитет Коммунистической партии Казахстана и в Совет министров Казахской ССР. В нем писал: «Президиум Академии наук Казахской ССР просит разрешить организовать в составе нашей Академии наук научно-исследовательский Институт права и философии». Далее указывалось, что вопрос об организации этого института положительно рассмотрен на сессии Совета по координации научной деятельности академий союзных республик при Академии наук Союза ССР. В качестве обоснования в письме указывалось на необходимость «укрепления социалистической законности и демократии, научной разработки вопросов советского строительства и философии». К этому времени в секторе философии и права, на базе которого должен был создаваться Институт философии и права, работали 27 чел. штатных работников и совместителей, в числе которых был один профессор (С.Я. Булатов) и 14 кандидатов наук. В дополнительной справке Академии наук, представленной правительству от 24 октября 1957 г., сообщалось, что среди сотрудников сектора философии и права шестеро работают над докторскими диссертациями: юристы – С.Я. Булатов, В.А. Ким, В.Н. Маркелов, С.З. Зиманов, философы – К.Б. Бейсембиев, Л.М. Чечин. 8 января 1958 г. вышло Постановление правительства Казахской ССР об организации Института философии и права в составе Академии наук республики. В свою очередь Президиум Академии наук Казахской ССР во исполнение указанного постановления правительства принял 13 января 1958 года свое постановление, которым были утверждены штат Института в количестве 51 единицы и его структура, состоящая из шести отделов, из них пять юридических и один по философии. Исполняющим обязанности директора института назначен кандидат юридических наук

Салык Зиманович Зиманов, утвержден также состав ученого совета института из 11 чел., в числе которых было два философа – К.Б. Бейсембиев и П.В. Пресняков, зав. кафедрой философии АВПС при ЦК КП Казахстана.

4.2. Формирование в институте перспективных и оригинальных научных направлений

Приняв руководство институтом, я понимал, что надо вести научно-исследовательскую работу во многом по-новому. Довольно слаб был отдел философии, исследовательская тематика которого ограничивалась «изучением истории распространения марксистско-ленинской философии в Казахстане, истории общественно-политической мысли в Казахской ССР». Только один из четырех сотрудников имел степень кандидата философских наук. Тематика носила сугубо местный, региональный характер. Правовая часть института на первый взгляд представлялась относительно удовлетворительной: были организованы структурные подразделения по теории и истории государства и права, по советскому строительству, по гражданскому праву и колхозно-земельному праву, по уголовному праву. Штат укомплектован достаточно опытными учеными – А.Е. Ереновым, В.А. Кимом, С.Я. Булатовым, С.З. Зимановым. Однако и юристам предстояло реформировать прежние тематики и цель исследования. Необходимо было серьезно подумать над тем, чтобы поднять разработки института как по проблематике, так и по методам разбора и анализа исследуемых объектов до критериев научности, сочетать эмпирические исследования с теоретическими и попытаться выйти со своими научными идеями на всесоюзную арену. Задачи эти были амбициозными, но реальными. Мои идеи и планы нашли полную поддержку у Президиума Академии наук, лично его президента К.И. Сатпаева и вице-президента по общественным наукам академика С.Б. Баишева. Исследовательская и организационная работа в институте с самого начала шла в двух основных направлениях. Надо было, во-первых, собрать наиболее перспективную в творческом плане местную молодежь, заинтересовать ее и серьезно укрепить кадрами как философский, так и юридический отделы института. Выгрыш во времени и качестве подготовки кадров давала аспирантура. Во-вторых, определить основные направления работы института,

учитывая национальные, всесоюзные и мировые тенденции развития философских и правовых наук и обращая внимание на то, чтобы они были под силу институту и в то же время в перспективе можно было войти с этими исследованиями в ряды престижных научных учреждений. Задачи эти были трудные, но выполнимые, потому что были созданы все условия для их решения.

Объективно Советское государство и в годы репрессивного режима уделяло первостепенное внимание науке и образованию, материальным и производственным условиям особенно научных работников и подготовке кадров высшей квалификации. Так, заведующие лабораториями, отделами в исследовательских институтах получали оклады наравне, а иногда больше, чем республиканские министры, с вытекающими отсюда последствиями в реальной жизни и в общественных мнениях. Большую роль сыграло и то, что со второй половины 40-х годов до середины 50-х годов XX века действовало Положение об аспирантуре, подписанное Сталиным в его бытность председателем Совета министров Союза ССР. При этом надо помнить, что в то время авторитет Сталина был непререкаем, и документы, подписанные им, имели безоговорочную императивную силу. В нем, в частности, предусматривались меры улучшения стипендиального и пайкового обеспечения аспирантов, предоставление им мест в общежитиях, безусловное освобождение по месту работы лиц, зачисленных в аспирантуру. В организационном плане для казахстанского Института философии и права немаловажное значение имело и то, что в структуре Академии наук СССР философские и правовые науки были объединены в одно структурное подразделение – в отделение философии и права, в котором решались многие проблемно-организационные вопросы, связанные с развитием этих отраслей наук в союзных республиках. С этим отделением у меня было налажено тесное сотрудничество, начиная с моей работы директором Алма-Атинского государственного юридического института и в годы прохождения мною докторантуры в Институте государства и права АН ССР, в здании которого это отделение размещалось (Москва, ул. Фрунзе, 10).

Руководством Института философии и права Академии наук Казахской ССР, можно сказать, завладели вполне сознаваемые амбициозные планы: войти в ряды передовых научно-исследовательских учреждений Союза ССР по некоторым проблемным разработкам, с их помощью и поддержкой, по возможности в самое ближайшее время – в течение пяти-семи лет занять и иметь свою нишу в областях философских и правовых наук. Эти планы посторонним казались больше плодом неосуществимых мечтаний, во всяком случае, требующих десятилетий. Такое неверие других в наши возможности только умножало наши усилия. Я, как директор Института и инициатор этих планов, нашел понимание и достаточную поддержку со стороны руководства Республиканской Академии наук, в которой установился «сатпаевский стиль» (по имени действующего Президента Академии наук академика АН СССР К.И. Сатпаева) поощрения новых идей, дающих эффект в науке и производстве. Эти планы были трудные, но реальные. Время работало за нас.

В качестве приоритетной задачи было выбрано кадровое укрепление института перспективными, молодыми научными работниками с потенциальными и явными склонностями к научной деятельности.

Найти философов было трудно, несколько легче – юристов. Начались поиски кандидатов для работы в институте. Критериями предварительной их оценки являлись молодость, прохождение вузовской подготовки, желательно в Москве, Ленинграде, на Украине, качество их дипломов и отзывы о них по месту работы. В большинстве своем они работали в партийных и государственных органах столицы республики, в Алма-Ате, некоторые на ответственных должностях. Как было указано ранее, нашим преимуществом в то время была престижность науки перед всеми другими сферами, признанная и закрепленная официальной политикой Советского государства. Буквально в течение первых двух-трех лет, т. е. к началу 60-х годов прошлого века, были приглашены в аспирантуру института и зачислены в нее частью с прикомандированием московские научные центры: А. Пущечников и М. Валиев, работавшие заведующими отделами

в прокуратуре республики, М.Т. Баймаханов, окончивший юрфак Московского университета, работавший помощником министра юстиции, Б. Базарбаев и Е. Баянов, занимавшие ответственные посты в Комитете народного контроля республики и окончившие в свое время с отличием Алма-Атинский юридический институт, Б.С. Бейсенов, старший следователь городской прокуратуры, М.Т. Имашев, практический судебный работник, и другие. Такая же активная работа проводилась и для укрепления философской части института. Были приглашены: Ж.М. Абдильдин, проходивший аспирантуру в Институте философии АН СССР, Г.А. Югай, Л.К. Науменко, Касымжанов, Т. Даутов, Г. Акмамбетов, М.И. Баканидзе, А.Н. Нысанбаев, М. Орынбеков, Т. Джумагазин, А. Жаймурзин, К. Абишев, М. Бурабаев, М. Сабитов, К. Альжанов и другие, ставшие впоследствии видными исследователями союзного масштаба.

Одновременно предпринимались активные действия по налаживанию более тесных научных контактов в первую очередь с Институтом государства и права и с Институтом философии Академии наук Союза ССР, помощь которых на начальном этапе была особенно необходима. На объединенных обсуждениях с их помощью определялись основные базовые проблемные направления исследовательской деятельности казахстанского института. Надо было найти и определить такие актуальные новые направления ниши философских и правовых наук, разработка которых была бы перспективной и под силу национальному, вновь создаваемому творческому коллективу. В решении этой нелегкой задачи несомненны заслуги крупных московских ученых-философов – академика Б. Кедрова, профессоров Е.П. Ситковского, Э.В. Ильенкова, П.В. Копчина, И. Кузнецова, В. Лекторского; ученых-юристов М.Н. Казанцева, Г.М. Аксененко, С.Ф. Кечекьяна, С.В. Юшкова, В.М. Чхиквадзе, В.Н. Кудрявцева, Н.И. Краснова, А.П. Косицына. После ряда совместных обсуждений были приняты следующие рекомендации: в области философских наук основное внимание сосредоточить на проблемах диалектической логики (теории познания) и на философских (методологических) вопросах естественных наук; в области

юридических наук в первую очередь разработать комплекс проблем аграрного права, связанную с ним деятельность региональных органов управления, а также проблем национальной государственности в ее историческом и советском измерениях.

Обозначение и выделение профильных исследовательских направлений Института философии и права Академии наук Казахской ССР вовсе не означали их абсолютизацию в ущерб другим проблематикам, связанным с изменяющимися запросами практики. При всем этом доминировала политика, согласно которой научные разработки должны были вестись в интересах усиления роли науки, как тогда выражались, в социалистическом строительстве. Для достижения этих целей в профильных областях исследования были созданы в институте максимально возможные условия, которые для того периода были немалые. Важно отметить то, что государство в целом и руководство Республиканской Академии наук были заинтересованы в развитии науки в Казахстане. В самое короткое время удалось под крышей института собрать около двух десятков способных молодых людей из числа имеющих высшее юридическое и философское образование, до этого работавших в различных органах государственного управления республики. Большая часть из них была зачислена в аспирантуру и прикомандирована в головные институты – в Институт философии и в Институт государства и права Академии наук Союза ССР и к соответствующим факультетам Московского университета им. Ломоносова для прохождения дальнейшей подготовки в основном по специальностям, профилирующим в Институте философии и права Академии наук КазССР.

В Институте были разработаны и проводились поощрительные меры в виде финансово-материальной поддержки и обеспечения участия как научных сотрудников, так и аспирантов в творческих дискуссиях, конференциях, семинарах, созываемых в большинстве случаев в Москве, Ленинграде, Киеве, а иногда и за границей. Руководство института старалась создать свободную творческую атмосферу в коллективе для локального и коллективного обсуждения и противопос-

тавления различных идей, возникающих в ходе работы над исследовательскими проектами, без боязни и страха быть раскритикованными за какие-то «отходы» от официальной идеологической линии, проводимой в стране. Жаркие дружеские дискуссии часто затевались во время свободного часа – в перерывах в уголках просторного холла института, размещавшегося на втором этаже головного здания Академии наук по ул. Шевченко, 28.

Результаты не преминули сказаться. Во второй половине 60-х годов XX века Институт философии и права Академии наук Казахской ССР по результатам своих исследований в области философских и правовых наук встал в ряд компетентных научных организаций в Союзном государстве. Он уже признавался по своему профилю одним из ведущих научных центров Союза ССР. В авторитетном Всесоюзном журнале «Вопросы философии», в его передовых статьях за 1965 – 1968 гг. не раз указывалось, что казахстанские философы по своим трудам в областях теории познания (диалектическая логика) и по разработке методологических проблем ряда естественных наук занимают одно из ведущих мест в Союзе. Одна за другой публикуются серьезные монографические работы: Абдильдин Ж.М. Проблемы логики и диалектики познания. Алма-Ата, 1963; его же. Проблемы начала в теоретическом познания. Алма-Ата, 1967; Югай Г.А. О категориях части и целого. М., 1963; его же. Противоречие объективного и субъективного в современной биологии. Алма-Ата, 1965; Мусабаева Н.А. Проблема причинности в философии и в биологии. Алма-Ата, 1962; ее же. Кибернетика и категория причинности. Алма-Ата, 1965; Науменко Л.К. Монизм как принципы диалектической логики. Алма-Ата, 1968; Баканидзе М.И. Проблема субординации логических форм. Алма-Ата, 1968; Акмамбетов Г. Проблемы нравственного развития личности. Алма-Ата, 1971; Проблема субъекта и объектов в марксистской философии. Алма-Ата, 1975 (совместно с К.А. Абишевым); Касымжанов А.Х. Совпадение диалектики и теории познания. Алма-Ата, 1960; Кармышев Г.П. Логика Гегеля. Алма-Ата, 1972 и др.

Был накоплен значительный интеллектуальный материал и конструктивные идеи в областях диалектической логики и

методологии исследования проблем ряда естественных наук. Институт философии Академии наук Союза ССР, как координирующий центр философских исследований в стране, в 1967 г. поддержал инициативу Казахского института философии и права АН Казахской ССР о созыве Всесоюзного научного симпозиума по диалектической логике в Алма-Ате, первого в истории СССР. Он был создан в 1968 году. Его официальным организатором был Институт философии и права АН КазССР, в котором я был директором. В этом симпозиуме казахстанские философы были представлены довольно солидно. Среди ученых, выступавших на нем с основными докладами, рядом с именитыми российскими учеными, были и следующие доклады ученых института: Ж.М. Абдильдин «Диалектическая логика как методология научного познания», Г.А. Югай «О категории субстанции в марксистской философии», Л.К. Науменко «Категории – формы мысли», М.И. Баканидзе «Проблема субстанции логических форм», А.Х. Касымжанов «Единство исторического и логического в истории и диалектики», А.Н. Нысанбаев «О некоторых логических проблемах построения математической теории» и др.¹

После первого Всесоюзного симпозиума по диалектической логике в Алма-Ате были созваны второй и третий Всесоюзные симпозиумы соответственно в 1977 и 1990 годах.²

Президент Академии наук Казахстана Ж.Е. Есенов в своем докладе на юбилейной сессии Академии, посвященной ее 25-летию, говорил следующее: «Наши философы заслужили всесоюзное признание своими крупными исследованиями по теории познания и диалектической логике, по философским вопросам биологии, по социологии личности».

Новым научным направлением также было освоение и изучение наследия аль-Фараби (870 – 950), великого мыслителя, ученого и философа, автора около 160 трактатов, дошедших до нас. Его в свое время называли «восточным Аристотелем».

---

¹ Проблемы диалектической логики (материалы к симпозиуму). Алма-Ата, 1968.

² Почти десятилетний разрыв между первым и вторым симпозиумами и тринадцатилетний перерыв между вторым и третьим отражали определенный спад значения и уровня философской науки в Казахстане в эти периоды.

тотелем» за огромное влияние на развитие научной мысли в центральноазиатском секторе и на арабском Востоке. В этой части плодотворно трудились А.Ж. Машанов, М. Бурабаев, Г.К. Курмангалиева, А. Касымжанов и др.

Правовая наука Казахстана на начальном этапе развивалась как вузовская наука. Ее становление и успехи тесно связаны с Алма-Атинским юридическим институтом, созданным в 1938 г., а также с передислокацией в столицу республики юридических высших учебных заведений городов Москвы, Ленинграда и Киева в годы Отечественной войны, в начале 40-х годов прошлого века, вместе с видными учеными, работавшими в них. К моменту организации Института философии и права Академии наук Казахской ССР, которая состоялось в 1958 г., в исследовательских планах сектора права преобладала историко-правовая тематика, выполнявшаяся в основном вузовскими работниками по совместительству. Так, профессор С.Л. Фукс был занят составлением «Очерков истории государства и права Казахстана XVIII-XIX веков», профессор С.Я. Булатов работал над темой «К вопросу о государственных и правовых воззрениях Чокана Уалиханова», доцент Л.В. Дюков готовил статью «Ч.Ч. Валиханов как последователь И.Г. Чернышевского» и др.

Правовая наука, как и все другие отрасли общественных наук, в годы Советской власти была идеологизирована, считалась инструментом и проводником политики Коммунистической партии и Советского государства. Ее основной объект определялся так: право – это совокупность норм и правил поведения, выражающих волю господствующего в обществе класса, установленных государством и обеспечиваемых его принудительной силой, имеющих общеобязательную силу. Трактовалось, что эта «воля господствующего класса» выражала волю рабочего класса (в начале революции 1917 года), рабочего класса в союзе с крестьянством (на переходном периоде от капитализма к социализму) и как воля всего народа (после победы социализма в одной стране, т. е. после 1936 года). Ученые-юристы должны были в своих исследованиях исходить из положений «марксистско-ленинской идеологии в области права», приспособляться к ней. Эту особенность

научной литературы тех лет следует иметь в виду при ознакомлении с нею для определения ценности исследований по государственно-правовой тематике, выполненных в годы советской власти. В ней нередко воспроизводилась реальная картина государственно-правового устройства Союза ССР и Казахстана как союзной республики, составляющей субъект федеративного государства. Вместе с тем в исследованиях раскрывались титулы, основания и функциональная деятельность государственных органов, иерархия их построения, подчиненность и ответственность перед директивными партийными и центральными высшими органами власти. Сведения, содержащиеся в ней, помогают лучше понять суть тоталитарного государственного режима и необходимость перехода к ценностям демократии.

С образованием Института философии и права Академии наук республики открылись новые возможности для расширения государственно-правовой тематики исследовательских работ с акцентом ее актуализации и привлечением новых кадров в основном из числа талантливой молодежи. Серьезные организационные меры, в том числе в области подготовки научных кадров, постепенно приносили свои плоды. К 1966 году по специальности «правоведение» прошли аспирантскую подготовку в научных подразделениях Академии наук Казахской ССР 47 человек, причем 38 из них были прикомандированы в Москву и другие города Союза. Многие из них защитили диссертации. Трое в эти же годы стали докторами наук (С.З. Зиманов, Ю.Г. Басин, М.Г. Масевич). В подготовке научных кадров-юристов для республики значительной была роль Института государства и права Академии наук Союза ССР и ученых, работавших в них. Так, в 50-60-х годах членом-корреспондентом Академии наук СССР А.Н. Трайниным были подготовлены: один доктор наук (Т. Культелеев) и один кандидат наук (А.А. Филимонова), членом-корреспондентом АН СССР А.А. Пионтковским – один доктор наук (В.Н. Маркелов) и один кандидат наук (Г.И. Баймурзин), членом-корреспондентом АН СССР П.С. Ромашкиным – три кандидата наук (М. Валиев, А. Нусубалиев, Р. Орынбаев), членом-коррес-

пондентом АН СССР М.С. Строговичем – один кандидат наук (З. Сарбаев).

В рассматриваемый период намечается активный переход к исследованию проблем действующего права. Для Казахстана как аграрно-индустриальной республики исследования проблем сельскохозяйственного и природоохранного права приобретают первоочередную актуальность. В становлении и определенном развитии этого нового научного направления, в подготовке научных кадров весомы вклады московских ученых: члена-корреспондента Академии наук СССР Г.А. Аксененко и профессора Н.Д. Казанцева. Достаточно сказать, что из пяти кандидатов наук, работавших в этом направлении в республике, в дальнейшем ставших докторами наук, четверо прошли подготовку под их научным руководством (А. Еренов, С. Байсалов, К. Шайбеков, А. Ащеулов). Проблемы национальной государственности, ее идеи и роли в новейшей истории народов Центральной Азии вообще, Казахстана в особенности составляли другое основное научное направление Института. Выходят из печати: История государства и права Советского Казахстана / Под ред. С. Зиманова, М. Биндера. В 3 т. Алма-Ата, 1961 – 1964; Сартаев С. Образование и становление казахской советской государственности. Алма-Ата, 1960; Зиманов С.З. Политический строй Казахстана XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960; Зиманов С.З. От освободительных идей к Советской государственности в Бухаре и Хиве. Алма-Ата, 1976; Зиманов С.З., Рейтор И.К. Советская национальная государственность и сближение наций. Алма-Ата. 1983; Зиманов С.З., Рейтор И.К. Теоретические вопросы Советского национально-государственного строительства. Алма-Ата, 1987. Укрепляется научное направление, связанное с исследованием проблем управления отраслями народного хозяйства и государственного строительства. Публикуются монографические работы: Ким В.А. Роль сельских и аульных Советов депутатов трудящихся в развитии колхозного животноводства. Алма-Ата, 1956; Нечитайло Г.В. Организационно-массовая работа городских Советов Казахстана. Алма-Ата, 1957; Иماشев М.Т. Сельские и аульные Советы Казахстана в период

сплошной коллективизации (1930 – 1934 гг.) Алма-Ата, 1956; Аимбетов А. Баймаханов М., Имашев М. Проблемы совершенствования организации и деятельности местных советов. Алма-Ата, 1967; Досымбеков С. Государственное управление промышленностью в Казахской ССР. Алма-Ата, 1962; Баймаханов М. О переходе функции государственных органов к общественным организациям. Алма-Ата, 1965 и др.

Наибольшее развитие в республике получили исследования проблем национальной советской государственности как в историческом, так и в теоретическом аспектах. Они имели свои особенности, которые состояли в следующем: а) Казахская Советская республика, ее история и развитие, согласно партийной идеологии, рассматривались как национальная государственность; б) по официальной трактовке по мере успехов социалистической системы возрастала роль национальной советской государственности в жизни общества, осложнялись ее ответственность, ее задачи и функции. Считалось, что в этих условиях понимание объективных законов и тенденций развития национальной советской государственности, всей совокупности факторов, существенным образом влияющих на ее деятельность на каждом этапе исторического пути, способствуют научному предвидению и определению перспективы деятельности системы государственных органов в республике; в) немаловажное значение имело и то, что Казахская ССР, представляя форму национальной государственности, не имела своих кодексов, а руководствовалась кодексами РСФСР. В силу этого, по установившему мнению, исследования проблем уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, трудового семейного права, даже применительно к условиям республики, относились к ведению в основном ученых Центра. В силу такого взгляда большинство подготовленных научных кадров получили специализацию в историко-юридическом и государствоведческом направлениях. Такое преимущественное положение историко-правовой и государствоведческой науки в республике негативно отразилось на развитии исследований проблем специальных и отраслевых наук права.

Значительная группа ученых занималась исследованием истоков и условий становления национальной советской государственности в Казахстане, вопросов ее эволюции: от революционного Комитета по управлению Краем (1919 г.) через Автономную республику (1920 г.) к Союзной республике (1936 г.). Проблемы конституирования государственных органов и их взаимоотношения, контрольная и функциональная зависимость в системе высших и местных органов власти и управления республики, вопросы их совершенствования в связи с изменением и развитием их задач, условий и функций, вопросы компетенции и взаимоотношения союзных и республиканских органов в период, как мы тогда выражались, до победы социализма в нашей стране получили в трудах казахстанских ученых довольно широкое освещение.

В республике развертывались исследования и по ряду других направлений правовой науки. В частности, успешно работали ученые в области правовых проблем управленческих отношений в сельском хозяйстве и промышленности (М.Г. Масевич, В.В. Покровский, Ю.Г. Басин, В.А. Ким, М.Т. Имашев), советского трудового права (К. Абжанов, Л.А. Николаева, Б. Базарбаев, К. Ургеншбаев), уголовного права и криминалистики (В.Н. Маркелов, А. Мамутов, В.А. Хван, А.А. Филимонова, В.И. Попов).

Объединение юристов и философов в рамках одного научно-исследовательского структурного подразделения и развитие обеих отраслей научного знания в тесном взаимодействии имели одно весьма важное преимущество. Наиболее восприимчивая часть ученых молодого и среднего поколения осваивали, овладевали методами восприятия и познания явлений реальной действительности в другой смежной общественной науке. Это особенно было заметно в среде правоведов. Для них методология познания, выработанная в истории человеческой культуры манера философского саморазмышления, воспроизведение конкретного в абстракциях – теория, обобщения, которыми пользовались философы и которые находились в центре почти постоянных рабочих обсуждений молодых сотрудников-философов института, оказывали весьма благотворное влияние на становление, развитие культуры

и методов правовых исследований. Можно было увидеть и неоднократно, что выступления отдельных ученых юристов на всесоюзных научных форумах, особенно по проблемам общей, методико-теоретической части юриспруденции, организованных в центральных городах Союзной страны, вызывали всеобщий интерес. Появление работ «О характере противоречий в правовой системе социализма» (Баймаханов М.), «О методологии исследования проблем национальной государственности» (Зиманов С.), «О месте теории и права в системе правоправедения» (Зиманов С.) воспринималось и оценивалось научной общественностью как более рациональные исследования. Некоторые сотрудники со своей тематикой вошли в общесоюзные государственные планы: «Методология изучения национально-государственного строительства в СССР», «Методологические проблемы юридической науки», разрабатываемые под эгидой Института государства и права, Института философии АН СССР в начале 70-х годов. В свою очередь философы института под влиянием юристов нередко обращались к проблематике правовой культуры вообще, к правовым воззрениям казахов-кочевников в частности, живо интересовались формами отражения их жизни в поведенческих отношениях, регулируемых нормами казахского права «Жарғы».

Институт философии и права Академии наук Казахской ССР оценивался как один из ведущих научных центров философских и правовых исследований не только на востоке СССР. Имена многих его ученых приобрели известность за пределами республики, а в самой республике установилось предпочтительное отношение к институту. Институт фигурировал как передовик производства по Фрунзенскому району Алма-Аты, информация о нем размещалась на огромном стенде, выставленном в парке 28 гвардейцев-панфиловцев. Его директор С. Зиманов, член бюро райкома партии, был избран в 1967 г. действительным членом (академиком) АН КазССР без прохождения промежуточной стадии – члена-корреспондента. Он был рекомендован и включен в 1967 г. в состав рабочей экспертной группы Государственной комиссии по Ленинским и Государствен-

ным премиям СССР по разделу «Философские и правовые науки».

Институт философии и права Академии наук Казахской ССР по некоторым научным проектам в области правовых и философских наук почти на равных выступал в совместных разработках под эгидой союзных институтов.

4.3. Посещение института ведущими учеными-юристами и философами Академии наук КазССР

В начале 60-х годов Институт философии и права посетили: директор Института государства и права Академии наук СССР, доктор юридических наук В.Н. Кудрявцев (впоследствии академик и вице-президент Академии наук СССР), его заместитель, доктор юридических наук А.Е. Лунев, главный редактор журнала «Советское государство и право», доктор юридических наук А.Ф. Шебенков. Каждый их приезд способствовал актуализации тематики правовых исследований в республике и усилению творческого сотрудничества и контакта ученых Академии наук СССР и Академии наук республики.

В апреле 1965 г. большая группа ученых Института государства и права АН СССР во главе с его директором, членом-корреспондентом АН СССР В.М. Чхиквадзе прибыла в Казахстан для проведения исследований совместно с учеными Института философии и права АН КазССР. В составе этой группы, состоявшей из 30 человек, были такие крупные ученые-правоведы страны, как доктора юридических наук А.П. Косицын, И.В. Павлов, М.И. Пискотин, Р.О. Халфина, Ц.А. Ямпольская, М.И. Козырь, В.И. Смолярчук, О.С. Колбасов, З.С. Беляева, Н.И. Краснов и др. Ученые двух институтов непосредственно на местах – в Алма-Атинской, Карагандинской, Чимкентской и Семипалатинской областях – проводили исследовательские работы по следующим трем группам вопросов: а) эффективность деятельности местных Советов депутатов трудящихся; б) стиль и методы работы органов государственного управления; в) проблемы участия общественности в государственном строительстве. По итогам совместного изучения в Президиум Верховного Совета Казахской ССР и Совет министров республики было внесено 12 докладных записок, направленных на улучшение деятельности некоторых звеньев Советов, органов государственного управления и общественно-самодеятельных организаций. Вот, например, некоторые из них: о повышении роли и улучшении деятельности депутатов Верховного Совета Казахской ССР; о дальнейшем расширении полномочий

местных советских органов; совершенствование организации и методов использования земель в колхозах и совхозах; об укреплении договорной дисциплины на предприятиях и стройках; о повышении роли общественных самодеятельных организаций и развитии общественных начал в аппарате местных Советов и др. По многим вопросам, поднятым в записках ученых, впоследствии были приняты соответствующие постановления Президиума Верховного Совета, Правительства и других центральных ведомств республики.

Это совместное комплексное исследование кроме научной ценности имело и другое значение. Оно способствовало взаимному обогащению ученых республики и Союза методами и опытом ведения подобных исследований и показало плодотворность тесной кооперации в исследовательской работе ученых центра и мест.

В рассматриваемый период правовая наука в Казахстане превратилась в довольно значительную творческую силу, способную самостоятельно разрабатывать актуальные проблемы государственно-правового строительства с применением современных методов исследования. И в этих условиях значение координации научных работ и кооперации творческих усилий, индивидуальных и коллективных контактов ученых становится востребованными самой жизнью.

Если проследить путь развития правовой науки в Казахстане, то можно установить следующие ее этапы и особенности. Период до конца 50-х годов можно назвать периодом концентрирования сил, подготовки кадров и поиска научных направлений, как соответствующих творческим возможностям и профилю специализации подготовленных кадров, так и отвечающих практическим запросам. В этот период, когда еще четко не определились основные линии развития правовой науки в республике, среди ученых-юристов преобладало увлечение исторической тематикой, что принесло казахстанской науке немало пользы. «Болезнью» историзма были охвачены и многие видные специалисты, ранее успешно работавшие над проблемами современного советского права, и даже те из них, которые по своей специализации далеко стояли от исторической проблематики. Так случилось с проф. С.Я. Булатовым,

увлекшимся исследованием государственно-правовых взглядов Чокана Валиханова, и с доц. Т.М. Культелеевым, взявшим-ся за изучение обычного права казахов XIX века. В этот период кандидатские диссертации по правоведению защищались преимущественно по темам, обращенным в прошлое.

Второй период – это период многопланового развития правовой науки, период зрелости и сложения научных направлений и творческих групп со своим профилем и стилем работы. Именно на этом этапе, т. е. с конца 50-х годов, происходит интенсивная подготовка докторов наук: за 12 лет было защищено 11 докторских диссертаций. В тематике исследований все больше места занимают актуальные проблемы действующего права.

В эти годы в исследованиях юристов большое внимание уделяется конкретно-социологическим методам и социальным аспектам государственно-правовых явлений. Если раньше формально-юридический метод считался специфическим и наиболее заслуживающим внимания методом в правовых исследованиях, то теперь метод анализа социальных условий, ситуаций, в которых действуют правовые нормы и органы государственного управления, последствия, к которым они могут привести, перспективы развития правового режима, законности в общественно-политической жизни страны занимают преобладающее место в планах исследования.

Социологический подход к государственным и правовым явлениям потребовал известной перестройки не только представлений об объеме, месте и пределах юридических исследований, но и вызвал перестройку организации и планирования научной работы. Непосредственное и всестороннее изучение явлений, в малых и больших формах их организации, стали важнейшими условиями исследования. Суждения об изучаемых явлениях преимущественно по опосредствованным данным, как это была раньше, признаются теперь явно недостаточными в правовых исследованиях.

Ориентация на конкретно-социологический метод в исследованиях обусловила резкое увеличение выездов на места ученых и всего состава исполнителей темы. Возрос интерес ученых-юристов к смежным социальным наукам. Более того,

им пришлось обратиться к математическим и статистическим методам обобщения и оценки эмпирического материала. Нередко исследователь нуждался в познаниях в области психологии вообще, социальной психологии – в особенности. Можно сказать, что с интересом, возникшим в нашей стране к социологическим исследованиям и правовой науке, открылись новые горизонты для их развития. В этом отношении казахстанские ученые-юристы оказались в числе энтузиастов нового веяния в науке.

Обеспечивало эффективность правовых исследований создание базовых областей, районов и предприятий, опыт работы которых в интересующих сферах изучался учеными института, вместе с тем на них проверялись и испытывались модели научных разработок. Необходимо было заинтересовать руководителей этих баз, а порою их привлекали в качестве соисполнителей плановых исследований и помогали им готовить диссертации. В результате таких солидарных действий кандидатами наук стали: секретарь обкома партии Тимофей Михайлович Курганский (Курчанская область), Нурмахан Капесов, первый секретарь районного комитета партии (Уч-аральский район), Стамкулов Абдез, прокурор Саркандского района (Алма-Атинская область). Впоследствии последние двое стали докторами наук и перешли в систему высшего образования.

То, что в Институте философии и права стала разрабатываться такая сложная научная проблема, как характер противоречий в правовой системе советского общества, говорит о многом. Монография по этой тематике М.Т. Баймаханова, заведующего отделом Института философии и права, «Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме» (1972) оказалась в центре внимания ученых-юристов и философов, что, с одной стороны, свидетельствовало о солидных творческих возможностях автора, а с другой – о научном потенциале Института философии и права, в котором данное исследование было выполнено. Это исследование вызвало позитивный резонанс в среде научной общественности республики и Союза. М.Т. Баймаханов, исходя из общетеоретического тезиса о том, что противоречия составляют имманентно присущие импульсы и источник всякого движения, задался целью проследить и

раскрыть формы, характер и особенности проявления противоречий в правовой настройке социалистического общества. Автор задался целью воспроизвести и моделировать объемный скелет и структуру противоречий и их сложных связей, характерных для отдельных частей и этапов движения правовой надстройки общества, с тем чтобы попытаться создать теорию управления этими противоречиями.

Новым моментом, характерным для этих лет развития правовой науки в республике, следует считать возросшую инициативу ученых в постановке и научном обосновании ряда назревших вопросов перед директивными органами. Если в 1962-1964 годах сотрудниками Института философии и права АН КазССР было внесено всего семь предложений и рекомендаций на рассмотрение местных и центральных государственных и партийных органов, то в 1965 – 1966 годах число таких предложений и рекомендаций составило 19. В них затрагивались весьма актуальные и злободневные вопросы государственного и правового строительства, например, об основных принципах проекта будущего положения о постоянных комиссиях местных Советов Казахской ССР, об участии общественности в деятельности Советов, об улучшении деятельности депутатов Верховного Совета республики. По многим внесенным предложениям и рекомендациям приняты соответствующие постановления Президиума Верховного Совета и Совмина республики.

Развитие правовой науки в республике сопровождалось ростом научных кадров и расширением ее организационной базы. Это наглядно прослеживается на следующих цифрах. Если первая небольшая организационная ячейка – сектор права, организованный в мае 1945 г., в первый год имел в своем составе трех научных работника, а через 10 лет, т. е. к 1955 г., когда сектор права объединился с сектором философии и стал именоваться сектором философии и права, уже насчитывал 17 научных работников и двух лаборантов. А к середине 60-х годов в Институте философии и права Академии наук Казахской ССР, созданном в 1958 г., работало 113 человек научного и научно-вспомогательного персонала; в их числе 12 докторов наук и 37 кандидатов наук. Институт на начало 1974 г. состоял

из десяти отделов, из которых правовых – пять. Правовая часть института была укомплектована в основном высококвалифицированными специалистами и насчитывала семь докторов наук и 16 кандидатов юридических наук.

Было примечательно то, что за сложившимися видными учеными – философами и юристами, получившими признание научной общественности, шла плеяда молодых ученых нового поколения, на подготовку и воспитание которых обращалось в Институте философии и право особое внимание. Среди них можно было указать на философов М. Орынбекова, Г.Г. Соловьева, Н.К. Мухитанова, К.У. Алжанова, К. Абишева, М. Сабитова, Л.М. Чечина, В.И. Ротницкого, А.А. Хамидова, Р.К. Кадыржанова, Б. Сахариева, А.А. Ивакина, Сайко, С.Ю. Колчигина, Г.К. Курманалиеву, Т. Сарсенбаева и др. В области правовой науки были большие надежды на молодых ученых-юристов: З. Кенжалиева, С. Созакбаева, С.О. Баянова, А. Хаджува, Х. Альжанова, Б. Базарбаева, М. Атанова, И.К. Рейтора, С.О. Даулетову, Н.И. Акуева и др. Впоследствии большинство из них стали докторами наук.

4.4. «Смутное время» в истории жизни Института философии и права

Говоря об истории преуспеяния философской и правовой наук в Казахстане, что в большей степени связано с деятельностью Института философии и права Академии наук Казахской ССР на рубеже 50-60-х годов прошлого века, нельзя не вспомнить и не сказать «о смутном времени», неожиданно наступившем в жизни института и прозванным «провальным периодом» в его истории. Это произошло в самом конце 60-х – начале 70-х годов. Как нередко случается в странах с авторитарным режимом, а еще больше в коммунистическо-советских республиках, перетасовка номенклатурных кадров по принципу подбора по степени их угодливости и личной преданности первому руководителю и его приближенным является обычным и привычным явлением. Мне лично пришлось испытать это. Находясь на отдыхе в одном из санаториев близ Алма-Аты, из вторых рук мне стало известно, что по директиве свыше, а точнее, решением ЦК Компартии Казахстана, распоряжавшегося кадровой политикой, на мое место директором Института философии и права уже назначен бывший заведующий отделом науки и вузов ЦК Компартии Казахстана Токтагали Жангельдин, кандидат философских наук. Перед этим непродолжительное время он работал моим заместителем по направлению и назначению ЦК Компартии республики, что я принял как его понижение и пытался создать ему самые благоприятные условия для адаптации в институте и в области науки. Тем более его ко мне и мои к нему отношение, когда он находился в партийном руководстве, как будто были нормальные. В институте в это время работали его друзья по учебе в Академии общественных наук, республиканских партийных организациях – кандидаты философских наук Т.Д. Жумагазин, А. Жаймурзин, к которым я питал искреннее уважение за честность, принципиальность и которые пользовались большим авторитетом в коллективе.

Эту весть, хотя об этом никто из руководства Академии наук (президент Ж.Е. Есенов, вице-президент А.Н. Нусупбеков) меня не поставил в известность, я воспринял совершенно спо-

койно и нормально.¹ Это было в моем стиле. В течение более чем 11 лет я занимал должность директора института – время предостаточное да одного руководителя, тем более что не такую должность я занимал раньше. В возрасте 23 лет во время Великой Отечественной войны я командовал минометным полком (официально в должности заместителя командира полка по строевой части – июнь 1944 г. – июнь 1945 г.), исполнял обязанности заместителя командира 66-й механизированной бригады по артиллерии в составе 5-й танковой армии (март - апрель 1945 г.). Перед демобилизацией из Советской армии в 1946 г. являлся начальником штаба артиллерийского полка, а на гражданке, перед поступлением в аспирантуру, в 1948 г. занимал должность следователя по важнейшим делам при прокуратуре Казахской ССР. Да, и директором института работал не первый раз. Так что мое освобождение с должности директора Института философии и права я воспринял совершенно спокойно, как естественный процесс. Как выяснилось позже, мое освобождение всецело было связано с гневом весьма влияющей на мужа жены руководителя Компартии республики за то, что я как директор Института приложил немало усилий, чтобы принять в аспирантуру с прикомандированием в Москву в Институт философии Академии наук ССР Кунаеву Раису Динмухамедовну, внебрачную дочь ее мужа. Тогда я по наивности полагал, что она не вмешивается в кадровую политику мужа – Д.А. Кунаева, первого секретаря ЦК Компартии республики. Оказывается, все наоборот, об этом знали многие ответработники.

Хотя я готов был примириться и уже внутренне примирился со своим освобождением с поста директора института, все же во всем этом деле было что-то неладное, ненормальное. Только по истечении трех дней после состоявшегося в ЦК КПК решения о моем освобождении и назначении другого директором института вице-президент Академии наук А. Нусупбеков полуофициально поставил меня об этом в известность. А

---

¹ Очень тревожно и болезненно, наоборот, восприняла мое освобождение преобладающая часть научных работников Института, которых мне самому пришлось призвать к спокойствию, однако полностью успокоить их не удалось.

президент Академии наук Ш. Есенов не сделал и этого жеста. Между тем новый директор Т. Жангельдин, не дожидаясь вызова нас обоих в руководство Академии, бесцеремонно, в мое отсутствие, занял кабинет директора, ссылаясь на состоявшее партийное решение. Какая-то была бездуховная спешка.

Я вынужден был собирать бумаги из рабочего кабинета на глазах нового директора. Он поступил как «лесной партизан» (служил во время войны в партизанских отрядах). Только 11 сентября 1969 г., по истечении 5-6 дней, вице-президент сообщил коллективу о том, что Т. Жангельдин назначается и. о. директора института с последующим утверждением на общем собрании Отделения общественных наук. Освобожденный должен освободиться от всякой посторонней мысли и как член партии я должен принять решение вышестоящих партийных органов как должное. По наивности надеялся, что смена руководства института не повлияет отрицательно на творческую жизнь коллектива, собирался помочь и поддержать нового директора. Ведь у меня был свой отдел теории и истории государства и права, которым руководил почти 20 лет. Однако события в институте стали развиваться совершенно в другом направлении – в худшем. Новый директор института Т. Жангельдин беспочвенно полагал, что ему будет нелегко работать со «старыми» кадрами, или, следуя своему стилю работы как партийного босса, первым делом открыто стал формировать «свою команду» по признакам землячества и преданности, путем обещания посулов и благ – командировок, премий, повышения по должности – тем, кто, по его выражению, поддерживал его «новый курс», непонятный ему самому. Из отрывочных его высказываний можно было заключить, что его «новый курс» заключался в пересмотре сложившихся научных направлений, а именно теории познания и диалектической логики, ставших приоритетными в институте, и в замене их марксистско-ленинской философией и историческим материализмом. Поскольку это было непросто, он стал на путь открытого преследования тех, кто пытался выступить с замечаниями, тем более с критикой его действий. Почти все ведущие научные сотрудники, за исключением отдельных, и что важно – большинство членов партии коммунистов выразили открытое недовольство.

Новый директор института Т. Жангельдин был достаточно опытен, прямолинеен в выдвигании лживых обвинений по адресу своих противников, в использовании своей власти в заманивании работников, в то же время слаб по разумению, неразборчив в выборе способов в достижении своей корыстной цели. В каждом коллективе найдутся люди, для которых личная выгода и желание быть ближе к власти стоят на первом плане. Так было и в Институте философии и права. Он не упустил возможности использования и оживления чувства землячества (сам был из Семипалатинской области) как одного из критериев оценки и подбора кадров. Еще одной особенностью искусства «временного директора» института было то, что постоянное нагнетание и обострение обстановки в коллективе, слежки и гонения «неусмиренных» ученых, считалось условием демонстрации силы и усиления своего влияния. Не менее изощренными были другие его методы. Создание нерабочей обстановки, оскорбляющих условий для тех ученых, особенно ведущих, которых он хотел изолировать и вынудить их быть лояльными к его действиям или заставить, чтобы они добровольно ушли из института. Интересы науки для него вовсе не были интересны.

Жесткий удар гонений со стороны руководства института первым из ведущих научных сотрудников испытал Жабайхан Мубаракевич Абдильдин, доктор философских наук, весьма талантливый молодой исследователь (36 лет), руководитель отдела теории познания. Он к тому времени уже был автором двух крупных монографических исследований: «Проблемы логики и диалектики познания», Алма-Ата, 1963; «Проблема начала в теоретическом познании», Алма-Ата, 1967. Он был инициатором и организатором впервые созданного в СССР Всесоюзного симпозиума по диалектической логике в Алма-Ате в 1968 году. В отместку за то, что Ж.М. Абдильдин был в числе его критиков, Т. Жангельдин развернул против него, как сказано в одном документе, «отчаянную кампанию» и сначала добился своего: в 1970 – 1971 гг. Ж. Абдильдина не избрали в члены-корреспонденты Академии наук, хотя было выделено место персонально для него; не наградили его массовой юбилейной медалью к 100-летию В.И. Ленина, поскольку не был

включен дирекцией института в список награждаемых лиц; не получил Ж. Абдильдин и юбилейную грамоту АН КазССР к ее 25-летию (он ее получил позже по специальному ходатайству партбюро института). Наиболее тяжелым для Ж. Абдильдина как крупного и признанного к тому времени ученого было объявление дирекцией института исследовательской тематики отдела, которым он руководил, неактуальной. Новый директор использовал против него в качестве обвинительного довода старую «басню», получившую новое распространение к середине 60-х годов в отделе науки и вуза, которым он тогда руководил, о том, что якобы в Институте философии и права рассматриваются и исследуются больше наследия Гегеля и Канта, чем наследия Маркса и Ленина, и тем самым молодые ученые-философы института якобы отходят от идеологической установки Компартии. Я еще тогда, полагая, что об этой установке мог не знать секретарь ЦК КПК по идеологии просил аудиенцию у него как видного философа. Он меня успокоил, сказав, что эти разговоры исходят из-за непонимания сути и проблем философской науки.

Был и другой нерадостный случай, связанный с подготовкой к созыву первого в истории СССР симпозиума по диалектической логике в Алма-Ате, инициатором которого был Институт философии и права, в частности Ж.М. Абдильдин, заведующий отделом. Симпозиум было намечено провести в 1968 году, и когда об этом я поставил в известность курирующего инструктора отдела науки и вузов ЦК Компартии республики, что было моей обязанностью как директора идеологического института, он замялся и проговорил, что руководство отделом знает об этом и нет единогласного одобрения. На мой вопрос том, каковы мотивы «неодобрения», он дал понять, что существует сомнение, насколько симпозиум по такой тематике идеологически выдержан и сможет ли институт провести его, и вообще, насколько сегодня актуальна такая абстрактная философская логика – теория познания для Казахстана. Кажется, тогда нам удалось убедить ответработников отдела ЦК КПК в том, что ученые-философы института выросли до уровня серьезных исследователей союзного масштаба и что наставники в Институте философии Академии наук СССР вполне одобря-

ют созыв такого симпозиума в Алма-Ате и готовы принять в нем участие. Об этих состоявшихся в директивных партийных органах разговорах я в свое время ставил в известность Ж.М. Абдильдина, руководившего отделом диалектической логики, и мы решили не ослаблять исследований в области теории познания и диалектической логики. Наши планы в этой части нашли полное одобрение и поддержку со стороны выдающихся философов Москвы, Ленинграда и Украины, которые пользовались достаточным авторитетом в ЦК КПСС. Впоследствии такая исследовательская позиция Института философии и права оказалась оправданной и плодотворной в научном плане.

Другой основной мишенью для расправы новый директор избрал меня, хотя я, как бы трудно ни было видеть его «стихию» самоуправства в сложившейся ситуации, старался занять нейтральную позицию и находиться как бы в стороне, чтобы избежать обвинений. Но он, видимо, считал, что в нарастании возмущения большинства научных сотрудников института и их открытых выступлений против курса нового директора якобы виновен я, и мое присутствие в коллективе его не устраивало. Он предпринял ряд мер, чтобы опорочить меня и заставить оставить коллектив. Дело дошло до того, что простой плакат на доске объявлений о том, что коллектив поздравляет академика С. Зиманова с юбилеем – с 50-летием (февраль 1971 г.), тут же заместителем директора института демонстративно был снят с доски и разорван.

Этот период в истории Института философии права Национальной академии наук Казахской ССР, прозванный «смутное время», не частный единичный факт, о котором можно было бы не распространяться. Он – детище авторитарно-партийного режима, где все дозволено «активистам» этого режима. А коллектив института – это частица народа. Взаимоотношения между ними отражают реальные процессы, повторяющиеся в разное время и в разных условиях. Поэтому не излишне уделить этому вопросу некоторое внимание, тем более в нем зациклены и проходят судьбы ученых. О сложившейся ситуации в Институте философии и права Академии наук Казахской ССР свидетельствуют следующие документы:

1. 4 ноября 1969 года, т. е. спустя неполных два месяца после смены руководства института, состоялось общее собрание членов партийной организации института. Формально оно было посвящено обсуждению Постановления X Пленума райкома Компартии Казахстана «О работе партийных организаций научных учреждений по выполнению решений XXIII съезда партии и Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о повышении эффективности научных исследований». У меня в личном архиве сохранилась копия протокола собрания на 35 страницах, заверенная секретарем парторганизации Г. Акмамбетовым. На собрании коммунистов присутствовало из 60 членов партии 45, а также инструктор Фрунзенского райкома партии Алма-Аты. Собрание проходило активно и бурно. На нем выступил 21 человек. Я сознательно не выступал, а Т. Жангельдин выступал дважды. Значившийся в повестке дня партийный документ обсуждался в основном в контексте сложившейся обстановки в институте и оценки деятельности нового стиля работы его директора. Ораторы разделились на две группы. Одна, представлявшая явное большинство, критически относилась к назначению Т. Жангельдина директором института и к его стилю руководства. Другая, небольшая, числившаяся в «команде» нового директора, ограничивалась ссылкой на руководящую волю вышестоящих партийных органов, назначивших нового директора, которую следует первичной партийной организации и коммунистам принять к исполнению.

Вот характер критических выступлений. Излагаю их, как в протоколе: Н.Б. Мухитдинов, доктор юридических наук, старший научный сотрудник: «...эффективности нашей работы мешает то, что до сих пор не решен вопрос о руководстве нашего института, а Жангельдин только исполняющий обязанности». В.А. Ким, зав. отделом, доктор юридических наук: «Институт в своей деятельности достиг серьезных успехов, которые признаются научной и широкой общественностью. В этом деле есть заслуги всего коллектива, партийной организаций и самого тов. С.З. Зиманова Поэтому я лично считаю, что освобождение его было не совсем понятно мотивированным, хотя я в своих поступках не буду допускать того, что

противоречило бы решению вышестоящего органа». Ж.М. Абдильдин, зав. отделом, доктор философских наук: «... нас беспокоит то, что в последнее время идут какие-то разговоры о научных направлениях, негласно распространяются какие-то сплетни о диалектической логике. К сожалению, начало такому разговору положил тов. Жангельдин в своем известном выступлении на ученом совете... Товарищи, руководитель института, как я понимаю, должен глубоко болеть за институт. Он должен дорожить именем коллектива, настойчиво защищать интересы коллектива, отдела. В этом отношении тов. Жангельдин также проявляет некоторую инертность». А. Джанмурзин, кандидат философских наук, зав. кафедрой философии (ранее работал секретарем обкома партии по идеологии): «В усилении трений между отдельными научными работниками повинен тов. Жангельдин. Вот некоторые штрихи. Не так давно он нам объявил, что тов. Касымжанов утвержден руководителем философской секции ученого совета на место доктора наук Югая, а его заместителем – тов. Сужиков вместо тов. Джумагазина... но простая человеческая этика требует поговорить с ними (т. е. с освобожденными) по этому вопросу, чего директор не сделал. Такой метод тов. Жангельдина, конечно, нас сразу настрожил, будут ли вообще в дальнейшем соблюдены элементарные порядки, которые были у нас раньше.... Другой вопрос связан с Днем философов, где отдельные товарищи обвинили друг друга в чем только могли, в чем дело? Дело опять-таки идет от тов. Жангельдина. Я хочу сказать: тов. Жангельдин очень вспыльчивый, нервозный и необъективен в отношении к подчиненным. Это ведь очень серьезный недостаток, он не может обеспечить консолидации коллектива». Е. Баянов, старший научный сотрудник, кандидат юридических наук: «Нынешнее состояние нашего коллектива беспокоит каждого честного коммуниста и научного сотрудника института. За последние два месяца, после освобождения тов. Зиманова от должности директора, сложилась такая обстановка, что мы, прежние друзья, опасаемся друг с другом говорить, появилось недоверие между собой. Если мы раньше за любую задачу брались дружно и имели определенные успехи, то теперь в таких условиях трудно заверить, что мы сможем обеспечить эффективность

научных исследований... Думаю, некоторая вина во всем этом ложится на Т. Жангельдина. Однажды он поймал меня в коридоре и громогласно, сердитым тоном начал меня упрекать в том, что якобы я заставлял лаборанта подписать письмо в ЦК КПК по поводу освобождения Зиманова. Он угрожал мне. Жангельдин такие неправильные методы применяет не только по отношению ко мне, оказывается, и с другими сотрудниками он нетерпелив, нервный, горячий и поэтому не пользуется никаким моральным, научным авторитетом. Я знаю его и Зиманова с 1950 года, если сравнить их, то Зиманов лично написал несколько крупных работ, а у Жангельдина нет ни одной работы по своей специальности». К. Нурланова, кандидат философских наук, младший научный сотрудник: «Я относительно недавно работаю здесь, в институте, но счастлива была, что попала в здоровый, крепкий, спаянный коллектив, где царило глубокое взаимное уважение друг к другу и всеобщее преклонение перед Салыком Зимановичем Зимановым. Ведь от того, как руководитель относится к сотрудникам, как заботится об их творческом росте, как пестует их, зависит все. И в этом смысле Салык Зиманович сделал все возможное, чтобы разбудить в душе каждого то, что еще не находило выхода, окрылить того, кто уже оперился, поддержать того, кто поднимался. И для нас имеет огромное моральное воспитательное значение, что мы, молодые ученые и коммунисты, имели перед глазами пример человека, сочетающего в себе великий гражданский темперамент, крупный талант ученого нравственной высоты, работающего с огромной отдачей делу. Для нас, молодых, было огромной радостью видеть перед собой такого человека и в меру своих сил быть похожим на него. И то, что случилось, для нас особенно больно и непонятно». А.Е. Еренов, доктор юридических наук, зав. отделом: «Ряд выступавших до меня коммунистов выразили свою озабоченность тем, что в институте создалась ненормальная обстановка в связи с освобождением академика С.З. Зиманова с поста директора. Я согласен с тем, что тов. Жангельдин не справляется с возложенными на него обязанностями временного руководителя. Не говоря о том, что он не имеет авторитета перед коллективом как научный работник, он имеет серьезные изъяны в личном характере, почти

отсутствует лояльность к научным кадрам, невыдержан, частые окрики, доходящие до оскорбления людей. Вот примеры. Недавно при людях накричал на секретаря партбюро тов. Г. Акмамбетова: «Пиши заявление об уходе с должности старшего научного сотрудника, сегодня же издам приказ об увольнении». Во время перерыва он набросился на т. Ж. Абдильдина «за критику в свой адрес. Когда же тов. Зиманов, находясь рядом с ним, предложил ему успокоиться, набросился на него со словами, граничащими с окриком. Часто достается с его стороны обслуживающему аппарату». Т. Жумагазин, кандидат философских наук, зав. отделом (раньше работал зам. завотделом ЦК Компартии Казахстана): «В последние месяцы в институте создано ненормальное положение. Отношения между учеными, особенно средних по возрасту, портятся. Это очень больно. Этого нельзя допускать. В недавнем прошлом в институте была нормальная творческая обстановка. За свой коллектив, за свой институт каждый из нас был горд, и было чем гордиться. Здесь выступил тов. Жангельдин и божился, что ничего не знает, ни в чем не виноват. А тов. Жангельдина я знаю давно, были хорошими товарищами. Я ему скажу в лицо, что во всех этих делах виновен он. Как недавно выяснилось, он постоянно бывал в ЦК и носил туда необъективные информации об институте, о Зиманове, вел себя нечестно. И вот результат». Сайко, младший научный сотрудник: «Мне очень нравилась обстановка, которая была в институте два месяца назад, живой обмен мнениями, дружелюбие, определившиеся научные направления, споры. А теперь все мы чувствуем, что происходят очень неприятные изменения, которые могут оказаться необратимыми, ждем дальнейших перемен к худшему. Причины снятия тов. Зиманова непонятны, и последствия этого для всех работников института, в том числе и для младших научных сотрудников, весьма неблагоприятные». Т. Даутов, кандидат философских наук, старший научный сотрудник: «Здесь некоторые из выступающих говорили о том, что вопрос о руководстве института не имеет прямого отношения к повестке дня. Это совершенно неправильно. И вот почему. Насколько эффективно работает институт, в значительной степени зависит от уровня руководства творческими группами, отделами,

коллективом в целом. Вопрос об эффективности – это вопрос об уровне квалификации руководства, о стиле и методах руководства, о создании нормальных условий для работы каждого. Вот уже в течение двух месяцев в институте нарушена нормальная обстановка. Этому никто не отрицает. Но никто не пытается серьезно выяснить причины этого. Я работаю в институте шесть лет. Я никогда не думал о том, чтобы перейти на другую работу, более высокооплачиваемую, только из-за коллектива, из-за того, что здесь есть все условия для работы, коллектив действительно здоровый, дружный. Но за последнее время работать стало трудно, создалась обстановка взаимного недоверия, нервозности, кулуарных разговоров. В процессе работы в научном коллективе у тов. Жангельдина проявились такие его личные качества, как грубость, высокомерие. Он вызывал меня и Нысанбаева и угрожал выговором, буквально терроризировал за то, что мы написали информацию в журнал «Вопросы философии». Я сказал ему, что если он будет кричать на меня, то не буду разговаривать, я не могу работать, когда мне угрожают. Его высокомерие проявляется в том, что он заявляет: «Я находился на более ответственной работе и с вами как-нибудь справлюсь». М. Исмагулов, младший научный сотрудник: «Я работаю в институте 13 лет, а в партии – 23 года. Я не видел, чтобы был у нас зажим критики. Вот на данном собрании тов. Жангельдин перебивает всех выступающих, не дает возможность выступающим коммунистам высказать свои мысли... А там сидящие на задних креслах два-три товарища кричат, имею в виду Касымжанова, Сапаргалиева и других, также перебивают выступающих, как будто бы они присутствуют не на партийном собрании, а находятся на галерке в театре. Это недостойное поведение, чего я до этого ни на одном нашем партийном собрании не замечал». С. Байсалов, доктор юридических наук, старший научный сотрудник: «Меня, как и всех нас, сидящих здесь, в этом зале очень и очень волнует то, что происходит у нас за последние два месяца в связи с освобождением Зиманова с поста директора института. Меня также глубоко волнует и далеко не устраивает ход сегодняшнего нашего собрания, поведение некоторых товарищей, в частности Г. Сапаргалиева, А. Касымжанова и М. Сужикова. Эти товари-

щи мешали всем выступающим своими неправильными репликами, нападками, криками, шумели в адрес ораторов, выступавших до меня. Названные товарищи грубо нарушили партэтику. Мы должны призвать их к порядку, обсудить их поведение». Е. Жанабилов, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник: «Я в общей сложности работаю 20 лет и состою в рядах КПСС около 17 лет; но никогда не встречал такого беззакония, которое имеется в последнее время в нашем институте. Недавно был уволен с работы ст. лаборант отдела диалектической логики Кеникштейн по п. «В» ст. 17 КЗоТ, т. е. по непригодности. Он молодой специалист, и его нельзя было уволить по непригодности... Теперь подойдем к вопросу освобождения от должности директора института тов. Зиманова. Распоряжение Президиума АН КазССР об освобождении тов. Зиманова с «должности директора не выдерживает никакой критики. Все это привело к нежелаемым результатам, которые мы сегодня имеем». Г. Акмамбетов, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, секретарь партийной организации института: «Усиление эффективности научно-исследовательской работы зависит от своевременности получаемой информации. В современной практике пока что самым главным остается участие ученых в различных конференциях и симпозиумах. Но, к сожалению, за последнее время мы остались вне этих необходимых для научной деятельности форм связи и информации, и. о. директора Т. Жангельдин всячески препятствует участию наших сотрудников на всесоюзных конференциях и симпозиумах. И это, в свою очередь, отрицательно влияет на нормальную научную деятельность коллектива... Я должен сказать перед коммунистами, что освобождение от занимаемой должности академика С.З. Зиманова отрицательно сказывается на нормальной работе коллектива. В партийное бюро поступают жалобы с просьбой разъяснить, с чем связано такое непонятное и немотивированное решение Президиума Академии наук Казахской ССР по этому вопросу».

В той или иной мере в пользу нового директора института тов. Т. Жангельдина выступили: М. Сужиков, кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Он

ограничился двумя предложениями: «По вопросу руководства института скажу, что этот вопрос не мы решаем, это решается в верхах, а мы – солдаты партии и должны выполнять решение вышестоящих органов. Нам необходимо укреплять коллектив, создать условия для нормальной работы». Г. Сапаргалиев, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник: «Выступавшие товарищи отвлеклись от темы сегодняшнего собрания. Речь должна идти об очень серьезном вопросе – о повышении эффективности научных исследований, а больше говорят о личности тов. Жангельдина. Этот вопрос не относится к компетенции партийной организации института. Он решается в ЦК партии. Мы должны делать свое дело. Некоторые товарищи подвергли тов. Жангельдина несправедливой критике, приводили незначительные факты, не представили серьезных аргументов. Так поступать нельзя. Тов. Жангельдин имеет большие заслуги. Я верю ему, когда он говорит, что не имеет поста и работает на том месте, на которое его ставит партия. Тов. Ж. Абдильдин необоснованно обвинил тов. Жангельдина в том, что он отрицательно относится к работам по диалектической логике. Работы этого отдела есть за что критиковать. Доказательством тому служит рецензия на книгу Л.К. Науменко, опубликованная в союзном философском журнале. В ней автора обвиняют в «гегельянстве», идеологических поворотах».

Председательствующий на партийном собрании (М. Сахипов), подводя итоги обсуждения, выражая волю абсолютного большинства выступающих, рекомендовал принять их предложение о том, что «Т.Ж. Жангельдин, на которого возложено исполнение обязанностей директора института, явно с ними не справляется».

2. Хорошо помню тот день – конец апреля 1971 года. Академик - секретарь отделения общественных наук Академии наук республики Митрофан Семенович Сильченко, человек в летах и добрый по натуре, с которым у меня были самые уважительные отношения, сообщил мне о том, что на днях у него был и. о. директора Института философии и права Т. Жангельдин, который «обосновал» свое право как директор института быть председателем Диссертационного научного совета, которым

до сих пор руководил я. По словам академика-секретаря, он посоветовал Т. Жангельдину иметь в виду, что Зиманов – академик, а он пока кандидат наук, и предложил ему защититься на докторскую степень. Но он, Жангельдин, не внял его совету и этот вопрос поставил перед президентом Академии наук Ш.Е. Есеновым. И было решено, что поскольку Т. Жангельдин – кандидатура ЦК Компартии Казахстана и лично первого секретаря Д.А. Кунаева, руководство Академии наук не может игнорировать притязание Жангельдина. После этой информации 8 мая 1971 года я ответил письмом, которое приводится ниже. В нем я писал: «Я думаю, что в создавшейся обстановке желательно мне оставить обязанности председателя совета».

*Президенту Академии наук Казахской ССР
академику АН КазССР Ш.Е. Есенову.
Академику - секретарю отделения
общественных наук Каз ССР, академику
АН КазССР М.С. Сильченко.*

Скоро исполнится два года, как я руковожу Советом по присуждению ученых степеней по философским и юридическим наукам при отделении общественных наук Академии наук Казахской ССР. Фактически этот Совет находится при Институте философии и права, им финансируется, им обслуживается и обеспечивается во многом его нормальная работа.

К сожалению, руководство института, в частности его директор тов. Т. Жангельдин, являющийся моим заместителем по Совету, ведет себя не столь этично и проводит линию, зачастую ничего общего не имеющую с интересами науки, линию, направленную не на улучшение работы Совета, а линию, удовлетворяющую личное настроение и личную прихоть. Определенное значение в этом играет также отсутствие у него научного такта, уравновешенности и ответственности, соединенное с чувством выпученного самомнения.

Эти ненормальности с его стороны в ряде случаев приняли недопустимые формы:

а) он, как распорядитель кредита, стал использовать это свое право неправильно, с грубым нарушением, при оплате расходов по защите диссертации: «приглянувшимся» диссертантам оплачивал расходы по защите сполна, часто очень щедро, а другим – наполовину, часть расходов возлагал на самих диссертантов, что является совершенно недопустимым. Так, диссертанты Шехтерман и Утегенова сами оплачивали предусмотренное законом вознаграждение оппонентам;

б) как теперь мне официально сообщили в руководстве Президиума (23 апреля с. г.), тов. Т. Жангельдин организовывал постоянные доносы в руководящие органы о «засилии группы Зиманова» в Совете, о «необъективном» решении Совета по той или другой диссертации, о «чинимых Зимановым препятствиях диссертанту» и т. п. (указал, в частности, на дела по защите диссертации Шехтермана, Л. Утегеновой, Б. Амантаева).

Эти доносы заведомо выдуманы с определенной целью и носят сугубо клеветнический характер. Об этих «недостатках» работы Совета и его председателя тов. Т. Жангельдин никогда не говорил ни на бюро Совета, ни мне, как его председателю.

Надо отдать должное, что тов. Т. Жангельдин умеет организовать клеветнические доносы, порою сам оставаясь за спиной других, умеет выдавать за правду неправду, умеет добиваться от этого эффекта, хотя бы временного. В то же время тот, на кого он клеветал, не подозревает этого и узнает только тогда, когда уже прошло время, уже поздно;

в) вводит в практику дешевый прием выслеживания и охоты за именами членов Совета, голосовавших против на защите с тем, чтобы, распространив слух о них, показать себя и «своих» «гуманными», а других, к которым не питает личную симпатию, тем более если они, по его мнению, находятся «на стороне Зиманова», выставить перед общественностью в неприятном свете.

Словом, тов. Т. Жангельдин делает все и, вероятно, будет добиваться, чтобы создать «услужливый» Совет вместо учебного Совета так же, как ему удалось создать в руководстве института полную семейственность.

Я не говорю о многих частных неполадках в отношениях руководства института ко мне как председателю Совета, которые вовсе не служат интересам обеспечения нормальной работы Совета и продиктованы исключительно тем, чтобы создавать отношения напряженности вокруг меня и обстановку нервозности.

Я теперь не уверен, что в один день не сработают «доносы» тов. Т. Жангельдина, и я, служивший честно долгу и выполнению возложенных мне обязанностей, не окажусь оклеветанным.

Я думаю, что в создавшейся обстановке желательно мне оставить обязанности председателя Совета. Зная повадки тов. Т. Жангельдина, облаченного доверием органов власти, могу сказать, что он не остановится и перед «навешиванием грязного груза» Зиманову, если последний останется даже членом Совета. Чтобы снять и этот его козырь – сваливать свою ничемность на других, если будет найдена Вами целесообразность, я согласен выйти и из состава Совета. Заверяю Вас, если примите такое решение, я не обижусь. Ибо в настоящее время как никогда нуждаюсь в обстановке, помогающей нормальной творческой работе.

*Академик Академии наук КазССР
С. Зиманов, г. Алма-Ата, 8 мая 1970 г.*

3. 22 октября 1971 года Абдрахим Жаймурзин, кандидат философских наук, считавшийся умудренным опытом и являвшийся старшим по возрасту и по стажу в рядах партии, обратился с письмом в Бюро ЦК Компартии Казахстана. Письмо было изложено на 30 страницах. Оно начиналось так: «Видимо, некоторые члены Бюро ЦК КП Казахстана помнят меня, я работал многие годы секретарем областных комитетов партии по идеологии, работал и в аппарате ЦК ВКП(б), в одно время пришлось возглавить и писательскую организацию республики. По окончании Академии общественных наук при ЦК КПСС, начиная с 1960 года являлся заведующим кафедрой философии Академии наук Казахской ССР (при Институте философии и права).

Последние 10 лет, будучи в коллективе Института философии и права АН КазССР, оказывал необходимую помощь и содействие руководству и партийной организации института в воспитании и подготовке молодых ученых, в улучшении внутр-институтской деятельности.

В молодом Институте философии и права, в котором формировались перспективные научные направления, вокруг них собрались преуспевающие талантливые молодые ученые-философы и юристы. В институте царила атмосфера дружелюбия, принципиальности и общего творческого энтузиазма. В таком коллективе было приятно и легко работать. Алма-Атинский городской комитет партии (1968), Фрунзенский райком партии (1965-1969) неоднократно принимали специальные решения о распространении опыта работы парторганизации и коллектива Института философии и права на другие научно-исследовательские институты.

Я не могу не отметить, что в быстром научном росте института и в его укреплении несомненны заслуги академика АН КазССР С.З. Зиманова, доктора философских наук Г.А. Югая, кандидата философских наук Т.Д. Джумагазина, которые находились в руководстве института.

В течение последних лет с приходом к руководству института бывшего заведующего отделом ЦК КПК, кандидата философских наук тов. Т. Жангельдина обстановка в институте резко ухудшилась настолько, что для многих научных работников, как ведущих, так и молодых, нормальная творческая работа оказалось невозможной.

Считая, что Институт философии и права АН КазССР является ведущим идеологическим научным учреждением республики, здесь разрабатываются проблемы марксистско-ленинского мировоззрения, и его современное состояние постоянно интересует членов Бюро ЦК КП Казахстана, сообщаю о значительных ненормальностях, имеющих место в деятельности этого института».

Далее автор письма перечислял сложившиеся или складывающиеся перспективные научные направления в институте, об их руководителях и разработках. Они, по его словам, теперь «частью захирели, частью разваливаются. Так проблемная

группа «Философские проблемы биологии» (рук. доктор философских наук Г.А. Югай), завоевавшая союзную известность, теперь этой перспективной, с большим трудом в свое время созданной проблемной группы теперь уже в институте нет. Она полностью ликвидирована исключительно по вине директора института тов. Т. Жангельдина. ...Творческая группа по проблеме «Теория познания и диалектическая логика» (руков. доктор философских наук Ж. Абдильдин) получила признание в Союзе... В самом начале прихода к руководству института тов. Т. Жангельдина он недвусмысленно дал знать, что это научное направление поддержки у него не получит. Мы не раз были свидетелями, когда он заявлял, что это направление оторвано от практики коммунистического строительства и абстрактно... Другим сложившимся ведущим научным направлением были исследования по социологии и личности. В течение 1964 – 1970 годов был опубликован ряд крупных монографий по этой проблеме. Ученые института своими оригинальными исследованиями стали выходить на всесоюзную арену (руководители – кандидат философских наук Г. Акмамбетов, доктор философских наук В.А. Черняк). Тов. Т. Жангельдин, придя к руководству института, не только не уделял внимания этой проблемной группе, а, наоборот, стал на путь постоянной придирки потому, что они имели свое мнение и не всегда поддерживали его. Дело дошло до того, что ведущим ученым этой проблемной группы доктору философских наук В.А. Черняк, кандидатам философских наук Т. Даутову, Г. Акмамбетову было официально заявлено директором института Жангельдиным Т. (в начале 1970 г. на приеме Отдела) о том, что институт может обойтись без них, что они могут оставить институт, их якобы заменят молодые аспиранты. Вскоре Т. Даутову, Г. Акмамбетову были объявлены выговоры за якобы опоздание и невыход на работу.

В письме А. Жаймурзина, направленном в бюро ЦК КП Казахстана, приводились многочисленные факты заманивания на свою сторону отдельных ученых по признакам преданности лично ему. Вот один из них, описанный автором. «В первые же дни прихода тов. Жангельдина к руководству института (сентябрь 1969 г.) он сулил доктору юридических наук

Г. Сапаргалиеву пост заместителя директора, заведование отделом с условием, если последний выступит против своего научного руководителя С. Зиманова, освобожденного перед этим с должности директора института, а поддержит его во всем. Это стало известно в институте в тот же день. Об этом официально донесли и говорили вице-президенту Академии А.Н. Нусупбекову как о факте сколачивания Т. Жангельдиным групповщины на основе одаривания и обещаний».

Последние две страницы письма А. Жаймурзин посвятил взаимоотношениям Т. Жангильдина и С.З. Зиманова. Приходится приводить некоторые их места, хотя это не совсем удобно мне, поскольку везде и всюду автор письма становится на мою защиту. «Тов. Т. Жангельдин и его заместитель Г. Сапаргалиев, – сказано в его письме, – незаслуженно нанесли ряд оскорблений академику АН КазССР С. Зиманову, который всегда отличался большой партийной принципиальностью и в то же время скромностью:

– они своими постоянными клеветническими заявлениями против С. Зиманова добились того, что он вынужден был отказаться от председательства на Совете по присуждению ученых степеней;

– тов. Т. Жангельдин в мае месяце сего года в присутствии многих заявил, что его очередной задачей является добиться вывода академика С. Зиманова из состава ученого Совета института и что этого он постарается этого добиться;

– партийным органам известно, что тов. Т. Жангельдин пытался ставить вопрос об освобождении академика Зиманова С. от работы в институте;

– на одном заседании ученого Совета (март - апрель 1971 г.) тов. Т. Жангельдин вдруг объявил, что в г. Актюбинске открывается юридический институт, куда, если попросят, поедут на работу ведущие юристы, в том числе и академик. Это заявление было сделано оскорбляющим тов. С. Зиманова тоном;

– руководство института сделало все и в настоящее время делает все, чтобы отдел, руководимый академиком АН КазССР С. Зимановым, который прежде был ведущим, стал слабым и немощным. Этой цели он во многом добился. Из отдела ушли пять ведущих научных сотрудников».

Автор письма, описав многое другое из жизни Института философии и права последних двух лет, сделал свое заключение: «Таким образом, личные капризы директора института тов. Т. Жангельдина обернулись против общих интересов науки. Я, как коммунист, имеющий немалый опыт партийной работы, не мог остаться безразличным к тому, что творилось в коллективе, членом которого я состою».

4. 13 ноября 1972 года на Бюро Алма-Атинского областного комитета Компартии рассматривался внеплановый вопрос «О работе партийной организации Института философии и права АН КазССР по реализации решений XXIV съезда КПСС». Как стало потом известно, инициатором постановки вопроса был Т. Жангельдин. Он задумал, используя свои прежние связи в партийном органе, добиться партийного наказания С. Зиманова, свалив на него негатив происходящего в Институте философии и права. Накануне Бюро обкома в порядке подготовки вопроса работала большая партийная комиссия, специально созданная для этой цели. В ее состав входили: О.Т. Абодинская, зам. зав. отделом науки и вузов обкома партии (председатель), вузовские работники – доцент Л.В. Дюков, профессор К. Рахматуллин, доцент З. Мукашев, Шехтерман, А. Исаков. На бюро обкома партии были приглашены: президент Академии наук республики Ш. Есенов, вице-президент Академии наук А. Нусупбеков, секретарь первичной парторганизации института М.Т. Баймаханов, директор института Т. Жангельдин, а также С. Зиманов, из института присутствовал М.М. Сужиков, прежний секретарь первичной парторганизации института, на приглашении которого якобы настаивал Т. Жангельдин.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Еще осенью 1970 года Т. Жангельдин и вновь избранный секретарь партбюро института М. Сужиков (заменил Г. Акмамбетова) обратились с письмом в Алма-Атинский обком партии с просьбой рассмотреть персональное дело коммуниста С. Зиманова, который якобы «настраивает коллектив института против нового руководства и перевести его на другую работу вне института». В середине 1971 г. кандидаты философских наук А. Касымжанов и Б. Амантаев, находившиеся в «команде» нового руководства института, по-видимому, под его диктовку,

обратились с письмом в Фрунзенский райком партии, изложив в нем известную позицию Т. Жангельдина обо мне, райком партии препроводил письмо в обком партии. По рекомендации первого секретаря райкома партии Крашенинниковой, которая относилась ко мне с уважением, сказав, что обсуждение на Бюро обкома партии затеяно «вашими недругами», рекомендовала мне просить приема накануне заседания Бюро обкома партии у первого секретаря А. Аскарова, что я и сделал.

Обсуждение на Бюро обкома партии положения, создавшегося в Институте философии и права, проходило в общем-то объективно и по-деловому. Доклад комиссии в целом был умеренным, с указанием недостатков, имеющих место в институте в прошлом, а в особенности в последние два года – в период директорства Т. Жангельдина. После выступлений М. Баймаханова, секретаря парторганизации, директора института Жангельдина Т. предоставили слово мне. Здесь воспроизвожу свое выступление по сохранившейся записи:

– «В этом Институте я работаю вот уже 19 лет (имел в виду и сектор философии и права), на моих глазах и с моим участием происходили его становление и рост, а в некоторой степени и серьезное развитие. Возможно, от этого и в силу своей эмоциональности я близко воспринимаю успехи и неудачи этого коллектива.

Я никогда не оставался и раньше, и сейчас в стороне от забот и дел коллектива, всегда пытался вложить в него знания и опыт, которые у меня есть. Мы не можем уходить от фактов. Да, действительно, обстановка в институте явно ненормальная и тревожная. Она уже успела перейти допустимые границы:

1. Партийному бюро института не удалось воспрепятствовать необоснованному процессу ликвидации и безмерного ослабления научных направлений, сложившихся усилиями всего коллектива, и которые стали претендовать на признание республиканской и союзной научной общественности. Так, из шести ведущих научных направлений по крайней мере четыре уже захирели или ослабли за последние два года настолько, что уже потеряли былое творческое лицо и престижность:

а) научное направление «Философские проблемы биологии», объединявшее талантливую молодежь, в разработке и

обсуждении проблем которого принимали участие видные ученые философы и биологи республики, а также Москвы и некоторых стран народной демократии (ГДР, Чехословакии), можно сказать, распалось. Монография наших ученых «Проблемы целостности в биологии», недавно вышедшая в Москве, этому доказательство. Это научное направление составляло гордость института и признано одним из центров координации в Союзе. Руководитель этой проблемной группы, доктор философских наук Герасим Андреевич Югай, не выдержав гонения со стороны Т. Жангельдина, уехал в Москву заведовать кафедрой философии в одном из московских вузов. Ушли и другие сотрудники. В довершение тов. Т. Жангельдин ликвидировал и отдел, в структуре которого развивалась эта проблемная группа;

б) такая же судьба, можно сказать, постигла и другую ведущую проблемную группу – «Теория познания и диалектическая логика». Исследования этой группы высоко оценены в центральных научных журналах и в отделении философии и права Академии наук СССР. На базе этого направления впервые в истории страны был организован Всесоюзный симпозиум по диалектической логике (1968 г.). Новое руководство института и тов. Т. Жангельдин официально заявили, что проблемная группа оторвана от коммунистического строительства и приступила, по существу, к его ликвидации. Руководитель этой группы, прекрасный молодой ученый, доктор философских наук Ж. Абдильдин оказался в немилости у директора института;

в) фактически не стало и другого ранее ведущего научного направления «Социология личности». Из трех ведущих научных сотрудников этой группы двое совсем покинули институт (Т. Даутов, Г. Акмамбетов), а доктор философских наук В.А. Черняк открыто заявляет, что и она скоро оставит институт;

г) фактически не стало и другого научного направления «Теория истории советской национальной государственности», которым руководил и пока руковожу я. Из-за преследования, которым подвергаюсь я со стороны тов. Т. Жангельдина, за последние два года все семь кандидатов наук ушли из отдела, часть сотрудников руководство Института перевело в другие отделы, чтобы только ослабить мой отдел;

д) перспективное научное направление «Проблемы водного права» распалось с уходом его научного руководителя доктора юридических наук С. Байсалова.

Получилось так, что за последние два года – в период неумелого и капризного руководства институтом тов. Жангельдиным – из института ушли четыре доктора наук и десять кандидатов наук. Это не обычный отсев.

Существенные изъяны имеются в нравственном и идейном воспитании в коллективе. Беззаконие и произвол, открытое сколачивание вокруг себя узкой группы, в которой господствуют беспринципность, групповая порука, взаимное восхваление, деление сотрудников на «своих» и на «несвоих» со стороны тов. Т. Жангельдина, стало обычным явлением.

Творческие возможности и усилия многих коммунистов, их мобилизованность достойно ответить на решения XXIV съезда партии не только не находят поддержки со стороны руководства института, но и наталкиваются на его безразличие.

Обсуждение вопроса об институте на Бюро обкома партии является своевременным, и надеемся, что оно поможет оздоровить обстановку в Институте.

Решением Бюро обкома партии мне было объявлено устное предупреждение и была возложена задача содействовать нормализации обстановки в институте.

В итоге институт раскололся на две группы. Власть есть власть, в ее руках были нити и средства управления, возможности материального и нематериального стимулирования и поощрения, подбор и расстановка кадров, их назначение на высокие и низшие должности. К тому же эта власть в институте, в силу ряда фактических обстоятельств, была почти бесконтрольной. В этих условиях образуется своя команда работников. Они-то и составляли провластную группу. Во вторую группу, которую можно назвать условно «оппозиционной», вошли почти все ведущие научные сотрудники, возглавившие престижные научные направления, получившие наибольшее развитие в институте и результаты исследования которых получили всесоюзное звучание.

Коллектив Института философии и права был дезорганизован. Научно-исследовательская работа в нем была запущена.

Любого научного сотрудника в первую очередь занимали думы: быть или не быть в институте, к какой группе прикнуться. Все это видели руководство Академии наук и в Центральном Комитете партии, в руках которого была вся власть. В лучшем случае они сочувствовали здоровому большинству коллектива института и на большее не шли. Начался массовый уход из института ведущих, наиболее перспективных, уже получивших известность научных работников. А желающих приобрести их было достаточно. Так, некоторые уехали по приглашению, часть перешла в вузы республики: 1) Герасим Андреевич Югай, доктор философских наук, автор монографий «Противоречие объективного и субъективного в современной биологии». Алма-Ата: Наука, 1965; «Философские проблемы теоретической биологии». М., 1976 – стал заведовать кафедрой философии в Московском медицинском институте; 2) Науменко Лев Константинович, доктор философских наук, автор нашумевшей работы «Монизм как принцип диалектической логики». Алма-Ата, 1968. Его пригласили на работу в Москву профессором Академии общественных наук при ЦК КПСС; 3) Мамия Иосифович Баканидзе, автор книги «Проблема субординации логических форм». Алма-Ата, 1968, был приглашен в г. Тбилиси заведовать отделом в Институте философии Грузии; 4) Георгий Петрович Кармышев, доктор философских наук, автор монографии «Логика Гегеля». Алма-Ата, 1972. Он получил назначение заведующего кафедрой в Тимирязевскую Академию в Москве; 5) Галихан Галимгалиевич Акмамбетов, доктор философских наук, автор книги «Проблемы нравственного развития личности». Алма-Ата, 1971 – перешел на педагогическую работу в Казахский государственный университет; 6) Т. Жумагазин, кандидат философских наук, заведующий отделом исторического материализма, устроился в Институт иностранных языков. Такой же процесс происходил, но только в меньшем размахе и в правовых структурах института. Среди оставивших Институт были такие известные ученые-юристы, как М. Имашев, У. Кудайбергенов, С. Байсалов и другие.

По-человечески можно было понять незавидное положение, в котором находился директор института тов. Т. Жангельдин, во многом созданное им же самим. В течение его трехлетнего

пребывания на посту руководителя Института философии и права Академии наук Казахской ССР он так и оставался неутвержденным директором, временно исполняющим обязанности. Согласно Уставу Академии наук директора институтов утверждались на общем собрании соответствующих отделений наук простым большинством голосов его членов при открытом голосовании. Кандидатура Т. Жангельдина три раза ставилась на обсуждение и утверждение Общего собрания отделения общественных наук АН КазССР, в котором было 25 академиков и членов-корреспондентов АН КазССР. Так и не было ими вынесено положительное решение. В результате трехлетнего директорства Т. Жангельдина Институт философии и права Академии наук Казахской ССР потерял свое место и значение как крупный центр философских и правовых наук на востоке Союза ССР. Восстановить его прежнюю научную репутацию так и не удалось.

ГЛАВА V

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА АКАДЕМИИ НАУК И ЕГО СУДЬБА

Правовая часть Института философии и права была не менее сильная по составу научного потенциала, чем философская его часть. Примечательно то, что коллектив не делился по отраслям знаний. Он в этом плане был един. На это качество творческого коллектива не повлияли и перемены в руководстве института, связанные с назначением его директором то философа, то юриста по специальности. Противостояние одной части коллектива другой, которое имело место, культивировалось и насаждалось «временщиком» в течение трехлетия «смутного времени» (1969 – 1972) и вело к расслоению коллектива по научно-профессиональной деятельности. Эти последние нелегкие годы существенно негативно повлияли на состояние науки и на коллектив института в целом.

Сама жизнь, крутые перемены, связанные с распадом СССР и приобретением Казахстаном государственной независимости, по-новому определили задачи всех наук, и в особенности правовой науки.

Предстояло заново пересмотреть почти всю систему законодательства и конструкции органов государственного управления, исходя из исторических фактов развала СССР и необходимости перехода от социализма к капитализму, от плановой централизованной экономики к свободной рыночной экономике, от законов власти к законам, стоящим над властью. Участие правовой науки в решении этих задач считалось необходимым организационным укреплением и обеспечением государственно-правовых исследований. Так появился на повестке дня вопрос об организации самостоятельной исследовательской структуры в структуре Академии наук республики – Института государства и права на базе правовых отделов существующего Института философии и права Академии наук республики.

5.1. Организация Института государства и права Академии наук Казахской ССР в документах и материалах

В апреле 1990 года состоялось первое заседание нового Парламента (Верховного Совета), избранного на демократических началах и на волнах победившего движения к политико-экономической независимости республики. На нем был учрежден пост Президента страны и избран первый ее Президент Н.А. Назарбаев. Затем последовало принятие важнейших конституционных актов: «Декларация о государственном суверенитете Казахской ССР» (25 октября 1990 г.), «Конституционный Закон о государственной независимости Республики Казахстан» (16 декабря 1991 года). Началась мирная перестройка всего и вся, что было связано с переходом от тоталитарного державного режима к демократическому народному режиму, во всяком случае, так думали многие и этого хотели большинство казахстанцев.

К 90-м годам XX века, с одной стороны, возникли организационные группы, силы и учреждения, поддерживающие и способные отстаивать идею создания Института государственно-правовых исследований. А с другой – сами правительственные инстанции, от решения которых зависела реализация этой идеи, проявляли в этом определенную заинтересованность.

В составе нового Парламента (Верховного Совета) было несколько депутатов из числа академиков и членов-корреспондентов Академии наук республики: Ж.М. Абдильдин, С.З. Зиманов, М.К. Козыбаев, А.А. Абдуллин, С.С. Сартаев, Ш.Е. Есенов, которые в той или иной мере были знакомы с деятельностью академического Института философии и права и относились солидарно к вопросу о его разделении на два института: на Институт государства и права и Институт философии. Поскольку эти институты были более близки мне, а с руководством Академии наук я находился в тесном контакте (президент У.М. Султангазин, вице-президент Ж.М. Абдильдин), пользуясь депутатским имиджем, я взял на себя большую часть инициативы снизу в постановке этого вопроса.

История зарождения специализированного научно-исследовательского Института государства и права Академии наук – это составляющая часть дел, вложенных в укрепление независимого государства казахов, и в этом плане она останется определенным пластом событий в цели национального возрождения.

В апреле-мае 1990 года, когда готовился Указ Президента «О дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью», впоследствии подписанный им 6 июня 1990 года, по предложению группы академических депутатов было включено в него задание Правительству об организации Института государства и права.

Публикуемые ниже материалы, черновые варианты некоторых из них, выполненные мною, находятся в моем личном архиве. В них отражены начальные этапы постановки вопроса о необходимости организации Института государства и права в структуре Академии наук и мысли о том, как следовало бы сконструировать и построить деятельность этого института после его организации в условиях переходного периода. Они дают более или менее полную картину не только о динамике решения вопроса об организации института, вместе с тем и о том, каким должен быть он по своему назначению.

**Письмо Президента Академии наук КазССР академика
У.М. Султангазина Премьер-министру республики
У.З. Караманову о необходимости создания Института
государства и права от 14.09.1991 г. исх. № 3-07-666**

Премьер-министру Казахской ССР тов. У. К. Караманову

Исследование фундаментальных научных проблем государственно-правового развития Казахской Республики как суверенного государства, образующего совместно с другими союзными республиками Союз независимых и суверенных государств, разработка основ и проблем правового обеспечения рыночных отношений и укрепления законности во всех сферах государственной структуры и общественной жизни являются ныне весьма актуальными и выдвигают необходимость безотлагательного создания Института государства и права в структуре Академии наук Казахской ССР.

Создание самостоятельного Института государства и права в составе Академии наук республики предусмотрено Указом Президента Казахской ССР от 6 июня 1990 года «О дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью».

Институт государства и права мог быть создан на базе шести юридических отделов Института философии и права АН КазССР, в которых работают два академика, два члена-корреспондента АН КазССР, пять докторов наук и 25 кандидатов юридических наук, всего 54 работника с бюджетным ассигнованием 390 тыс. рублей.

Академия наук Казахской ССР просит Кабинет министров республики принять постановление о создании самостоятельного Института государства и права в структуре Академии наук, предусмотрев в нем выделение Институту производственного помещения – здания (с конференц-залом) рабочей площадью 1200 кв. м и дополнительных бюджетных ассигнований в размере 700 тыс. рублей, а также лимит для приобретения необходимого оборудования.

*Президент Академии наук Казахской ССР,
академик АН КазССР У. Султангазин.*

Обоснование создания Института государства и права в структуре Академии наук Казахской ССР от 24.09.1991 г.¹

1. Создание Института государства и права в составе Академии наук КазССР предусмотрено Указом Президента Казахской ССР от 6 июня 1990 года «О дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью». В нем сказано «Совету Министров Казахской ССР рассмотреть вопрос об образовании в 13-й пятилетке самостоятельного Института государства и права Академии наук Казахской ССР для проведения фундаментальных научных исследований по проблемам совершенствования республиканского законодательства».

Академия наук республики считает, что организация этого института стала сегодня особенно актуальной. Необходимость развертывания исследования фундаментальных проблем государственно-правового развития Казахской Республики как суверенного государства, образующего совместно с другими бывшими союзными республиками Союз независимых и суверенных государств, важность разработки основ и проблем правового обеспечения рыночных отношений и внедрения, утверждения законности во всех сферах государственной структуры и общественной жизни, актуальность вопросов научной оценки проектов законов в условиях растущей законотворческой деятельности республики делают организацию самостоятельного Института государства и права в структуре Академии наук Казахской ССР безотлагательной.

2. Сегодня в республике, по существу, нет весомого научного Центра по исследованию государственно-правовых проблем. Нет его ни при Президенте, ни при Верховном Совете, ни при Министерстве юстиции, ни при университетах республики. Что касается Института философии и права Академии наук Казахской ССР, то правовые отделы, имеющиеся в нем, маломощны по численности кадров, по своим научным возможностям.

---

¹ Письмо направлено по просьбе отдела науки, вузов и школ ЦК Компартии Казахстана в дополнение к письму президента АН республики У. Султангазина в Правительство об организации Института государства и права от 14.09.1991 г.

Создаваемый Институт государства и права в перспективе мог бы стать опорной научной базой президентского аппарата, Правительства, Верховного Совета республики по важнейшим вопросам государственности и законности, правового регулирования властно-управленческих и хозяйственных отношений, а также экспертной оценки правовых актов. Считаем, что такое научное учреждение совершенно необходимо именно сегодня.

3. Основными научными направлениями Института государства и права могли быть:

- государственно-правовые проблемы независимости и суверенитета Республики Казахстан, ее развития в Союзе свободных и суверенных республик;

- разработка основ конституционного развития Республики Казахстан;

- теоретические и прикладные проблемы внедрения и утверждения принципа законности во всех сферах государственной структуры и общественной жизни. Научные основы борьбы с беззаконием и преступностью;

- политико-правовые проблемы организации системы государственной власти и управления и ее эффективного функционирования;

- разработка правовых проблем функционирования рыночных структур в условиях сложения единого союзного экономического пространства;

- социология исполнительной власти.

4. Институт государства и права мог быть создан на базе шести юридических отделов Института философии и права АН КазССР, в которых работают два академика, два члена-корреспондента АН КазССР, пять докторов наук и 25 кандидатов юридических наук, всего 54 работника, включая научно-вспомогательный персонал.

В течение одного-двух лет институт мог бы привлечь на научную работу способную молодежь из практикующих работников, а также путем целенаправленной работы со студентами старших курсов юридических высших учебных заведений и привлечения их к научной работе.

Залогом успешного и быстрого формирования нового Института государства и права как важного центра правовой

науки в республике является наличие крупных ученых-юристов, работающих в Казахстане.

Важнейшим и совершенно необходимым условием является предоставление Институту государства и права рабочего помещения производственной базы. Эту задачу мог бы решить Кабинет министров.

Академики Ж. Абдильдин, С. Зиманов.

**Второе письмо президента Национальной АН РК,
академика У. М. Султангазина Премьер-министру
К.У. Караманову
о создании Института государства и права
от 4 октября 1991 года**

Исследование фундаментальных научных проблем государственно-правового развития Республики Казахстан как суверенного государства, образующего совместно с другими союзными республиками Союз независимых и суверенных государств, разработка основ и проблем правового обеспечения рыночных отношений и укрепления законности во всех сферах государственной структуры и общественной жизни являются ныне весьма актуальными и выдвигают необходимость безотлагательного создания Института государства и права в структуре Академии наук Казахской ССР.

Создание самостоятельного Института государства и права в составе Академии наук республики предусмотрено Указом Президента Казахской ССР от 6 июня 1990 года «О дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью».

Институт государства и права мог быть создан на базе шести юридических отделов Института философии и права АН КазССР, в которых работают два академика, два члена-корреспондента АН КазССР, пять докторов наук и 25 кандидатов юридических наук, всего 54 работника с бюджетным ассигнованием 450 тыс. рублей.

В связи с этим Институт философии и права, ныне существующий в структуре Академии наук, подлежит преобразованию в Институт философии и социологии, объединив в нем шесть философских подразделений Института философии и права и Центр социологии Института экономики АН КазССР в пределах действующих штатных единиц и бюджетных ассигнований Академии наук.

Академия наук Казахской ССР просит Кабинет министров республики принять постановление о создании самостоятельного Института государства и права и самостоятельного Института философии и социологии в структуре Академии наук. Для Института государства и права предусмотреть выделение

производственного помещения – здания (с конференц-залом) рабочей площадью 1200 кв. м и дополнительных бюджетных ассигнований в размере 600 тыс. рублей, а также лимит для приобретения необходимого оборудования.

Приложения:

1. Обоснование создания Института государства и права.
2. Обоснование создания Института философии и социологии.
3. Структура Института государства и права.
4. Смета Института государства и права.
5. Расчет необходимой рабочей площади для Института государства и права.
6. Проект Постановления Кабинета министров Казахской ССР.

*Президент Академии наук
КазССР, академик
У. Султангазин.*

**Постановление Кабинета министров Казахской ССР
«Об организации Института государства и права
Академии наук Казахской ССР»
от 10 ноября 1991 г., № 680**

В целях дальнейшего развития исследований по государственным и правовым проблемам, разработке основ законодательного обеспечения рыночных отношений и хозяйственной деятельности Кабинет министров Казахской ССР постановляет:

1. Принять предложение Академии наук Казахской ССР, согласованное с Государственным комитетом Казахской ССР по экономике, Министерством финансов Казахской ССР, о создании Института государства и права Академии наук Казахской ССР на базе научных подразделений по правовым вопросам Института философии и права Академии наук Казахской ССР.

Организацию указанного Института провести в пределах финансовых и материальных ресурсов, планов по труду,

бюджетных ассигнований и других лимитов и нормативов, установленных Академией наук Казахской ССР на научно-исследовательские работы на 1991 год.

2. Установить для Института государства и права Академии наук Казахской ССР следующие основные направления научной деятельности:

– государственно-правовые проблемы суверенитета Республики Казахстан, ее развития в Союзе свободных и суверенных республик;

– разработка научных основ конституционного развития Республики Казахстан и обеспечения приоритета законности в обществе;

– политико-правовые проблемы организации системы государственной власти, управления и ее эффективного функционирования;

– разработка проблем правового обеспечения рыночных отношений и охраны природной среды.

3. Министерству финансов Казахской ССР изыскать дополнительные ассигнования на содержание Института государства и права Академии наук Казахской ССР в 1991 году.

4. Алма-Атинскому горисполкому рассмотреть и внести предложение о выделении производственного помещения для размещения Института государства и права Академии наук Казахской ССР.

5. Академии наук Казахской ССР в двухмесячный срок внести в Кабинет министров Казахской ССР предложения о преобразовании Института философии и права Академии наук Казахской ССР.

*Премьер-министр
Казахской ССР С. Терещенко.*

**Письмо Премьер-министру Республики Казахстан
тов. С.А. Терещенко, подписанное президентом Академии
наук У.М. Султангазиным и народным депутатом
Республики Казахстан, академиком С.З. Зимановым
о выделении Институту государства
и права здания по ул. Фурманова, 173**

15 февраля 1992 года

**Премьер-министру Республики Казахстан
тов. С.А. Терещенко**

Постановлением Кабинета министров республики от 10 ноября 1991 года № 680 организован Институт государства и права Академии наук Казахской ССР. Этим постановлением предусмотрено предоставление институту производственного помещения.

Институт создан, но он фактически не функционирует. Поиски производственного помещения для института идут, но результатов пока нет.

Вносим следующее предложение: передать институту здание, занимаемое ныне Республиканской высшей школой Управления агропромышленным комплексом, созданной более 10 лет тому назад.

В сложившихся новых условиях существование Высшей школы АПК стало, по сути, ненужным по следующим обстоятельствам:

1. Параллельно с нею существует и успешно функционирует хорошо оснащенный, со своей опытно-экспериментальной, учебной базой специальный факультет повышения квалификации специалистов и руководящих работников АПК при Казахском сельскохозяйственном институте. Он возглавляется специальным проректором, имеет солидную материальную базу и слаженную организационную структуру, свое общежитие, столовую, учебный корпус.

Факультет рассчитан на прием 120-130 слушателей с размещением и материальным обеспечением. До недавнего времени в нем проходили переподготовку руководящие работники и

специалисты совхозов и колхозов по разнарядке Минсельхоза КазССР. В настоящее время он переходит на договорно-контрактную систему переподготовки сельскохозяйственных кадров, независимо от их рангов и ведомственной принадлежности.

2. В республике сегодня имеются девять сельскохозяйственных институтов, и почти в каждом из них организованы или организуются курсы по переподготовке специалистов и работников сельскохозяйственного производства в различных формах.

3. Ныне действуют и создаются новые специальные центры и курсы переподготовки кадров, в том числе сельского хозяйства, по программе рыночных отношений. Так, например, функционирует Республиканский центр повышения квалификации специалистов сельского хозяйства при Республиканском объединении «Казагропромтехника» и др.

4. Сама высшая школа должна заниматься переподготовкой кадров областных и районных управлений сельского хозяйства. Теперь такие управления реорганизуются. Фактически школа во многом стала дублировать другие высшие курсы. К тому же она не имеет своей опытной базы.

Здание, занимаемое Высшей школой АПК, является скромным: состоит из конференц-зала, из 40-45 рабочих комнат общей площадью около 800-900 кв. м, что удовлетворяет потребность Института государства и права (по плановому расчету потребность института составляет 1200 кв. м).

Президиум Академии наук Казахской ССР, не имея никакой возможности для размещения Института государства и права и в то же время понимая важность создания нормальных рабочих условий для этого института, обращается в Правительство принять решение о передаче здания по ул. Фурманова, 173, занимаемого ныне Высшей школой АПК, со всем оборудованием в Академию наук для предоставления его Институту государства и права.

*Народный депутат РК, президент Академии наук
академик Республики Казахстан,
С. Зиманов, У. Султангазин.*

**Письмо народного депутата Республики Казахстан,
академика С.З. Зиманова главе Алма-Атинской городской
администрации тов. З.К. Нуркадилову о закреплении
за Институтом государства и права части здания
по ул. Фурманова, 173, от 24 августа 1992 года**

На днях в Президиуме Верховного Совета мне вручили Ваш ответ на запрос группы народных депутатов республики, в числе которых был и я, относительно размещения Института государства и права Академии наук.

1. В Вашем ответе допущена фактическая ошибка, бросающая тень и влияющая, по сути, на судьбу Института государства и права. Хотел бы дать разъяснение по этому вопросу. Вы пишете: «В свое время, зная о подготовке Кабинетом министров Республики Казахстан постановления по размещению диппредствительств зарубежных стран в здании по ул. Фурманова, 173, Минсельхоз республики разместил в указанном здании Институт государства и права Академии наук РК со штатной численностью 100 человек». Это искажение действительности. К тому же это некорректно по отношению к заместителю Премьер-министра, подписавшему приказ о предоставлении институту части указанного здания. Эта отписка, видимо, продумана вашим аппаратом для оправдания выселения института из указанного здания без представления равноценного помещения.

На самом деле размещение Института государства и права в указанном здании решалось задолго до передачи здания диппредставительствам, и оно осуществлено при участии Алма-Атинского горисполкома и по указанию Президента республики.

Вот хроника передачи здания институту: 10 ноября 1991 года состоялось постановление Кабинета министров об организации Института государства и права Академии наук казахской ССР. В нем, в частности, было записано: «4. Алма-Атинскому горисполкому рассмотреть и внести предложение о выделении производственного помещения для размещения Института государства и права Академии наук Казахской

ССР». Горисполком, ссылаясь на отсутствие возможности, передал решение вопроса Госкомитету по государственному имуществу. В свою очередь, председатель Государственного комитета Казахской ССР по госимуществу тов. К. Избасханов письмом за № 3-07-880 от 6 декабря 1991 года обратился к Президенту Республики Н.А. Назарбаеву о желательности передачи Институту государства и права здания по ул. Фурманова, 173, упразднив высшую школу АПК, которая занимала это здание. Тов. Н.А. Назарбаев поручил Кабинету министров рассмотреть это предложение и помочь институту в его размещении. Кабинет министров еще в декабре 1991 года поручил решение вопроса зам. Премьер-министра – министру сельского хозяйства тов. Б.М. Турсумбаеву, который и подписал приказ № 61 от 9 марта 1992 года «О передаче в аренду производственных площадей высшей школы АПК», подтвержденной и уточненной приказом № 70 от 17 марта 1992 года.

Как видно из изложенного, вопрос о передаче части здания по ул. Фурманова, 173, Институту государства и права был решен задолго до Постановления Кабинета министров № 329 от 14 апреля 1992 года о размещении в указанном здании иностранных посольств и не связан с ним.

2. Я как почетный директор Института государства и права Академии наук и как один из авторов депутатского запроса удовлетворен вашим впоследствии решением о закреплении за Институтом государства и права занимаемой им части здания по ул. Фурманова, 173, с условием ее отделения от другой части здания и с оборудованием отдельного выхода на ул. Курмангазы. О таком вашем решении уведомил нас тов. В.В. Храпунов, Ваш первый заместитель.

Я надеюсь, что в ближайшем будущем будет снят вопрос о размещении Института государства и права, коллектив которого вот уже третий месяц остается на улице из-за закрытия здания, в котором он находился.

*Народный депутат РК,
академик С. Зиманов.*

**Письмо Председателя Верховного Совета Республики
Казахстан С. Абдильдина на имя Президента Республики
Казахстан Н.А. Назарбаева о размещении Института
государства и права от 14 октября 1992 года¹**

**Президенту Республики Казахстан
товарищу Н.А. Назарбаеву**

Уважаемый Нурсултан Абишевич!

Институт государства и права Академии наук, образованный по Вашему указу, уже четыре месяца как прекратил работу и находится на улице. Занимаемое им здание по улице Фурманова, 173, передан диппредставительствам, а институт выселен. Неоднократные заявления Кабинета министров, Алма-Атинской городской администрации остаются невыполненными. А руководство Академии наук не изыскивает свои возможности.

Верховный Совет Республики лишается одного из опорных научных учреждений по подготовке и экспертной оценке законопроектов. Научно-творческий потенциал института, столь важный в современных условиях, остается невостребованным, а коллектив научных работников близок к деградации.

Доведя до Вас это, прошу дать указание Правительству срочно разобраться с вопросами размещения Института государства и права, изыскать возможность для возобновления нормальной деятельности института.

*Председатель Верховного Совета
Республики Казахстан С. Абдильдин.*

---

¹ История этого письма такова: 10 октября 1992 года я как депутат и член Президиума Парламента просил С. Абдильдина переговорить с Президентом Н.А. Назарбаевым, который часто посещал Парламент, чтобы он дал дополнительное указание относительно размещения Института государства и права. Вначале С. Абдильдин сказал, что он часто встречается с Н.А. Назарбаевым и переговорит с ним при очередной встрече. 14 октября он подписал это письмо, текст которого был подготовлен мною.

**Условия контракта по найму руководителя
(директора) Института государства и права, составленные
академиком С.З. Зимановым и одобренные президентом
Академии наук РК от 18 марта 1994 года**

1. При содействии отделения общественных наук и с привлечением независимых экспертов произвести анализ состояния и качественного уровня исследовательских работ, завершенных в 1993 году. Исходя из его результатов, сделать организационные выводы и кадровые перестановки.

2. Добиться, чтобы по некоторым основным направлениям государственно-правовых исследований, по созданию и экспертной оценке базового законодательства институт был ведущим и авторитетом в республике.

В этих целях: а) обратить внимание на омоложение кадров, на подбор научных руководителей проблемных групп-отделов, способных реализовать оригинальные и нестандартные идеи, объединять вокруг себя талантливые творческие силы; б) уточнить, при необходимости заново определить приоритетные и наиболее актуальные для республики направления (проблемы фундаментальных и прикладных исследований) в области науки государства и права, которые могли быть разработаны силами института, и получить эффективные результаты в короткие сроки; в) ограничить внешнее и внутреннее совместительство.

3. Осуществить постоянный поиск и внедрить гибкие формы организации научных исследований в соответствии с реальными условиями и задачами.

4. Желательно постепенно вводить в научную жизнь договорно-контрактную тематику по соглашению с заказчиками.

5. Рационально использовать финансовые средства и направить их для стимулирования преуспевающих научных работников и результатов их творческой деятельности.

6. Поддержать, создать в институте стабильный морально-психологический климат на здоровой основе.

Академик С. Зиманов.

**О структуре Института государства и права,
предложенной почетным директором Института
С.З. Зимановым и одобренной вице-президентом
Академии наук РК от 25.03.1994 года**

Структура отделов Института государства и права АН РК, предлагаемая мною на ближайшие 3-5 лет.

Сегодня в институте существуют 13 отделов, которые необходимо сократить и объединить, важно также уточнить их названия. Предлагаю сеть отделов. На должности руководителей отделов подобрать способных, молодых ученых или пригласить со стороны.

– Отдел истории, политической системы и проблем государственности Казахстана.

– Отдел теории права.

– Отдел государственного управления.

– Отдел земельного права и экологии.

– Отдел гражданско-правовых отношений и международного частного права.

– Отдел правовых проблем инвестиций и предпринимательства.

– Отдел уголовно-правовых наук и судебного права.

– Отдел социологии права и изучения массового сознания (общественного мнения) о политической и законодательной структуре общества.

– Группа информации и систематизации законодательства (при дирекции института).

Академик С. Зиманов.

**Некоторые соображения относительно перспективы
развития Института государства и права (1996 г.)
(записка для обсуждения на Ученом совете
института от 13 мая 1996 г.)**

I

За годы Советской власти (с момента организации института в 1958 году) в институте сложились крупные научные направления и исследовательские группы:

– в области теории права и государственности, истории политико-правовых учений в Казахстане;

– в области гражданского и сельскохозяйственного права, правового обеспечения охраны и защиты природных ресурсов;

– в области проблем организации и деятельности представительных органов государственной власти, в особенности в ее региональных звеньях.

С распадом Союза ССР и расширением сфер применения правового знания и сети правовых учебных исследовательских организаций, а также в результате резкого ухудшения материально-финансового обеспечения научных учреждений и их работников из института ушли многие ведущие научные сотрудники. В кадровом отношении институт ощутимо ослаб. Новое собирание сил, правда, недостаточное, наметилось за последние 1-2 года.

II

Сегодня и в перспективе ведущими проблемами в исследовательской работе института должны стать:

1) проблемы укрепления государственности и суверенитета республики, теория и практика этого процесса, их международные и внутренние аспекты, анализ государственных, общественных структур и факторов, их обеспечивающих;

2) проблемы конституционной и правовой реформы в Казахстане, направленной на создание законодательных основ

экономики переходного периода и гражданского общества, режимы законности в государственных, экономических и общественных структурах;

3) проблемы теории и практики правового регулирования отношений собственности и собственников, в особенности ее форм, связанных с формированием упорядоченной рыночной экономики и класса цивилизованных предпринимателей;

4) проблемы комплексной борьбы с преступностью и криминализацией общества, ее законодательные и государственно-организационные аспекты.

Для того чтобы организовать и развернуть исследования по указанным актуальным проблемам, государственно-правовой науке нужно кадровое и материально-финансовое укрепление института, усиление его контактов и связей с республиканскими и международными центрами и организациями.

Академик С. Зиманов.

5.2. Размышления о роли правовой науки в условиях перестройки и Институт государства и права

В первые годы приобретения республикой государственной независимости, особенно начиная с формирования и работы первого ее Парламента (Верховного Совета), с введением должности Президента республики (20.04.1990 г.) политическая жизнь страны активизировалась и наполнилась новым содержанием. Эйфория и воодушевление основной массы народа на глазах превращались в основную силу, определяющую будущее республики. Несмотря на сопротивление сторонников просоветской части депутатов были приняты Верховным Советом (Парламентом) весьма важные конституционные акты «Декларация о государственном суверенитете Казахской ССР» (25 октября 1990 г.), «Конституционный закон о государственной независимости республики» (16 декабря 1991 г.). Начала работать конституционная комиссия по подготовке первой Конституции республики, которая впоследствии была принята 28 января 1993 года.

Сама по себе организация Института государства и права в структуре Академии наук была вызвана в первую очередь новым расширяющимся полем законодательной деятельности Верховного Совета. Надо было институту работать на этом поле и вместе с тем самому совершенствоваться, чтобы работать эффективно в условиях, отличных от времен партийно-советской власти. Именно исходя из этой задачи института, я будучи не только его почетным директором, но и депутатом Парламента и фактически ответственным лицом за успехи и неудачи института, 10 октября 1992 года на заседании ученого совета Институт государства и права сделал научный доклад «О роли права и правовой науки в условиях политики перестройки в республике». При этом я исходил из общенаучной установки о том, что «теория есть лучшая практика».

В нем попытался оценить состояние правовой науки и определить ее задачи в годы перестройки общественно-политической структуры республики в русле требований переходного периода от социализма к капитализму, от риторики о правах и свободе человека к их реальному обеспечению. Ниже излагаю

содержание этого доклада, думаю, что идеи и мысли, изложенные в нем, не потеряли значение, возможно, актуальности и сегодня:

1. В Казахстане с приобретением государственной независимости наступил более сложный этап развития. Он связан не только с тем, что этап является новым и приходится перестраиваться во всем: в экономике, социальной сфере и в политической организации общества. Главная трудность заключается в том, что республика не имела ни подготовки, ни опыта, ни знания для решения масштабной задачи на пути революционного обновления общества на совершенно новых началах в специфических условиях Казахстана. В такой ситуации мы оказались не одни, было немало стран и народов, переживших и прошедших такие периоды. Знание и освоение их опыта, его разумное использование в условиях нашей республики являются одним из условий успешного проведения политики перестройки.

На начальном этапе перестройки необходимо одновременно решать задачи в двух главных взаимосвязанных долгосрочных направлениях – демократизации и реформе экономики, по силе и размаху носящих преобразующий характер. Задача и роль права в этих условиях в общем-то обозначены: перевести политику перестройки на язык общеобязательных норм в той мере, в какой оптимально возможно, с той целью, чтобы как можно быстрее преодолеть обстановку неопределенности, выжидательности, развенчанности – этих неизбежных спутников переходного этапа и создать ситуацию отрегулированности связей и отношений людей в стране, в ключевых ее направлениях и сферах. Предстояло принять новые по содержанию законодательные акты в русле перестройки, в основном относящиеся к сфере экономики. Надо было создать сеть конкретных, работающих правовых норм, аккумулировать в специфической казахстанской среде правовые нормативы, опыты проведенных и проводимых в других странах широких экономических и политических реформ, экспериментов, годных для применения в условиях нашей республики.

Непременным условием эффективного правового обеспечения перестройки является отказ от традиционного взгляда, по

которому «жизнь права в правовых нормах» что означает сведение права к нормам. Он должен был быть заменен формулой «жизнь права начинается с правовых норм» и преследовать цель - служение народу, обществу.

На этапе правового регулирования сфер общественной жизни наиболее сложной и трудной, в то же время неотложной и приоритетной является проблема демократизации, сфер власти и управления, наиболее отсталой и запущенной области. Если она раньше была повернута главным образом в сферы социальных отношений, то теперь она в той же мере должна широко охватывать и сферы политических и управленческих отношений – утверждать и гарантировать самоуправление и свободу инициатив, свободу самовыражения и гражданской полноценности личности.

При непосредственном приближении к решению указанных вопросов в повестку дня встают некоторые общие, но специфические вопросы правового регулирования, без осмысления которых существует сознаваемый риск узкого практицизма.

В правовой науке, а также на практике важно осмыслить и определить вначале «целевую стратегию» собственно правового строительства в условиях перестройки и подчиненную ее основным задачам, т. е. какая политико-правовая ситуация может дать простор и максимально обеспечить осуществление ее целей. Задаче перестройки в наибольшей степени отвечало бы принятие концепции правового государства. Однако вряд ли сегодня мы готовы ее принять, хотя считаю ее неминуемым этапом развития для подлинно демократического государства, основанного на институтах гражданского общества, для этого нужна определенная подготовка и время для серьезной переориентации.

Возникает и один важный методологический вопрос. Одно дело свести роль права к нормативно-правовому обеспечению перестройки, как это понимают многие ученые и практики. Это совершенно необходимо, но, на мой взгляд, это вместе с тем недостаточно в плане использования огромного внутреннего потенциала права. Я считаю, что есть еще другой подход, обогащающий первый и способный «осовременить» его. Он основан на тезисе о том, что право, как и идеи и идеология, как

их разновидность, в определенных случаях должно иметь первенство перед теми реальными общественными отношениями, в том числе и экономическими, которые являются предметной сферой, подлежащей нормативно-правовому регулированию.

Правовые нормы, если они действительно выражают правовую политику адекватно условиям перестройки, должны играть не только регулятивную роль со значительными элементами статичности и пассивности, сколько активно-стимулирующую и преобразующую роль в сфере общественной жизни.

Представляется, что на этапе перестройки право должно решать задачу «минимум», которая заключается в следующем: а) перестроиться самому праву, и законодателю, и ученым-юристам, призванным разрабатывать проблемы правового регулирования сфер общественной жизни в новых условиях, б) одновременно безотлагательно перевести на рельсы законности деятельность в первую очередь властно-управленческих структур, затем и хозяйственных учреждений путем закрепления их статуса и основных сфер деятельности, а также полномочий в правовых нормативах, не стесняя при этом экономические методы управления и экономические нормативы, в) создать методами правового воздействия и обеспечения государственно-правовых гарантий, стимулирующих обстановку для широкого проявления активности личности, г) работать в направлении создания теоретической и практической предпосылок для принятия концепции правового государства в перспективе.

2. Перестройка нужна и необходима в самой юридической науке и в практике правового регулирования общественных отношений. Она напрашивается с большой настойчивостью и созрела во всех отношениях. Суть правовых воздействий на реформы, по моему убеждению, заключается не в том, чтобы усовершенствовать или углублять формы и методы нормативно-правового вмешательства в различные сферы общественных отношений и устанавливать какие-то пределы действия правовых нормативов в зависимости от характера регулируемых ими жизненных явлений. Предназначение права заключается не только в том, чтобы использовать возможности права и

весь арсенал юридических средств в интересах происходящей в экономике и в управлении перестройки, – это, разумеется, важно. Все же при этом остается за скобкой главный объект правового «облагораживания».

Главное в перестройке права, правового мышления и правовой практики на современном этапе состоит в том, чтобы в ее центре непременно находился человек как источник и начало сути и методов правового регулирования общественных отношений. Человек, взятый с его многообразием интересов и свободой самоутверждения как активной общественной силы, как феномен, от которого исходит и в котором завершается вся общественная практика, как единство социального и биологического. Не вещи, не законодательные акты, не органы, в том числе и вновь создаваемые, и не правовые отношения, в которых человек с его поведением рассматривается как объект воздействия или в лучшем случае действующими в них субъектами, т. е. не отношения без человека или с человеком, оттесненным на второй план, являются главными в перестройке. Многие существенные недостатки в юридической сфере главным образом связаны с тем, что человек как бы занимает в ней подчиненное положение. До тех пор, пока человек с его богатством мысли и интересами как основная общественная сила и определяющий фактор цивилизации и прогресса общества не будет занимать центральное место в правовых установлениях или это признается лишь декоративно без достаточного воплощения в реальную правовую жизнь, трудно и невозможно рассчитывать на значительные успехи и в демократизации сфер общественной жизни и перестройки в экономике.

Если быть откровенным, то следует признать, что основной порок ужесточения административной и уголовной ответственности, криминализация ряда правонарушений (т. е. отнесения их к преступлениям), стремление зарегулировать правовыми нормами все просторы социальных и экономических отношений, выдвигание чуть ли не на первый план нормативно-правовой, законодательной деятельности, особенно характерных в последние постсоветские годы, нарушение законности, административно-авторитарных и бюрократических методов в

управлении, получивших, прямо скажем, довольно широкое распространение, являются результатом «забвения» или оттирания человека на задний план.

Такие высокие принципы и нравственные нормы, как социальная справедливость и гуманизм, свобода и самоутверждение личности, ее всестороннее развитие, которые были завещаны поколениям, полную силу проявления получают только тогда, когда в центре всей политики и интересов общественного развития будет находиться сам человек с его общественно-практической деятельностью. С практической стороны перестройка в юридической сфере, основанная на принципе «главное – человек», должна включать следующие компоненты: а) заново осмыслить и пересмотреть круг социальных и политических прав и обязанностей личности в условиях рыночной экономики и капитализации в сторону их решения в единстве, расширения и придания им обязательной жизненной силы путем закрепления в конституционных законодательствах; б) разработать систему надежного и работающего механизма, гарантирующего проведение в жизнь предписаний законов в области социальных и политических прав личности. Тут одних юридических гарантий, как показала практика, явно недостаточно. И я не могу согласиться с высказываниями отдельных ученых-юристов, уповающих на мощь юридических средств, в том числе и органов социальной юрисдикции. Нужна система политико-правовых гарантий, т. е. такой механизм, который включал бы и государственную политику (возведение охраны прав и свобод граждан на уровень большой государственной политики), и обязанность и ответственность государственных, хозяйственных органов за обеспечение исполнения закона; в) более точный учет соотношения экономических и правовых нормативов, социально-нравственных и политико-правовых норм, действующих или должных действовать в различных областях общественной жизни с тем, чтобы не стеснять производственную, общественную и личную активность труженика и гражданина, создавать условия и обстановку для проявления их творческой силы и саморазвития. С этой позиции желательно реформировать содержание и структуру, институты и отрасли правовой системы.

3. Перестройка в юридической сфере также должна заключаться в перенесении центра внимания на реализацию установленных законов, на ее эффективность, оцениваемую по конечным социальным (не столько правовым) результатам. Существенный недостаток современного правового мышления заключается и в том, что «нормативизм» является главным критерием оценки эффективности правового регулирования, т. е. действие правовых норм оценивается по количеству возникающих конкретных правовых отношений безотносительно от их социального результата и ценности в реальной жизни. До настоящего времени много и очень много говорили о принятии новых законов, и создавалось впечатление, что оно – главное направление в правовой жизни. Это, разумеется, важная и нужная область деятельности. Но она – не главная линия перестройки самой жизни и перестройки в правовой науке.

Нельзя добиваться усиления роли и эффективности законов в жизни общества путем принятия новых законов, т. е. путем беспрестанного умножения числа принимаемых законодательных актов. Тщетны старания обеспечить оптимальное функционирование правовых норм и добиваться от них конечного желаемого результата, предусмотренного этими нормами и потенциально заложенного в них, только правовыми средствами или механизмом правового регулирования, запичканным теми же правовыми средствами. Надо пересмотреть ходячие формулы «эффективность действия правовых норм заложена в них самих», т. е. якобы стоит только расшевелить, привести в движение этот правовой потенциал, чтобы пожинать плоды эффективности. Тут правовые средства абсолютизируются.

Право становится мощным средством регулирования конкретных областей общественных отношений под углом зрения получения желаемого результата только тогда, когда оно включается в процесс жизнедеятельности общества с использованием государственно-властных, идеологических и организационных средств. Исполнение предписаний правовых норм должно стать политикой и обязанностью всех без исключения органов, в том числе государственных, общественных организаций и коллективов.

4. Гласность по отношению к законам не есть только их принятие компетентными органами, обнародование и доведение их до населения. Гласность принятия законодательных актов предполагает признание их публичного значения, что означает сопоставление мнений, рассмотрение их вариантов и выбор лучших из них посредством открытого доказывания. Нынешняя преимущественная практика принятия законов в законодательных актах Парламентом без серьезного и тщательного обсуждения не служит делу усиления престижа законов.

Если быть откровенным, депутаты нашего молодого Парламента еще не привыкли и не всегда могут по возвращении с сессии рассказать своим избирателям о принятых на ней законах, особенно если они не относятся к их профессиональной деятельности. Нужен более совершенный регламент принятия законов в Верховном Совете, предусматривающий широкую гласность обсуждения их по существу и предусматривающий определенную подготовку депутатов в этом плане.

Важное условие возвышения авторитета законов состоит в том, чтобы исполнение стало политикой и повседневным делом в первую очередь исполнительных органов сверху донизу. Мне не раз в недавнем прошлом в годы до распада СССР приходилось слышать на заседаниях в партийных органах реплику руководителя: «Это вам не профсоюзное собрание говорить о законах» или «Не путайте партийные органы с судами, где можно говорить о законах». Такие суждения почти сводят на нет все усилия, направленные на укрепление законности.

5. При законодательном регулировании расширения и развития демократии, самоуправления и гласности следует иметь в виду, что они сами по себе не могут быть абсолютизированы и подчинены каким-то внутренним законам, не выходящим за пределы их собственного структурного содержания. Следует исходить из основополагающих и общих принципов, определяющих их суть и назначение, а также единство их внутренней логики и связей. Это означает, что решение их (как теоретическое, так и практическое) должно идти не от позиции сугубо экономических социально-политических задач, решаемых на данном этапе развития общества, даже не от перестройки,

и через них к человеку, а, наоборот, надо идти от человека к перестройке. В этом плане желательно осуществлять и пересмотр старых, действующих актов, и принятие новых целевых и комплексных актов, включающих и затрагивающих указанные вопросы.

6. В число правоохранительных органов, в деятельности которых особо важное значение имеет неукоснительное соблюдение законности по каждому делу, применительно к каждому человеку, учитывая уроки прошлого, следует включить и органы Комитета государственной безопасности.

Необходимо осуществить комплекс важных организационных и конструктивных мер и преобразований, чтобы, во-первых, создать реальные условия для неукоснительного соблюдения и укрепления законности в деятельности правоохранительных органов, и, во-вторых, чтобы их деятельность проходила под контролем и на виду общественности.

Эти органы наделены широкими полномочиями рассматривать и решать ситуации и судьбы людей властными методами, включая и вопросы ограничения свободы. Значение этих органов в системе демократии и гласности, а также охраны интересов общества и государства архиважно. Именно в их деятельности наиболее рельефно и остро выступает ценность декларации и реальности. Люди с обыденным сознанием во многом судят о порядках в обществе, в зависимости от работы правоохранительных органов.

Для меня очевидно, что первостепенным вопросом является обеспечение независимости судов, как это предусмотрено и старой Советской Конституцией и новыми законами. На практике этот краеугольный принцип законности часто нарушается. Особенно при рассмотрении уголовных дел. Способы прямого и косвенного вмешательства в судебную деятельность разные. Приведу наиболее распространенные формы: доведение до сведения судей об определенной заинтересованности по делу ответработников; широко распространены доклады и получение указаний, разговор властного руководителя, зав. отделом адм. органов с глазу на глаз с судьей и «советы» с их стороны; «проработка» судей и судебных органов в порядке субординации и контроля; местная конъюктура – наиболее влиятельная

сила («усилить борьбу», «устроить показательное наказание», «искоренить этот вид вредительства или преступлений» и т. д.); проявление заинтересованности в делах следственных и судебных органов вопреки интересам истины.

Официальные заявления руководителей и руководящих органов о привлечении к уголовной ответственности таких-то лиц, сделанные ими в порядке ответов на критические выступления в печати, связывают по рукам и ногам судей при рассмотрении этих дел. Тут уже срabатывает сугубо обвинительный уклон. «Недисциплинированные» судьи практически не имеют перспективы.

Что нужно для того, чтобы укрепить независимость судей:

- а) я согласен с предложением о необходимости принятия специального закона об ответственности должностных лиц за вмешательство в деятельность судебных органов;
- б) закрепить участие народных заседателей в суде, введенное в советское время, увеличить их число в суде по уголовным делам до шести человек и повысить их ответственность и подготовку;
- в) ввести в практику приглашение судей, иногда и народных заседателей из других административных регионов, свободных от местного давления, для рассмотрения конкретных уголовных дел по ходатайству заинтересованных сторон или по инициативе органов юстиции;
- г) желательно учредить новую инстанцию – административный суд в областях и республике, в функцию которого входило бы и рассмотрение дел о судебных работниках, об их ответственности за заведомо тенденциозные судебные решения, а также постановка вопроса об отзыве судей и судебных заседателей.

7. Процесс демократизации и внедрения гласности в правоохранительных органах на сегодня происходит во многом формально, больше под шумиху, не подкрепленную конкретными делами. При таком положении трудно рассчитывать на коренное улучшение их деятельности. Следовало бы в этом плане подумать и обсудить следующие практические вопросы перестройки в системе правоохранительных органов: а) отделение следственного аппарата от органов прокуратуры и МВД и передача его в ведение Министерства юстиции или другие варианты, направленные на устранение ненормального

положения, когда прокуратура проводит следствие и прокурор выступает государственным обвинителем по этим же уголовным делам. При таком положении мало остается места для беспристрастного, объективного ведения дела; б) допущение адвокатов к материалам следствия с начала возбуждения дела, а не на завершающей стадии следственного разбирательства, как это принято сегодня; в) закрепление за местными представительными органами права ведения параллельного следствия по некоторым категориям дел с привлечением представителей трудовых коллективов и научных учреждений; г) создание на основе корпоративной деятельности и хозрасчетных объединений центров, клубов для правового обслуживания населения, защиты и удовлетворения их правовых интересов.

Было бы близорукостью полагаться только на организационно-структурные изменения в системе правоохранительных органов, хотя они необходимы для улучшения перестройки их деятельности в новых условиях. Я считаю, что одним из действенных каналов в этой части должно стать усиление роли науки в этих органах, в содержании их повседневной работы. Узкий практицизм, характерный сегодня для этих органов, должен уступить место более широкому подходу. Приверженность к административным методам и к защите интересов своей «системы» должна быть заменена приверженностью к социальной справедливости, гуманизму, демократии – к защите интересов народа. Все это требует более глубокого мышления и научно-обоснованного метода деятельности. Правоохранительные органы не только должны быть постоянно связаны с наукой, с научными учреждениями, но на ответственных постах должны работать больше кандидатов и докторов наук. Здесь, к сожалению, практика пока развивается в обратном направлении.

Мне представляется, что само название «правоохранительные органы» уже устарело, не соответствует новым условиям. Под маркой именно охраны законов эти органы часто нарушали их и действовали вопреки их установлениям и этим в ряде случаев дискредитировали эти законы. Органы суда, прокуратуры, МВД желательно впредь именовать «органами

законности», что передает как цели их деятельности, так и требования к ней.

8. Нужна перестройка и в системе юридического образования в стране. На сегодня кадры специалистов с высшим юридическим образованием готовятся в трех формах школ: в университетах, в юридических институтах и высших школах МВД. Их существование в целом оправдано. Однако в программах, методах и ориентации подготовки студентов в территориальном распределении вузов имеются существенные недостатки. Я не берусь судить о высших школах МВД. Я работал в юридическом институте и в университете, больше связан с ними и могу поделиться своим мнением о них.

Подготовка юристов в университетах, берусь судить, не отвечает возросшим требованиям. Не случайно, что практические органы, как правило, охотно берут на работу молодых специалистов, окончивших институты, нежели университеты. Это досадный факт. И причин тут много, главные из них: 1) юридический факультет в структуре университета считается второстепенным. Критическое отношение со стороны представителей технических и естественных наук учреждениям юстиции, становящееся заметным, повсеместно отражается на отношении в подготовке юристов в университете. Распространено мнение, что юридическая наука – не наука, а конъюнктурная дисциплина, не имеющая своих законов и логики. Отсюда и невнимание к качеству подготовки специалистов-юристов; 2) юридические факультеты довольно часто плохо оснащены современными техническими средствами, которые применяются и должны использоваться в практической деятельности правоохранительных органов, кроме имеющихся допотопных и простейших приборов в кабинетах криминалистики, почти больше ничего нет. Вот и получается, что специалисты с дипломом университета, придя на практическую работу, не имеют никакого представления о современных оперативных, розыскных и других технико-организационных средствах борьбы с правонарушениями и преступлениями с вытекающими отсюда последствиями; 3) главный недостаток заключается в отсутствии ясной ориентированности в подготовке специалистов-юристов в университетах. Учебные программы

и планы юридических факультетов и институтов почти ничем не отличаются. Я убежден, что университеты должны готовить специалистов с широким кругозором в методологическом и теоретическом плане, образованных, умеющих сочетать теоретическое и практическое знание, обладающих научной логикой суждения и познания. В этом они должны отличаться от выпускников других высших юридических школ. Тогда положение и отношение к ним резко изменятся. Таких специалистов нельзя готовить в массовом плане, надо ограничить ежегодный прием. В 1987 году в Казахской ССР на первые курсы были зачислены: в Казахский университет – 230, Карагандинский – 150, в высшую школу МВД – 200 человек. Почти столько же на заочные отделения. Через пять лет резко увеличилось число официальных и неофициальных вузов с юридическими факультетами и студентов в них увеличились почти в десять раз. Это нельзя считать нормальным. Юристов нельзя готовить поточным методом.

9. Не привив юридическую культуру должностным лицам, а в первую очередь работающим в исполнительно-распорядительных и правоохранительных органах, трудно добиться перелома в соблюдении и укреплении законности. Примеры должны идти от них. Зайдешь на территорию, в цехах промышленных предприятий полно лозунгов, призывов и экономических расчетов, оформленных крупным планом, но ни слова, ни рекламы отдельных положений и норм из законов, имеющих прямое отношение к деятельности коллектива. Это характеризует наше отношение к воспитанию уважения к законам, к делу подъема правовой культуры населения. Нет фундаментальной правовой агитации. В древности, в средние века и в более позднее время при входе в город, на главных магистралях, на фасаде учреждений юстиции и в других местах на камне, на дереве и т. д. наносились и чеканились отдельные правовые нормы и изречения о справедливости и законах. Они имели большое наглядное значение в подъеме как правовой культуры населения, так и в превращении правовой политики в его внутреннее убеждение. Такую фундаментальную агитацию можно осовременить и ввести в практику республики.

Институт государства и права имеет свою историю и определенный опыт ведения исследовательской работы, накопленный в годы Советской власти. Тогда правовая наука находилась под властью официальной идеологии, однако при всем этом сам исследовательский метод, связанный с восхождением от предметных событий изучения к теоретическому обобщению и наоборот, от абстракции к практической реальности, не потерял познавательной цельности. Опираясь на труды предыдущих поколений ученых-юристов, Институт государства и права, надо полагать и надяться, внесет определенный вклад в правовое строительство независимой Республики Казахстан.

5.3. О дальнейшей судьбе Научно-исследовательского института государства и права

В постсоветский период эйфория, связанная с провозглашением государственной независимости республики, на ее начальном этапе сменилась серьезными кризисными ситуациями, охватившими и экономику, и социальную сферу и политическую систему страны (Парламент дважды был распущен – в 1993 и 1995 годах). Вдобавок к тому в переходный от социализма к капитализму период было допущено немало серьезных ошибок. Одной из них было упразднение Национальной академии наук республики как якобы «анахронизма», оставленного советской властью. Она в 1996 году была упразднена и присоединена к Министерству науки и новых технологий. Новое объединенное республиканское учреждение стало называться Министерством науки и Академия наук Республики Казахстан, а его первый руководитель – министром науки и президентом Академии наук Республики Казахстан. Все исследовательские институты, ранее входившие в структуру Академии наук, были выведены из ее состава и переподчинены непосредственно министерству и его аппарату. Эту участь разделил и Институт государства и права, ставший подчиненным подразделением министерства.

Институт государства и права к середине 90-х годов XX века представлял собой крупный исследовательский центр, более или менее адаптированный к новым условиям и государственно-правовым проблемам независимой Республики Казахстан. В нем работали все пять членов Национальной академии наук (С.З. Зиманов, М.Т. Баймаханов, Г.С. Сапарғалиев, А.Е. Еренов, М.К. Сулейменов), вместе с ними – восемь докторов наук и более 30 кандидатов наук. Ученые принимали довольно активное участие в рабочих группах и комиссиях, созданных при министерствах и Парламенте по разработке моделей и проектов законодательных актов, выступали с инициативными предложениями об укреплении законности и правопорядка, о создании демократических институтов гражданского общества в нелегких условиях переходного периода.

Разруха и трудности переходного периода, порою и ошибочное толкование сути и природы свободной рыночной экономики, когда приписывали ей саморегулирующую роль в экономике и в других сферах жизни общества, сужали сферы науки и мало оставляли места для науки, в том числе и для правовой науки. Распространившееся во властных структурах мнение о том, что «лучше купить новую технологию за границей, чем разрабатывать у себя, что стоит гораздо дороже» или «надо развивать науку в первую очередь в вузах, а академические исследовательские институты следует передать им», нанесло серьезный ущерб научному потенциалу государства. Институт государства и права испытывал на себе отрицательные последствия таких нездоровых суждений, отразившихся в правительственной политике страны.

Постановлением Правительства «О некоторых мерах по интеграции науки и образования Республики Казахстан» от 14 февраля 2000 года Институт государства и права АН РК был передан Казахскому государственному юридическому университету и с этого момента стал структурным подразделением последнего. Это было сделано по прямому указанию главы государства Н.А. Назарбаева, к которому с такой просьбой обратился Н.А. Шайкенов, ректор университета, ранее работавший в Правительстве вице-премьером и министром юстиции. С этого дня я перестал быть почетным директором Института государства и права, оставил и заведование отделом, всецело переключился на педагогическую работу, перешел в неправительственное высшее юридическое учебное заведение – в Казахский академический университет, одним из его учредителей и ректором которого одновременно являлся. Вскоре Государственный юридический институт каким-то образом подвергся приватизации, стал частным акционерным обществом, изменил название на Алматинскую юридическую академию. Дело этим не кончилось: это высшее юридическое учебное заведение было преобразовано в филиал Казахского гуманитарно-юридического университета, созданного в Астане, и 2006 году во время кампании по сокращению числа вузов она – Алматинская юридическая академия с контингентом около десяти тысяч обучающихся студентов, была ликвидирована.

Ей оставили право в течение двух лет доучить числившихся студентов.

Все эти «преобразования» в конце концов привели почти к полной потере накопленного в прежние годы научного потенциала и престижа Института государства и права как серьезного когда-то исследовательского центра государственно-правовых проблем республики. Институт одичал, в полном смысле оказался беспризорным и ненужным ни Гуманитарно-юридическому университету, в штате которого числится, ни Алматинской юридической академии, которая самоупразднилась. От Института государства и права на 1 января 2008 года, можно сказать, осталось одно название, «функционирует» со штатом около десяти человек научного и вспомогательного персонала, в том числе два кандидата наук (кроме директора), в ожидании последнего рокового часа.

СОДЕРЖАНИЕ

КАЗАХСКИЙ СУД БИЕВ - УНИКАЛЬНАЯ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА	3
«БИЙ ЕСТЬ ЖИВАЯ ЛЕТОПИСЬ НАРОДА, ЮРИСТ И ЗАКОНОВЕД ЕГО».....	4
КАЗАХСКИЙ СУД БИЕВ – ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ	18
БЫЛ ЛИ «ЗОЛОТОЙ ВЕК» ПРАВОСУДИЯ НА ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛЕ КАЗАХОВ?.....	40
ДЕСЯТЬ ОБРАЗЦОВ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ БИЕВ.....	52
АБАЙ – ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ВЕЛИКИХ КАЗАХСКИХ БИЕВ И ЕГО СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ.....	74
ОБОЗРЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАХСКИХ ХАНОВ	89
1. Об истоках и источниках казахского права («Жарғы»).....	89
2. Государственная политика и законы Касым хана.....	94
3. «Уложение-наследие Есим хана» – «Есім ханның ескі жолы»	115
О КАЗАХСКОМ ПРАВЕ «ЖАРҒЫ»	121
1. К истории открытия «Золотого века» в казахском праве «Жарғы».....	124
2. Об особенностях сложения казахского права «Жарғы».....	128
3. Суд биев – символ казахского права «Жарғы».....	132

К ОЦЕНКЕ КАЗАХСКОГО ПРАВА В ИСТОРИИ МЫСЛИ	142
СУД БИЕВ В ПРОШЛОМ БЫЛ НАРОДНЫМ, А ТЕПЕРЬ СТАЛ АППАРАТНЫМ – ТАКОВ ОСНОВНОЙ МОТИВ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ	157
ОБРАЗЫ БИЕВ-СУДЕЙ И ПРАВОСУДИЯ В КАЗАХИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	170
КАЗАХСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ НАУКА	182
ПРЕДИСЛОВИЕ	183
ГЛАВА I КАЗАХСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: ОПЫТ И УРОКИ	186
1. От Академического правового учебного института «Парасат» к Казахскому академическому университету.....	186
2. Меры, способствующие становлению университета как престижного высшего юридического учебного заведения (документы)	225
ГЛАВА II КАЗАХСКИЙ СУД БИЕВ – ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ	264
2.1. Древний мир права казахов и его истоки.....	269
2.2. Существовал ли «Золотой век» порядка и правосудия на древней земле казахов?	289
2.3. «Адал би – әділ би» – «Воспитанный в честности би – справедливый би-судья».....	301

2.4. Три законодателя и легенды века.....	321
2.5. Казахский суд биев – общекультурная ценность	331
ГЛАВА III	
ВЫСШИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА	354
3.1. Алма-Атинский государственный юридический институт - первенец высшего юридического образования в Казахстане.....	354
3.2. Казахский государственный юридический институт – второе высшее юридическое учебное заведение.....	372
3.3. Размышления о некоторых аспектах высшего юридического образования	383
3.4. Записка Президенту Республики Казахстан Н.А. Назарбаеву о создании Государственной правовой академии (от 15 сентября 1998 года)	398
ГЛАВА IV	
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА АКАДЕМИИ НАУК КазССР - КРУПНЫЙ ЦЕНТР ФИЛОСОФСКИХ И ПРАВОВЫХ НАУК НА ВОСТОКЕ СССР.....	401
4.1. Предыстория Института философии и права	401
4.2. Формирование в институте перспективных и оригинальных научных направлений	410
4.3. Посещение института ведущими учеными-юристами и философами Академии наук КазССР.....	424
4.4. «Смутное время» в истории жизни Института философии и права.....	430

ГЛАВА V	
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	
АКАДЕМИИ НАУК И ЕГО СУДЬБА.....	455
5.1. Организация Института государства и права	
АН Казахской ССР в документах и материалах.....	456
5.2. Размышления о роли правовой науки в условиях	
перестройки и Институт государства и права	474
5.3. О дальнейшей судьбе научно-исследовательского	
института государства и права	488

Салык Зиманов: Полное собрание сочинений. 10 томов.
Алматы. «Медиа-корпорация «ЗАҢ», 2009. X том. - 496 стр.

Руководитель проекта:
Сафинов К.Б., проф., д.ю.н.

Руководитель редакционной коллегии:
Майлыбаев Б.А., д.ю.н.

Члены редакционной коллегии:
Раимханов М.С.
Сембеков М.М.
Мухамбедьярова А.Т.
Толегенов К.Ж.

Корректор Байсеитова Б.З.

ТОО «Медиа-корпорация «ЗАҢ», г. Алматы,
ул. Х. Досмухамедова, 686, (уг. ул. Карасай батыра),
тел. 8 (727) 292-43-43, факс 8 (727) 292-79-61
e-mail: info@zanmedia.kz
www.zanmedia.kz

Подписано в печать
Формат 60x90 /16 . Гарнитура Times New Roman KZ.
Печат офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ № 051

Отпечатано в типографии ТОО «Алан-2030»
при содействии типографии ТОО «Медиа-корпорация «ЗАҢ»

